ИСТОРИЧЕСКАЯ КОМИССІЯ УЧЕБНАГО ОТДѢЛА

О. Р. Т. З.

Редакція А. К. ДЖИВЕЛЕГОВА, С. П. МЕЛЬГУНОВА,
В. И. ПИЧЕТА.

1812 - 1912

ЮБИЛЕЙНОЕ ИЗДАНІЕ.

Томъ IV.

ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

В. П. Алексѣевъ, С. Ан—скій (Рапопортъ), ген. А. Н. Апухтинъ, П. А. Берлинъ, В. Я. Богучарскій, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, В. Н. Бочкаревъ, Н. Л. Бродскій, прив.-доц. В. А. Бутенко, прив.-доц. Н. П. Василенко, А. М. Васютинскій, полк. Н. П. Вишняковъ, К. А. Военскій, В. П. Волгинъ, Л. И. Гальберштадтъ, прив.-доц. Ю. В. Готье, проф. И. М. Громогласовъ, А. К. Дживелеговъ, проф. М. В. Довнаръ - Запольскій, Е. А. Ефимова, Д. А. Жариновъ, проф. И. И. Замотинъ, И. Н. Игнатовъ, А. К. Кабановъ, В. В. Каллашъ, проф. Н. И. Карѣевъ, И. М. Катаевъ, прив.-доц М. В. Клочковъ, С. А. Князьковъ, подп. А. А. Кожевниковъ, Л. С. Козловскій, П. Н. Колокольниковъ, проф. ген. Б. М. Колюбакинъ, проф. бар С. А. Корфъ, К. С. Кузьминскій, прив.-доц. І. М. Кулишеръ, С. Г. Лозинскій, проф. И. В. Лучицкій, проф. полк. А. С. Лыкошинъ, проф. М. К. Любавскій, С. П. Мельгуновъ, Н. М. Мендельсонъ, проф. ген. Н. П. Михневичъ, В. Н. Перцовъ, В. И. Пичета, проф. А. Л. Погодинъ, К. В. Покровскій, проф. М. А. Рейснеръ, проф. М. Н. Розановъ, кап. А. А. Рябининъ, И. С. Рябининъ, В. И. Семевскій, К. В. Сивковъ, Н. П. Сидоровъ, полк. Д. П. Струковъ, проф. Е. В. Тарле, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, В. Я. Улановъ, В. В. Филатовъ, И. М. Херасковъ, прив.-доц. С. К. Шамбинаго, П. Е. Щеголевъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, подполк. В. П. Ѳедоровъ и др.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д
Москва. — 1912.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

IV и V томы, въ которыхъ сосредоточено описаніе наиболѣе горячихъ мѣсяцевъ войны, представляли и наиболѣе значительныя трудности по пріисканію иллюстрацій. Редакціи неоднократно приходилось обращаться къ общественнымъ хранилищамъ и частнымъ коллекціонерамъ для пополненія своего иллюстративнаго матеріала, и она считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность ген. В. А. Петрову за любезное разрѣшеніе пользоваться коллекціями Музея 1812 года, завѣдующему рукописнымъ отдѣленіемъ Румянцевскаго музея Г П. Георгіевскому и П. Е. Щеголеву.

Статья объ ополченіяхъ въ 1812 году перенесена редакціей въ V томъ.

Оглавленіе IV тома.

Стр.

Второй періодъ войны.

Москва при французахъ.

Третій періодъ войны.

М. И. Кутузовъ.

ВТОРОЙ ПЕРІОДЪ ВОЙНЫ.

I. М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.

С. А. Князькова.

Вѣчное отступленіе отъ Нѣмана и Вильны до Смоленска и дальше раздражало войско, и отъ Смоленска наша армія отходила въ очень удрученномъ состояніи. Что мы побѣждены и разбиты — этого ощущенія не было: напротивъ, многія отдѣльныя столкновенія съ французами заканчивались счастливо для насъ, но такъ какъ основой нашего движенія было отступленіе передъ превосходными силами непріятеля, то мы неизмѣнно одинаково «пятились» и послѣ удачныхъ столкновеній, какъ послѣ неудачныхъ. До Смоленска необходимость отступленія объяснялась для солдатъ и офицеровъ тѣмъ, что разобщенныя наши 1-ая и 2-ая арміи идутъ на соединеніе другъ съ другомъ. Послѣ Смо-

ленска, когда это соединеніе совершилось, и все же обѣ наши арміи послѣ неудачной попытки перейти въ наступленіе, выдержавъ кровопролитный бой подъ Смоленскомъ, снова отступили, въ арміи громко заговорили о неспособности Барклая.

Отступленіе отъ Смоленска и вообще происходило въ очень тяжелыхъ условіяхъ. Походъ по отвратительнымъ дорогамъ, по которымъ часто едва-едва могла пробраться крестьянская телѣга, по холмистой и полной оврагами мѣстности, обильной еще вдобавокъ мелкими рѣчками и ручьями, на которыхъ еле держались мосты, часто разрушавшіеся подъ тяжестью орудій и обозовъ,—такой походъ и самъ по себѣ могъ только раздражать солдатъ, а вѣдь въ данномъ случаѣ армія, кромѣ всѣхъ указанныхъ невзгодъ, отступала и отступала по направленію къ Москвѣ, а по пятамъ, преслѣдуя насъ, шелъ торжествующій непріятель, съ которымъ уже не пытались сколько-нибудь серьезно схватиться послѣ Валутиной. «Войска шли тихо, въ молчаніи, съ растерзаннымъ и озлобленнымъ сердцемъ», разсказываетъ современникъ. Въ обществѣ, въ Петербургѣ и Москвѣ тоже всѣ были недовольны Барклаемъ. «Вездѣ, куда достигали извѣстія изъ арміи, немногіе лишь постигали цѣль отступленія: всѣ же прочіе, видя только его послѣдствія, опустошеніе страны, пожары цвѣтущихъ городовъ и селъ, грабежи и убійства, жаждали рѣшительнаго боя, долженствовавшаго, по ихъ мнѣнію, положить преграду дерзкому нашествію». «Вся Россія, — продолжаетъ историкъ войны 12 года, — оскорбленная вражескимъ нашествіемъ, небывалымъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія, не вѣрила, чтобы такое событіе было возможно безъ измѣны или, по крайней мѣрѣ, безъ непростительныхъ ошибокъ главнаго вождя». Необходимость назначенія общаго надъ всѣми арміями главнокомандующаго становилась все болье очевидной. Въ арміи и въ обществѣ всѣ единогласно называли имя одного человѣка, который, по общему мнѣнію, только одинъ былъ способенъ поправить дѣло и направить его къ благополучному исходу. Всѣ называли, какъ желательнаго главнокомандующаго, стараго екатерининскаго генерала Михаила Иларіоновича Кутузова, только что со славой закончившаго войну съ турками. «Въ Петербургѣ народъ,—разсказываетъ Михайловскій-Данилевскій,—слѣдилъ за каждымъ шагомъ Кутузова, каждое его слово передавалось приверженными ему людьми и дѣлалось извѣстно; въ театрахъ, когда произносились драгоцѣнныя для русскихъ имена Дмитрія Донского и Пожарскаго, взоры всѣхъ были обращены на Кутузова». Самъ онъ, несмотря на свои преклонныя лѣта, не уклонялся отъ участія въ общественныхъ собраніяхъ, навѣщалъ вліятельныхъ лицъ и даже, какъ говорили тогда, старался заслужить благосклонность М. А. Нарышкиной, близкой къ государю особы. Александръ Павловичъ потомъ самъ писалъ своей сестрѣ, что въ Петербургѣ только о томъ и говорятъ, что главнокомандующимъ слѣдуетъ быть Кутузову, и что Ростопчинъ пишетъ изъ Москвы, что и вся Москва желаетъ видѣть во главѣ арміи Кутузова, а Барклая и Багратіона считаетъ просто неспособными для такого отвѣтственнаго поста. С.-петербургское и московское дворянство почти одновременно выбрало М. И. Кутузова начальникомъ мѣстныхъ ополченій. Рѣшеніе вопроса, кому быть главнокомандующимъ, императоръ Александръ поручилъ чрезвычайному комитету, состоявшему

изъ гр. Салтыкова, генерала Вязмитинова, гр. Аракчеева, генерала Балашова, кн. Лопухина и гр. Кочубея. Въ засѣданіи 5 августа комитетъ единогласно постановилъ, что главное начальство надъ всей русской вооруженной силой должно быть вручено генералу-отъ-инфантеріи гр. М. И. Кутузову. 29 іюля Кутузовъ былъ возведенъ въ княжеское достоинство, съ титуломъ свѣтлости.

Михаилъ Иларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ родился въ 1745 г. и въ данное время ему шелъ 78 годъ. За свою долгую жизнь М. И. Кутузовъ прошелъ хорошую военную школу подъ руководствомъ самого Суворова. Онъ былъ умный, способный, широко по тому времени образованный человѣкъ, за долгую жизнь, прожитую не даромъ, хорошо постигшій и людей и тѣ сферы военной, свѣтской дипломатической дѣятельности, гдѣ ему приходилось вращаться и гдѣ онъ всегда былъ и выступалъ замѣтной величиной. Человѣкъ придворный и свѣтскій, Кутузовъ глубоко постигъ одно изъ правилъ этой жизни, гласившее, что языкъ данъ человѣку затѣмъ, чтобы скрывать свои мысли. Обходительный и ловкій, онъ умѣлъ сдѣлать себя необходимымъ при дворѣ Екатерины такъ же, какъ и при дворѣ императора Павла. Императрица Екатерина очень отличала Кутузова и всегда говорила о немъ съ похвалой, называя его «мой Кутузовъ», а императоръ Павелъ, какъ говорятъ, прочилъ Кутузова на должность с.-петербургскаго военнаго губернатора, когда поколебался въ своемъ довѣріи къ Палену. «Куртизанъ», «придворный человѣкъ», «вездѣ уживется», говорили про Кутузова тѣ, кто ему завидовалъ. И тутъ было кое-что справедливаго.

Кн. М. И. Кутузовъ (грав. Кардели).

Всегда себѣ на умѣ, съ хитрецой истаго великорусса, Кутузовъ привыкъ въ своихъ поступкахъ больше дѣйствовать ухваткой и руководиться вдумчивымъ расчетомъ, нежели дѣйствовать на проломъ и рисковать; только это его вѣчное «себѣ на умѣ» не было хитрецой мелкаго человѣка, вытекающей изъ извѣстной трусости: Кутузовъ былъ самъ по себѣ слишкомъ уменъ и крупенъ, слишкомъ хорошо зналъ себѣ цѣну, чтобы быть боязливымъ и трусливымъ въ сношеніяхъ съ людьми, но люди были для него только средствомъ въ достиженіи поставленныхъ имъ себѣ цѣлей личнаго благополучія и возвышенія, поэтому онъ не стѣснялся быть какъ бы двуличнымъ, когда ему это было нужно, хотя въ этой своей всегдашней готовности схитрить онъ все же никогда не переступалъ той границы, когда извѣстнаго рода хитрость можетъ привести человѣка къ поступкамъ мелкимъ и безнравственнымъ. Онъ былъ просто типичный человѣкъ XVIII вѣка, который съ легкой ироніей и насмѣшкой скользилъ надъ общими вопросами морали, не очень задумываясь слукавить и обмануть, когда это

ему было полезно и выгодно, наблюдая только одно, чтобы эта готовность поступить не совсѣмъ согласно съ правилами морали никогда не нарушала то «благородство», которое истый человѣкъ XVIII вѣка считалъ основой житейской порядочности. Исключительный умъ спасалъ Кутузова отъ поступковъ рискованныхъ, могущихъ, какъ говорили въ XVIII вѣкѣ, «ошельмовать» человѣка. Довѣрившись Кутузову, на него можно было положиться; сдѣлавшись его врагомъ, отъ него надо было ждать борьбы, въ которой онъ допускалъ всѣ пріемы—какъ терпимые, такъ и нетерпимые житейской моралью. Человѣкъ ума холоднаго, расчетливаго, умѣющій выжидать и не торопиться, Кутузовъ привыкъ дѣйствовать вдумчиво, осторожно; время и обстоятельства, хитрое и умное пользованіе ими, знаніе людей и искусство управляться съ ними,—все это Кутузовъ примѣнилъ и къ тому дѣлу, которому посвятилъ жизнь, т.-е. къ военному. Изъ него выработался полководецъ умѣлый, знающій свое дѣло, осторожный, но въ осторожности храбрый, не теряющій присутствія духа и спокойствія въ самыя критическія минуты. Зрѣло обдумывалъ онъ каждое свое предпріятіе и, подчиняя строгому, но широкому расчету каждый свой шагъ, онъ умѣлъ достигать тѣхъ цѣлей, которыя себѣ ставилъ, не приближая момента ихъ осуществленія поступками, которые заключали въ себѣ начало риска. На войнѣ онъ предпочиталъ дѣйствовать искусно построенными передвиженіями, утомляя противника безконечными маневрами, сбивая его съ толку, выводя изъ себя. Выжиданіе онъ всегда предпочиталъ рѣшительнымъ эффектнымъ сраженіямъ, въ которыхъ если и бьютъ врага, то теряютъ много и своей силы. «Хитеръ, хитеръ! уменъ, уменъ! Его никто не обманетъ!» говорилъ про Кутузова Суворовъ и поручалъ ему предпріятія, гдѣ нужно было выждать, прежде чѣмъ нанести рѣшительный ударъ. Но когда дѣло созрѣвало, Кутузовъ билъ навѣрняка. Обладая большой личной невозмутимой храбростью, онъ шелъ тогда впереди всѣхъ. За это ему пришлось два раза жестоко поплатиться: одна турецкая пуля ударила его въ високъ и задѣла глазъ, такъ что онъ сталъ потерянъ, а другая, попавъ въ щеку, пронизала ему шею.

«Неужели, дядюшка, вы думаете разбить Наполеона?» неосторожно спросилъ старика его племянникъ передъ самымъ отъѣздомъ стараго генерала къ арміи. «Разбить? нѣтъ,—просто отвѣчалъ Кутузовъ,—но обмануть—да, разсчитываю!» Конечно, Кутузовъ не былъ полководцемъ, равнымъ Наполеону, этому поэту и первостепенному художнику-мастеру войны, но Кутузовъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо зналъ и понималъ практику военнаго дѣла, какъ и его геніальный противникъ. И этимъ онъ былъ ему особенно опасенъ. «Изъ всѣхъ генераловъ, современниковъ Наполеона, развѣ только двое во главѣ армій были достойны помѣриться съ Наполеономъ—это эрцгерцогъ Карлъ (австрійскій) да Веллингтонъ (англійскій генералъ), но осторожный и хитрый Кутузовъ былъ, однако, его самымъ опаснымъ противникомъ», говоритъ одинъ иностранный военный писатель.

Для данной минуты, когда намъ поневолѣ приходилось отступать, медлительная осторожность Кутузова, въ котораго вѣрило войско, была какъ разъ у мѣста. Но потомъ эта осторожность стараго вождя въ соединеніи съ нѣкоторой старческой неподвижностью, болѣзненностью и уста-

лостью сказалась для успѣховъ нашей арміи и съ отрицательной своей стороны: привыкнувъ дѣйствовать съ оглядкой, Кутузовъ часто при отступленіи Наполеона во время преслѣдованія его нашими войсками не находилъ у себя достаточно силъ и рѣшительности для того, чтобы разомъ покончить съ разстроенной французской арміей, и пропустилъ не одинъ удобный къ тому случай, хотя надо сказать, что тутъ вина не всегда была исключительно на его сторонѣ.

„Ген.-фельдм. кн. Голенищевъ-Кутузовъ Смоленскій, принимающій главное начальствованіе въ авг. 1812 г.“ [1]

Императоръ Александръ Павловичъ не любилъ Кутузова и не довѣрялъ ни его военнымъ способностямъ, ни личнымъ свойствамъ, такъ какъ зналъ, что Кутузовъ не признавалъ его военныхъ талантовъ, которыми Александру Павловичу такъ хотѣлось обладать. Человѣкъ екатерининской эпохи и суворовской выучки, Кутузовъ былъ противъ павловской муштры войскъ на прусскій образецъ и рѣзко осуждалъ всякую парадоманію, все то, что такъ по гатчинскимъ воспоминаніямъ любилъ императоръ Александръ. Расходились оба — царь и

[1]) Орлы, парившіе наканунѣ Бородинской битвы надъ головой Кутузова, много занимали вниманіе современниковъ. Нѣкоторые считали это миѳомъ. Къ такимъ относится Ростопчинъ: «по Москвѣ распространился слухъ, что во время осмотра войскъ два орла постоянно парили надъ головой Кутузова, но когда оказалось, что онъ все приближается къ Москвѣ, подобно своему предмѣстнику, то выдумка объ орлахъ была отброшена» («Р. Ст.», 1889, XII, 695). Были и такіе очевидцы, которые заподозрили здѣсь «продѣлку»—орелъ былъ выпущенъ изъ заранѣе приготовленнаго мѣшка: это ободрило многихъ молодыхъ людей (Записки ген. Ковальскаго, «Рус. Вѣст.», 1871, I, 94). Орла видѣли Ѳ. Н. Глинка («Очерки Бородинскаго сраженія», ч. I, 39), Н. Н. Муравьевъ («Р. Арх.» 1881, X, 251) и др. Левенштернъ видѣлъ орла надъ головой Кутузова 5 октября («Р. Ст.», 1901, I, 116), а Муравьевъ слышалъ, что орелъ сопутствовалъ все время церемоніи провода тѣла умершаго Кутузова въ Петербургъ. Историки Отечественной

главнокомандующій даже въ такомъ основномъ вопросѣ, какъ отношеніе къ Наполеону. Въ то время, какъ императоръ Александръ все чаще повторялъ: «Или Наполеонъ или я!» и хотѣлъ полной гибели «корсиканца», Кутузовъ очень сомнѣвался, будетъ ли такъ ужъ выгодно для Россіи рѣшительная гибель Наполеона, полагая, что этой гибелью воспользуются для своей пользы и вовсе не для нашей англичане, австрійцы, пруссаки. Будущее показало, кто былъ болѣе правъ.

Итакъ, Кутузова назначилъ главнокомандующимъ императоръ Александръ вопреки своему желанію. Но выбирать было не изъ кого: Кутузовъ былъ единственнымъ человѣкомъ, относительно военныхъ дарованій котораго ни у кого не было сомнѣнія, и именно его хотѣли видѣть во главѣ арміи всѣ, потому что всѣ въ него вѣрили, какъ въ единственнаго человѣка, который способенъ выручить и войско и отечество въ такую трудную минуту. Императоръ Александръ уполномочилъ Кутузова дѣйствовать въ качествѣ главнокомандующаго во всемъ по его, Кутузова, усмотрѣнію и разумѣнію, какъ Кутузовъ и просилъ. Одно только императоръ Александръ строжайше запретилъ Кутузову—вступать въ какіе-либо переговоры съ Наполеономъ. Кутузовъ со своей стороны вѣрноподданнически просилъ императора довѣриться во всемъ дѣлѣ веденія военныхъ операцій ему, Кутузову, и отказаться отъ личнаго присутствія въ арміи. Императоръ согласился на это. Въ день отъѣзда Кутузова къ арміи, императоръ Александръ сказалъ: «Публика желала назначенія его, я назначилъ его: что касается меня лично, то я умываю руки». Въ письмѣ къ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ императоръ Александръ еще рѣзче подчеркнулъ, что назначилъ Кутузова вопреки своему убѣжденію.

Прощаясь съ государемъ, Кутузовъ увѣрялъ его, что скорѣе ляжетъ костьми, чѣмъ допуститъ непріятеля къ Москвѣ. Пока Смоленскъ былъ въ нашихъ рукахъ, Кутузовъ могъ искренно давать это обѣщаніе. Но на первой станціи по пути изъ Петербурга къ арміи Кутузовъ узналъ, что Смоленскъ оставленъ нами. «Ключи къ Москвѣ потеряны», грустно сказалъ старый полководецъ, когда прочелъ донесеніе о занятіи Наполеономъ Смоленска. Но эти слова, какъ и обѣщаніе лечь костьми, вовсе не означали, что Кутузовъ рѣзко осуждалъ дѣйствія Барклая и готовился круто измѣнить систему дѣйствія противъ Наполеона. Въ кругу близкихъ онъ до отъѣзда изъ Петербурга говорилъ: «До сихъ поръ мы все отступали, но, быть-можетъ, такъ и было нужно». Общее желаніе наступленія онъ поддерживалъ въ то же время молчаливой улыбкой согласія и даже офиціальными возгласами, что надо «лечь костьми». Истинныя свои намѣренія старикъ держалъ про себя, убѣжденный, что на его отступленіе, конечно, и народъ, и войско, и общество посмотрятъ иначе, нежели на отступленіе Барклая.

войны дѣлали глубокомысленныя заключенія по поводу факта, запечатлѣннаго на приведенной картинѣ. Отвѣтъ очень простъ: «Кутузовъ,—какъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербеевъ,—умѣлъ изобрѣсти и воспользоваться всѣми средствами къ поддержанію духа въ арміи: онъ велѣлъ обносить по всѣмъ полкамъ вывезенную изъ Смоленска икону Божіей Матери и въ каждой дивизіи отправлять торжественное предъ ней молебствіе. Онъ, если не измыслилъ самъ, то, по крайней мѣрѣ, допустилъ напечатать въ извѣстіи о первомъ появленіи его въ рядахъ войска, что какой-то залетѣвшій очень кстати въ необычайную для него сторону орелъ парилъ надъ головой новаго главнокомандующаго» (Записки, I, 429). *Ред.*

Къ арміи Кутузовъ прибылъ 17 августа и засталъ войска въ полномъ отступленіи къ Москвѣ. Объѣзжая армію и здороваясь съ солдатами, Кутузовъ нѣсколько разъ сказалъ: «Ну, какъ можно съ такими молодцами все отступать и отступать!» Войска съ восторгомъ привѣтствовали стараго вождя. Настроеніе сразу повысилось, всѣ пріободрились и хотѣли только одного—рѣшительнаго боя съ французами. Унаслѣдовавъ отъ Суворова его удивительное умѣнье обращаться съ солдатами дружески-просто, Кутузовъ говорилъ съ ними на понятномъ народу языкѣ и поддерживалъ увѣренность, что Москвы не дадимъ французу. Врагъ всякой пышности и показного параднаго блеска, Кутузовъ появлялся передъ войсками на маленькой казачьей лошадкѣ, въ старомъ походномъ сюртукѣ, безъ эполетъ, въ бѣлой съ краснымъ околышемъ фуражкѣ, съ шарфомъ черезъ одно плечо и съ нагайкой на ремнѣ черезъ другое. Эта внѣшность, напоминая суворовскую манеру, только поддерживала тотъ неподдѣльный энтузіазмъ, съ которымъ армія привѣтствовала назначеніе Кутузова. Врагъ всякихъ формальностей и шагистики, Кутузовъ узаконилъ своимъ распоряженіемъ всѣ многочисленныя и неизбѣжныя въ походѣ отступленія отъ тогдашней очень сложной формы и этимъ очень облегчилъ солдатскую походную тяжесть. Канцелярія при немъ сократилась до необходимыхъ размѣровъ; чтобы отучить отъ лишней переписки своихъ подчиненныхъ и тѣмъ косвенно заставить ихъ поступать въ критическія минуты по собственному усмотрѣнію, Кутузовъ просто сталъ задерживаться въ подпискѣ безконечныхъ бумагъ, притворяясь старчески-лѣнивымъ, забывчивымъ. Въ результатѣ генералы и офицеры сразу почувствовали, что главнокомандующій имъ довѣряетъ и имъ вѣритъ. Недовольны остались только любители канцелярской отписки и волокиты. Среди солдатъ пошла поговорка: «пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ». Отступленіе ко дню пріѣзда Кутузова къ арміи какъ-то само собой пріостановилось. Главная квартира нашихъ войскъ находилась въ этотъ моментъ въ селѣ Царево-Займище подъ Гжатскомъ. Осмотрѣвъ вмѣстѣ съ Барклаемъ расположеніе нашихъ войскъ и ознакомившись съ мѣстностью, Кутузовъ нашелъ все превосходнымъ и удобнымъ для того, чтобы дать французамъ рѣшительное сраженіе. Силы нашей арміи доходили до 110 тысячъ человѣкъ. Всѣ думали, что назавтра предстоитъ бой, и войска готовились. Но на слѣдующій день, 19 августа, вдругъ неожиданно для всѣхъ послѣдовалъ приказъ—отступать. Въ донесеніи своемъ государю Кутузовъ объяснялъ свое отступленіе отъ Царева-Займища необходимостью принять на себя и распредѣлить по полкамъ, сильно порѣдѣвшимъ во время боевъ на пути отъ Смоленска, подкрѣпленія, которыя двигались къ нашей арміи отъ Москвы. Кромѣ этого, ему, вѣроятно, нужно было нѣкоторое время, чтобы осмотрѣться и войти въ подробности, лучше узнать войска и особенно своихъ ближайшихъ сотрудниковъ. Осторожный Кутузовъ оставался вѣренъ себѣ и не хотѣлъ рисковать. Снова началось отступленіе; но войска шли въ другомъ настроеніи: ясно было, что Москвы безъ боя не отдадутъ, и что старикъ Кутузовъ хочетъ только выбрать мѣсто, болѣе удобное для битвы, да подтянуть къ себѣ подкрѣпленія. 22 августа наша армія расположилась на позиціяхъ у Бородина.

С. Князьковъ.

М. И. Кутузовъ, князь Смоленскій (М. Орловъ. 1888 г.).

II. Отъ Царево-Займища до Бородина.

Подп. В. П. Федорова.

Настоящее описаніе имѣетъ цѣлью пополнить пробѣлы въ исторіи Отечественной войны за періодъ времени съ 17 по 24 августа, т.-е. за тотъ періодъ, когда, при отступленіи нашихъ 1-й и 2-й западныхъ армій къ Бородину, арьергардамъ этихъ армій приходилось вести непрерывные бои съ непріятелемъ. Эти забытыя военною исторіей сраженія сдѣлались въ настоящее время всеобщимъ достояніемъ благодаря архивнымъ изысканіямъ полковника Н. П. Поликарпова.

17 августа.

По прибытіи къ арміи въ с. Царево-Займище, князь Кутузовъ приказалъ для 1 и 2 армій составить одинъ «общій аріергардъ» подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Коновницына, но этому арьергарду именно и не суждено было сдѣлаться «общимъ» по той причинѣ, что французскій авангардъ наступалъ тремя параллельными колоннами. Необходимость, слѣдовательно, заставила и нашъ арьергардъ раздѣлиться на три отряда, хотя и имѣвшихъ между собою связь, но дѣйствовавшихъ вполнѣ самостоятельно. Изъ «общаго арьергарда», такимъ образомъ составились: «центральный арьергардъ» генералъ-лейтенанта Коновницына; правый (сѣверный) отрядъ генералъ-майора барона Крейца и лѣвый (южный) отрядъ генералъ-майора графа Сиверса. Въ с. Царевѣ-Займищѣ главнокоман-

дующій убѣдился въ невозможности принять сраженіе по невыгодности позиціи и отдалъ приказъ арміямъ отступать по дорогѣ къ Гжатску.

Еще 17 августа арьергарду Коновницына подъ натискомъ Мюрата пришлось отступить къ с. Цареву-Займищу и насѣсть, такимъ образомъ, на главныя силы армій. Это обстоятельство отчасти и было косвенной причиной поспѣшнаго отступленія князя Кутузова къ Гжатску.

Отрядъ генерала графа Сиверса въ этотъ день никакихъ особенныхъ дѣлъ съ непріятелемъ не имѣлъ, и къ $6^1/_2$ часамъ пополудни остановился въ селѣ Успенскомъ (въ 12 верстахъ отъ с. Царева-Займища). Такъ какъ дальнѣйшихъ инструкцій отъ генерала-лейтенанта Коновницына въ его отрядѣ не было получено, то графъ Сиверсъ рѣшилъ, «по мѣрѣ его отступленія, производить и свое отступленіе».

О дѣйствіяхъ отряда барона Крейца за 17 августа извѣстно лишь, что онъ имѣлъ дѣло съ непріятелемъ подъ Вязьмою, «гдѣ удерживалъ лѣвый флангъ большого арьергарда».

Кн. Кутузовъ Смоленскій, гр. Витгенштейнъ, гр. Платовъ (К. Анисимовъ).

18 августа.

18 августа главныя силы арміи начали отступать отъ с. Царева-Займища поспѣшно и налегкѣ; притомъ настолько налегкѣ, что при полкахъ было оставлено всего лишь по два патронныхъ ящика; даже лазаретныя линейки были отправлены съ прочими обозами окружными проселочными дорогами, чтобы не задержать отступленія войскъ. Князь Кутузовъ 18 августа находился уже не въ Царевѣ - Займищѣ, а въ мѣстечкѣ «Старая Деревня» и оттуда послалъ князю Багратіону слѣдующее собственноручное сообщеніе. «По объясненію со мною Михаила Богдановича, что кавалерія 1 арміи за употребленіемъ оной чрезъ долгое время въ авангардѣ вмѣсто казацкихъ полковъ, при оной не состоящихъ, ослабѣла до того, что на нѣкоторое время нужно отдохновеніе и, слѣдственно, замѣненіе оной другою кавалеріею, я посему обращаюсь къ вашему сіятельству съ тѣмъ, чтобы вы, милостивый государь мой, приказали завтрашняго числа въ помощь арьергарду 1 арміи въ приличномъ мѣстѣ выставить 15 экскадроновъ».

19 августа.

И 1 и 2 арміи, начавъ отступленіе по большой Московско-Смоленской дорогѣ, пройдя г. Гжатскъ, остановились бивакомъ при д. Ивашковѣ. Конница Мюрата, корпуса Даву и князя Понятовскаго перешли въ наступленіе, вслѣдствіе чего арьергарду генералъ-лейтенанта Коновницына, отступавшему вслѣдъ за арміей по той же дорогѣ, приходилось часто останавливаться для задержанія насѣдавшаго непріятеля. Это поставило его въ весьма опасное положеніе, такъ какъ частыя остановки все болѣе и болѣе отдаляли его отъ главныхъ силъ, уменьшая возможность своевременнаго полученія подкрѣпленій. Въ поддержку генералъ-лейтенанту Коновницыну графомъ Сиверсомъ, по приказанію князя Багратіона, были высланы: Черниговскій и Харьковскій драгунскіе полки и Литовскій уланскій подъ командой генералъ-майора Панчулидзева I, то-есть тѣ самые 15 эскадроновъ, о которыхъ главнокомандующій наканунѣ писалъ князю Багратіону.

Первая встрѣча арьергарда генералъ-лейтенанта Коновницына за 19 августа произошла при самомъ Царевѣ-Займищѣ. Счастливому исходу этой встрѣчи помогли лишь храбрость, хладнокровіе и находчивость піонеровъ 1 полка: Никифора Поносова, Онуфрія Тимашенко и Никиты Яковлева 1. Эти піонеры, «оставаясь послѣдними въ арьергардѣ, вызвались охотниками при быстромъ наступленіи непріятеля подъ сильными выстрѣлами, съ особеннымъ мужествомъ и неустрашимостью, уговоривъ товарищей, съ быстротою и скоростью зажгли мостъ, опустили плотину, чѣмъ наводнили рѣку, а по окружающему непріятельскій берегъ рѣки болоту оставалась одна дорога чрезъ деревню, которую зажгли, остановили тѣмъ непріятельскую артиллерію и спасли черезъ то нашихъ ретирующихся егерей, которыхъ непріятель намѣревался отрѣзать».

Часть французскаго авангарда пыталась обойти правый флангъ арьергарда генералъ-лейтенанта Коновницына, но отрядъ барона Крейца «не допустилъ непріятеля обойти нашъ правый флангъ». Мюратъ и Даву напирали такъ сильно, что арьергарду генералъ-лейтенанта Коновницына пришлось отходить, отбиваясь чуть ни на каждомъ шагу и лишь къ вечеру усталый, изнемогающій арьергардъ расположился на позицію при деревнѣ Комкольнѣ[1]). Часть французскаго авангарда остановилась противъ позиціи генералъ-лейтенанта Коновницына, а «довольно сильный непріятель принялъ вправо», т.-е. къ отряду графа Сиверса.

Параллельно съ арьергардомъ генералъ-лейтенанта Коновницына отступалъ и отрядъ графа Сиверса, который, руководствуясь приказаніемъ князя Багратіона, «предпринялъ маршъ съ ввѣреннымъ ему арьергардомъ разными колоннами, которыя одна за другою выступали». Это осторожное движеніе отряда графа Сиверса имѣло цѣлью не оставлять неприкрытымъ лѣвый флангъ арьергарда генералъ-лейтенанта Коновницына. Отрядъ безпрепятственно достигъ до назначеннаго ему мѣста, с. Рожества, откуда графъ Сиверсъ донесъ князю Багратіону: «По окончаніи наступательнаго непріятельскаго движенія на арьергардъ 1 арміи, замѣчено, что непріятель,

---

[1]) Современная деревня „Калатонница" въ 10 верстахъ отъ г. Гжатска.

довольно сильный, также принялъ вправо и остановился противъ моего поста. Полагаю, что завтрашній день буду атакованъ, сдѣлаю непріятелю отпоръ, но ежели оный будетъ въ превосходныхъ силахъ и ежели удержать будетъ невозможно, то испрашиваю, куда мнѣ въ такомъ случаѣ отступать».

20 августа.

Главныя силы арміи отошли за день до дер. Дурыкина.

Объ арьергардныхъ бояхъ генералъ-лейтенанта Коновницына за 20 августа лучше всего свидѣтельствуетъ его донесеніе. «Сего числа въ продолженіе цѣлаго дня съ семи часовъ утра непріятель съ большимъ числомъ кавалеріи и пѣхоты и съ орудіями самаго большого калибра преслѣдовали арьергардъ. Нѣсколько разъ удерживали мы мѣсто и всегда принуждены были уступать оное. Слѣдуя шагъ за шагомъ, къ вечеру онъ съ 40 эскадронами атаковалъ мой правый флангъ подъ протекціею двухъ батарей. Въ девятомъ часу дѣло прекратилось, непріятель остановился у деревни Старой въ десяти верстахъ отъ Дурыкина, имѣя свои ведеты впереди. Арьергардъ весь расположился при деревнѣ Поляниковѣ за семь верстъ отъ Дурыкина».

Кутузовъ подъ Можайскомъ (М. Орловъ).

Тяжелый это былъ день для арьергарда генералъ-лейтенанта Коновницына. Онъ выдержалъ тринадцатичасовой бой подъ натискомъ сильнѣйшаго французскаго авангарда; на протяженіи 16 верстъ останавливался на восьми позиціяхъ, и все это дѣлалось безъ отдыха и даже безъ пищи.

Въ особенности тяжело пришлось арьергарду подъ Гжатскомъ, гдѣ ему надлежало пройти черезъ лѣсъ, затѣмъ черезъ городъ и, наконецъ, черезъ мостъ на рѣкѣ Гжати. Поневолѣ пришлось вытянуться въ длинную, узкую колонну для прохожденія моста и тѣмъ замедлить движеніе и отстать отъ главныхъ силъ. Французскій авангардъ, воспользовавшись случаемъ, стремительно и настойчиво атаковалъ арьергардъ генералъ-

лейтенанта Коновницына, но онъ съ честью вышелъ изъ этого весьма опаснаго положенія и успѣлъ своевременно преодолѣть всѣ препятствія. Нелишне будетъ замѣтить, что и здѣсь піонеры того же 1 полка и той же роты (подполковника Аѳанасьева, вр. команд. штабсъ-капитанъ Шевичъ): унтеръ-офицеръ Гавріилъ Ивановъ и піонеры Наумъ Мартыновъ, Гавріилъ Кондратьевъ и Юганъ Виллемъ «съ отмѣнною быстротою, неустрашимостью и мужествомъ, подавая собою примѣръ и уговоривъ товарищей, зажгли мостъ, черезъ что и остановили непріятеля, а ретирующіяся наши войска довольно имѣли времени къ выстраиванію».

Отряду генералъ-майора барона Крейца въ этотъ день была задача: защищать дорогу изъ города Бѣлаго, по которой двигалась непріятельская колонна въ обходъ нашего праваго фланга, и «держаться, покуда всѣ прочія войска перейдутъ черезъ мостъ, а, можетъ-быть, и умереть». Отрядъ генералъ-майора барона Крейца расположился поперекъ Бѣльской дороги правымъ флангомъ къ р. Гжати, а лѣвымъ—къ лѣсу, занятому егерями. Хотя отрядъ отбивался настолько упорно, что далъ время кавалеріи и артиллеріи переправиться черезъ мостъ, но, въ концѣ-концовъ, самъ былъ опрокинутъ къ г. Гжатску и прижатъ къ р. Гжати. Положеніе отряда было безвыходное, но генералъ-майоръ баронъ Крейцъ, не раздумывая долго, бросился съ драгунами и казаками въ р. Гжать и перешелъ черезъ нее частью вплавь, частью въ бродъ да еще перетащилъ на лямкахъ по дну рѣки два бывшихъ при отрядѣ конныхъ орудія.

По не совсѣмъ успѣвшему сгорѣть мосту непріятель перебрался черезъ рѣку и вновь отрѣзалъ отрядъ барона Крейца, который бросился прямо полями, ломая по пути плетни и изгороди и ускользнулъ такимъ образомъ отъ непріятеля въ дер. Лескино. Въ деревнѣ остановились драгуны, а казачій полкъ Андріянова 2 скрылся въ лощинѣ такъ быстро, что непріятель не успѣлъ замѣтить. 13 эскадроновъ баварской кавалеріи, ничего не подозрѣвая, приблизились къ деревнѣ Лескино и тутъ были внезапно атакованы съ фронта драгунами и съ фланговъ казаками. Баварцы были обращены въ бѣгство и потеряли много убитыми и плѣнными.

Свѣдѣнія о дѣйствіи отряда генералъ-майора графа Сиверса за 20 августа ограничиваются лишь извѣстіями, что отрядъ въ этотъ день имѣлъ два дѣла: «при отступленіи и отраженіи непріятеля по сильномъ его нападеніи при дер. Бражиной» и «къ вечеру при содѣйствіи казаковъ подъ сел. Колесниками».

21 августа.

Главныя силы арміи отошли отъ д. Дурыкина къ Колоцкому монастырю. Дѣйствія арьергарда за 21 августа ограничились упорнымъ боемъ отряда графа Сиверса за обладаніе дер. Колесниками, которая была занята казачьимъ отрядомъ ген.-майора Карпова 2, вынужденнаго подъ натискомъ сильнѣйшаго непріятеля очистить деревню. Вслѣдствіе того, что съ потерею дер. Колесниковъ отрядъ графа Сиверса уже не могъ «держаться со всѣмъ усиліемъ на одной высотѣ» съ арьергардомъ ген.-лейт. Коновницына, князь Багратіонъ высказалъ свое неудовольствіе графу Сиверсу и приказалъ ему, во что бы то ни стало, вновь занять д. Колес-

ники. Результатомъ этого неудовольствія князя Багратіона и былъ жестокій бой за обладаніе деревней.

Отрядъ ген.-майора барона Крейца «21 августа подъ деревнею Журавлевымъ съ пѣхотою непріятеля имѣлъ дѣло, которую не допустилъ занять оспариваемую деревню».

22 августа.

Главныя силы 1 и 2 армій отошли отъ Колоцкаго монастыря къ селу Бородину, гдѣ и расположились на позиціи.

Разстояніе между главными силами армій и арьергардомъ ген.-лейт. Коновницына къ этому дню уже настолько сократилось, что въ воздухѣ чуялась всѣми близость рѣшительнаго сраженія, и отдалить роковой день его было уже не во власти князя Кутузова, ибо арьергардъ былъ уже не въ состояніи сдерживать напоръ непріятельскихъ силъ. Изъ этого явствуетъ, что Бородинская позиція была вынужденной позиціей, а не выбранной по желанію главнокомандующаго. Не слѣдуетъ забывать, что переходъ отъ Колоцкаго монастыря до Бородина—всего лишь 12 верстъ, и что 24 августа арьергардъ фактически уже не существовалъ, такъ какъ соединился съ арміей.

Пока же ничего особеннаго въ арьергардахъ не происходило, и графъ Сиверсъ доносилъ князю Багратіону. «Вашему сіятельству имѣю честь донести, что все благополучно: отъ аванпостовъ никакія движенія непріятелей не замѣчались. Какъ ген.-лейт. Коновницынъ, такъ и я съ ввѣреннымъ мнѣ отрядомъ заняли позицію и въ готовности дѣлать непріятелю отпоръ».

Ген.-лейт. Коновницынъ стоялъ въ д. Твердикахъ, а графъ Сиверсъ—въ дер. Поповкѣ.

23 августа.

Главныя силы арміи попрежнему на позиціи при с. Бородинѣ.

Арьергарду ген.-лейт. Коновницына въ этотъ день пришлось выдержать два упорныхъ боя: при д. Твердикахъ и при дер. Гриднево. Рапортъ ген.-лейт. Коновницына князю Багратіону отъ 23 августа гласитъ: «Непріятель въ числѣ 40 эскадроновъ съ 18 орудіями и двумя большими колоннами пѣхоты шелъ на центръ; гораздо въ превосходномъ числѣ обходилъ правый флангъ, не желая завязать серьезнаго дѣла. Кавалерія наша, подъ прикрытіемъ огня артиллеріи, медленно отступала. Непріятель два раза бросался въ атаку, но былъ кавалеріею остановленъ. Въ продолженіе самаго сильнаго дѣйствія съ фронта, когда артиллерія наша, переходя съ одной высоты на другую, вредила непріятелю, правый нашъ флангъ былъ совсѣмъ обойденъ и казаки потѣснены были къ селенію Гридневу. Тутъ располагалась пѣхота, и высоты заняты были артиллеріей, огонь которой остановилъ приближеніе непріятеля, нанося самый сильный вредъ колоннамъ. Въ продолженіе сей канонады кавалерія наша отступила въ порядкѣ и снова построена на высотахъ, тогда открылся огонь жестокій съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на всѣ усилія непріятеля овладѣть нашею

позиціей, онъ былъ остановленъ съ большимъ пожертвованіемъ. Къ концу дѣла кавалерія наша заняла снова позицію около деревни Валуева, и артиллерія снова съ удачею дѣйствовала такъ, что непріятель не смѣлъ итти далѣе».

Далѣе ген.-лейт. Коновницынъ говоритъ: «въ продолженіе десяти часовъ сраженія мы уступили непріятелю не болѣе девяти верстъ, останавливаясь въ пяти позиціяхъ».

Графъ Сиверсъ отъ того же числа доносилъ князю Багратіону: «Генералъ-майоръ Карповъ сейчасъ рапортомъ доноситъ, что непріятель изъ вчерашняго расположенія выступилъ и слѣдуетъ по той дорогѣ, по которой шелъ ввѣренный мнѣ отрядъ, и, по превосходству непріятельскихъ пѣхоты и конницы, генералъ-майоръ Карповъ съ казачьими полками отступаетъ. Я имѣю повелѣніе ген.-лейт. Коновницына въ дѣло не вступать, а только прикрывать отступленіе фланкерами, ежели непріятель покажется». Отрядъ ген.-майора барона Крейца «23 августа въ селеніи Мышкино нашелъ нѣсколько эскадроновъ и пѣхоты непріятельскихъ, откуда ихъ изгналъ».

Н. Н. Раевскій.
(Грав. Куликовъ. Изъ собр. П. Бекетова).

24 августа.

День 24 августа начался для арьергарда ген.-лейт. Коновницына лихою схваткою Изюмскихъ гусаръ и донскихъ казаковъ съ французскою кавалеріею при дер. Валуевой; что же касается до отряда графа Сиверса, то на его долю выпала тяжелая задача: сдерживать натискъ корпуса князя Понятовскаго, обходившаго лѣвый флангъ нашей позиціи при д. Шевардинѣ. Отступая шагъ за шагомъ съ упорнымъ боемъ, отрядъ графа Сиверса, пройдя село Ельню, присоединился къ стоявшему уже на позиціи при д. Шевардинѣ отряду ген.-лейт. князя Горчакова 2, гдѣ и принялъблестящее участіе въ славномъ Шевардинскомъ бою.

Отрядъ ген.-майора барона Крейца, отступая къ Бородину, былъ окруженъ непріятелемъ у дер. Глазово, гдѣ едва не погибъ. Благодаря отчаянной храбрости всѣхъ, а въ особенности Сибирскаго драгунскаго полка, отряду удалось пробиться къ Бородину силою.

24 августа. Бой при дд. Шевардинѣ и Доронинѣ.

До сихъ поръ во всѣхъ военныхъ исторіяхъ говорилось, что Шевардинскій редутъ былъ занятъ нами какъ передовой опорный пунктъ бородинской позиціи. На самомъ же дѣлѣ Шевардинскій редутъ сыгралъ роль передового пункта совершенно случайно.

Шевардинскій редутъ и Доронинскій оврагъ до 24 августа составляли лѣвый флангъ боевого расположенія 2-й арміи. Начальникъ главнаго штаба главнокомандующаго баронъ Беннигсенъ, осматривая бородинскую позицію, нашелъ расположеніе 2-й арміи невыгоднымъ и приказалъ лѣвому флангу ея отодвинуться назадъ за Семеновскій оврагъ для болѣе удобнаго сообщенія съ резервами. Шевардинскій редутъ послѣ такого передвиженія лѣваго фланга 2-й арміи оказывался уже внѣ орудійнаго выстрѣла и становился негоднымъ и безполезнымъ и долженъ былъ быть покинутымъ тотчасъ же. Перемѣна позиціи лѣвымъ флангомъ 2-й арміи производилась уже въ виду непріятеля, появившагося на Доронинскихъ высотахъ прежде, чѣмъ кончилось передвиженіе войскъ на лѣвую позицію за Семеновскій оврагъ, и безполезный Шевардинскій редутъ такимъ образомъ волей-неволей пришлось оборонять.

Шевардинскій редутъ заняла батарейная № 12 рота 12 артиллерійской бригады. Правѣе редута—6 легкихъ орудій подполковника Саблина, еще правѣе—12 легкихъ орудій капитана Журавковскаго. Сзади редута стали полки 27-й дивизіи ген. Невѣровскаго: Симбирскій, Виленскій, Одесскій и Тарнопольскій. Уступомъ сзади 27-й дивизіи расположились кирасирскіе полки: Военнаго Ордена, Екатеринославскій, Глуховскій, Малороссійскій и Новгородскій: 6, 41 и 49 егерскіе полки. Егеря заняли дер. Доронино, лѣсъ южнѣе этой деревни и скаты Доронинскаго оврага. Всѣ эти войска находились подъ общимъ начальствомъ князя Горчакова 2. Какъ уже было упомянуто выше, отрядъ графа Сиверса, пришедшій послѣ боя подъ с. Ельней, подкрѣпилъ отрядъ князя Горчакова 2.

Гр. А. И. Кутайсовъ (Дау).

Шевардинскій бой начался атакой корпусомъ князя Понятовскаго нашихъ позицій. 16-я и 18-я польскія дивизіи съ тиральерами впереди первыя завязали перестрѣлку съ нашими егерями, крѣпко засѣвшими въ кустахъ. За поляками открыла орудійный огонь и артиллерія дивизіи Компана, направляя его, главнымъ образомъ, на Шевардинскій редутъ; батарея эта находилась у дер. Ѳомкино, куда начала стягиваться и кавалерія Мюрата.

Полковникъ Эмануель, замѣтивъ, что наступленіе польскаго корпуса угрожаетъ намъ обходомъ, два раза со своимъ Кіевскимъ драгунскимъ полкомъ атаковалъ польскихъ фланкеровъ и подкрѣплявшую ихъ кавалерію и опрокинулъ ихъ.

Болѣе всего полякамъ досаждала наша лѣвая конная батарея и, съ цѣлью обезвредить ее, поляки двинули на нее въ атаку одну колонну, но

два эскадрона Ахтырскаго гусарскаго полка ротмистровъ Александрова и Коризны I лихой атакой опрокинули поляковъ.

Пока происходилъ бой съ поляками, дивизія Компана, поддерживаемая кавалеріей Мюрата, атаковала дер. Доронино и лежащій близъ нея лѣсъ. Въ это же время поляки потѣснили 5 егерскій полкъ, занимавшій крайній лѣвый участокъ позиціи нашихъ егерей.

Подъ натискомъ дивизіи Компана, наши егеря, несмотря на нечеловѣческія усилія и отчаянную храбрость, принуждены были отступить и изъ дер. Доронина и изъ лѣса. Видя это, графъ Сиверсъ для подкрѣпленія отступавшихъ егерей двинулъ Новороссійскій драгунскій полкъ подъ командой майора Теренина. Новороссійскіе драгуны, пройдя интервалъ между лѣсомъ и деревнею, ударили на непріятеля и опрокинули его «при первомъ же устремленіи». При вторичной атакѣ на французскую пѣхоту и польскихъ тиральеровъ Новороссійскій драгунскій полкъ, не будучи подкрѣпленъ никѣмъ, отступилъ на прежнее свое мѣсто.

Памятникъ на Бородинскомъ полѣ.

Между тѣмъ 5 егерскій полкъ совершенно изнемогалъ въ неравной борьбѣ, хотя и дѣлалъ отчаянныя усилія, чтобы удержаться на своей позиціи. Замѣтя это, князь Кутузовъ приказалъ привести Фанагорійскій гренадерскій полкъ на смѣну 5 егерскаго полка. Посылать какой-либо полкъ изъ 27 дивизіи, стоявшей позади Шевардинскаго редута, было невозможно, потому что въ это время массы французскихъ и польскихъ войскъ уже пошли въ атаку на Шевардинскій редутъ.

Ген. Компанъ направилъ 57 и 61 линейные полки для атаки лѣваго фланга дивизіи ген. Невѣровскаго, а ген. Дюпеленъ съ 25 линейнымъ полкомъ атаковалъ правый ея флангъ. Въ обходъ праваго фланга 27 дивизіи былъ двинутъ 111 линейный полкъ. Двѣ пѣхотныхъ дивизіи генераловъ Морана и Фріана двинулись къ дер. Шевардину. Недолгая ружейная перестрѣлка на самомъ близкомъ разстояніи перешла въ отчаянный штыковой бой. Перевѣсъ въ силахъ былъ всецѣло на сторонѣ французовъ, и хотя нашими войсками было сдѣлано все, что въ предѣлахъ человѣческихъ силъ для удержанія позиціи,—однако, въ концѣ-концовъ, дивизія Компана заняла Шевардинскій редутъ, а дивизія Морана овладѣла дер. Шевардино. Отойдя нѣсколько назадъ, 27-я дивизія снова устремилась на редутъ, но французы, получивъ подкрѣпленіе, снова выбили ее оттуда. Всѣ усилія этой геройской дивизіи для спасенія Шевардинскаго редута были подавлены массою французскихъ войскъ.

В. П. Федоровъ.

Сраженіе при Бородинѣ (Гессе).

III. Бородино.

Проф. ген. Н. П. Михневича.

Бородинское сраженіе (24—26 августа 1812 г.), представляющее одну изъ славныхъ страницъ русской исторіи, было очистительной жертвой за оставленіе Москвы. Отдать столицу безъ боя было дѣло невозможное; Кутузовъ это понималъ; но въ то же время, принимая это сраженіе въ угоду общественному мнѣнію и голосу арміи, онъ зналъ, что очиститъ Москву, въ которой надѣялся приготовить могилу для арміи Наполеона. Его стратегія основана была на изнуреніи противника посредствомъ постояннаго уклоненія отъ боя и отступленія въ глубь страны до тѣхъ поръ, пока съ прибытіемъ подкрѣпленій наша армія сдѣлается сильнѣе арміи Наполеона. Тогда только онъ рѣшилъ перейти къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Но во время движенія отъ Царева-Займища къ Можайску къ нему прибыла часть подкрѣпленій подъ начальствомъ Милорадовича; съ этой минуты всѣ были убѣждены, что Кутузовъ дастъ сраженіе. И старикъ-полководецъ понималъ, что надо дать прорваться накипѣвшему воинственному настроенію массъ. И онъ далъ сраженіе, противъ своего убѣжденія, но подъ давленіемъ неотразимыхъ обстоятельствъ.

Позиція для боя была выбрана подъ Бородиномъ. 22 августа Кутузовъ лично ее объѣхалъ и одобрилъ.

Позиція длиною около 5 верстъ была на правомъ берегу р. Колочи, отъ Доронина и Шевардина, черезъ село Бородино, на новой смоленской дорогѣ до д. Малое Село. Весь правый участокъ позиціи, отъ с. Бородина

до д. Малое шелъ по правому берегу р. Колочи, командовавшему противоположнымъ берегомъ, обрывистому и трудно доступному. Въ центрѣ позиціи были два холма, командующіе окружающею мѣстностью; на нихъ были возведены: центральная батарея (Раевскаго) и три Семеновскія (Багратіоновы) флеши. На лѣвомъ флангѣ, на высотѣ между Шевардинымъ и Дорониномъ, тоже была возведена сильная батарея. Послѣ боя 24 августа, съ потерею Шевардинскаго укрѣпленія, нашъ лѣвый флангъ былъ осаженъ на двѣ версты, до д. Утицы на старой смоленской дорогѣ, въ мѣстность, покрытую кустарникомъ и лѣсомъ, крайне неудобную для обороны.

24 августа русская армія сосредоточилась на этой позиціи и приступила къ укрѣпленію ея; кромѣ вышепоименованныхъ укрѣпленій въ центрѣ позиціи, с. Бородино было приспособлено къ оборонѣ; у д. Горки построены двѣ батареи, для обстрѣливанія переправы черезъ р. Колочу, и на правомъ флангѣ позиціи, фронтомъ къ Москвѣ-рѣкѣ, почти тыломъ къ французамъ, тоже были построены укрѣпленія,—однимъ словомъ, много хлопотали объ укрѣпленіи наиболѣе сильнаго участка позиціи, а на лѣвомъ флангѣ, самомъ слабомъ, кромѣ Шевардинскаго редута, не было сдѣлано ничего. Бывшая въ тылу позиціи р. Москва въ бродъ проходима, но течетъ въ обрывистыхъ берегахъ, затруднявшихъ спускъ артиллеріи и обозовъ. Въ тылу до Можайска, гдѣ сходились обѣ смоленскія дороги, удобныхъ позицій для задерживанія противника не было.

Въ нашей арміи было 72.000 пѣхоты, 17.000 кавалеріи, 14.000 артиллеріи,—всего 103.000 регулярныхъ войскъ при 640 орудіяхъ; кромѣ того, 7.000 казаковъ и 10.000 ратниковъ. Ратники строили укрѣпленія и выносили раненыхъ съ поля сраженія.

22 августа войска наши, оставивъ у деревни Гридчевой арьергардъ, подъ начальствомъ Коновницына, прибыли къ Бородину и стали противъ своихъ мѣстъ на позиціи бивакомъ.

Для занятія позиціи войска были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: правый участокъ, отъ с. Малаго до батареи Ревсккаго, заняли войска I-й арміи Барклая-де-Толли—2-й, 4-й и 6-й пѣхсгные корпуса, а за ними во второй линіи расположились кавалерійскіе: 1-й, 2-й и 3-й корпуса и 9 казачьихъ полковъ Платова; лѣвый участокъ, отъ батареи Раевскаго до Шевардина, заняли войска II-й арміи кн. Багратіона—7-й и 8-й пѣхотные и 4-й кавалерійскій корпуса и 6 казачьихъ полковъ Карпова. Въ общемъ резервѣ, нѣсколько сѣвернѣе центра позиціи, у Князькова были 3-й и 5-й пѣхотные корпуса и двѣ кирасирскихъ дивизіи, а у Псарева—артиллерійскій резервъ въ 300 орудій.

24 августа на Шевардинскомъ участкѣ позиціи стояли 27-я пѣхотная дивизія Невѣровскаго, а за нею 2-я гренадерская и 2-я кирасирская дивизія подъ начальствомъ князя Горчакова.

Узнавши объ остановкѣ русской арміи у Бородина и предполагая возможность боя, Наполеонъ тоже пріостановился у Гжатска, чтобы подобрать отсталыхъ, и черезъ день двинулся къ Бородину въ трехъ колоннахъ: въ правой колоннѣ, по старой смоленской дорогѣ шелъ корпусъ Понятовскаго; Мюратъ, съ четырьмя резервными кавалерійскими корпусами, составлялъ авангардъ средней колонны, которая слѣдовала по новой смоленской

дорогѣ и состояла изъ корпусовъ Даву, Нея, Жюно, старой и молодой гвардіи и резервной артиллеріи. Лѣвая колонна состояла изъ корпуса вице-короля итальянскаго Евгенія.

Въ арміи Наполеона было 86.000 пѣхоты, 28.000 кавалеріи, 16.000 артиллеріи; всего 130.000 чел. при 587 орудіяхъ.

24 августа Мюратъ атаковалъ Коновницына у Колоцкаго монастыря, при содѣйствіи вице-короля, двигавшагося лѣвѣе новой смоленской дороги, заставилъ его отступить; Коновницынъ отошелъ на главную позицію, гдѣ войска, бывшія подъ его командой, разошлись по своимъ корпусамъ.

Бой у Шевардина 24 августа[1]). Приблизившись къ нашей позиціи, Наполеонъ приказалъ овладѣть деревнями Ѳомкиной, Алексинкой, Доронинымъ, Шевардинымъ и редутомъ возлѣ него, которыя мѣшали развертыванію войскъ, слѣдовавшихъ по новой смоленской дорогѣ. Въ два часа завязался бой и продолжался до глубокой ночи. Французы ввели въ дѣло три дивизіи корпуса Даву, часть резервной кавалеріи и часть корпуса Понятовскаго, охватывавшаго наше расположеніе съ лѣваго фланга, отъ старой смоленской дороги. Редутъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки; но въ 10 часовъ вечера, когда новыя непріятельскія колонны стали подходить къ Шевардину, главнокомандующій приказалъ князю Горчакову отвести войска назадъ, на вновь избранную для лѣваго крыла позицію.

25 августа обѣ арміи употребили на подготовку къ сраженію. Наполеонъ въ сопровожденіи генераловъ цѣлый день объѣзжалъ позицію и всматривался въ расположеніе русскихъ, боясь, чтобы они не ушли; приказалъ выставить на показъ войскамъ присланный наканунѣ портретъ его сына—«князя Рима» и объѣзжалъ войска, съ восторгомъ встрѣчавшія его, въ ожиданіи побѣды, скораго отдыха и мира.

Въ русской арміи настроеніе было серьезное; люди мыли и надѣвали чистое бѣлье, готовясь къ смерти; вдоль фронта биваковъ обносили въ крестномъ ходѣ икону Смоленской Божіей Матери, служили молебны и прикладывались къ ней всѣ, начиная съ Кутузова и до послѣдняго солдата. Кутузовъ тоже объѣзжалъ войска и говорилъ съ ними простымъ, но понятнымъ, до глубины русской души доходящимъ, языкомъ. Отдана была диспозиція для боя, которая оканчивалась слѣдующими знаменательными словами:

«Въ семъ боевомъ порядкѣ намѣренъ я привлечь на себя силы непріятельскія и дѣйствовать сообразно его движеніямъ. Не въ состояніи будучи находиться во время сраженія на всѣхъ пунктахъ, полагаюсь на извѣстную опытность главнокомандующихъ и потому предоставляю имъ дѣлать соображенія дѣйствій на пораженіе непріятеля. Возлагая все упованіе на помощь Всесильнаго и на храбрость и неустрашимость россійскихъ воиновъ, при счастливомъ отпорѣ непріятельскихъ силъ, дамъ собственное повелѣніе на преслѣдованіе его, для чего и ожидать буду безпрестанныхъ рапортовъ о дѣйствіяхъ, находясь за 6-мъ корпусомъ. При семъ случаѣ не излишнимъ считаю представить гг. главнокомандующимъ, что резервы должны быть оберегаемы сколь можно долѣе, ибо тотъ генералъ, который сохранитъ еще резервъ, не побѣжденъ. На случай наступательнаго движенія оное производить въ сомкнутыхъ колоннахъ къ атакѣ, стрѣльбою отнюдь не заниматься, но дѣйство-

---

[1]) Подробнѣе взятіе Шевардинскаго редута разсказано въ предшествующей статьѣ подп. В. П. Федорова.

Ред.

вать быстро холоднымъ оружіемъ. Въ интервалахъ между пѣхотными колоннами имѣть нѣкоторую часть кавалеріи, также въ колоннахъ, которыя бы подкрѣпляли пѣхоту. На случай неудачнаго дѣла, генераломъ Вестицкимъ открыты нѣсколько дорогъ, которыя онъ гг. главнокомандующимъ укажетъ и по коимъ арміи должны отступать. Сей послѣдній пунктъ единственно для свѣдѣнія гг. главнокомандующихъ».

Эти безсмертныя строки обличаютъ въ Кутузовѣ ученика Суворова и высокаго современнаго тактика.

Наполеонъ приказалъ разбить свою палатку влѣво отъ московской дороги въ д. Валуевой, посреди расположенія гвардіи; впереди стоялъ корпусъ вице-короля. Ней стоялъ за Даву; Жюно подходилъ изъ Гжатска.

Послѣ завтрака Наполеонъ продиктовалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Воины! Вотъ сраженіе, котораго вы такъ желали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ; она доставитъ намъ все нужное: удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспоминаетъ о вашихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою».

Къ вечеру 25 августа вся армія Наполеона стояла между д. Валуевой и вокругъ Шевардинскаго редута, примыкая къ старой смоленской дорогѣ, слѣдовательно, противъ центра и лѣваго фланга нашей позиціи. Замѣтивши это, Кутузовъ приказалъ 3-му корпусу Тучкова 1-го и 7.000 московскаго ополченья перейти къ д. Утицѣ, чтобы прикрыть старую смоленскую дорогу.

Между тѣмъ Наполеонъ, возвратясь съ вечерней рекогносцировки и очень довольный тѣмъ, что русскіе не уходятъ, сдѣлалъ слѣдующія распоряженія для атаки на слѣдующій день: Понятовскому овладѣть д. Утицей и обходить лѣвый флангъ нашей арміи; тремъ дивизіямъ корпуса Даву, Нею, Жюно и Мюрату, съ тремя корпусами резервной кавалеріи, атаковать Семеновскія высоты; корпусу вице-короля, съ двумя дивизіями корпуса Даву и съ резервнымъ кавалерійскимъ корпусомъ Груши, овладѣть с. Бородиномъ и потомъ обратиться на центръ нашей арміи. Гвардія оставлена въ резервѣ у Шевардина. Атаку на Семеновскія батареи должны подготовить 102 орудія Даву, гвардіи и Нея. Кампанъ, которому императоръ далъ личныя указанія, долженъ былъ первый повести атаку на Семеновскія укрѣпленія.

Для удобства сообщенія черезъ Колочу, французы навели четыре моста выше Бородина, а на случай неблагопріятнаго оборота дѣла построили сильныя батареи противъ Бородина, передъ Шевардинскимъ редутомъ и близъ Утицкаго лѣса.

26 августа, на разсвѣтѣ, обѣ арміи стали въ ружье. Но еще передъ разсвѣтомъ грянулъ пушечный выстрѣлъ съ нашей батареи отъ Семеновскаго; показалось, что непріятель приближается. Ошибка вскорѣ разъяснилась, и послѣ перваго выстрѣла все смолкло. Услышавъ звукъ выстрѣла, Кутузовъ, не спавшій, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ на батарею къ д. Горкамъ.

Почти въ то же время и Наполеонъ скакалъ къ Шевардинскому редуту. Заря занималась, туманъ разсѣялся, блеснулъ первый лучъ солнца.

«Это солнце Аустерлица!» сказалъ Наполеонъ, возбуждая настроеніе войскъ, готовыхъ уже ринуться въ атаку, послѣ прочтеннаго имъ приказа, сулившаго легкую побѣду и скорое окончаніе войны. Наполеонъ расположился около редута и не покидалъ своего мѣста до четырехъ часовъ дня.

Въ половинѣ шестого со стороны Шевардинскаго редута раздался густой одинокій выстрѣлъ, пронесся и замеръ среди общей тишины. Прошло нѣсколько минутъ. Раздался второй, третій выстрѣлъ, заколебался воздухъ; затрещала и ружейная перестрѣлка и вскорѣ огонь охватилъ все видимое поле сраженія. Градъ ядеръ, гранатъ, картечи и ружейныхъ пуль изъ 1.500 орудій и 250.000 ружей въ теченіе всего дня потрясали и воздухъ и землю подъ ногами бойцовъ, посылая смерть во всѣхъ направленіяхъ, и, казалось, что никому не суждено спастись изъ этого ада. Трудно прослѣдить за всѣми перипетіями этого изумительнаго побоища. Постараемся обрисовать его въ крупныхъ чертахъ.

Сраженіе подъ Бородиномъ (Фаберъ дю-Форъ).

Французскія батареи, выѣхавшія на позицію у Шевардина, не достигали результата; имъ велѣно было передвинуть впередъ на дистанцію 1.600 шаговъ. Въ 6 часовъ утра дивизія Дельзона произвела атаку на с. Бородино, къ которому, подъ прикрытіемъ тумана, подошла совершенно неожиданно и выбила оттуда нашихъ гвардейскихъ егерей; преслѣдуя, французы перешли по мосту черезъ р. Колочу, но были отброшены назадъ съ большимъ урономъ; мостъ былъ нашими сожженъ.

Въ то же время, т.-е. въ 6 часовъ утра, и Даву повелъ атаку на Семеновскія флеши съ лѣваго ихъ фланга; послѣ чрезвычайно упорнаго боя французы ворвались въ нихъ, при чемъ Даву былъ контуженъ, генералы Кампанъ и Дессе тяжело ранены; впрочемъ, русскіе скоро ихъ выбили и заставили отступить. Въ 7 часовъ развернулся корпусъ Нея и повелъ атаку на флеши тремя дивизіями съ фронта, а черезъ полчаса правѣе Даву началъ развертываться корпусъ Жюно.

Теперь для русскихъ стало ясно, куда Наполеонъ намѣчаетъ свой главный ударъ. При видѣ готовившейся атаки Нея, Багратіонъ сознавалъ, что у него силъ недостаточно для ея отраженія, и взялъ нѣсколько баталіоновъ у Раевскаго, дивизію Коновницына отъ Тучкова и просилъ подкрѣпленія у главнаго командующаго. Кутузовъ послалъ къ нему изъ общаго резерва полки л.-г. Измайловскій, Литовскій (нынѣшній л.-г. Московскій) и л.-г. Финляндскій, сводную гренадерскую бригаду, 1-ю кирасирскую дивизію и въ то же время приказалъ 2-му корпусу (Багговута) итти съ праваго фланга на лѣвый. Еще передвиженія нашихъ войскъ не окончились, какъ французы, выдержавъ жестокій огонь нашихъ батарей, кинулись на укрѣпленія, завладѣли одною флешью, но тотчасъ же были выбиты Невѣровскимъ. Жестокій бой загорѣлся около Семеновскихъ укрѣпленій. Сводная гренадерская дивизія Воронцова, оборонявшая флеши, была почти уничтожена. Ней готовился уже атаковать с. Семеновское. Даву снова перешелъ въ наступленіе. Но уже начали къ Багратіону подходить подкрѣпленія, съ которыми онъ въ 9 часовъ произвелъ контръ-атаку и отбросилъ французовъ, но въ 10 часовъ потерялъ флеши въ третій разъ; при этомъ ранены князь Горчаковъ и Невѣровскій. Подошли къ мѣсту боя 3-я дивизія Коновницына и 4 кирасирскихъ полка; они ударили во флангъ французамъ, опрокинули ихъ и снова заняли флеши.

Было уже 11 часовъ утра. Мюратъ, руководившій атакою на флеши за контузіей маршала Даву, ввелъ въ бой послѣднюю дивизію, бывшую въ резервѣ—дивизію Фріана; Жюно въ лѣсу между флешами и старой смоленской дорогой ввязался въ бой съ 5 егерскими полками Шаховскаго. Болѣе 400 орудій громили наше лѣвое крыло; съ нашей стороны число орудій на этомъ участкѣ было доведено до 300. Наступила самая кровопролитная сцена великой драмы! На пространствѣ одной квадратной версты гремѣло 700 орудій; французы смѣло шли впередъ, усыпая все поле трупами, сраженными нашею картечью, и даже вызвали похвалу героя Багратіона, который крикнулъ одному французскому полку «Браво!»; полкъ этотъ геройски шелъ въ атаку безъ выстрѣла, подъ страшнымъ картечнымъ и ружейнымъ огнемъ. Французы снова ворвались во флеши, но снова выбиты, при чемъ раненъ принцъ Карлъ Мекленбургскій и многіе другіе начальники. Заднія линіи французовъ еще не вступили въ бой, идя за передовою, которая была уже въ свалкѣ; пошли впередъ и съ нашей стороны все, что было на этомъ участкѣ, и сцѣпились съ врагомъ въ отчаянномъ рукопашномъ бою. Тутъ перемѣшалось все—пѣхота, кавалерія, артиллерія; бились штыками, прикладами, тесаками, банниками. Нѣкоторые непріятельскіе всадники, увлеченные запальчивостью, проскакали на 2 версты въ глубь нашего боевого порядка и были захвачены гвардейскими полками, бывшими въ общемъ резервѣ. Въ этой рѣзнѣ не участвовали только общіе резервы обѣихъ армій, стоявшіе въ отдаленіи неподвижно.

Въ пылу этого боя тяжело раненый Багратіонъ, сдавши команду Коновницыну, былъ унесенъ съ поля сраженія; выбылъ изъ строя его начальникъ штаба, гр. С.-При, и много другихъ начальствующихъ лицъ; говорить объ управленіи здѣсь было почти невозможно, но на каждой точкѣ, навѣрное, чувствовалось, что нашимъ героямъ приходилось бороться

съ вдвое многочисленнымъ противникомъ. Около $11^{1}/_{2}$ часовъ наши окончательно уступили флеши французамъ.

Когда Кутузову донесли о томъ, что раненъ Багратіонъ, онъ ахнулъ и покачалъ головой и тотчасъ же на его мѣсто послалъ герцога Александра Вюртембергскаго, но такъ какъ вскорѣ прискакалъ адъютантъ герцога просить подкрѣпленій, то Кутузовъ послалъ на лѣвое крыло невозмутимаго героя Дохтурова, а герцога отозвалъ къ себѣ.

До прибытія Дохтурова Коновницынъ отвелъ войска за Семеновскій оврагъ, занялъ артиллеріей ближайшія высоты и задержалъ дальнѣйшее наступленіе французовъ.

Французы старались развить одержанный ими успѣхъ: за Семеновскимъ оврагомъ выставили сильныя батареи и затѣмъ Ней двинулся на Семеновское съ своимъ корпусомъ и дивизіею Фріана, Мюратъ же направилъ южнѣе Семеновской кавалерійскіе корпуса Лятуръ-Мобура и Нансути; они повели атаку на наши войска, истерзанныя артиллеріей, но ничто не могло сломить ихъ геройскаго духа. Измайловцы и Литовцы отбили три атаки Нансути батальнымъ огнемъ, доскакавшіе же до кареевъ смѣльчаки умирали на штыкахъ гвардейцевъ. Во время атакъ они чувствовали облегченіе, такъ какъ въ это время прекращался адскій огонь артиллеріи, рвавшій ихъ ряды. Л.-г. Финляндскій полкъ встрѣтилъ атаку безъ выстрѣла, держа «ружья подъ курокъ»; конница не выдержала и повернула назадъ, не доскакавши до кареевъ.

Послѣ такого упорнаго боя нашъ лѣвый флангъ было разстроенъ, но и французскія войска не могли продолжать наступленія. Ней и Мюратъ обратились къ Наполеону за подкрѣпленіями. Онъ сердился, никакъ не могъ понять, какъ его маршалы съ такими огромными силами не могутъ опрокинуть русскихъ, и подкрѣпленій не давалъ, такъ какъ пришлось бы двинуть для этого гвардію.

Не менѣе упорный бой былъ и за центральную батарею (Раевскаго). Атака дивизіи Бруссье въ 10 ч. утра была отбита. Въ 11 часовъ Бруссье, поддержанный дивизіей Морана, возобновилъ атаку и овладѣлъ батареей, въ которую ворвалась бригада Бонами. Но въ это время поблизости былъ начальникъ штаба І-й арміи Ермоловъ, который собралъ сохранившія порядокъ и первыя попавшіяся подъ руку части; «толпою въ образѣ колонны» бросился на батарею и около полудня выбилъ французовъ; ген. Бонами, назвавшійся Мюратомъ, взятъ въ плѣнъ [1]). Прибылъ на мѣсто боя Барклай-де-Толли и смѣнилъ страшно разстроенныя войска Раевскаго дивизіей Лихачева (6-го корпуса Дохтурова).

Около полудня подходилъ, двигавшійся съ праваго фланга, 2-й пѣхотный корпусъ Багговута; одна бригада 4-й дивизіи принца Евгенія Вюр-

---

[1]) Двѣ французскія пѣхотныя дивизіи Бруссье и Морана составляли 26 батальоновъ. Представляется чудомъ воспроизводимое всѣми историками извѣстіе, что Ермоловъ отбилъ люнетъ, занимаемый 26 батальонами, имѣя подъ руками только «толпу въ образѣ колонны». Полк. Н. П. Поликарповъ (Очерки Отеч. войны, «Нов. Жизнь», 1911 г., кн. 8, стр. 147—149) разъясняетъ это чудо. Увидѣвъ люнетъ въ рукахъ непріятеля, Ермоловъ собралъ семь батальоновъ и повелъ ихъ на люнетъ. Но въ это время съ другой стороны люнетъ атаковалъ нач. штаба VI пѣх. корпуса полк. Манохтинъ во главѣ 7 пѣх. дивизіи (12 батальоновъ). Въ то же время Барклай задержалъ отъ перемѣщавшагося съ праваго фланга на лѣвый II корп. Багговута цѣлую дивизію (4 пѣхотную) и тоже приказалъ ей атаковать люнетъ. Такимъ образомъ противъ 26 батальоновъ французскихъ мы собрали 31 бат.; тутъ уже нѣтъ ничего удивительнаго, что мы выбили французовъ и удержали люнетъ вплоть до атаки Коленкура. *Ред.*

тембергскаго была оставлена также у батареи, а остальная часть корпуса двинулась къ д. Утицѣ.

На нашемъ лѣвомъ флангѣ Понятовскій около 8 ч. утра овладѣлъ д. Утицей и остановился. Тучковъ, выславши на поддержку Багратіона дивизію Коновницына, съ остальными войсками занялъ высоту за деревней, но въ 10 ч. утра былъ сбитъ и съ этой позиціи войсками Понятовскаго. Вскорѣ, впрочемъ, прибылъ на поддержку Багговутъ; при содѣйствіи его корпуса Тучковъ произвелъ контръ-атаку, сбилъ французскія войска съ высоты, но исколотый штыками самъ попалъ въ плѣнъ. Багговутъ вступилъ въ командованіе войсками нашего лѣваго крыла.

Ней и Мюратъ продолжали настойчиво требовать подкрѣпленій. Наполеонъ уже рѣшился было двинуть имъ на поддержку три дивизіи (молодую гвардію и дивизію Клапареда), когда ему донесли о паникѣ въ тылу, на лѣвомъ берегу р. Колочи.

Когда выяснился ударъ на нашъ центръ, Кутузовъ рѣшилъ отвлечь часть силъ непріятеля и приказалъ Платову и 1-му кавалерійскому корпусу Уварова переправиться за р. Колочу и атаковать лѣвый флангъ арміи Наполеона. Уваровъ, перейдя Колочу близъ с. Малое, двинулся къ р. Войнѣ и около полудня опрокинулъ кавалерійскую бригаду Орнано. Это произвело такое впечатлѣніе, что вице-король пріостановилъ атаку на батарею Раевскаго и началъ переводить войска на лѣвый берегъ Колочи. Уваровъ двинулся на пѣхоту и атаковалъ одинъ пѣхотный полкъ гвардейскими гусарами, но неподготовленная артиллеріей троекратная атака была отбита; все-таки французы отступили за р. Войну, такъ какъ Платовъ, переправившись черезъ Войну выше Беззубова, появился въ тылу непріятельской пѣхоты, которая и отступила отъ Беззубовской плотины. Началась паника въ обозахъ, а затѣмъ и въ войскахъ.

Кутузовъ отозвалъ Уварова за Колочу, а одни казаки не могли справиться съ массою пѣхоты, встрѣтившей ихъ. Но нападеніе Уварова и Платова имѣло огромное значеніе для общаго хода сраженія: батарея Раевскаго была нами отбита, а въ два выигранные часа (отъ 12 до 2 часовъ дня) мы успѣли къ угрожаемымъ пунктамъ подтянуть резервы и даже передвинуть 2-й корпусъ Багговута съ праваго фланга на лѣвый, къ д. Утицѣ; 4-й пѣх. корпусъ занялъ пространство между батареей и с. Семеновскимъ.

Убѣдясь, что на лѣвый флангъ произведено не очень серьезное нападеніе, Наполеонъ возобновилъ атаки на батарею Раевскаго. Въ 3 часа, послѣ страшно упорнаго боя, при чемъ въ батарею ворвалась непріятельская кавалерія съ тыла, наши войска вынуждены были уступить столько часовъ доблестно обороняемый ими пунктъ позиціи. Наполеонъ, по взятіи батареи, бросилъ впередъ массы кавалеріи; но онѣ были встрѣчены русскою конницею, которая преградила имъ путь. Между батареей Раевскаго и Семеновскимъ произошелъ кровавый и упорный бой, прекратившійся около 4 часовъ, вслѣдствіе утомленія войскъ, при чемъ кавалерія могла атаковать только рысью, артиллерія умолкала.

Тяжелыя чувства испытывалъ Наполеонъ, сидя подъ курганомъ у Шевардина; предъ нимъ происходило что-то небывалое, совершенно неожиданное. Онъ зналъ, что превосходитъ русскихъ въ силахъ и, къ уди-

вленію, не можетъ сломить ихъ сопротивленія. Ни трофеевъ, ни плѣнныхъ, какъ бывало въ прежнихъ сраженіяхъ, нѣтъ. Ежеминутно съ разныхъ концовъ поля сраженія прискакиваютъ ординарцы съ просьбою подкрѣпленій. Наконецъ онъ рѣшилъ, по предложенію Бертье, объѣхать поле сраженія. Въ четвертомъ часу онъ выѣхалъ къ Нею и Мюрату къ д. Семеновской. По всему пространству, по которому ѣхалъ Наполеонъ, въ лужѣ крови лежали лошади и люди поодиночкѣ и кучами. Подобнаго зрѣлища, такого количества убитыхъ на такомъ маломъ пространствѣ, никогда не видали еще и Наполеонъ и никто изъ его генераловъ. Гулъ орудій, не прекращавшійся въ теченіе девяти часовъ, усиливалъ впечатлѣніе картины. Наполеонъ выѣхалъ на высоту Семеновскаго и сквозь дымъ увидѣлъ позади Семеновскаго и кургана русскія войска, которыя стройно

Бородинское поле сраженія (Фаберъ дю-Форъ). (Муз. Щукина).

стояли на второй позиціи, въ полной готовности продолжать бой; ихъ орудія, не переставая, гудѣли и дымили по всей линіи. Сраженія уже не было. Хотя въ распоряженіи Наполеона и было 19.000 гвардіи, которую онъ могъ бы бросить впередъ для рѣшенія участи сраженія, но, не слушая совѣта своихъ маршаловъ, полководецъ рѣшилъ не прибѣгать къ этому послѣднему средству, такъ какъ, вѣроятно, не разсчитывалъ сломить русскихъ [1]). Черезъ три часа Наполеонъ вернулся назадъ, «противъ обыкновенія, съ краснымъ лицомъ, съ всклоченными въ безпорядкѣ волосами и усталымъ видомъ».

Перестрѣлка продолжалась по всему полю сраженія до наступленія темноты; но чувствовалось всеобщее утомленіе; кое-гдѣ еще были частныя попытки кавалерійскихъ и пѣхотныхъ частей броситься въ атаку, но

[1]) У Кутузова были тоже еще свѣжія войска, не введенныя въ бой: на правомъ флангѣ 4 егерскихъ полка полковника Потемкина, Преображенскій и Семеновскій полки гвардіи, нѣсколько ротъ артиллеріи и еще 84 орудія въ Можайскѣ, бывшія въ полной готовности и рвавшіяся въ бой.

безъ рѣшительнаго успѣха. Выстрѣлы часъ отъ часу рѣдѣли, и битва замирала.

Кутузовъ, бывшій въ центрѣ позиціи у Горокъ, не переставая слѣдилъ за ходомъ боя и, какъ мы видѣли, успѣлъ измѣнить и первоначальное расположеніе войскъ, передвинувъ во время боя I-ю армію съ праваго фланга къ центру и на лѣвый флангъ, а также вездѣ успѣвалъ своевременно посланными подкрѣпленіями возстанавливать бой. Но главною его заботою было управленіе духомъ войскъ, что, какъ ученикъ Суворова, онъ выполнялъ мастерски.

Мы видѣли его распоряженія для замѣны Дохтуровымъ унесеннаго съ поля сраженія Багратіона. Когда дали знать, что взятъ въ плѣнъ Мюратъ, хотя и ошибочно, онъ послалъ адъютанта поѣхать по войскамъ и объявить объ этомъ. Когда донесли, что французы заняли флеши и Семеновское, онъ подозвалъ Ермолова и сказалъ ему: «Съѣзди, голубчикъ, посмотри, нельзя ли что сдѣлать». Въ третьемъ часу атаки французовъ прекратились. Кутузовъ былъ доволенъ успѣхомъ дня сверхъ ожиданія. Вдругъ пріѣзжаетъ полковникъ Вольцогенъ съ докладомъ отъ Барклая-де-Толли, что войска страшно разстроены, и сраженіе проиграно. Кутузовъ не вѣрилъ тому, что слышитъ, страшно разсердился и приказалъ передать Барклаю, что его свѣдѣнія несправедливы и что настоящій ходъ сраженія извѣстенъ ему, главнокомандующему, лучше, чѣмъ Барклаю.

«Отбиты вездѣ,—горячо говорилъ взволнованный полководецъ,—за что я благодарю Бога и наше храброе войско. Непріятель побѣжденъ, и завтра погонимъ его изъ священной земли русской!»

Но когда вскорѣ пріѣхалъ Раевскій съ докладомъ, что войска твердо стоятъ на своихъ мѣстахъ и французы не смѣютъ ихъ болѣе атаковать, Кутузовъ приказалъ Кайсарову писать приказъ о боѣ на слѣдующій день и послалъ адъютанта по линіи объявить, что на завтра мы атакуемъ.

И эта вѣсть, объявленная отъ главнокомандующаго, которую каждому хотѣлось услышать, поднимала духъ, нарождала новыя силы; измученные, колеблющіеся люди утѣшались и ободрялись.

Наполеонъ и его армія были въ изумленіи передъ противникомъ, который, потерявши почти половину арміи, стоялъ также грозно въ концѣ, какъ и въ началѣ сраженія. Вѣрно сказалъ Ермоловъ, что «подъ Бородинымъ французская армія расшиблась объ русскую». Русскіе, дѣйствительно, одержали нравственную побѣду, убѣдили противника въ томъ, что онъ не можетъ насъ побѣдить. Но побѣда наша была куплена дорогою цѣною: изъ 113.000 чел: мы потеряли 57—58.000 чел., въ томъ числѣ 21 генерала; уронъ французовъ изъ 130.000 чел. 50.000, въ томъ числѣ убитыми и ранеными 43 генерала [1]). «Битва генераловъ» или «Могила французской кавалеріи»—вотъ европейское прозвище Бородинскаго сраженія. Трофеи съ обѣихъ сторонъ почти равны: у непріятеля отбито

---

[1]) Въ числѣ убитыхъ французскихъ генераловъ были два дивизіонныхъ: Монбренъ, котораго не безъ основанія считали лучшимъ послѣ Мюрата кавалеристомъ великой арміи, и Огюстъ Коленкуръ, младшій братъ герцога Виченцскаго, подававшій самыя блестящія надежды. Изъ бригадныхъ генераловъ были убиты: Плозонъ, Юаръ (Huard), Комперъ, Маріонъ, Ромефъ, Ланаберъ и др. Мы потеряли, кромѣ смертельно раненыхъ, Багратіона, Н. А. Тучкова, убитыми: А. А. Тучкова, А. И. Кутайсова и др.

Ред.

13 орудій, мы потеряли 15. Плѣнныхъ не брали; ихъ съ каждой стороны было не болѣе 1.000 человѣкъ.

Ночью французы очистили занятые ими во время боя пункты нашей позиціи и отступили за р. Колочу и къ Шевардину. Нѣсколько разъ войска вскакивали въ панику, ожидая нападенія казаковъ. Палатка Наполеона была окружена карре гвардіи. На утро генералы собрались вокругъ ея, и Ней громко критиковалъ бездѣятельность и нерѣшительность Наполеона въ день сраженія. Наполеонъ не возражалъ и былъ весьма обрадованъ донесеніемъ, что русскіе очистили поле сраженія и потянулись къ Можайску. До 11 часовъ вечера Кутузовъ не отмѣнялъ распоряженій къ возобновленію сраженія, но когда поговорилъ съ пріѣхавшимъ въ это время Дохту-

Сраженіе при Бородинѣ (Д. Скотти).

ровымъ и убѣдился въ громадности понесенныхъ войсками потерь, приказалъ начать отступленіе къ Можайску.

27 августа, въ 6 часовъ утра, русская армія снялась съ позиціи въ полномъ порядкѣ и тишинѣ; французы замѣтили наше отступленіе только въ 10 ч. утра, когда на полѣ сраженія оставался только арьергардъ Платова.

Бородинское сраженіе было очистительною жертвою за оставленіе Москвы и дано было Кутузовымъ для удовлетворенія общественному мнѣнію и голосу арміи.

Позиція, выбранная для боя, была несильная и укрѣплена слабо: профиль укрѣпленій былъ настолько незначителенъ, что кирасиры Тильмана, во время атаки на батарею Раевскаго, перескочили ровъ и бру-

стверъ безъ особаго труда [1]). Позиція была занята неправильно, почему во время боя пришлось половину войскъ переводить по полю сраженія къ центру и лѣвому флангу позиціи. Набѣгъ Уварова и Платова помогъ выиграть необходимые для этого два часа, но все-таки войскамъ Багратіона пришлось шесть часовъ вести бой противъ втрое превосходящаго въ силахъ противника. Всѣ эти ошибки были искуплены небывало доблестнымъ поведеніемъ войскъ. Кутузовъ превосходно управлялъ боемъ и правильно оцѣнилъ его значеніе.

Наполеонъ, думавшій однимъ ударомъ окончить войну, убѣдился, что разбить нашу армію не можетъ и, слѣдовательно, ему, вмѣсто отдыха, предстоитъ ужасная, ничего не обѣщающая хорошаго, борьба, а при малѣйшей неудачѣ—гибель.

Сосредоточивши 100.000 на фронтѣ въ 2 версты, между Колочею и старою смоленскою дорогою, онъ, навѣрное, разсчитывалъ дать парадное сраженіе, хотя и грубо-прямою фронтальною атакою. Конечно, это могло стоить большихъ потерь, но онъ никогда о потеряхъ не думалъ, а, главное, не допускалъ мысли, чтобы его чудныя войска, при огромномъ численномъ превосходствѣ, не сломили сопротивленія русскихъ, которымъ и позиція для боя не давала никакихъ преимуществъ. И вдругъ такое неожиданное разочарованіе!

Много лѣтъ спустя въ своихъ мемуарахъ онъ такъ оцѣниваетъ Бородинское сраженіе: «Изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе стяжали право быть непобѣдимыми... Изъ пятидесяти сраженій, мною данныхъ, въ битвѣ подъ Москвою выказано (французами) наиболье доблести и одержанъ наименьшій успѣхъ».

Кутузовъ, въ донесеніи государю о сраженіи, выяснилъ причину необходимости отступленія, но не упоминалъ ни о побѣдѣ ни объ отступленіи непріятеля, а указалъ на страшное упорство въ битвѣ, мужество войскъ, большія понесенныя ими потери и о взятыхъ съ бою трофеяхъ [2]).

За всю новѣйшую исторію не было сраженія болье кровопролитнаго, чѣмъ Бородинское, и не было случая, чтобы армія, понесшая 50% потерь, была способна на слѣдующій день къ продолженію дѣйствій.

---

[1]) Легкость, съ какой французская кавалерія дѣйствовала противъ батареи Раевскаго, объясняется тѣмъ, что она совсѣмъ почти не была укрѣплена. Насыпь и ровъ не были закончены къ началу сраженія. Валъ не достигалъ требуемой высоты; ровъ былъ покатъ и неглубокъ; амбразуры были приготовлены только для 10 орудій. Послѣ того, какъ французская пѣхота ген. Бонами овладѣла люнетомъ, а потомъ онъ вновь былъ отнятъ нами у непріятеля, ровъ и валъ оползли, и все укрѣпленіе представляло лишь группу орудій на возвышеніи, огороженную невысокими кучками земли (см. полк. Н. П. Поликарповъ въ «Нов. Жизни», кн. 8, стр. 144—146). Французскимъ и саксонскимъ кирасирамъ не за чѣмъ было заѣзжать въ тылъ или перескакивать черезъ ровъ. Они ворвались одновременно со всѣхъ сторонъ. Вотъ что пишетъ очевидецъ: «Бригада, командуемая Коленкуромъ, устремилась на редутъ, и нашимъ удивленнымъ взорамъ представилось поразительное зрѣлище: вся эта возвышенность, господствовавшая надъ нами, вдругъ превратилась въ гору движущагося металла. Блескъ оружія, касокъ и кирасъ, на которыхъ отражались лучи солнца, сливался съ огнемъ орудій, изрыгавшихъ смерть отовсюду»... (Labaume, Relation complète de la compagne de Russie, 152). *Ред.*

[2]) Донесеніе Кутузова о Бородинскомъ сраженіи прибыло въ Петербургъ въ день тезоименитства государя, и хотя императоръ Александръ не былъ введенъ въ заблужденіе относительно значенія совершившагося событія, но объявилъ о немъ, какъ о побѣдѣ, чтобы поддержать въ народѣ надежду на успѣшное окончаніе борьбы съ Наполеономъ и довѣріе къ Кутузову. Князь Кутузовъ былъ произведенъ въ фельдмаршалы и ему было пожаловано 100.000 рублей; Барклаю-де-Толли пожалованъ орденъ св. Георгія 2-й степени, а раненому князю Багратіону 50.000 рублей. 14 генераловъ получили орденъ св. Георгія 3-й степени. Всѣмъ бывшимъ въ сраженіи нижнимъ чинамъ было пожаловано по пяти рублей на каждаго.

«Прямымъ послѣдствіемъ Бородинскаго сраженія было безпричинное бѣгство Наполеона изъ Москвы, возвращеніе по старой смоленской дорогѣ, погибель пятисоттысячнаго нашествія и погибель Наполеоновской Франціи, на которую первый разъ подъ Бородинымъ была наложена рука сильнѣйшаго противника» («Война и миръ», VII, 319).

Н. П. Михневичъ.

Легенда о «побѣдѣ» нашей возникла, какъ намъ представляется, слѣдующимъ образомъ. Кутузовъ искренно былъ убѣжденъ, что не потерпѣлъ пораженія. Онъ былъ готовъ къ сраженію на слѣдующій день. Въ запискѣ, набросанной наспѣхъ карандашомъ вечеромъ, въ самый день сраженія (26 авг.), онъ пишетъ Барклаю: «Изъ всѣхъ движеній непріятельскихъ вижу, что онъ не менѣе насъ ослабѣлъ въ сіе сраженіе, и потомъ, завязавши уже дѣло съ нимъ, рѣшилъ я сегодняшнюю ночь устроить все войско въ порядокъ, снабдить артиллерію новыми зарядами и завтра возобновить сраженіе съ непріятелемъ. Ибо всякое отступленіе при теперешнемъ безпорядкѣ повлечетъ за собою потерю всей артиллеріи» (Щук. Сб., ч. V, 3). Объ этомъ же онъ писалъ Ростопчину въ тотъ же вечеръ. Платову былъ данъ приказъ преслѣдовать непріятеля, и, по всей вѣроятности, въ первоначальный текстъ донесенія это извѣстіе попало. Объ этомъ сообщаетъ Левенштернъ («Р. С.», 1901, кн. 1, стр. 109). Объ этомъ было извѣстно и Ростопчину, который могъ узнать о немъ чрезъ своего сына, адъютанта Барклая («Р. С.», 1889, кн. 12, 706—707). Но когда выяснились огромные размѣры потерь, мысли о возможности дальнѣйшаго сопротивленія были оставлены и, естественно, отмѣнили данный Платову приказъ о преслѣдованіи. Бутеневъ («Р. Арх.», 1881, кн. 3, ч. I, стр. 80) говоритъ: «Утромъ 27 кончилось наше ликованіе по поводу выиграннаго сраженія. Мы узнали, что хоть поле осталось за нами, но кн. Кутузовъ отмѣнилъ приказаніе Платову преслѣдовать непріятеля». Но въ побѣдѣ Кутузовъ былъ увѣренъ. Еще 29 авг. онъ писалъ женѣ: «Я, слава Богу, здоровъ и не побитъ, а выигралъ баталію надъ Бонапартомъ («Р. С.», 1872, кн. 2, стр. 269)

Поэтому мы не находимъ указанія на преслѣдованіе французовъ въ посланномъ царю текстѣ донесенія. Въ этомъ донесеніи Кутузовъ изобразилъ дѣло такъ, какъ оно ему представлялось, и въ немъ почти все было правда. Но потомъ ловкія руки устроили такъ, что донесеніе Кутузова оказалось донесеніемъ о побѣдѣ. У Кутузова одно только не соотвѣтствовало истинѣ: что «непріятель нигдѣ не выигралъ ни на шагъ земли». Онъ сознавался, что армія его была «разстроена», что она не могла удержаться на бородинской позиціи, что она отступила на шесть верстъ, т.-е. за Можайскъ, что патроны и заряды израсходованы почти полностью. Всѣ эти свѣдѣнія, сопоставленныя между собою, должны были дать такое впечатлѣніе, что армія не могла долѣе сопротивляться непріятелю. Между тѣмъ въ опубликованномъ и прочитанномъ въ церквахъ донесеніи Кутузова всѣ эти неблагопріятныя для нашей арміи свѣдѣнія были устранены и прибавлена фраза: «наша армія ночевала на полѣ сраженія». Эта поддѣлка подлиннаго донесенія Кутузова была дѣломъ рукъ графа Аракчеева (см. объ этомъ полк. Н. П. Поликарповъ, «Очерки Отеч. войны», «Нов. Жизнь», 1911, кн. 8, стр. 139—144).

Многіе изъ современниковъ, особенно люди, близко стоявшіе къ дѣлу, были очень удивлены, когда въ опубликованномъ донесеніи увидѣли побѣдное ликованіе. Ермоловъ (Записки, т. I, 204—205), который зналъ, что «непріятель, одержавъ побѣду, не соотвѣтствующую его ожиданіямъ», удивлялся, что «государю представлено донесеніе о совершенной побѣдѣ». Ѳаддеевъ, адъютантъ Левенштерна, передавалъ А. Д. Бестужеву-Рюмину 1 сентября: «Непріятель непремѣнно войдетъ въ Москву, потому что наша армія совсѣмъ погибла» (Чтенія О. И. и Д. Р., 1859, кн. II, стр. 84). Ростопчинъ, въ свою очередь, пишетъ («Р. С.», 1889, кн. 12): «Я написалъ записку министру полиціи, что я не понимаю этой побѣды, потому что наши арміи отступили къ Можайску... Я увѣренъ, что не такъ бы радовались этой побѣдѣ, если бы императоръ узналъ своевременно о моей запискѣ министру полиціи».

Мостъ на Бородинѣ (Фаберъ дю-Форъ).

IV. Фили.

Проф. ген. Н. П. Михневича.

Вечеромъ, 26 августа, и Кутузовъ и вся русская армія были увѣрены, что Бородинское сраженіе выиграно. Кутузовъ приказалъ готовиться на новый бой, но уже черезъ нѣсколько часовъ начали приходить извѣстія о потеряхъ неслыханныхъ, о потерѣ половины арміи, и новое сраженіе оказалось физически невозможнымъ. Кутузовъ приказалъ арміи отступать. Армія, подъ прикрытіемъ аріергарда Платова, потомъ замѣненнаго Милорадовичемъ, отступала на Можайскъ,

---

Зналъ ли правду Александръ? Въ письмѣ къ В. К. Екатеринѣ Павловнѣ отъ 18 сентября, говоря о томъ, что онъ собирался въ Москву, Александръ пишетъ: «Даже послѣ извѣстія о битвѣ 26 августа я выѣхалъ бы немедленно, если бы въ томъ же донесеніи Кутузовъ не замѣтилъ, что онъ рѣшилъ отступить на шесть верстъ, чтобы вновь устроить армію. Эти фатальныя шесть верстъ, *отравляя все удовлетвореніе, которое доставили мнѣ побѣда* (курс. нашъ), заставили ждать меня слѣдующаго донесенія; а оно ясно показало мнѣ, что впереди насъ ждутъ одни бѣдствія» (см. Переписку имп. Александра I съ В. К. Екатериной Павловной, изд. В. К. Николая Михайловича, стр. 90). Строки совершенно ясныя, если, конечно, не предполагать, что Александръ самъ хотѣлъ скрыть правду, ему извѣстную, отъ сестры. Изъ второго донесенія Кутузова, правда все еще довольно смутнаго (тамъ говорилось о «побѣдоносномъ» сраженіи), а особенно изъ разговора съ привезшимъ донесеніе Мишо (Мих. Данил., IV, 530—532), т.-е. 9 сентября, онъ долженъ былъ знать о причинахъ оставленія Москвы. И совсѣмъ уже разъясняло положеніе письмо Винцингероде отъ 13 сентября, гдѣ было сказано вполнѣ опредѣленно: «Что бы ни говорили, а послѣдствія показываютъ, что сраженіе 26 авг. было проиграно». Письмо Винцингероде было отвѣтомъ Александру, который писалъ ему: «Я не могу постичь, что заставило ген. Кутузова отдать Москву врагу послѣ побѣды, которую онъ одержалъ при Бородинѣ» (Зап. С. Г. Волконскаго, стр. 184).

Ред.

Лутинское, Вязьму и 31 августа была въ Мамоновѣ, въ одномъ переходѣ отъ Москвы. Всѣ были увѣрены, что подъ Москвою будетъ новое сраженіе. Повидимому, того же мнѣнія былъ и Кутузовъ, требовавшій отъ московскаго генералъ-губернатора графа Ростопчина шанцеваго инструмента для укрѣпленія позиціи, батарейныхъ орудій, зарядовъ, подводъ для раненыхъ и пр. Начальнику штаба арміи, генералу Беннигсену было поручено пріисканіе позиціи для боя.

Но не столько нужна была позиція, какъ пополненіе войскъ; въ арміи было всего 60.000 человѣкъ; въ нѣкоторыхъ полкахъ оставалось до 300 чел.—пришлось обратить ихъ въ однобаталіонные, и многими изъ нихъ командовали капитаны; особенно были велики потери во II-й арміи [1]). При такихъ условіяхъ бороться противъ 100.000 чел. Наполеона было рискованно.

(Кутузовская изба въ д. Филяхъ.
(Собр. И. Е. Цвѣткова).

1 сентября армія выступила изъ Мамонова къ Москвѣ. Князь Кутузовъ, пожалованный за Бородинское сраженіе въ фельдмаршалы, объѣхалъ позицію, выбранную Беннигсеномъ, и остановился на Поклонной горѣ. Его окружили всѣ старшіе генералы арміи. Здѣсь, среди яснаго сентябрьскаго утра, любуясь на златоглавую первопрестольную столицу, разстилавшуюся у ихъ ногъ, защитники Россіи совѣщались о предстоящемъ боѣ. Мысль объ оставленіи Москвы безъ боя была, можетъ-быть, только въ одной головѣ стараго фельдмаршала, но вскорѣ всѣ пришли къ сознанію о невозможности дать бой на избранной позиціи. Во-первыхъ, она была изрѣзана многими рытвинами и рѣчкой Карповкой, затруднявшими сообщеніе по ней войскъ; въ тылу была р. Москва и обширный городъ, отступленіе черезъ

[1]) Во II-й арміи осталось пѣхоты, въ 54 баталіонахъ, всего 8—10.000 чел., слѣдовательно, въ каждомъ баталіонѣ—менѣе 200 чел.; въ сводной гренадерской дивизіи Воронцова осталось 300 чел. (когда сказали, что дивизія Воронцова, защищавшая Семеновскія флеши, разбита, то Воронцовъ сказалъ: „Невѣрно; она не разбита, но уничтожена!“); въ Астраханскомъ кирасирскомъ полку изъ 400 чел.—только 95; остатки 2-й гренадерской дивизіи, при обозрѣніи лѣваго фланга Бородинской позиціи, были приняты полковникомъ Толемъ за полкъ.

который въ случаѣ нужды было бы для арміи крайне затруднительно. Предлагали усилить позицію укрѣпленіями съ сильной артиллеріей; укрѣпленія уже начали строить; стали подходить войска и приближался вечеръ, но рѣшенія принять не могли. Изъ всѣхъ разговоровъ, къ которымъ внимательно прислушивался Кутузовъ, можно было видѣть одно: защищать Москву не было никакой физической возможности. Онъ подозвалъ къ себѣ старшихъ генераловъ.

— Хороша ли, плоха ли моя голова, а положиться больше не на кого,—сказалъ онъ, вставая съ лавки, и поѣхалъ въ Фили, гдѣ стояли его экипажи.

Въ два часа въ просторной, лучшей избѣ Андрея Савостьянова собрался военный совѣтъ. Кутузовъ сѣлъ въ темный уголъ и, видимо, сильно волновался. Всѣ генералы собрались своевременно; опоздалъ Беннигсенъ на два часа, по случаю рекогносцировки позиціи. Его ожидали. Кутузовъ предложилъ на обсужденіе вопросъ: «Спасенье Россіи въ арміи. Выгодно ли рисковать потерею арміи и Москвы, принявъ сраженье, или отдать Москву безъ сраженія? Вотъ на какой вопросъ я желаю знать ваше мнѣніе».

Начались пренія. Барклай-де-Толли, вѣрный своему первоначальному плану дѣйствій, доказывалъ необходимость оставить Москву и сохранить армію, отступая къ Владиміру и Нижнему-Новгороду. Беннигсенъ, обращая вниманіе присутствующихъ на послѣдствія, могущія произойти отъ оставленія Москвы безъ боя: на потери для казны и частныхъ лицъ, впечатлѣніе, какое произведетъ событіе на народный духъ и иностранные дворы, на затрудненія и опасности прохожденія войскъ черезъ Москву [1]), предложилъ: ночью перевести войска съ праваго фланга на лѣвый и ударить на другой день въ правое крыло французовъ; въ случаѣ же неудачи, отступить на старую или новую калужскую дорогу, откуда угрожать сообщеніямъ Наполеона.

Съ Беннигсеномъ согласились: Дохтуровъ, Уваровъ, Коновницынъ и Ермоловъ [2]); съ Барклай-де-Толли—графъ Остерманъ, Раевскій и Толь; послѣдній подалъ особое мнѣніе: расположить армію правымъ крыломъ къ д. Воробьевой, а лѣвымъ—къ новой калужской дорогѣ.

— Я, господа,—сказалъ Кутузовъ,—не могу одобрить плана графа [3]). Передвиженія войскъ въ близкомъ разстояніи отъ непріятеля всегда бываютъ опасны, и военная исторія подтверждаетъ это соображеніе. Такъ, напримѣръ... Да вотъ хоть бы Фридландское сраженіе, которое, какъ я думаю, графъ хорошо помнитъ, было... не вполнѣ удачно только отъ того, что войска наши перестраивались въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ непріятеля [4])...

---

[1]) Какъ плохо иногда современники освѣдомлены о положеніи дѣлъ, показываютъ, напр., воспоминанія А. П. Бутенева. Здѣсь мы встрѣчаемъ такое указаніе: «Говорили, что Барклай былъ въ числѣ немногихъ генераловъ, которые подали голосъ сразиться во что бы ни стало. Онъ не дерзнулъ бы соединить своего иноземнаго имени съ оставленіемъ Москвы. Эта великая жертва принесена была безъ ропоту, безъ мятежа и народнаго негодованія въ самой Москвѣ и въ губерніяхъ только потому, что повелѣніе шло отъ Кутузова» («Р. Арх.», 1881, III, 83).

Ред.

[2]) По одной версіи Ермоловъ былъ за мнѣніе Барклая.

[3]) Беннигсена.

[4]) Въ сраженіи подъ Фридландомъ (1807 г.) Беннигсенъ былъ разбитъ Наполеономъ.

Послѣдовало минутное молчаніе и снова пренія возобновились; но ясно было, что договориться до одинаковаго рѣшенія никакъ не могутъ. Кутузовъ тяжело вздохнулъ, какъ бы собираясь говорить. Всѣ оглянулись на него.

— Итакъ, господа, стало-быть, мнѣ платить за перебитые горшки,— сказалъ онъ. И, медленно приподнявшись, онъ подошелъ къ столу, за которымъ засѣдалъ военный совѣтъ.—Господа, я слышалъ ваши мнѣнія. Нѣкоторые будутъ несогласны со мной. Но я (онъ остановился) властью, врученною мнѣ государемъ и отечествомъ, я — приказываю отступать.

Генералы разошлись съ тяжелымъ сознаніемъ тяжкой отвѣтственности за принятое Кутузовымъ рѣшеніе. Но здѣсь и сказалось все величіе духа полководца, въ руки котораго русскій народъ отдалъ свою историческую судьбу.

Старикъ фельдмаршалъ, простившись съ генералами, долго сидѣлъ и думалъ о вопросѣ, тяготившемъ его: «Не виноватъ ли онъ въ принятомъ рѣшеніи? Когда же было сдѣлано то, что рѣшило вопросъ объ оставленіи Москвы, и кто же виноватъ въ этомъ?»

— Этого, этого я не ждалъ,—сказалъ онъ вошедшему къ нему, уже поздно ночью, адъютанту Шнейдеру;—этого я не ждалъ! Этого я не думалъ!

— Вамъ надо отдохнуть, ваша свѣтлость,—сказалъ Шнейдеръ.

— Да нѣтъ же! Будутъ же они лошадиное мясо жрать, какъ турки,— не отвѣчая прокричалъ Кутузовъ, ударяя пухлымъ кулакомъ по столу.— Будутъ и они, только бы... [1]).

Эти слова «только бы» вполнѣ понятны: «только бы» я остался у власти, «только бы» не перестали вѣрить въ меня, «только бы» дали довести дѣло до конца, какъ я рѣшилъ его провести.

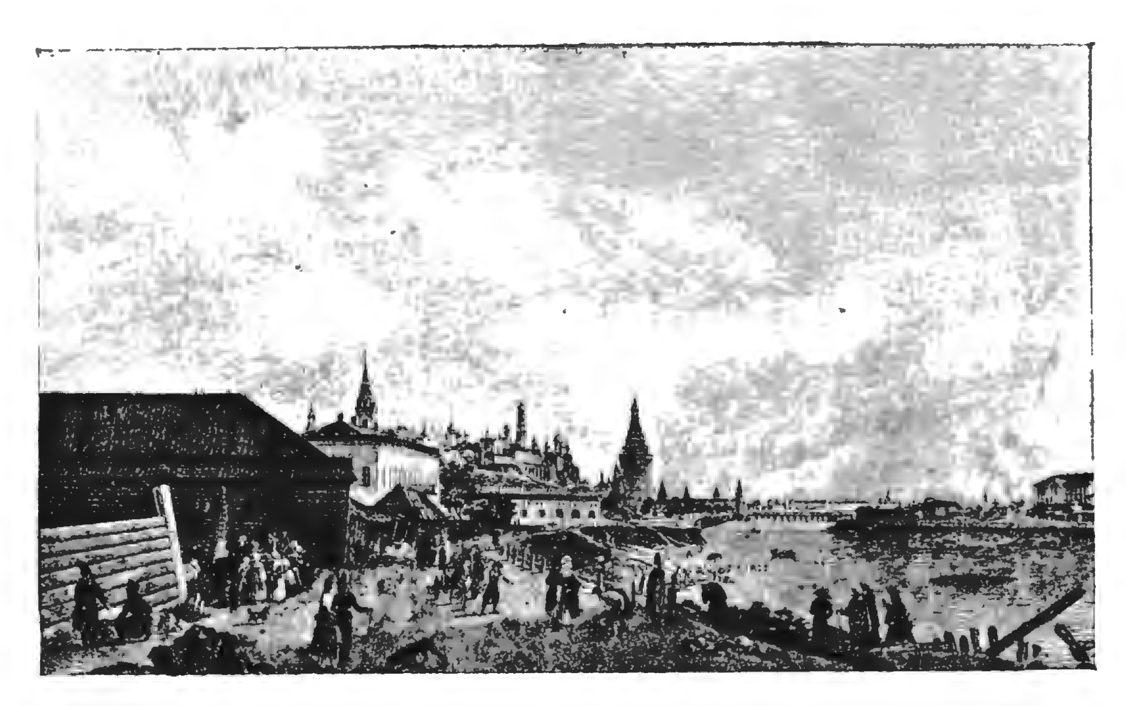
На счастье Россіи, фельдмаршалъ уцѣлѣлъ на своемъ мѣстѣ и дожилъ до счастливаго сознанія быть спасителемъ отечества [2]).

Н. П. Михневичъ.

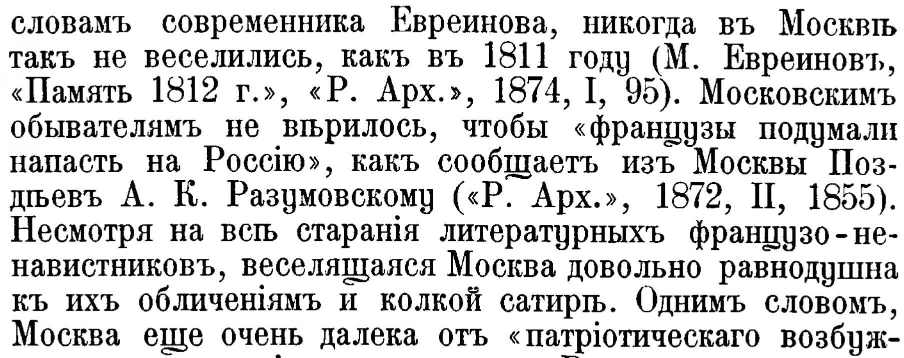
[1]) Этотъ разговоръ съ Шнейдеромъ взятъ изъ Л. Н. Толстого „Война и миръ".

[2]) 4 сентября изъ с. Жилино Кутузовъ послалъ императору донесеніе о рѣшеніи оставить Москву: «Послѣ столь кровопролитнаго, хотя и побѣдоноснаго съ нашей стороны, отъ 26 августа сраженія,— писалъ Кутузовъ,—долженъ я былъ оставить позицію при Бородинѣ... Послѣ сраженія того армія была весьма ослаблена; въ такомъ положеніи приближались мы къ Москвѣ, имѣя ежедневно большія даже съ авангардомъ непріятельскимъ и на семъ недальнемъ разстояніи не представлялось позиціи, на которой мы бы съ надежностью приняли непріятеля; войска, съ которыми надѣялись мы соединиться, не могли еще прійти... а потому не могъ я никакъ отважиться на баталію, которой невыгоды имѣлъ бы послѣдствіемъ не только разрушеніе арміи, но и кровопролитнѣйшую гибель и превращеніе въ пепелъ самой Москвы; въ такомъ крайне сомнительномъ положеніи, по совѣту съ первенствующими нашими генералами, изъ которыхъ нѣкоторые были противнаго мнѣнія, долженъ былъ я рѣшиться попустить непріятеля взойти въ Москву, изъ коей всѣ сокровища, арсеналъ и всѣ почти имущества, какъ казенныя, такъ и частныя, вывезены и ни одинъ почти житель въ ней не остался. Осмѣливаюсь всеподданнѣйше донести Вамъ, Всемилостивѣйшій Государь, что вступленіе непріятеля въ Москву не есть еще покореніе Россіи... напротивъ

Москва конца XVIII в. (рис. Де-ла-Барта).

V. Ростопчинъ—московскій главнокомандующій.

С. П. Мельгунова.

По словамъ современника Евреинова, никогда въ Москвѣ такъ не веселились, какъ въ 1811 году (М. Евреиновъ, «Память 1812 г.», «Р. Арх.», 1874, I, 95). Московскимъ обывателямъ не вѣрилось, чтобы «французы подумали напасть на Россію», какъ сообщаетъ изъ Москвы Поздѣевъ А. К. Разумовскому («Р. Арх.», 1872, II, 1855). Несмотря на всѣ старанія литературныхъ французо-ненавистниковъ, веселящаяся Москва довольно равнодушна къ ихъ обличеніямъ и колкой сатирѣ. Однимъ словомъ, Москва еще очень далека отъ «патріотическаго возбужденія». Зато «безсмертные московскіе», какъ именуетъ Ростопчинъ въ письмѣ къ Александру московскихъ отставныхъ вельможъ («Р. Арх.», 1909, I, 28), не прочь поиграть въ оппозицію. Фрондерство — это специфическое явленіе Москвы, которое отмѣтила еще въ 1806 г. миссъ Вильмотъ, ком-

того съ арміею дѣлаю я движеніе къ тульской дорогѣ, сіе приведетъ меня въ состояніе прикрыть пособія въ обильнѣйшихъ нашихъ губерніяхъ заготовленныя... хотя не отвергаю того, что занятіе столицы не было раною чувствительнѣйшею, но, не колеблясь между симъ происшествіемъ и тѣми событіями, могущими послѣдовать въ пользу нашу съ сохраненіемъ арміи, я принимаю теперь въ операціи со всѣми силами линію, посредствомъ которой, начиная съ дорогъ тульской и калужской, партіями моими буду пресѣкать всю линію непріятельскую, растянутую отъ

паньонка кн. Дашковой. Всѣ тѣ, «кто нынѣ не въ милости, фрондирують». «Москва, — пишетъ Вильмотъ, — это государственныя политическія Елисейскія поля Россіи». Среди этихъ фрондирующихъ московскихъ дворянъ, находящихся «не въ милости», долгое время числится и гр. Ростопчинъ, популярный въ Москвѣ за свои «острыя и забавныя выходки». Съ его саморекламной дѣятельностью до 1812 года читатели уже знакомы (см. II т.) Черезъ тверской салонъ Ростопчинъ дѣлаетъ свою новую карьеру. Самолюбивому Александру самомнительный Ростопчинъ былъ «глубоко антипатиченъ» (Segur, Vie de Rostopchine, 189, изд., 1873). Въ этомъ нѣтъ никакихъ сомнѣній. И по словамъ А. Я. Булгакова, одного изъ московскихъ друзей Ростопчина, Александръ долгое время отклонялъ предложеніе Екатерины Павловны о назначеніи Ростопчина московскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ отвѣтъ на настойчивыя предложенія тверского кружка Александръ будто бы приводилъ аргументъ, что Ростопчинъ, «состоя въ званіи оберъ-камергера, въ гражданской службѣ не можетъ занять мѣсто, требующее военнаго мундира», на что Екатерина Павловна возражала: «Mais c'est une affaire du tailleur» («Ст. и Нов.», VII, 99). Но такъ или иначе, уже въ февралѣ 1812 г. Ростопчинъ получаетъ новое назначеніе (офиціально указъ послѣдовалъ въ Вильнѣ 24 мая). Въ сущности на новаго главнокомандующаго возлагается опредѣленная задача: возбудить въ Москвѣ передъ войной патріотическое настроеніе и прежде всего возжечь «въ сердцахъ» дворянства любовь къ императору «совсѣмъ почти погасшую», какъ выражался Ростопчинъ въ письмѣ къ Александру 17 декабря 1806 г. («Р. Арх.», 1892, 8, 420). «Скажите Ростопчину», — писала Ек. Павл. А. П. Оболенскому,—что онъ «долженъ воспламенить дворянство...» Ему стоитъ только «указать на опасность, въ какомъ находится отечество, и на народное значеніе этой войны» (А. Н. Поповъ, «Москва въ 1812 г.», «Р. Арх.», 1875, VII, 313). Передъ Ростопчинымъ и другая задача, помимо примиренія правительства

Смоленска до Москвы и . . . надѣюсь принудить его оставить Москву и перемѣнить свою операціонную линію. Пока армія Вашего Императорскаго Величества цѣла и движима извѣстною храбростью и нашимъ усердіемъ, дотолѣ еще возвратная потеря Москвы не есть потеря Отечества. Впрочемъ, Ваше Императорское Величество, всемилостивѣйше соизволите согласиться, что послѣдствія сіи нераздѣльно связаны съ потерею Смоленска». (Бумаги, относящ. до Отеч. войны, изданныя Щукинымъ, ч. I, стр. 95—96.) Послѣдняя фраза въ донесеніи, заключавшая намекъ на Барклая, часто служила обвиненіемъ со стороны современниковъ противъ Кутузова. Порицаетъ Кутузова за намѣреніе «набросить невыгодный свѣтъ» на Барклая въ своихъ запискахъ Ермоловъ. Но особенно рѣзко отозвался Жозефъ де-Местръ въ своемъ донесеніи сардинскому королю 2 іюня 1813 г. Отзываясь вообще чрезвычайно строго о Кутузовѣ, отрицая за нимъ какія-либо заслуги (про Бородинскую битву онъ говоритъ: «битвою распоряжались собственно Барклай, искавшій смерти, и Багратіонъ, нашедшій ее тамъ»), Жозефъ де-Местръ писалъ о концѣ реляціи Кутузова: «Какая низость, какая гнусность! Чтобы называть вещи ихъ настоящимъ именемъ, мало преступленій подобныхъ тому, чтобы открыто приписать весь ужасъ гибели Москвы генералу Барклаю, который не русскій и у котораго нѣтъ никого, чтобы его защитить» («Р. Арх.», 1912, I, 48).

Ред.

съ фрондирующимъ дворянствомъ, — борьба съ внутренней крамолой, борьба съ опасной сектой «мартинистовъ» и русскихъ «якобинцевъ». Уничтожить дворянскую «фронду» весьма легко. Еще въ декабрьскомъ письмѣ 1806 г. Ростопчинъ указываетъ простое средство. Вѣдь «сіе знаменитое сословіе, одушевленное духомъ Пожарскаго и Минина, жертвуетъ всѣмъ отечеству и гордится лишь титломъ Россіянъ». Но «все сіе усердіе... обратится въ мгновеніе ока въ ничто, когда толкъ о мнимой вольности подыметъ народъ на пріобрѣтеніе оной истребленіемъ дворянства, что есть во всѣхъ бунтахъ и возмущеніяхъ единая цѣль черни». Вопросъ о «мнимой вольности» сошелъ уже со сцены, либерализму передъ 12 годомъ была дана окончательная отставка. И, слѣдовательно, здѣсь задача Ростопчина упрощалась—оставалось только указать на «опасность», грозившую дворянству, на необходимость самообороны и пожертвованій во имя сохраненія status quo. Бо̀льшой энергіи требовала борьба съ опасной политической партіей—союзомъ «мартинистовъ», рисовавшемся въ фантастическихъ построеніяхъ графа Ростопчина въ видѣ какого-то таинственнаго заговора, сосредоточіемъ котораго являлась Москва. Ростопчину, по собственному признанію, «приходилось слышать страшныя слова», и онъ убѣжденъ, что при малѣйшемъ волненіи въ народѣ «лицемѣры-мартинисты явятся открытыми злодѣями. Они притворяются смиренниками, чтобы возбуждать безпорядки». Сюда и должна быть направлена наибольшая энергія облеченнаго монаршимъ довѣріемъ новаго «московскаго властелина». Онъ явился въ Москву гордый сознаніемъ, что ему поручена великая миссія спасенія отечества. Крѣпостникъ и реакціоперъ по убѣжденіямъ, фанатически враждебный къ Франціи, какъ къ носительницѣ революціонныхъ идей, и къ Наполеону, какъ къ порожденію той же революціи, человѣкъ неумный, чрезвычайно плоскій въ своихъ остротахъ и шуткахъ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ, Ростопчинъ долженъ былъ ознаменовать свою дѣятельность грубымъ самодурствомъ и произволомъ. Этотъ Донъ-Кихотъ реакціи создавалъ фантомъ революціи, съ которымъ боролся во имя саморекламы и самовосхваленія. Человѣкъ въ высокой степени неискренній, любившій позировать и оригинальничать, Ростопчинъ каждому своему дѣйствію, каждому своему выступленію придавалъ пышную внѣшнюю инсценировку. Въ каждомъ его поступкѣ слышится нота фальши. Онъ съ нея началъ и въ моментъ вступленія на постъ московскаго главнокомандующаго. Въ Москвѣ Ростопчинъ долженъ показать примѣръ патріотическаго служенія, «полезный въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ». И онъ проситъ при назначеніи его въ Москву «жалованье опредѣлить очень большое для того, что на первой почтѣ я напишу письмо къ министру полиціи съ просьбой, что на все время войны я служу безъ жалованья» (Дубровинъ, «1812 г. въ письмахъ», Зап. Ак. Н., т. XLIII, 4). И по пріѣздѣ въ Москву онъ прежде всего хочетъ «бросить пыль въ глаза». Съ этой цѣлью, по собственному признанію, въ день вступленія въ должность «велѣлъ отслужить молебенъ передъ всѣми чудотворными иконами, которыя весьма почитаетъ народъ». «Двухъ дней» оказалось достаточнымъ Ростопчину, чтобы такимъ путемъ «бросить пыль въ глаза». Таково его личное признаніе (Воспоминанія, «Р. Ст.», 1889, XII, 656).

Удалось ли это ему въ дѣйствительности? Если отъ назначенія Ростопчина и были въ восторгѣ такія лица, какъ Багратіонъ, видѣвшій въ Ростопчинѣ олицетвореніе истинно-русскаго начала и относившійся поэтому къ нему съ «обожаніемъ»; если это назначеніе привѣтствовали искренніе и наивные «патріоты», въ родѣ С. Н. Глинки, готоваго противопоставлять Ростопчина Наполеону и тѣмъ доставлявшаго, конечно, огромное удовлетвореніе самолюбивому графу, но общее впечатлѣніе отъ назначенія скорѣе было не въ пользу Ростопчина. Въ Москвѣ были удивлены, увидѣвъ балагура-вельможу въ роли «московскаго властелина». Современникъ Бестужевъ-Рюминъ это впечатлѣніе передаетъ въ такихъ характерныхъ словахъ: «Признаюсь откровенно, что лишь только я узналъ о сей перемѣнѣ начальства (т.-е. о назначеніи вмѣсто Гудовича Ростопчина), сердце у меня облилось кровью; какъ будто я ожидалъ чего-то очень непріятнаго» («Чтенія Ист. и Др.», 1859, II, отд. V, 69). И, конечно, онъ былъ совершенно правъ, такъ какъ Ростопчинъ былъ уже извѣстенъ, какъ представитель того боевого націонализма, который, въ концѣ - концовъ, неизбѣжно приводилъ къ пробужденію самыхъ низменныхъ шовинистическихъ чувствъ, самыхъ дурныхъ инстинктовъ въ некультурныхъ массахъ. Духъ патріотизма Ростопчина, какъ нельзя лучше, охарактеризовалъ К. Н. Батюшковъ, сказавшій еще по поводу «Мыслей на Красномъ Крыльцѣ» и литературной дѣятельности Глинки: «любить отечество должно... но можно ли любить невѣжество?» Московскій баринъ, державшій француза - повара, изъяснявшійся и переписывавшійся только на французскомъ діалектѣ, понималъ проявленіе патріотизма въ видѣ самыхъ грубыхъ выходокъ. Ростопчинскіе друзья, съютившіеся въ его московской гостиной, приходили въ восторгъ отъ «забавныхъ» выходокъ своего покровителя. Правда, проявленія этого остраго ума были довольно трафаретны. Булгаковъ не безъ удовольствія разсказываетъ, какъ однажды онъ принесъ лубочный портретъ Наполеона, и Ростопчинъ тутъ же написалъ на немъ площадное двустишіе. Онъ же передаетъ о горячихъ спорахъ Ростопчина съ женой изъ-за того, что московскій главнокомандующій помѣстилъ дорогой бронзовый бюстъ Наполеона въ совершенно неподходящемъ мѣстѣ. Жена Ростопчина—католичка протестовала, такъ какъ Наполеонъ былъ коронованной особой, помазаніе надъ которымъ совершалъ самъ римскій первосвященникъ. Но Ростопчинъ ни за что не хотѣлъ уступить женѣ... («Ст. и Нов.», VII). Таково было убогое

„Эмигрантъ“ (рис. Орловскаго).

остроуміе знаменитаго московскаго патріота. Неужели въ этомъ проявлялся дѣйствительный умъ? Нѣтъ ничего удивительнаго, что многіе изъ друзей Ростопчина восторгались этими буффонадами—ко многимъ изъ такихъ друзей вполнѣ можетъ быть примѣнено замѣчаніе Батюшкова: «самый Лондонъ бѣднѣе Москвы по части нравственныхъ карикатуръ...» Небезынтересно для личной характеристики Ростопчина отмѣтить тотъ фактъ, что назначеніе его встрѣтило несомнѣнное сочувствіе въ средѣ московскихъ іезуитовъ: «перемѣна губернатора,—писалъ аббатъ Сюрюгъ,—будетъ для насъ выгодна. Я имѣлъ случай представиться ему и былъ имъ принятъ хорошо. Обѣщаніе графа оказывать намъ особенное покровительство даетъ самыя счастливыя надежды» (Поповъ, «Москва 1812 г.», «Р. Арх.», 1875, VII, 275). Можно было бы подумать, что здѣсь косвенно оказывала вліяніе на московскаго патріота его жена—католичка. Въ дѣйствительности дѣло обстояло проще. У гр. Ростопчина, какъ мы могли уже убѣдиться, отнюдь не было какой-либо органической ненависти къ иностранцамъ. Его узкій націонализмъ былъ наноснаго происхожденія, въ значительной мѣрѣ позой. Онъ ненавидѣлъ только свободомысліе, проявленіе котораго заподазривалъ и тамъ, гдѣ его не могло быть. И здѣсь, въ отцахъ-іезуитахъ, онъ находилъ и несомнѣнныхъ помощниковъ по политическому сыску, и враговъ ужасныхъ — «мартинистовъ». Отсюда вытекала и возможность «особеннаго покровительства» іезуитамъ со стороны Ростопчина.

Таковъ былъ Ростопчинъ въ интимной обстановкѣ, таковы же были и внѣшнія проявленія его власти, какъ начальника Москвы. Дѣятели, подобные Ростопчину, не понимали, а, можетъ-быть, и не могли понять, что здоровый патріотизмъ не нуждается въ искусственныхъ прививкахъ, что онъ самъ естественно заложенъ въ народныхъ чувствахъ. Они ставили своей цѣлью взвинтить народное настроеніе, дѣйствуя на суевѣрныя чувства, возбудить безсознательную ненависть къ французамъ и тѣмъ подвинуть народъ на «патріотическіе» подвиги. Въ 1812 г. это было въ модѣ. Нашелся даже ученый, дерптскій профессоръ Гецель, который, истолковывая два мѣста изъ Апокалипсиса, въ числѣ звѣриномъ открылъ имя антихриста—Наполеона. Свое изысканіе онъ предложилъ Барклаю распечатать «для усугубленія бодрости духа русскаго воинства» («Рус. Ст.», 1883, XII, 651). Синодъ слѣдовалъ по тому же пути, и въ томъ же духѣ дѣйствовалъ гр. Ростопчинъ, старавшійся разбудить человѣконенавистническія чувства въ своихъ подчиненныхъ. Но надежда на разнузданность толпы,—надежда, чреватая послѣдствіями. И, въ концѣ-концовъ, дѣятельность гр. Ростопчина привела къ самымъ печальнымъ результатамъ. Эта дѣятельность, какъ мы знаемъ, направленная въ три стороны (привлеченіе дворянскихъ сердецъ, борьба съ революціей и подъемъ народнаго патріотизма), естественно была тѣсно связана съ ходомъ событій на театрѣ военныхъ дѣйствій, отъ котораго зависѣла агрессивность ростопчинской политики.

Когда врагъ былъ еще далеко, Москва отнюдь не проявляла того «патріотическаго» возбужденія, которое хотѣлось видѣть Ростопчину, принявшему на себя миссію спасителя отечества. Московское общество скорѣе негодовало, что правительство легкомысленно втянулось въ войну.

Императора, по словамъ Ростопчина, прямо обвиняли въ томъ, что онъ причина близкой гибели Россіи, потому что не хотѣлъ предупредить или избѣжать третьей войны съ противникомъ, который уже дважды побѣдилъ его (Воспом. «Р. Ст.», 1889, XII, 655). Московское простонародье на первыхъ порахъ также не проявляло большого воинственнаго пыла. Достаточно припомнить знаменитую сцену, разыгравшуюся 12 іюля въ Кремлѣ. По случаю молебствія Кремль набитъ народомъ. Вдругъ по толпѣ пронесся слухъ, что запираютъ ворота и будутъ брать каждаго силою въ солдаты. Въ нѣсколько минутъ, разсказываетъ очевидецъ, ростовскій городской голова Маракуевъ [1]), Кремль опустѣлъ. Это, конечно, былъ вздорный слухъ, но москвичи прекрасно знали, что гр. Ростопчинъ, которому было поручено образованіе военной силы въ Московскомъ округѣ, не остановится передъ самыми вопіющими мѣрами насилія. Они знали, что мѣщане и господскіе люди, взятые въ смирительный и рабочій домъ за пьянство и распутство, забираются въ рекруты, что еще 28 іюня, по просьбѣ Ростопчина, ему разрѣшено зачислять въ армію нижними чинами за «проступки» всѣхъ «неимѣющихъ ремесла, жилища и состоянія, отставныхъ офицеровъ и нижнихъ классовъ чиновниковъ праздношатающихся» («Письмо Балашова къ Ростопчину». Дубровинъ, «1812 г. въ письмахъ», 32). Отсюда такъ легко могла возникнуть паника. Припомнимъ еще одинъ характерный эпизодъ, происшедшій въ имѣніи старика Свербеева. Воспылавъ воинственнымъ пыломъ, семидесятилѣтній Свербеевъ собралъ своихъ «Богомъ и государемъ данныхъ подданныхъ» и предложилъ имъ «итти противъ врага, замыслившаго въ сатанинской своей гордости разорить нашу вѣру и покорить себѣ нашу милую родину». Однако его ждало большое разочарованіе — нашелся всего одинъ охотникъ. Здѣсь сказался простой «здравый смыслъ», какъ замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Д. Н. Свербеевъ. Крестьяне, «еще до объявленія имъ моимъ отцомъ, предугадали, что будетъ большой наборъ, и тутъ же заговорили: «Изъ чего же намъ итти въ охотники? Кто похочетъ, тотъ и пойдетъ, когда будутъ набирать, а то, пожалуй, охочіе найдутся, а положенныхъ возьмутъ безъ замину...» («Записки», I, 63 и 67). Ростопчинъ, конечно, подобные инциденты объяснялъ исключительно происками зловредныхъ «мартинистовъ», которыхъ со всѣмъ усердіемъ сталъ разыскивать по Москвѣ.

Графъ И. В. Гудовичъ.
(Пис. Жеренъ).

---

[1]) Напечатано въ „Русск. Архивѣ", вошли въ сборникъ „Пожаръ Москвы", изд. „Образованіе".

Это была ловля призраковъ, созданныхъ воображеніемъ гр. Ростопчина и донесеніями окружающихъ его шпіоновъ. Въ число «мартинистовъ» и «якобинцевъ» Ростопчинъ зачислялъ всѣхъ, кто только позволялъ себѣ высказать какое-либо неодобрительное сужденіе по поводу мѣропріятій главнокомандующаго. Въ частности Ростопчинъ «мартинистами» именовалъ небольшой кружокъ московскихъ масоновъ во главѣ съ Лопухинымъ, Ключаревымъ, Кутузовымъ и Поздѣевымъ. Не давалъ ему покоя и мирно доживающій старость въ своемъ с. Авдотьинѣ Новиковъ, надъ которымъ Ростопчинъ учредилъ черезъ бронницкаго капитана-исправника полицейскую опеку. Вѣрилъ ли самъ Ростопчинъ въ тѣ страхи, которые онъ старательно внушалъ правительству? Вѣрилъ ли онъ въ возможность пропаганды со стороны масона Поздѣева (которому, въ концѣ-концовъ, запретилъ въѣздъ въ Москву) — этого ярого крѣпостника, вполнѣ солидарнаго съ Ростопчинымъ въ вопросѣ объ опасности возмущенія крестьянъ противъ дворянства; вѣрилъ ли онъ въ «якобинизмъ» сенатора Кутузова — реакціонера, заподозривавшаго даже Карамзина, ростопчинскаго пріятеля, не болѣе, не менѣе, какъ въ томъ же «якобинствѣ»; вѣрилъ ли онъ, наконецъ, въ дѣйствительную опасность со стороны барственнаго мистицизма кружка Лопухина, столь враждебнаго и Франціи и французской революціи? Если онъ подъ чужимъ вліяніемъ дѣйствительно вѣрилъ, то это показываетъ лишь его поразительную недалекость. Противъ масоновъ Ростопчина настраивали его друзья іезуиты, относившіеся къ масонамъ и мистикамъ безъ различія направленія съ той же ненавистью, съ какой относились къ нимъ въ концѣ царствованія Александра и отечественные представители ортодоксальнаго православія. Стоитъ прочитать переписку аббатовъ Сюрюга и Бюлли, чтобы увидать, что походъ на мартинистовъ открытъ былъ подъ ихъ непосредственнымъ вліяніемъ.

А Ростопчину не все ли равно было, кого заподазривать въ измѣнѣ. Ему надо было лишь запугать Александра угрозой революціи, внушить къ себѣ довѣріе и показать, что онъ одинъ можетъ справиться на такомъ важномъ посту въ Москвѣ, гдѣ чуть ли не половина населенія состоитъ изъ «наполеонистовъ». Ростопчинъ желалъ власти, которую и могла ему дать въ руки борьба съ мнимой революціей. За отсутствіемъ этихъ дѣйствительныхъ революціонеровъ Ростопчинъ выбиралъ неугодныхъ себѣ лицъ, съ которыми и сводилъ такимъ путемъ личные счеты. Наиболѣе яркимъ примѣромъ въ данномъ случаѣ является гоненіе на почтъ-директора Ключарева, позволившаго себѣ высказать «нелестное мнѣніе» о Ростопчинѣ. Съ другой стороны, по словамъ Рунича, у Ростопчина явилось подозрѣніе, что Ключаревъ обнаружилъ его тайную переписку съ Тверью (Изъ записокъ Рунича, «Р. Ст.», 1901 г., III, 599). Надо Ключарева удалить подъ видомъ опаснаго «мартиниста». Ростопчинъ, впрочемъ, еще недостаточно увѣренъ въ своей власти, не увѣренъ, что его авторитетъ твердо стоитъ въ мнѣніи Александра. И поэтому онъ проситъ фельдмаршала Салтыкова воздѣйствовать на удаленіе Ключарева, но получаетъ въ отвѣтъ, что императоръ полагаетъ, что «теперь не время дѣлать подобныя перемѣщенія». Это былъ, конечно, афронтъ для Ростопчина. Въ борьбѣ съ «мартинистами» онъ долженъ былъ такимъ образомъ учитывать то обстоятельство, что заподозрѣнныя имъ

лица и находились въ большихъ чинахъ и занимали видныя административныя положенія.

Александръ не хотѣлъ «лишняго шума», какъ показываетъ распоряженіе императора по поводу ареста доктора Сальватора, лица, близкаго ростопчинскому предшественнику на московскомъ посту гр. Гудовичу. Сальваторъ какъ разъ явился жертвой іезуитской интриги. Сюрюгъ неоднократно жаловался на притѣсненія со стороны Гудовича подъ вліяніемъ Сальватора, явнаго «революціонера» и «якобинца». Дѣло Сальватора заставило Ростопчина шумѣть еще больше о революціи и такимъ образомъ найти болѣе конкретные признаки для обвиненія непріятныхъ ему лицъ. Ростопчина понемногу опьяняла власть, и онъ дѣйствительно хотѣлъ быть настоящимъ «московскимъ властелиномъ». Приставивши для тайнаго наблюденія за Ключаревымъ своего довѣреннаго полицмейстера Брокера, прежде служившаго въ почтовомъ вѣдомствѣ и личнаго врага Ключарева, Ростопчинъ искалъ только случая, чтобы расправиться съ Ключаревымъ. Благодаря энергіи Брокера, такой случай скоро представился, — это и было знаменитое въ лѣтописи московской жизни дѣло Верещагина. Молодой человѣкъ изъ купеческой семьи, получившій для своего времени хорошее воспитаніе, перевелъ на русскій языкъ два газетныхъ сообщенія о Наполеонѣ, а именно «Письмо Наполеона къ прусскому королю» и «Рѣчь Наполеона къ князьямъ Рейнскаго союза въ Дрезденѣ». Для чего было это сдѣлано? Можетъ-быть, изъ простого личнаго любопытства, можетъ-быть, для того, чтобы познакомить «друзей» съ упомянутыми газетными сообщеніями. Понятно, что общество интересовалось дѣйствіями Наполеона, а между тѣмъ цензура свирѣпствовала и рѣшительно не пропускала никакихъ сообщеній изъ заграничной печати.

Ѳ. В. Ростопчинъ (портр. Гебауэйра).

Ростопчинъ раздулъ дѣло Верещагина до огромныхъ размѣровъ, представивъ виновника перевода въ образѣ злѣйшаго злодѣя, составителя прокламацій. «Вы увидите, государь,—писалъ онъ Александру 30 іюня, — изъ моего донесенія къ министру полиціи, какого откопалъ я здѣсь злодѣя... Сочинитель прокламаціи отъ имени врага своего отечества и въ началѣ войны есть измѣнникъ и государственный преступникъ. Не дай Богъ, чтобы здѣсь произошло волненіе въ народѣ, но если бы произошло, то я напередъ увѣренъ, «что эти лицемѣры—мартинисты, явятся открытыми злодѣями»...

3 іюля въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилось спеціальное объявленіе о Верещагинѣ и о вновь открытомъ заговорѣ. Такимъ путемъ создалось громкое дѣло [1]), давно желанное Ростопчину; дѣло, при помощи котораго онъ могъ подкопаться подъ Ключарева. Верещагинъ былъ преданъ суду и, какъ сообщаетъ Руничъ, ему «велѣно» было говорить, что онъ получилъ прокламаціи для списыванія отъ одного изъ сыновей Ключарева [2]). Въ Москвѣ раскрытіе Ростопчинымъ злодѣйскаго покушенія на цѣлость государства вызвало съ самаго начала различное впечатлѣніе.

Если Глинка, преклонявшійся передъ Ростопчинымъ и готовый вѣрить всякой сплетнѣ объ измѣнѣ, привѣтствовалъ Ростопчина даже стихами:

«Ты всюду простираешь очи,
Открылъ плоды ты развращенья,
Сплетенья вымысловъ пустыхъ
Плоды нерусскаго ученья,
Плоды бесѣдъ и обществъ злыхъ»,

то другимъ болѣе наблюдательнымъ современникамъ уже первоначальное «объявленіе главнокомандующаго показалось ложью». Таково было впечатлѣніе Бестужева-Рюмина, таково, по его словамъ, было впечатлѣніе всеобщее. «Впрочемъ, —добавляетъ авторъ воспоминаній, — бумаги сіи (т.-е. «прокламаціи» Верещагина) и сами по себѣ не сдѣлали особеннаго впечатлѣнія въ н а р о д ѣ». Конечно, они не могли произвести «впечатлѣнія» уже потому, что и не предназначались для распространенія въ массѣ [3]).

---

1) Верещагинское дѣло наиболѣе полно изложено въ „Бумагахъ, относящихся до Отечественной войны 1812 г.“, изданныхъ П. И. Щукинымъ, ч. VI и VIII.

2) Возможно, впрочемъ, что это было дѣйствительно такъ, т.-е. что онъ могъ получить запрещенную газету черезъ сына Ключарева. Такъ, по крайней мѣрѣ, по словамъ свидѣтелей, сказалъ Верещагинъ отцу. Верещагинъ на допросѣ отвергалъ это, указывая, что онъ съ сыномъ Ключарева даже не былъ знакомъ и что „сказалъ такъ единственно потому, чтобы тѣмъ сдѣлать увѣреніе въ справедливости, опасаясь, что если скажетъ о сочиненіи оной имъ, то не только что ее не примутъ за справедливость, но получитъ еще наказаніе отъ отца“. Верещагинъ показывалъ оберъ-полицмейстеру Ивашкину, что нашелъ газету, „шедши съ Лубянки на Кузнецкій мостъ... противъ французскихъ лавокъ“.

Верещагинъ поступалъ благородно, принимая на себя всю отвѣтственность и не желая замѣшивать никого въ процессъ. Этимъ благородствомъ Ростопчинъ, руководившій слѣдствіемъ, воспользовался для усиленія вины Верещагина. Запутанный на слѣдствіи, Верещагинъ 26 іюня даетъ письменное показаніе, въ которомъ онъ отрекается отъ прежняго показанія; онъ показываетъ, что „не только не находилъ газетнаго листа, но даже нигдѣ и ни отъ кого не получалъ таковаго, не видалъ и не переводилъ, а чувствуя поступокъ свой, противный закону, думалъ, не оправдаетъ ли его такое несправедливое показаніе о найденіи имъ будто бы газетнаго листа и о переводѣ съ него“ (Щук. Сб., VIII, 49). Слѣдовательно, Верещагинъ с о ч и н и т е л ь. Этимъ признаніемъ и воспользовался Ростопчинъ.

3) Слѣдствіе выяснило, что Верещагинъ читалъ 17 іюня своей мачехѣ бумагу, чтобы показать: „вотъ что пишетъ злодѣй французовъ“. Разсказывалъ о ней и отцу. Затѣмъ—встрѣтившись въ кофейной съ губернскимъ секретаремъ Мѣшковымъ, разсказалъ и ему, но перевода не далъ. А Мѣшковъ, интересуясь содержаніемъ, пригласилъ его въ гости и подъ винными парами выманилъ бумагу и списалъ. Отсюда пошли списки въ публикѣ. „Я самъ видѣлъ ихъ у многихъ моихъ чиновниковъ въ Департаментѣ и списалъ для себя копіи,—разсказываетъ Бестужевъ-Рюминъ, — но, прочитавъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ объявленіе графа Ростопчина и чтобы не подвергнуть себя непріятностямъ, сжегъ ихъ у себя“. (Чтенія, 1859, 2—71).

Назвать ихъ «прокламаціями» могъ лишь гр. Ростопчинъ въ своемъ стремленіи создать себѣ популярность открытіемъ несуществующаго заговора. Достаточно привести инкриминировавшіяся Верещагину мѣста изъ переведенныхъ статей, чтобы видѣть ясно, какъ все это далеко было даже отъ возможнаго намека на какія-то «прокламаціи». Въ первой статьѣ попадалась такая фраза, обращенная Наполеономъ къ прусскому королю: «Очень радуюсь, что вы... заглаживаете недостойный васъ союзъ съ потомками Чингизъ-Хана». А въ другой говорилось: «я держалъ свое слово и теперь говорю: прежде шести мѣсяцевъ двѣ сѣверныя столицы Европы будутъ видѣть въ стѣнахъ своихъ побѣдителей Европы» [1]... Ростопчинъ придалъ злостный умыселъ этому переводу, признавъ безапелляціонно, что Верещагинъ какъ бы согласенъ съ мнѣніемъ, высказаннымъ Наполеономъ.

17 іюля, послушный Ростопчину, магистратъ вынесъ рѣшеніе, коимъ Верещагинъ ссылался вѣчно въ каторжныя работы въ Нерчинскъ, а Мѣшковъ, по лишеніи чиновъ и личнаго дворянскаго достоинства, отдавался въ военную службу. По мнѣнію магистрата, государственнаго измѣнника слѣдовало бы «казнить смертью», но «за отмѣненіемъ оной» пришлось ограничиться каторжными работами.

Вторая инстанція — первый департаментъ палаты уголовнаго суда съ такой же быстротой утвердилъ приговоръ. Ростопчинъ немедленно же отправилъ приговоръ въ сенатъ, который 19 августа вынесъ уже окончательное постановленіе. Сенатъ призналъ, что Верещагинъ «изобличенъ и самъ сознался въ составленіи пасквильнаго сочиненія и что по силѣ узаконеній уложенія 2 гл. 2 пункта, военныхъ артикуловъ 131 и указа 1762 іюня 19-го подлежитъ смертной казни, но какъ таковая казнь указомъ 1754 года, сентября 30 дня отмѣнена, да и отъ означеннаго пасквиля ни малѣйшаго вреда не послѣдовало, и потому что онъ, Верещагинъ, по дѣлу не изобличается въ томъ, что намѣренъ былъ причинить означеннымъ пасквилемъ какой-либо вредъ, а написалъ оный, какъ самъ показываетъ, единственно изъ вѣтренности мыслей, желая похвастаться новостью, каковое показаніе его обстоятельствомъ дѣла не опровергается, то, согласно мнѣнія главнокомандующаго Москвы, наказать его, Верещагина, кнутомъ, двадцатьюпятью ударами [2]), потомъ, заклепавъ въ кандалы, сослать въ каторжныя работы».

Въ сущности мотивы сенатскаго приговора поразительны даже для начала XIX вѣка. По этимъ мотивамъ жестокій приговоръ былъ совершенно безсмысленъ. Мы должны помнить эти мотивы. Тогда позднѣйшее поведеніе Ростопчина въ верещагинскомъ дѣлѣ выступитъ особенно ярко. Выяснится не только беззаконіе, не только жестокость расправы Ростопчина, но и допущенная имъ ложь въ офиціальныхъ донесеніяхъ во имя своего личнаго оправданія, ложь и въ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ.

Ростопчинъ первоначально хотѣлъ покончить дѣло Верещагина безъ всякаго судебнаго разслѣдованія. Любитель театральныхъ эффектовъ (а можетъ-быть, не довѣряя сенату—вѣдь дѣло юридически было аргументировано весьма слабо), онъ просилъ Александра (30 іюля) прислать указъ,

---

[1]) Приводимъ это мѣсто въ томъ видѣ, какъ они записаны Бестужевымъ-Рюминымъ. Уничтоживъ у себя списки, Бестужевъ „потомъ уже въ 1814 г. списалъ ихъ вновь изъ печатной русской книги“.

[2]) Это прибавлено по предложенію Ростопчина.

«чтобы Верещагина повѣсить, потомъ, заклеймивъ его подъ висѣлицей, сослать въ Сибирь на каторжную работу». «Я постараюсь придать,—пишетъ онъ императору,—торжественный видъ этому зрѣлищу, и до послѣдней минуты никто не будетъ знать, что преступникъ будетъ помилованъ». Желательность подобнаго рѣшенія Ростопчинъ мотивировалъ такимъ соображеніемъ: «Судъ надъ нимъ (Верещагинымъ) въ низшихъ инстанціяхъ не можетъ быть продолжителенъ, но дѣло поступитъ въ сенатъ и затянется. Между тѣмъ необходимо, чтобы приговоръ исполненъ былъ какъ можно скорѣе въ виду важности преступленія, волненій въ народѣ и сомнѣній въ обществѣ». Если императоръ пришлетъ указъ, онъ можетъ согласовать «правосудіе» (?) съ своимъ «милосердіемъ», это послужитъ ужасающимъ примѣромъ для народа и особенно для нѣкоторыхъ тайныхъ злодѣевъ».

Но еще 6 іюля Ростопчинъ получилъ предписаніе отъ Салтыкова: «не приводя окончательнаго рѣшенія въ исполненіе», представить дѣло министру юстиціи для доклада государю, и, казалось, жизнь Верещагина была спасена. Но пока невинный Верещагинъ ждалъ въ тюрьмѣ рѣшенія своей участи, нить событій развертывалась своимъ чередомъ, и московскій властелинъ все менѣе и менѣе начиналъ считаться съ общественнымъ мнѣніемъ и предписаніями изъ Петербурга.

Уже одно дѣло Верещагина (не говоря уже о другихъ, возникшихъ одновременно съ Верещагинымъ) должно было достаточно терроризировать московскихъ обывателей.

Москва ждала царя, и гр. Ростопчинъ желалъ во всемъ блескѣ показать результаты своего недолгаго управленія, показать прежде всего, какъ сумѣлъ онъ «возжечь сердца» московскихъ дворянъ.

Восьмидневное пребываніе Александра въ Москвѣ въ обычномъ изображеніи полно сценъ высокаго патріотическаго возбужденія,—всѣ сословія въ благородномъ порывѣ готовы принести на алтарь отечества имущество и жизнь. Толпы народа съ ликованіемъ встрѣчаютъ Александра и самоотверженно готовы итти на-смерть въ борьбѣ съ ненавистнымъ врагомъ. Такова была внѣшность, отчасти подготовленная самимъ Ростопчинымъ во имя всегдашняго его принципа «бросать пыль въ глаза». Несомнѣнно, извѣстный подъемъ былъ. Этотъ подъемъ обусловливался начавшейся войной.

Неизбѣжно росло тревожное настроеніе; въ каждомъ начинало говорить чувство самосохраненія. Но опасность была еще далека. Если у нѣкоторыхъ пессимистовъ являлось опасеніе о возможности появленія Наполеона въ Москвѣ, то, конечно, у огромнаго большинства и не зарождались еще подобныя подозрѣнія. А при такихъ условіяхъ патріотическій подъемъ не могъ дойти до такого воодушевленія, которое влечетъ за собой рѣшеніе жертвовать всѣмъ имуществомъ. Объ этомъ, конечно, никто еще не помышлялъ. При полной готовности оказать общественную помощь правительству, и помину не было въ дѣйствительности о тѣхъ сценахъ, которыя описуютъ часто историки.

Д. Н. Свербеевъ очень мѣтко сказалъ, что «восторженность дворянства была заранѣе подготовлена гр. Ростопчинымъ» (Запис., I, 64 и 65). То же можно сказать и о купечествѣ. Свербеевъ разсказываетъ, какъ ближайшій помощникъ Ростопчина, губернаторъ Обресковъ, «обдѣлывалъ»

купцовъ, «сидя надъ ухомъ каждаго, подсказывая подписчику тѣ сотни, десятки и единицы тысячъ, какіе, по его умозаключенію, жертвователь могъ подписать». Мы видимъ, что картина довольно прозаическая. И нетрудно понять, почему отецъ Свербеева, семидесятилѣтній старикъ, вернувшись изъ Москвы, значительно растерялъ свой воинственный пылъ. Ростопчинъ самъ довольно образно разсказываетъ, какъ онъ подготовилъ единодушіе дворянства на собраніи 15 іюля въ Слободскомъ дворцѣ. По его словамъ, онъ еще 12 іюля узналъ, что нѣкоторые «мартинисты» хотятъ спросить государя: какія имѣются средства обороны, т.-е., очевидно, были желающіе въ связи съ вопросомъ о пожертвованіяхъ поставить и вопросъ объ общественномъ контролѣ. Ростопчинъ предупредилъ фрондеровъ, что такой господинъ «во всю прыть полетитъ въ дальній путь». И, чтобы придать значеніе своимъ словамъ, велѣлъ неподалеку отъ Слободскаго дворца поставить двѣ телѣжки, запряженныя лошадьми, и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ по дорожному (Воспоминанія, «Рус. Ст.», 1889, XII, 673—74). Слухъ, пущенный Ростопчинымъ, дошелъ по назначенію, и главнокомандующій былъ удовлетворенъ. Все прошло гладко: «хвастуны,—какъ выразился онъ,—вели себя умно».

Старая площадь въ Москвѣ (Де-ла-Барта).

Но, конечно, само по себѣ дворянское фрондерство въ это время разсѣялось какъ пухъ. Оно было неумѣстно уже съ точки зрѣнія чисто сословныхъ имущественныхъ интересовъ, которые слишкомъ непосредственно захватывала война. Такъ или иначе, но съ именемъ Наполеона связывалось неизбѣжное какъ бы освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Безчисленное количество фактовъ указываютъ на полное недовѣріе дворянства къ народу, боязнь возмущенія противъ привилегированныхъ. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ фактъ, передаваемый въ воспоминаніяхъ Хомутовой («Р. Арх.», 1891, III, 315),—фактъ, относящійся къ моменту ожиданія царя въ Москвѣ 11 іюля. Въ кремлевскихъ залахъ собрались представители дворянства. Уже поздній вечеръ, а Александра все еще нѣтъ. Стали тревожиться, громкій разговоръ превратился въ шопотъ, шопотъ—въ молчаніе. Едва слышнымъ голосомъ стали говорить: «государь погибъ». Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ,—всему готовы были вѣрить или всего бояться. На Спасской башнѣ пробило десять часовъ; народъ на площади заволновался. Демидовъ притронулся къ локтю похолодѣлою рукою и сказалъ: «Бунтъ»... И это слово, переходя изъ устъ въ уста, слилось въ глухой гулъ... Вскорѣ стала извѣстна причина этого волненія (въ народѣ); прибылъ курьеръ отъ

государя съ извѣстіемъ, что самъ онъ пріѣдетъ лишь завтра». Какъ ярко, дѣйствительно, говоритъ описанная картина о настроеніяхъ московскихъ дворянскихъ круговъ. Этой революціи, революціи снизу и боялся болѣе всего «русскій баринъ» (какъ именуетъ себя Ростопчинъ), взявшій на себя неудачную миссію демагога.

Хотя позднѣе, въ письмѣ къ издателю «Русскаго Вѣстника» (май, 1813 г.) Ростопчинъ увѣренно говорилъ, что напрасно Наполеонъ прельщалъ русскій народъ вольностью—«вольности у насъ никто не хочетъ, ибо лучшаго никто не хочетъ», хотя и 1-го августа 1812 г. въ письмѣ онъ увѣрялъ Балашова: Наполеонъ считалъ на-слово свободу, но она не подѣйствуетъ («1812 г. въ письмахъ», 176). Хотя 12 августа писалъ онъ Багратіону: «главная его (Наполеона) пружина—вольность не дѣйствуетъ и о ней лишь изрѣдка толкуютъ пьяницы», однако уже одно то, что Ростопчинъ постольку возвращается къ этой мысли, показываетъ всю силу его опасеній. Крѣпостникъ, увѣренный, что народъ «отъ жиру» бѣсится, дѣлается какъ бы крестьянскимъ ходатаемъ. Еще 11 іюля онъ пишетъ императору, что посѣщеніемъ Иверской и защитой крестьянъ онъ снискиваетъ расположеніе «добрыхъ и вѣрныхъ подданныхъ». Эти «добрые и вѣрные подданные» проявляютъ явное недовольство помѣщиками, которое Ростопчинъ въ письмѣ къ Балашову (23 іюля) объясняетъ увольненіемъ казенныхъ крестьянъ отъ ополченія, что вызываетъ зависть у помѣщичьихъ крестьянъ («1812 г. въ письмахъ», 61). Одновременно Ростопчинъ считаетъ необходимымъ сообщать въ письмахъ къ Александру всякій вздорный слухъ, имѣющій отношеніе къ вопросу о крѣпостномъ правѣ. Такъ, 8 сентября онъ сообщаетъ о молвѣ, гласящей, что Александръ дозволилъ Бонапарту «проникнуть» въ свои владѣнія съ тѣмъ, чтобы онъ провозгласилъ свободу отъ имени русскаго царя («Р. Арх.», 1892, VIII, 535). Онъ не преминетъ въ то же время сдѣлать выпадъ противъ «мартинистовъ». «Всѣ злые слухи,—пишетъ онъ Александру 13 августа,—распускаемые съ цѣлью обвинить васъ, все это идетъ отъ мартинистовъ и всѣхъ неистовѣе университетъ, состоящій изъ якобинцевъ—профессоровъ и воспитанниковъ (Ib., 521).

Играя такимъ путемъ на чувствахъ страха, Ростопчинъ обезпечивалъ себѣ возможность дѣйствовать въ революціонной якобы Москвѣ самовластно. Чувство полной безнаказанности такъ опредѣленно уже звучитъ въ только что цитированномъ письмѣ къ Александру: если «полиція затруднится сдерживать негодяевъ, проповѣдующихъ бунтъ (въ письмѣ упоминаются Кутузовъ, Чеботаревъ и Дружининъ), то я велю нѣкоторыхъ повѣсить». Но уже и до этой угрозы Ростопчинъ со своими недоброжелателями расправляется безъ стѣсненій. Не дождавшись отвѣта сената по поводу своего представленія о «неблаговидныхъ» и «подозрительныхъ» поступкахъ Ключарева, Ростопчинъ при посредствѣ открытій «патріота» Брокера (какъ иронически именуетъ въ своихъ запискахъ помощника московскаго главнокомандующаго Руничъ), нашелъ новый криминальный поступокъ въ вѣдомствѣ Ключарева. 7 августа схваченъ, по доносу Брокера, одинъ почтамтскій чиновникъ по подозрѣнію въ томъ, что «посредствомъ писемъ распространялъ страхъ и безнадежность внутри имперіи». За нѣсколько дней передъ тѣмъ арестованъ надворный совѣтникъ Дружининъ, тотъ самый

начальникъ экспедиціи иностранныхъ газетъ, который по дѣлу Верещагина оказалъ противодѣйствіе агентамъ Ростопчина. Наконецъ 10 августа арестовывается и высылается въ Воронежъ самъ Ключаревъ. Съ «болтунами», не занимающими никакого общественнаго положенія, Ростопчинъ поступаетъ еще проще. По собственному признанію («Р. Ст.», 1889, XII, 689), этихъ «болтуновъ», проявлявшихъ себя отъ времени до времени, онъ сажалъ въ сумасшедшіе дома и отрезвлялъ при помощи холодныхъ душей и микстуръ, напр., студента Урусова, о чемъ сообщаетъ Ростопчинъ въ письмѣ къ Балашову 23 іюля. Нѣкоторые изъ ростопчинскихъ апологетовъ и въ подобныхъ издѣвательствахъ находили проявленіе остроумія и юмора «московскаго властелина». Въ числѣ «зломыслящихъ» людей мы видимъ актера Сандунова, отправленнаго въ Вятку, и многихъ другихъ. Свое представленіе о «настроеніи умовъ» въ столицѣ Ростопчинъ составлялъ на основаніи донесенія своихъ агентовъ. Исторія запечатлѣла фигуру одного изъ этихъ агентовъ вѣчно пьянаго сыщика Яковлева,—фигура достаточно типичная, чтобы видѣть, насколько компетентны были свѣдѣнія московскаго главнокомандующаго о политическихъ симпатіяхъ того или иного московскаго обывателя. Во второй половинѣ августа Ростопчинъ такъ увѣренъ въ своихъ силахъ, такъ увѣренъ, что онъ своей энергичной дѣятельностью извелъ всякую крамолу въ столицѣ, что предлагаетъ гр. Толстому переправить Сперанскаго изъ Нижняго въ Москву «для прекращенія дѣятельности мартинистовъ» («Р. Арх.», 1892, VIII, 109). Сперанскій и въ ссылкѣ ему не даетъ покоя. Въ іюнѣ онъ всѣми мѣрами старается воздѣйствовать на императора въ цѣляхъ еще большаго очерненія своего врага, показать, что Сперанскій чрезвычайно опасенъ. «Народъ (?) снова возмутился противъ Сперанскаго», пишетъ онъ Александру 30 іюня («Р. Арх.», 1892, VIII, 407). «Презрѣнный» Сперанскій, — сообщаетъ онъ 23 іюля,—опасенъ въ Нижнемъ, гдѣ онъ находитъ сочувствующихъ мартинистовъ даже въ лицѣ представителей высшаго духовенства нижегородскаго, епископа Моисея» [1]) (109). Ростопчину очень хотѣлось заполучить Сперанскаго въ Москву; если этого не произошло, то подъ его вліяніемъ Сперанскій отправляется въ Пермь. Борясь съ «проповѣдниками иллюминатства», Ростопчинъ большое вниманіе удѣляетъ и иностранцамъ, прожи-

Москва конца XVIII в. (рис. Де-ла-Барта, изд. Вильзера).

---

[1]) Впослѣдствіи въ томъ же Ростопчинъ заподозрѣлъ и черниговскаго архіепископа Михаила. См. письмо отъ 8 ноября („Р. Арх.“, 1891, 8, 557).

вающимъ въ Москвѣ. Заподозрѣвая ихъ въ сочувствіи къ Наполеону и въ шпіонствѣ, онъ и ихъ подвергаетъ цѣлому ряду каръ, смѣшивая въ одну кучу представителей всѣхъ націй. Эти иностранцы принадлежали преимущественно къ мирному торгово-промышленному классу, экономическіе интересы котораго были связаны съ Россіей. Несомнѣнно, среди нихъ были сочувствующіе Наполеону. Иначе и не могло быть. Но столь же несомнѣнно, что никакихъ агрессивныхъ дѣйствій они предпринимать не могли. Объ ихъ лойяльности свидѣтельствуетъ уже самъ по себѣ фактъ миролюбиваго отношенія къ нимъ русскихъ. Въ то время, когда подъ вліяніемъ положенія дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Москвѣ опредѣленно уже начинаетъ сказываться безпокойство, когда, по словамъ Ростопчина, по городу начинаютъ передаваться различныя сказки о видѣніяхъ, о голосахъ, слышанныхъ на кладбищѣ, и т. п. Однимъ словомъ, тогда, когда понемногу (особенно послѣ оставленія Смоленска) начинаетъ расти столь понятное тревожное настроеніе, иностранцы живутъ въ Москвѣ совершенно спокойно. Достаточно привести свидѣтельство московскаго патріота С. Н. Глинки (въ запискѣ о 1812 г., стр. 92), чтобы въ этомъ увѣриться. «Я близокъ былъ къ народу,—пишетъ авторъ,—я жилъ съ народомъ на улицахъ, на площадяхъ, на рынкахъ, всегда въ Москвѣ и въ окрестностяхъ Москвы и живымъ Богомъ свидѣтельствую, что никакая неистовая ненависть не волновала сыновъ Россіи». Московскому властелину подобное отношеніе къ иностранцамъ со стороны населенія не могло нравиться. Вѣдь это отсутствіе патріотизма, а главное, при такихъ условіяхъ добрые подданные могутъ прельститься наполеоновскими прокламаціями. И графъ Ростопчинъ какъ бы ставитъ своей задачей разжечь ненависть къ иностранцамъ, по своему обыкновенію не стѣсняясь никакими мѣрами.

Ростопчинъ не желаетъ выпускать иностранцевъ изъ Россіи съ момента начала войны и рѣшительно предлагаетъ императору для большей безопасности не выдавать иностранцамъ паспортовъ (7 іюня). Иностранцы, знающіе Россію, могутъ дать полезныя свѣдѣнія Наполеону. Вѣроятно, и здѣсь крѣпостное право играетъ первую роль. Ростопчину въ каждомъ иностранцѣ мерещится докторъ Меливье, который сопровождаетъ Наполеона и увѣряетъ его, что, какъ только Наполеонъ появится подъ Москвой, хотя бы съ 50.000 войска, крестьяне возстанутъ противъ своихъ господъ, и вся Россія будетъ покорена (Зап. Боволье, «Р. Ст.», 1893, I, 23). Вредныхъ иностранцевъ надо выселить изъ Москвы и, конечно, прежде всего тѣхъ, кто заподозрѣнъ въ «якобинствѣ», какъ, напримѣръ, книгопродавецъ Аллартъ, выселить въ сибирскіе города, гдѣ они будутъ безопасны. (Уже Гудовичъ въ маѣ выслалъ сюда нѣсколько иностранцевъ). И вотъ цѣлый рядъ московскихъ обывателей изъ числа иностранцевъ отправляется въ ссылку. 12 іюля высылаются, напримѣръ, Овернеръ (въ Пермь) и Реутъ (Оренбургъ). Послѣдній «за дерзкія слова противъ правительства и карточную игру»; 27 іюля наказанъ плетьми Турнэ и высланъ въ Тобольскъ «за внушеніе разнаго рода клонящихся къ преклоненію умовъ къ французамъ». 19 августа наказанъ нѣмецъ портной Шнейдеръ и французъ Токе плетьми, первый 30, а другой 20 ударами и отосланы въ Нерчинскъ за лживыя пророчества, что Наполеонъ будетъ обѣдать въ Москвѣ 15 августа» и т. д. Обвиненія во всѣхъ случаяхъ

чрезвычайно однородны. (Изъ бумагъ Московскаго губернскаго архива старыхъ дѣлъ. Щукинъ, «Бум. От. В.», I, 152—162).

Скрывались ли подъ этими обвиненіями какіе-нибудь реальные факты? Трудно, конечно, отвѣтить опредѣленно, но невольно бросается въ глаза натянутость многихъ обвиненій, основанныхъ почти исключительно на непровѣренныхъ донесеніяхъ ростопчинскихъ шпіоновъ. Напримѣръ, иностранецъ Годфроа высланъ въ Оренбургскую губернію за то, что во время «Высочайшаго пребыванія... въ Москвѣ при большомъ стеченіи народа произносилъ разныя дерзкія рѣчи». Припомнимъ внѣшнюю обстановку этого времени. Неужели могъ быть въ дѣйствительности такой фактъ? Когда обвиненія базируются на болѣе конкретныхъ какъ бы данныхъ, напримѣръ, по отношенію къ швейцарскимъ подданнымъ Веберу и Гейдеру, о которыхъ Тормасовъ сообщалъ еще Гудовичу, что эти лица—тайные агенты Наполеона, и тогда самъ Ростопчинъ долженъ засвидѣтельствовать, что de facto «въ поведеніи ихъ не открылось ничего подозрительнаго». Позднѣе, въ 1813 г., когда высланные иностранцы (среди которыхъ были и русскіе подданные) стали возбуждать ходатайства о своемъ возвращеніи, при чемъ въ своихъ ходатайствахъ указывали, что пострадали безъ вины, Ростопчинъ въ офиціальной перепискѣ съ Вязмитиновымъ опредѣленно говорилъ, что высылка производилась по велѣнію государя. «По представленію моему государю императору, — писалъ онъ 27 ноября, — что не дозволено ли будетъ означенныхъ иностранцевъ выслать за границу, его величество отозваться соизволилъ, что мѣра сія при настоящихъ обстоятельствахъ не можетъ быть принята» («Щук. Сб.», I, 162).

Видъ Моховой и дома Пашкова (Де-ла-Барта).

Ростопчинъ, занявшій въ это время уже иное положеніе и въ общественномъ мнѣніи и во мнѣніи правительственной власти, любилъ скрыться за чужой авторитетъ; онъ также легко забывалъ въ своихъ позднѣйшихъ письмахъ и воспоминаніяхъ истинное положеніе вещей въ 1812 году. Забылъ онъ, вѣроятно, и здѣсь, что онъ былъ иниціаторомъ запрещенія высылки иностранцевъ. Эти иностранцы въ іюлѣ и августѣ 1812 г. были для него мишенью, при посредствѣ которой, какъ мы видѣли, онъ возбуждалъ народный пылъ и патріотическое рвеніе. Высылка отдѣльныхъ иностранцевъ не достигала, однако, цѣли. Вотъ почему для большого эффекта, чтобы произвести большее впечатлѣніе, Ростопчинъ произвелъ, такъ сказать, массовую высылку московскихъ обывателей, иностранцевъ по

происхожденію. Это, по его словамъ, онъ сдѣлалъ по соображеніямъ высокой степени гуманнымъ, чтобы спасти несчастныхъ иностранцевъ отъ народной ярости. Представимъ, впрочемъ, говорить самому Ростопчину: «Въ одно утро, — повѣствуетъ графъ, — гражданскій губернаторъ Обресковъ объявилъ мнѣ, что онъ сдѣлалъ весьма важное открытіе и привелъ ко мнѣ портного, русскаго человѣка, отличнаго поведенія достаточно немолодого». Этотъ человѣкъ сообщилъ, что онъ «лишился сна и пищи, что многіе изъ его учениковъ точно такъ же больны, какъ и онъ, и что единственное средство противъ этой болѣзни — кровь французовъ»... «Оказалось, — сообщаетъ далѣе Ростопчинъ, — что онъ уже подговорилъ человѣкъ 300 портныхъ и еще надѣется къ завтрашнему дню подговорить нѣсколько сотенъ, чтобы ночью итти на Кузнецкій Мостъ и перебить всѣхъ живущихъ тамъ французовъ». Далѣе Ростопчинъ съ большой откровенностью сообщаетъ, какъ онъ велѣлъ «пустить кровь» иниціатору погрома и какъ онъ успокоился. Подговоренные же «этимъ хозяиномъ портные, видя, что онъ задержанъ, перестали думать о ночной экспедиціи, которая бы окончилась страшнымъ кровопролитіемъ и возмущеніемъ» (Воспом., 697).

«Очевидно, этотъ хозяинъ-портной былъ сумасшедшій... и что его разсказы о сотняхъ сотоварищей были простымъ бредомъ больного воображенія», замѣчаетъ А. Н. Поповъ («Р. Арх.», 1875, X, 130). Быть-можетъ, весь этотъ инцидентъ измышленъ гр. Ростопчинымъ, весьма нерѣдко прибѣгавшимъ, особенно впослѣдствіи, для оправданія въ своихъ дѣйствіяхъ. Если этотъ сумасшедшій и реальное лицо, то гр. Ростопчинъ ему, конечно, не повѣрилъ. Во всякомъ случаѣ, по его словамъ, это и побудило къ осуществленію экстраординарной мѣры въ видѣ массовой высылки подозрительныхъ иностранцевъ. «Увѣрившись въ народномъ раздраженіи,—сообщаетъ Ростопчинъ,—чтобы его успокоить и смягчить бѣшенство, я приказалъ полиціи ихъ взять и днемъ, въ виду всѣхъ, посадить на барку, которая и отвезла ихъ въ Нижній-Новгородъ, гдѣ они были отданы подъ надзоръ. Я объявилъ Москвѣ, что эти иностранцы — люди подозрительные, которыхъ удаляютъ по просьбѣ ихъ же соотечественниковъ, честныхъ людей». «Эта мѣра,—заключаетъ гуманный московскій главнокомандующій,—спасла жизнь этимъ 40 плавателямъ, потому что, вѣроятно, они послѣдовали бы за французскою арміею и всѣ погибли бы во время ея отступленія». Итакъ, Ростопчинъ спасъ ихъ не только отъ народной ярости, но и отъ другой, грозившей имъ, опасности [1]). Кого же предназначила московская полиція къ высылкѣ для «удовольствія» народа, какъ сообщалъ Ростопчинъ Балашову. Это «выборная каналья изъ каналій», по характеристикѣ Ростопчина въ письмѣ къ Балашову. Чрезвычайно любопытно, хоть вкратцѣ, познакомиться съ составомъ высылаемыхъ и приписываемыми имъ проступками. Это прежде всего «типографщикъ Семенъ» и книгопродавецъ Аллартъ, еще въ іюнѣ причисленные Ростопчинымъ къ числу «иллюминатовъ (о нихъ онъ писалъ Александру въ своемъ письмѣ отъ 7 іюля), 14 всякаго рода учителей, отъ фехтованія до латинскаго языка включительно, фабриканты, торговцы модными това-

[1]) Любопытно, что въ Нижнемъ, по предписанію Ростопчина, высланные содержатся въ острогѣ.

рами, нѣмецъ—басъ въ оркестрѣ русскаго театра, режиссеръ французскаго театра Домергъ и его помощникъ Розъ, докторъ Ямницъ, поваръ Вилоэнъ и т. д. За что же эти злосчастные иностранцы попали на подозрѣніе къ полиціи? Двое, какъ мы знаемъ, числились въ «иллюминатахъ», двое (швейцарскіе подданные, Гейдеръ и Веберъ) были заподозрѣны въ шпіонствѣ тоже значительно раньше. Было ли это дѣйствительно такъ? Мы знаемъ одно только, что московскій оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ въ донесеніи отъ 11 января 1813 года сообщалъ, что полиціи въ виду указанныхъ обстоятельствъ было поручено «имѣть за ними неослабный подъ рукою надзоръ и замѣчать связи, ихъ сношенія, но токмо до времени ихъ высылки подозрительнаго въ поведеніи ничего не открылось» («Щук. Сб.», I, 153). По отношенію къ остальнымъ данныя имѣлись еще менѣе опредѣленныя. Учитель фехтованія Массонъ подвергся карѣ по «худому расположенію и нѣкоторымъ связямъ подозрительнымъ»; торговецъ модными товарами Гутъ за «дерзкое обращеніе съ московской публикой», учитель женевецъ Файо «по многимъ замѣчаніямъ полиціи навлекъ на себя сильное подозрѣніе». Любопытно, что винный торговецъ Паоли, зачисленный въ число тѣхъ, которые, по выраженію Ростопчина, «тѣломъ остались въ Россіи, а душой преданы французамъ», жилъ уже 18 лѣтъ въ Россіи и съ 1807 г. принялъ русское подданство... Можетъ-быть, сдѣланныхъ характеристикъ достаточно для опредѣленія мотивовъ, которыми руководилась полиція при выборѣ иностранцевъ, удаленныхъ изъ Москвы «для удовольствія народа».

Кибитка. (Совр. рис.).

Среди отправленныхъ былъ Армандъ Домергъ, оставившій весьма любопытныя записки (переведены въ «Истор. Вѣстникѣ», 1881 г.). Характеризуя время «террора», наступившаго послѣ посѣщенія императоромъ Москвы, Домергъ, между прочимъ, сообщаетъ, что какъ-то за обѣдомъ у гр. Апраксина Ростопчинъ, устремивъ на Домерга «свои сверкающіе глаза», воскликнулъ: «Я не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока не выкупаюсь въ крови французовъ» («И. В.», 1881, VII, 602). Очевидно, Домергъ уже попалъ на глаза грознаго усмирителя московской революціи, который, по словамъ автора воспоминаній, «при всякомъ случаѣ проявлялъ свой буйный, вспыльчивый и мстительный характеръ, дѣлавшій его страшнымъ даже для самыхъ мирныхъ жителей города». Во всякомъ случаѣ, имя Домерга въ проскрипціонныхъ спискахъ стояло

«первымъ въ первой категоріи». Любопытно, что Домергъ жилъ въ домѣ шведскаго консула. И это, по мнѣнію его родныхъ, должно было ему обезпечить безопасность: «Если я явился въ Россію подъ покровительствомъ власти, то нельзя нарушить международнаго права безъ явной несправедливости». «Но,—добавляетъ авторъ воспоминаній,—я слишкомъ хорошо зналъ подозрительную русскую полицію, чтобы имѣть на это надежду: каждый день мы видѣли, какъ проѣзжали французы, ссылаемые изъ Петербурга въ Сибирь». Арестованный въ числѣ другихъ, Домергъ былъ заключенъ въ домъ Лазарева и 22 августа отправленъ на баркѣ по Москвѣ-рѣкѣ въ ссылку; на баркѣ невольнымъ путешественникамъ было прочитано отъ имени Ростопчина небезынтересное обращеніе, содержаніе котораго передаетъ Домергъ съ добавленіемъ: «ручаюсь за его подлинность»: «Французы! [1]) Россія дала вамъ убѣжище, а вы не перестаете замышлять противъ нея. Дабы избѣжать кровопролитія, не запятнать страницы нашей исторіи, не подражать сатанинскимъ бѣшенствамъ вашихъ революціонеровъ, правительство вынуждено васъ удалить отсюда. Вы будете жить на берегу Волги, посреди народа мирнаго и вѣрнаго своей присягѣ, который слишкомъ презираетъ васъ, чтобы дѣлать вамъ вредъ. Вы на нѣкоторое время оставите Европу и отправитесь въ Азію. Перестаньте быть негодяями и сдѣлайтесь хорошими людьми, превратитесь въ добрыхъ русскихъ гражданъ изъ французскихъ, какими вы до сихъ поръ были; будьте спокойны и покорны или бойтесь еще большаго наказанія. Войдите въ барку, успокойтесь и не превратите ея въ барку Харона. Прощайте, добрый путь!».. [2])

«Это грозное объявленіе привело насъ въ ужасъ», добавляетъ Домергъ. И дѣйствительно, упоминаніе о Харонѣ [3]) должно было звучать довольно зловѣще. «Русскій баринъ» и здѣсь не позабылъ сказать острое словечко. Но французскій каламбуръ: «entrez dans la barque et rentrez dans vous même», былъ вовсе «не шуткою», какъ замѣтилъ Глинка, для ссылаемыхъ. Несомнѣнно, вся эта сцена была сплошнымъ издѣвательствомъ. Глинка, не одобрявшій въ данномъ случаѣ дѣйствія московскаго градоправителя, нашелъ для него оправданіе въ томъ, что Ростопчинъ увлекся «мечтою»—спасенія иностранцевъ отъ ярости черни. Ясно, что этой «мечты» у Ростопчина не было.

Мы уже приводили свидѣтельство Глинки объ отсутствіи у московскаго населенія ненависти къ иностранцамъ—слова Глинки относятся какъ разъ къ инциденту съ такъ называемой «хароновской баркой». Домергъ въ своихъ воспоминаніяхъ при описаніи тревожныхъ дней, 20—22 августа, не разъ упоминаетъ о тѣхъ опасностяхъ, которыя грозили высылаемымъ иностранцамъ со стороны «народной ярости, которую возбуждали противъ насъ многочисленные шпіоны», говоритъ о «враждебныхъ намѣреніяхъ»

---

[1]) Обращеніе не соотвѣтствовало дѣйствительности, ибо „изъ сорока арестованныхъ четвертая часть были нѣмцы изъ разныхъ германскихъ земель... которые всѣ, раздѣляя національную вражду того времени, обнаруживали антипатію къ намъ“, замѣчаетъ Домергъ. Въ этомъ и заключалась „нелѣпость“ ростопчинской мѣры. Глинка въ своихъ воспоминаніяхъ ошибочно говоритъ о высылкѣ изъ Москвы „нѣкоторыхъ уроженцевъ Франціи на баркѣ въ струи волжскія“.

[2]) Цитирую по переводу Попова („Р. Арх.“, 1875, X, 135). Въ французскомъ текстѣ и въ переводѣ „Истор. Вѣст.“ нѣтъ выраженія „mauvais sujets“.

[3]) Харонъ по поздней греческой миѳологіи перевозилъ въ своей баркѣ души умершихъ черезъ рѣку Ахеронъ въ царство мертвыхъ.

и «угрожающихъ крикахъ» толпы. Въ толпѣ «любопытныхъ», собравшихся посмотрѣть на необычайное зрѣлище, вѣроятно, были элементы, достаточно возбужденные противъ иностранцевъ афишами Ростопчина и агитаціей шпіоновъ, но любопытно, что изъ описанія самого Домерга болѣе чѣмъ очевидно, что «ярость» толпы была весьма умѣренна. Когда иностранцы сидѣли въ домѣ Лазарева, ихъ охранялъ отъ «мстительности» народной одинъ полицейскій офицеръ и часовой. «Наконецъ, уступая нашимъ требованіямъ,—говоритъ Домергъ,—начальство согласилось дать намъ смѣнную стражу, состоявшую изъ шестерыхъ инвалидовъ». Когда арестантовъ вели по улицѣ на барку, имъ, конечно, перепуганнымъ до полусмерти, казалось, что они погибли бы отъ «народной ярости», если бы ихъ не спасъ полицмейстеръ Волковъ, проявлявшій большую предупредительность по отношенію къ иностранцамъ и тѣмъ какъ бы смягчавшій «непріятное порученіе», возложенное на него его шефомъ. И мы узнаемъ, что рукопожатіе между Волковымъ, Домергомъ и Аллартомъ «мгновенно прекратило шумъ»: всѣ сорокъ человѣкъ спокойно прошли подъ прикрытіемъ «шестерыхъ ветерановъ». Пока барка медленно плыветъ «по извилинамъ обмелѣвшей Москвы-рѣки» (на третій день барка отошла только на 40 верстъ), жены, дѣти, родственницы по «нѣскольку разъ» навѣщаютъ невольныхъ путешественниковъ. «Выѣзжая на разсвѣтѣ (на извозчикахъ), эти женщины иногда блуждали по цѣлому дню, пока не находили нашу барку, пріѣзжали къ намъ вечеромъ и ночью, и ночью должны были возвращаться въ Москву». Таково было то народное ожесточеніе, на которое ссылался Ростопчинъ. И все дальнѣйшее описаніе Домергомъ путешествія на хароновской баркѣ, продолжавшееся вплоть до 17 октября, идетъ въ томъ же духѣ. Путешественники встрѣчаютъ въ общемъ самое добродушное отношеніе со стороны населенія, ходятъ по деревнямъ подъ прикрытіемъ двухъ ветерановъ, вступаютъ въ разговоры и т. д. «Съ каждымъ днемъ населеніе становилось менѣе враждебно къ намъ», замѣчаетъ Домергъ, и «эта перемѣна становилась тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше мы удалялись отъ Москвы... народъ тутъ становился свободнѣе отъ непосредственнаго вліянія нелѣпыхъ прокламацій, которыя представляли французовъ людоѣдами». Домергъ отмѣтилъ только въ трехъ случаяхъ враждебное настроеніе: впервые пришлось съ нимъ встрѣтиться еще въ ростопчинскихъ владѣніяхъ, въ Коломнѣ, куда путешественники попали 1 сентября. Полдня, не возбуждая «подозрѣнія», они бродили по Коломнѣ, но потомъ на нихъ обратили вниманіе «нѣкоторые выходцы» изъ Москвы, весьма возможно, какіе-нибудь московскіе шпіоны, и тогда «чернь» стала бросать въ нихъ камни. Другой разъ у путешественниковъ была непріятная встрѣча съ казаками подъ Рязанью и, наконецъ, уже послѣ Нижняго (2 ноября)—съ ополченцами. И это было уже тогда, когда Москва находилась во власти французовъ и сгорѣла, когда началась эпоха такъ называемой народной войны и дѣйствій партизанскихъ отрядовъ. Очевидно, что при отправленіи изъ Москвы далеко еще не было той ненависти къ иностранцамъ, которую желалъ видѣть Ростопчинъ въ московскомъ населеніи.

Возбуждалъ Ростопчинъ «патріотизмъ», понимавшійся имъ въ смыслѣ грубой ненависти къ иностранцамъ, и другими мѣрами. Среди нихъ,

конечно, первое мѣсто занимаетъ его пресловутая литературная дѣятельность. (О ростопчинскихъ афишахъ см. далѣе статью Н. М. Мендельсона.) Той же цѣли служили всевозможные юмористическіе лубки, вывѣшиваемые на Никольской у Казанскаго собора.

При помощи своихъ агентовъ Ростопчинъ пускалъ въ народъ всякаго рода слухи, долженствовавшіе поддерживать воодушевленіе и ослаблять впечатлѣніе отъ пессимистическихъ извѣстій, идущихъ съ театра военныхъ дѣйствій. Таковы, напр., распускаемые имъ слухи о томъ, что «теперь (т.-е. послѣ заключенія мира) турки будутъ заодно съ нами (сообщается въ письмѣ къ Александру 11 іюня). Въ цѣляхъ «патріотической» агитаціи, помимо услугъ незначительныхъ агентовъ полиціи, Ростопчинъ воспользовался услугами С. Н. Глинки. Этотъ наивный патріотъ былъ слѣпымъ орудіемъ Ростопчина. И какъ нельзя болѣе характерно для личности Ростопчина, что въ своихъ воспоминаніяхъ «спаситель отечества» даже не упомянулъ о роли Глинки, а между тѣмъ послѣдній былъ самымъ вѣрнымъ, самымъ безкорыстнымъ, самымъ искреннимъ исполнителемъ велѣній московскаго главнокомандующаго. Можетъ-быть, только непосредственное вмѣшательство Глинки, дѣйствительно пытавшагося приблизиться къ народу, придавало нѣкоторый хотя бы авторитетъ и вѣру у московскихъ обывателей въ того «русскаго барина», который вдругъ заговорилъ съ населеніемъ не барственнымъ языкомъ.

Но Ростопчинъ, взявшій на себя роль народнаго трибуна, самъ чрезвычайно не довѣрялъ народу, какъ мы уже могли убѣдиться и какъ убѣдимся въ дальнѣйшемъ. Поэтому и близость Глинки къ народу способна была вызвать въ немъ недоразумѣнія. Глинка съ неподражаемой наивностью замѣтилъ: «не знаю, почему приказано было за мной присматривать» (Поповъ, «Р. Ар.», 1875, VII, 301). Это было въ моментъ пріѣзда государя въ Москву. Восторженный Глинка съ толпою «любопытныхъ», по характеристикѣ Ростопчина, пошелъ за городъ встрѣчать царя. Царь не пріѣхалъ. Глинка видѣлъ, что народъ разошелся съ «сокрушеннымъ сердцемъ». Его патріотизмъ былъ грубо задѣтъ и онъ предложилъ напечатать что-нибудь «одобрительное» народу. За это онъ и попалъ на подозрѣніе Ростопчина. Сущность демагогіи Ростопчина здѣсь выступаетъ особенно ярко. Интересно, достигала ли она какой-нибудь цѣли? Ростопчинъ былъ увѣренъ, что московскій людъ его чрезвычайно любитъ: «нашъ графъ» — таково по мнѣнію Ростопчина было мнѣніе народа о немъ. «Могу васъ увѣрить,— писалъ позднѣе (28 апр. 1813 г.) Ростопчинъ Воронцову,—что Магометъ былъ менѣе любимъ и уважаемъ, нежели я въ теченіе августа мѣсяца и все достигалось словомъ, отчасти шарлатанствомъ» («Р. Арх.», 1908, VI, 27)). Глинка тоже свидѣтельствуетъ о вліяніи Ростопчина, поставившаго «себя на чреду старшины мірской сходки»; «въ дружескихъ своихъ посланіяхъ онъ бесѣдовалъ съ обывателями, какъ заботливый и привѣтливый другъ». Но мы встрѣтили и другія мнѣнія современниковъ. Можетъ-быть, наиболѣе характернымъ являются мнѣнія Маракуева, городского головы г. Ростова (Ярославскаго). Онъ рѣзко осуждаетъ демагогію Ростопчина. «Глупыя афиши Ростопчина, писанныя нарѣчіемъ деревенскихъ бабъ, совершенно убивали надежду публики», свидѣтельствуетъ Маракуевъ (цитирую по «Пожару Москвы»). Мало того, по словамъ со-

временника-наблюдателя, «неудачныя эти выдумки его вызывали презрѣніе, а чернь неизвѣстно за что питала къ нему величайшую ненависть» (Ib., 34).

Слѣдуетъ обратить вниманіе на это указаніе. Сопоставимъ его съ показаніемъ другого современника, кн. П. А. Вяземскаго, утверждавшаго, что Ростопчина «влекло къ черни», что онъ «чуялъ, что могъ бы надъ нею господствовать». По мнѣнію Вяземскаго, изъ Ростопчина могъ бы народиться «народный трибунъ». Показанію кого изъ этихъ современниковъ отдать предпочтеніе? Мы думаемъ—Маракуеву. И не показываетъ ли это въ такомъ случаѣ, что подчасъ народная масса отличается большимъ психологическимъ чутьемъ—она, можетъ-быть, инстинктивно угадывала всю фальшь ростопчинской демагогіи. Въ самомъ дѣлѣ, до занятія Москвы французами, до непосредственнаго, такъ сказать, столкновенія московскаго населенія съ врагомъ, конкретные результаты демагогической дѣятельности Ростопчина могли проявляться въ актахъ насилія и ненависти по отношенію къ мирнымъ и безоружнымъ иностранцамъ. Но мы уже цитировали свидѣтельство Глинки, приводили и характерныя обстоятельства, сопровождавшія отправленія «хароновой барки». Правда, въ перепискѣ современниковъ мы встрѣтимся и съ другими указаніями. Въ этомъ отношеніи интересна переписка Волковой съ Ланской, отмѣчающая проявленіе вражды населенія къ иностранцамъ. «Я много ожидаю,—пишетъ Волкова 22 іюля,—отъ враждебнаго настроенія умовъ. Третьяго дня чернь чуть не побила камнями одного нѣмца, принявъ его за француза» («Р. Арх.», 1872, 2384). «Народъ такъ раздраженъ,—сообщаетъ она 15 августа,—что мы не осмѣливаемся говорить по-французски на улицѣ. Двухъ офицеровъ арестовали: они на улицѣ вздумали говорить по-французски; народъ принялъ ихъ за переодѣтыхъ шпіоновъ и хотѣлъ поколотить, такъ какъ не разъ уже ловили французовъ, одѣтыхъ крестьянами или въ женскую одежду, снимавшихъ планы, занимавшихся поджогами и предрекавшихъ прибытіе Наполеона,—словомъ, смущавшихъ народъ». Болѣе чѣмъ очевидно, что Волкова пишетъ по слухамъ, пишетъ со словъ Ростопчина (съ которымъ Волкова знакома домами).

Видъ Тверской улицы (Ѳ. Алексѣевъ. Акварель изъ Эрмитажнаго Собранія).

О возможности подобныхъ фактовъ, конечно, можно не сомнѣваться, въ особенности по отношенію къ шпіонамъ. И число такихъ фактовъ

должно было расти по мѣрѣ приближенія военныхъ дѣйствій къ Москвѣ, по мѣрѣ распропагандированія темной массы ростопчинской агитаціей. Но такіе факты,—факты дѣйствительные были немногочисленны. Ростопчинъ, вѣроятно, не преминулъ бы о нихъ разсказать. На дѣлѣ, кромѣ появленія сумасшедшаго купца и избіенія толпою двухъ ремесленниковъ, нѣмцевъ, поспорившихъ съ мѣнялой, онъ ничего не можетъ сказать. И тотъ фактъ, на которомъ онъ съ самодовольствомъ останавливается, чтобы показать свое вліяніе на московскую толпу, имѣетъ мѣсто наканунѣ Бородинской битвы, т.-е. тогда, когда тревожное настроеніе Москвы достигаетъ уже значительныхъ размѣровъ [1]). Явившійся къ мѣсту происшествія Ростопчинъ спасъ «неосторожныхъ нѣмцевъ» отъ разъяренной толпы, давъ «сильнѣйшую пощечину» мелкому купчику, съ рѣшимостью заявившему графу: «пора народу дѣйствовать самому, когда вы отдаете его въ жертву иностранцамъ». «Страсть къ сценическому искусству, — замѣчаетъ Поповъ,—ярко выражается въ этомъ разсказѣ». Толпа, «очевидно, не была особенно возбуждена, когда квартальному надзирателю удавалось въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ оградить отъ ея нападеній неосторожныхъ нѣмцевъ» («Р. Арх.», 1875, X, 135). И тутъ же мы найдемъ другой разсказъ (Рунича), говорящій о томъ, какъ послѣ Бородинской битвы «жители Москвы толпами выходили навстрѣчу раненымъ, приносили имъ бѣлый хлѣбъ и деньги, не дѣлая различія между русскими и плѣнными»... («Р. Ст.», 1901, III, 601). И, повидимому, изъ этого можно заключить, что въ это время московская толпа стояла гораздо выше своего офиціальнаго руководителя, въ ней было гораздо больше здороваго патріотизма, чѣмъ у просвѣщеннаго графа Ростопчина.

Послѣдній всѣ свои мѣры до Бородинской битвы объясняетъ необходимостью «поддержанія спокойствія въ городѣ». Онъ хотѣлъ «разсѣять и занять вниманіе въ народѣ». Отвлечь вниманіе народа онъ хочетъ въ сущности только отъ одного — скажемъ въ данномъ случаѣ словами Волковой (въ позднѣйшемъ письмѣ 11 ноября): «Москва дѣйствовала на всю страну, и будь увѣрена, что при малѣйшемъ безпорядкѣ между жителями ея все бы всполошилось. Намъ всѣмъ извѣстно, съ какими вѣроломными намѣреніями явился Наполеонъ. Надо было ихъ уничтожить, возстановить умы противъ негодяя, и тѣмъ охранить чернь, которая вездѣ легкомысленна» (Ib., 2413).

Устранивъ возможность соціальной революціи и поднявъ патріотическое чувство, Ростопчинъ чувствовалъ себя въ Москвѣ довольно спокойно. До послѣднихъ дней онъ, конечно, не раздѣлялъ мнѣнія, высказаннаго Глинкой еще на дворянскомъ собраніи 15 іюля, что «сдача Москвы будетъ спасеніемъ Россіи и Европы». А между тѣмъ тревожное настроеніе въ Москвѣ понятно росло. «Спокойствіе покинуло нашъ милый городъ. Мы живемъ со дня на день, не зная, что ждетъ насъ впереди. Нынче мы здѣсь, а завтра—Богъ знаетъ гдѣ», пишетъ Волкова 22 іюля. «Мы же, москвичи, остаемся попрежнему въ невѣдѣніи касательно нашей участи,—сообщаетъ она черезъ недѣлю. — Лишь чуть оживитъ насъ пріятное извѣстіе, какъ снова слышимъ что-либо устрашающее» (Ib., 2385).

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ этотъ случай относитъ къ 30 августа.

«Узнавъ, что наше войско идетъ впередъ, а французы отступаютъ, москвичи поуспокоились. Теперь рѣже приходится слышать объ отъѣздахъ», сообщаетъ она 5 августа. Но вѣсти о занятіи Смоленска «огромили Москву», какъ выразился Глинка («Записки 1812 г.», 32). «Здѣсь большая суматоха. Люди мужского и женскаго пола убрались, голову потеряли; всѣ ѣдутъ отсюда», сообщаетъ Булгаковъ своему брату 13 августа («Р. Арх.», 1900, V, 32). Самоувѣренный и безпечный Ростопчинъ боролся съ этой паникой, забавляя народъ своими выдумками и смѣясь надъ тѣми, кто проявлялъ, по его мнѣнію, преждевременную трусость.

«Нѣкоторые оставляютъ Москву,—пишетъ онъ Багратіону по полученіи извѣстія о сдачѣ Смоленска,—чему я чрезвычайно радъ; ибо пребываніе трусовъ заражаетъ страхомъ, а мы болѣзни сей здѣсь не знаемъ». «Здѣсь,—добавляетъ Ростопчинъ,—очень дивились бездѣйствію нашихъ войскъ» (Богдановичъ, III. Прим. 64—65). Въ это время Ростопчинъ, какъ мы уже знаемъ (см. статью Барклай и Багратіонъ, III ч.), былъ вполнѣ солидаренъ съ Багратіономъ: неуспѣхъ войны объясняется бездарностью главнокомандующаго. «Кутузовъ, — сообщаетъ своему брату довѣренный Ростопчина Булгаковъ (13 августа),—все поправитъ и спасетъ Москву. Барклай—туфля, имъ всѣ недовольны, съ самой Вильны онъ все пакоститъ только («Р. Арх.», 1900, V, 32). «Я поклянусь, что Бонапарту не видать Москвы». Эта увѣренность не оставляетъ друзей Ростопчина и позже. Она съ очевидностью свидѣтельствуетъ, что той же точки зрѣнія держался и самъ Ростопчинъ, который впослѣдствіи все свое поведеніе, приведшее къ весьма печальнымъ результатамъ, объяснялъ желаніемъ предотвратить безпорядки въ Москвѣ.

П. А. Обресковъ.

«Мы здѣсь покойны. Барклай, наконецъ, свалился», сообщаетъ брату Булгаковъ 21 августа. Свербеевъ въ своихъ воспоминаніяхъ отмѣчаетъ ту же твердую увѣренность у губернатора Обрескова, который по родственнымъ отношеніямъ не разъ, вплоть до 1 сентября, писалъ отцу Свербеева, чтобы «онъ былъ спокоенъ и ничего не предпринималъ для спасенія имущества въ нашемъ московскомъ домѣ» (I, 439). Несмотря на всѣ подобныя увѣренія, московская публика не могла пребывать въ спокойствіи, тѣмъ болѣе, что до нея доходили извѣстія о паникѣ въ Петербургѣ, гдѣ «по секрету» изъ Эрмитажа и дворцовъ укладывались вещи для отправки въ Ярославль. Ростопчину, въ свою очередь, по высшему предписанію приходилось озабочиваться спасеніемъ казеннаго имущества. Московская публика узнаетъ, конечно, о томъ, какъ энергично озабочивается императрица Марія Ѳеодоровна еще съ начала августа о вывозѣ изъ Москвы

воспитанницъ институтовъ и Воспитательнаго Дома (Рескриптъ Ростопчину 22 августа. Щукинъ, «Бумаг. От. В.», VIII, 340) [1]). Съ 15 августа начинается и вывозъ казеннаго имущества Ростопчинымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и бѣгство населенія, которое идетъ crescendo по мѣрѣ роста опасности занятія французами Москвы. Однако Ростопчинъ все настойчиво продолжаетъ твердить, что только «женщины, купцы и ученая тварь (характерное выраженіе для просвѣщеннаго «русскаго барина») ѣдутъ изъ Москвы». Такъ онъ сообщаетъ Балашову 18 августа. Ростопчинъ забываетъ сказать о дворянствѣ, которое въ первую очередь устремилось изъ столицы. И тутъ же Ростопчинъ дѣлаетъ свое знаменитое объявленіе (18 августа). «Здѣсь есть слухъ... что я запретилъ выѣздъ изъ города. Тогда на заставахъ были бы караулы.... А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы... Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ». Затѣмъ идетъ обѣщаніе вывести «сто тысячъ молодцовъ» и при помощи Иверской Божьей Матери кончить «дѣло» (см. ст. Мендельсона). И хотя Ростопчинъ увѣренно говоритъ, что препятствій для выѣзда изъ Москвы онъ не чинитъ, однако въ тотъ же день отдаетъ, по словамъ Бестужева-Рюмина («Чтенія», 1859, II, 79), письменное приказаніе московскому магистрату, чтобы онъ «людямъ купеческаго и мѣщанскаго сословія не давалъ уже паспортовъ о выѣздѣ ихъ изъ Москвы, кромѣ женъ ихъ и малолѣтнихъ дѣтей». Но Ростопчинъ здѣсь уже не могъ обмануть публику, и кто только имѣлъ возможность, покидалъ Москву.

Впослѣдствіи это оставленіе столицы многимъ рисовалось даже какъ своего рода сознательный патріотическій подвигъ. Оно приписано было мудрымъ мѣрамъ Ростопчина, который «удалилъ всю московскую знать въ виду ея приверженности къ французамъ, благодаря воспитанію» (Руничъ). Такъ рисовалось много лѣтъ спустя нѣкоторымъ изъ современниковъ, но не такими побужденіями руководились московскіе жители въ серединѣ августа. Здѣсь дѣйствовалъ просто инстинктивный страхъ, бѣжали, «куда Богъ поведетъ», по словамъ Глинки, не руководясь никакими обдуманными цѣлями и не думая о послѣдствіяхъ. Бѣжалъ, кто могъ, кто былъ посостоятельнѣе, забирая съ собой что было можно изъ имущества. Оставленіе Москвы и вывозъ имущества было затруднено отсутствіемъ достаточныхъ средствъ передвиженія. «Въ городѣ почти не осталось лошадей»,

---

[1]) Упоминаніе о вывозѣ воспитанницъ изъ Москвы въ виду приближенія непріятеля даетъ поводъ вспомнить примѣчательныя для характеристики эпохи письма по этому поводу императрицы Маріи Θеодоровны къ лицамъ, стоящимъ во главѣ учебнаго вѣдомства, покровительствуемаго императрицей— къ Баранову и Нелединскому („Р. Арх.", 1870, № 8—9, 1499). Воспитанницъ Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ пришлось увозить на телѣгахъ за неимѣніемъ другихъ экипажей, цѣна на которыя къ этому времени (20 числа августа) возросла до колоссальныхъ размѣровъ, въ виду огромнаго числа бѣглецовъ. Этотъ фактъ привелъ въ негодованіе вдовствующую императрицу: „О чемъ я не могу вспомнить безъ огорченія и почти безъ слезъ,—пишетъ она Баранову,—это отправленіе дѣвицъ, особливо дщерей россійскаго дворянства на телѣгахъ и то откуда? изъ столицы Россійской! Пусть такъ, что необходимость принудила прибѣгнуть къ сему экипажу для Александровскаго училища, дочерей нижнихъ офицерскихъ чиновъ и подобнаго сему званію.... („Я признаюсь,—добавляетъ М. Θ.,—что я не понимаю, какъ могли рѣшиться возить сихъ дѣвицъ на телѣгахъ, и я не только со стыдомъ представляю себѣ, какое дѣйствіе произвело сіе позорище"). „Но какъ могло случиться съ вашими нѣжными чувствами, мой добрый Нелединскій, какъ могли вы подписать такое жестокое рѣшеніе, чтобы отправить на телѣгахъ дѣвицъ Екатерининскаго института, дочерей дворянъ? ....Я увѣряю васъ.... что я плакала горючими слезами. Боже мой! какое зрѣлище для столицы имперіи: цвѣтъ дворянства вывозится на телѣгахъ!"

сообщаетъ Волкова уже 15 августа. Если мы примемъ во вниманіе, что, помимо поставки лошадей въ арміи, девять уѣздовъ Московской губерніи съ 15—30 августа должны были выставить 52.000 подводъ для казенной надобности, то будетъ очевидно, что для удовлетворенія нуждъ обывателей оставалось слишкомъ мало. Естественно, что цѣны на подводы возросли до колоссальныхъ размѣровъ. Уже 15 августа лошадь на разстояніи 30 верстъ стоитъ 50 руб., въ послѣдніе дни цѣна на подводу увеличивается въ 20 разъ и болѣе (вмѣсто 30—40 руб.—800 руб.). Какъ всегда бываетъ при паникѣ, отъѣздъ происходилъ безтолково, берутъ изъ имущества, что попадаетъ подъ руку. И понятно, что въ описаніи всѣхъ современниковъ картина бѣгства изъ Москвы получается чисто «карикатурная» (Вигель). «Окрестности Москвы,—пишетъ Волкова 15 августа,—могли бы послужить

Прѣсненскіе пруды. (Альбомъ нач. XIX в.).

живописцу образомъ для изображенія бѣгства Египетскаго. Ежедневно тысячи каретъ выѣзжаютъ во всѣ заставы». Конечно, это суматоха съ каждымъ днемъ увеличивается и послѣ Бородина по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ самимъ Ростопчинымъ, число берлинъ, каретъ, бричекъ, колясокъ, ежедневно выѣзжающихъ изъ Москвы, доходитъ до 1.320. Два-три штриха изъ записокъ современниковъ дадутъ яркую картину этого «бѣгства Египетскаго». Мы приведемъ выдержку изъ описанія Вигеля («Записки», IV, 61—62), относящихся къ послѣднему дню, т.-е. ко 2 сентября: «приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; противъ же ея съ трудомъ могъ онъ (братъ Вигеля) подвигаться впередъ посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ являлъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужасную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько карикатурную. Тамъ виденъ

былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четвероместную тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжено было пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, что не успѣла уложить: конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ».

Аналогичное описаніе мы найдемъ у Свербеева (I, 71). Въ послѣдніе дни заставы открыты для всѣхъ. Первоначально оставленіе Москвы—это своего рода привилегія дворянства и отчасти другихъ наиболѣе имущественно обезпеченныхъ слоевъ московскаго населенія. Естественно, что при такихъ условіяхъ «выѣздъ изъ Москвы крайне сердилъ и раздражалъ народъ» (Глинка). Мы встрѣчаемся съ многочисленными указаніями на то, что народъ «съ дерзостью роптал на дворянъ, Москву оставляющихъ» (Мертваго, «Р. Арх.», 1867, 316). Свербеевъ разсказываетъ, какъ ихъ «поѣздъ» ратники каширскаго ополченія сопровождали угрозами и бранью «измѣнниками и предателями» (I, 72). Бестужевъ-Рюминъ въ своемъ повѣствованіи (18 августа) говоритъ, что эти люди, которые не имѣли нужды просить особенныхъ паспортовъ, удаляясь изъ Москвы, находили въ пути своемъ большія непріятности или, лучше сказать, были въ величайшей опасности отъ подмосковныхъ крестьянъ. Они называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали вслѣдъ: «куда, бояре, бѣжите вы съ холопами своими? Али невзгодье и на васъ пришло? И Москва въ опасности вамъ немила уже?» «Удалявшіеся вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить себѣ за овесъ и сѣно втридорога, и, сверхъ того, просто за постой не по пять копеекъ съ человѣка, какъ то обыкновенно платили, но по рублю и болѣе и безпрекословно должны были повиноваться сему закону, если не хотѣли сдѣлаться жертвою негодованія противъ своего побѣга освирѣпѣвшаго народа. Многіе изъ удалявшихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвращались опять въ Москву пѣшкомъ, лишившись дорогою и лошадей своихъ съ экипажемъ и имущества» (Чт., 1859, II, 79). Точно такой же разсказъ найдемъ мы и у Толычевой («Р. Арх.», 1877, VII, 363) и т. д.

Бестужевъ-Рюминъ эту ненависть къ отъѣзжающему дворянству ставитъ въ непосредственную связь съ запрещеніемъ Ростопчина выпускать московскихъ жителей, принадлежащихъ къ непривилегированнымъ сословіямъ. Несомнѣнно, этому должна была содѣйствовать и вся ростопчинская демагогія. Любопытная черта для дворянскаго публициста, слишкомъ увлекшагося взятой на себя ролью спасителя отечества... И не даромъ Карамзинъ читалъ ростопчинскія афиши «съ нѣкоторымъ смущеніемъ»; не даромъ ихъ «рѣшительно неодобрялъ» въ то время либеральный кн. П. А. Вяземскій «именно потому, что въ нихъ безсознательно проскакивала выходка далеко не консервативная». Правительственнымъ лицамъ, по мнѣнію Вяземскаго, «вообще не слѣдуетъ обращаться къ толпѣ съ возбудительною рѣчью: опасно подливать масла на горючія вещества» («Р. Арх.», 1874, XI, 72). Читалъ Вяземскій въ афишѣ: «хватайте въ виски и въ тиски и приводите ко мнѣ, хоть будь кто семи пядей во лбу»... Кого же подразумѣвать подъ послѣднимъ? «Ничего иного,—замѣчаетъ Вя-

земскій,—означать не могутъ, какъ дворянъ, людей высшаго разряда». И Вяземскій готовъ привѣтствовать гибель Москвы—только русскій Богъ да пожаръ спасъ ее отъ «междоусобицы и уличной рѣзни». Совершенно понятно, что «народъ, обороняться готовящійся, съ дерзостью роталъ на дворянъ, Москву оставляющихъ», такъ какъ авторитетныя разъясненія московскаго главнокомандующаго могли массѣ внушить опредѣленное убѣжденіе, что столицѣ не грозитъ никакой опасности: 18 августа Ростопчинъ такъ увѣренно говорилъ, что въ нашей арміи 130 т. войска славнаго и 1800 пушекъ, а у непріятелей «сволочи» 150 т. Кромѣ того, у самого Ростопчина «дружины московской» «сто тысячъ молодцовъ», да «150 пу-

Яузскій мостъ и домъ Пашкова (Де-ла-Барта).

шекъ». Вѣдь этими разговорами Ростопчинъ обманулъ не только московское населеніе, но и самого Кутузова.

Впослѣдствіи Ростопчинъ всю свою дѣятельность въ этомъ направленіи объяснялъ желаніемъ предупредить безпорядки. Но, внѣ сомнѣнія, въ то время московскій властелинъ не допускалъ мысли о возможности оставленія Москвы и, пожалуй, самымъ серьезнымъ образомъ думалъ въ крайности защитить ее своими средствами. Это было самообольщеніе, вызванное обычнымъ для Ростопчина бахвальствомъ и самоувѣренностью. Много разъ въ письмахъ офиціальныхъ и частныхъ Ростопчинъ говоритъ о невозможности сдачи Москвы. «Народъ московскій умретъ у стѣнъ московскихъ, а если Богъ не поможетъ—обратитъ городъ въ пепелъ», пишетъ онъ Багратіону еще 12 августа. Ростопчинъ согласенъ скорѣе потерять армію, чѣмъ «потерять Москву», ибо «съ потерею Москвы соединена потеря Россіи», говоритъ онъ Кутузову 17 августа. «Каждый изъ русскихъ,—

сообщаетъ онъ тому же лицу,—полагаетъ всю силу въ столицѣ и справедливо почитаетъ ее оплотомъ царства» («Р. Ст.», 1870, 553). Онъ предупреждаетъ тутъ же Кутузова, что въ случаѣ несогласія онъ будетъ дѣйствовать одинъ въ Москвѣ. Съ чьей же помощью? Съ тѣми «рѣшительными» молодцами, которыми хвалился Ростопчинъ? Можетъ быть. Но чрезвычайно характерно, что Ростопчинъ, взявшій на себя роль народнаго трибуна, до послѣдняго момента не вѣритъ и боится того народа, съ которыми онъ надѣется отразить французовъ.

Наканунѣ Бородина Ростопчинъ объявляетъ: «Вы, братцы, не смотрите на то, что правительственныя мѣста закрыли дѣла: прибрать надобно, а мы своимъ судомъ съ злодѣемъ разберемся... Я кличъ кликну дня за два, а теперь не надо, я и молчу». Но болѣе чѣмъ понятна тревога остающагося въ Москвѣ населенія. Оно искренно готово защитить Москву. Для этого надо вооружиться. Правда, если повѣрить главнокомандующему, достаточно топора, рогатокъ, а «всего лучше вилы-тройчатки: французъ не тяжелѣе снопа ржаного». Врядъ ли, однако, даже самый наивный обыватель изъ самой темной среды вѣрилъ ростопчинскимъ прибауткамъ въ то время, когда Москва была переполнена ранеными, прибывавшими, по словамъ Ростопчина, «ежедневно тысячами». Народонаселеніе думало о болѣе серьезномъ вооруженіи. И графъ Ростопчинъ шелъ къ нему навстрѣчу: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появляется объявленіе: «Дабы остановить преступное лихоимство [1]) купцовъ московскихъ, которые берутъ непомѣрную цѣну за оружіе, необходимое для вступившихъ въ ополченіе противъ врага, онъ, главнокомандующій, открылъ государственный цейхгаузъ, въ которомъ будетъ продаваться всякое оружіе дешевою цѣною». Любопытнѣйшее поясненіе дѣлаетъ къ этому объявленію Бестужевъ-Рюминъ: «дѣйствительно, цѣна продаваемому оружію изъ арсенала была очень дешева, ибо ружье или карабинъ стоилъ 2 и 3 рубля; сабля 1 рубль, но, къ сожалѣнію, все это оружіе къ употребленію не годилось, ибо ружья были или безъ замковъ, или безъ прикладовъ, или стволы у нихъ согнутые, сабли безъ эфесовъ, у другихъ клинки сломаны, зазубрены». Затѣмъ Ростопчинъ пошелъ и дальше. Въ день Бородинской битвы народу открывается арсеналъ для безплатной раздачи оружія, боевое качество котораго довольно образно представилъ только что процитированный современникъ москвичъ. Раздача оружія была обставлена самымъ торжественнымъ образомъ. Одинъ изъ очевидцевъ далъ картинное описаніе театральной сцены, разыгравшейся въ Кремлѣ 26 августа на Сенатской площади («Моск. Вѣд.», 1872, № 52. Цитирую по Попову. («Р. Арх.», 1875, X, 170). Ростопчинъ постарался придать ей самый помпезный характеръ, вызвавъ для этой цѣли изъ Троице-Сергіевской лавры самаго престарѣлаго митрополита Платона. «За колокольней Ивана Великаго,—разсказываетъ этотъ очевидецъ,—былъ воздвигнутъ амвонъ»: сюда были вынесены иконы изъ соборовъ и отслуженъ молебенъ въ при-

[1]) „Купцы,—разсказываетъ Бестужевъ-Рюминъ—видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своей наживы". До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ государемъ императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 руб. и дешевле; пара пистолетовъ тульскаго мастерства 8 и 7 руб., но когда было прочтено воззваніе, то та же самая сабля стоила уже 30 и 40 руб.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 руб («Чтенія», 74).

Бѣгство жителей Москвы передъ нашествіемъ Наполеона (карт. проф. Сверчкова).

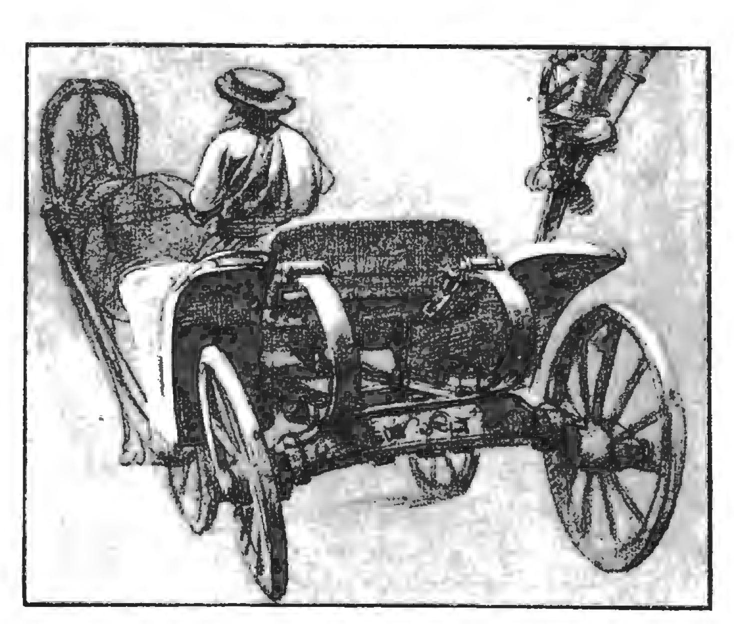
сутствіи генералъ-губернатора. По окончаніи молебна одинъ изъ дьяконовъ сталъ рядомъ съ нимъ (Платономъ), чтобы говорить отъ его имени, потому что онъ самъ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голосъ. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣряться своимъ начальникамъ. Митрополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь, переданная устами другого, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. «Владыка желаетъ знать,—продолжалъ дьяконъ,—насколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣни. Всѣ стали на колѣни... Графъ Ростопчинъ выступилъ впередъ и обратился, въ свою очередь, къ народу, «какъ скоро вы покоряетесь волѣ императора, я объявляю вамъ милость государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ». Въ этомъ разсказѣ гр. Ростопчинъ стоитъ какъ живой.

Съ какою же цѣлью была инсценирована эта обстановка? Тотъ же современникъ говоритъ: «графъ Ростопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ еще принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля». Мы уже знаемъ, какая рухлядь раздавалась ранѣе изъ арсенала. Историки подчеркиваютъ, что другого оружія и не было. И тѣмъ какъ будто отчет-

ливѣе вырисовывается вся буффонада, придуманная Ростопчинымъ,—буффонада съ защитой Москвы негоднымъ для употребленія оружіемъ. Но послѣднее еще требуетъ провѣрки. Мы имѣемъ и противоположное свидѣтельство: «Весь арсеналъ,—писалъ И. М. Капцевичъ Аракчееву 6 сентября,—и прекрасныя новыя ружья достались непріятелю». (То же самое свидѣтельствовалъ и Наполеонъ въ письмѣ къ Александру I, перечисляя имущество, оставленное въ Москвѣ). И если это такъ, то демагогія Ростопчина получаетъ уже другое совѣщеніе... Такимъ образомъ, собираясь со своими «молодцами» защищать Москву, Ростопчинъ имъ не вѣрилъ. Зато, повидимому, большія надежды возлагалъ онъ на другое средство—на воздушный шаръ, старательно дѣлавшійся подъ Москвой иностранцемъ Леппихомъ. Шаръ этотъ послужилъ впослѣдствіи поводомъ безконечныхъ разсужденій въ связи съ вопросомъ о пожарѣ Москвы (см. соотвѣтствующую статью). Внѣ всякаго сомнѣнія, что правительство возлагало серьезныя надежды на изобрѣтеніе, предложенное Леппихомъ. Самъ же Леппихъ, вѣроятно, принадлежалъ къ числу прожектёровъ-аферистовъ.

Разъѣзжая по Европѣ съ изобрѣтеннымъ имъ музыкальнымъ инструментомъ «панмелодиномъ», Леппихъ въ Парижѣ предложилъ Наполеону проектъ о воздушномъ шарѣ, который «могъ бы поднимать такое количество разрывныхъ снарядовъ, что посредствомъ ихъ можно было бы истребить цѣлыя арміи». Наполеонъ удалилъ прожектёра изъ Франціи. Весной 1812 г. Леппихъ предложилъ свои услуги русскому правительству черезъ Аллопеуса, посланника при Штутгартскомъ дворѣ. Румянцевъ сообщилъ Аллопеусу, что императоръ желаетъ «какъ можно скорѣе воспользоваться важнымъ изобрѣтеніемъ, которое обѣщаетъ важныя послѣдствія». Съ самаго начала предположенія Леппиха были облечены глубокой таинственностью. Д. Н. Свербеевъ въ бумагахъ губернатора московскаго Обрескова нашелъ два секретныхъ письма, написанныхъ лично Обрескову. «Вручитель этого,—писалъ Александръ въ началѣ іюля,—иностранецъ Шмидтъ, объявитъ вамъ причину, по которой посылается мною въ Москву. Храните ее подъ завѣсой непроницаемой тайны не только отъ московскихъ жителей, но и отъ главнокомандующаго фельдмаршала графа Гудовича. Помѣстите Шмидта гдѣ-нибудь около Москвы и давайте всѣ средства къ исполненію его предпріятія. Пребываніе его у васъ дайте предлогомъ фабрикаціи земледѣльческихъ орудій, или чего другого. Всѣ сношенія со мной лично по этому предмету ведите черезъ оберъ-гофмаршала гр. Николая Александровича Толстого, адресуя ваши ко мнѣ донесенія на его имя» (Свербеевъ, т. I, 444). Письмо это не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ серьезности правительственныхъ надеждъ, и Леппиха, подъ именемъ Шмидта, помѣстили въ Тюфелевой рощѣ за Симоновымъ монастыремъ, снабдивъ всѣми матеріалами и необходимымъ контингентомъ рабочихъ. Съ появленіемъ въ Москвѣ Ростопчина Обрескову было разрѣшено сообщить новому главнокомандующему «весь ходъ дѣла» (второе именное письмо императора Обрескову). Ростопчинъ отнесся къ проекту Леппиха съ подобающей серьезностью, какъ свидѣтельствуетъ его переписка по этому поводу съ Александромъ. «Можно ли вполнѣ положиться на него (Леппиха), чтобы не подозрѣвать измѣны съ его стороны, что онъ не обратитъ этого открытія въ

пользу вашихъ враговъ», спрашивалъ Ростопчинъ императора въ письмахъ отъ 11 іюня, и восхваляя за нѣсколько дней передъ тѣмъ Леппиха, какъ «хорошаго и способнаго механика». Впослѣдствіи Ростопчинъ по своему обыкновенію отъ всего этого отказался. Въ своей «Правдѣ о московскомъ пожарѣ» Ростопчинъ именуетъ Леппиха «шарлатаномъ», который требовалъ, чтобы «его работа сохранялась втайнѣ». «Исторія,— писалъ Ростопчинъ, — уже слишкомъ много придала значенія этому шару, для того только, чтобы выставить русскихъ въ смѣшномъ видѣ... Конечно, никто бы изъ жителей Москвы не повѣрилъ, что Шмидтъ съ «такого шара... уничтожитъ французскую армію» [1]. Таково было позднѣйшее объясненіе Ростопчина, когда онъ старался всѣми мѣрами показать, что не имѣлъ рѣшительно никакого отношенія къ московскому пожару. Исторія съ воздушнымъ шаромъ дѣйствительно пріобрѣла нѣсколько «смѣшной видъ». Ростопчинъ вѣрилъ въ шаръ до послѣдняго момента. Въ письмахъ къ Александру онъ систематично сообщаетъ о «воздушномъ предметѣ», ввѣренномъ его попеченію, т.-е. «о машинѣ Леппиха». Ростопчинъ присутствуетъ при всѣхъ опытахъ и сообщаетъ императору, что онъ совершенно увѣренъ въ успѣхѣ (30 іюня). Ростопчинъ въ началѣ августа по предписанію императора озабочивается наборомъ военной команды для той же машины, которая будетъ окончена 15 августа.

Извозчикъ (Paul Barbier).

Съ Леппихомъ въ мастерской работаетъ 100 человѣкъ «17 часовъ въ день». «Въ этомъ изобрѣтеніи,—сообщаетъ Ростопчинъ императору,— ваша слава и спасеніе Европы». «Я днемъ и ночью буду содержать сильную стражу, чтобы никого не пропускали». Ясно, что Ростопчинъ возлагалъ большія надежды на изобрѣтеніе Леппиха. Отсюда и таинственность на первыхъ порахъ. Процитированныя раньше письма и распоряженія Александра не оставляютъ сомнѣнія, что тѣ же надежды питалъ и Александръ. Императоръ 8 августа самымъ детальнымъ образомъ указываетъ Ростопчину, какія мѣры надо предпринять при первомъ полетѣ, чтобы «не попасть въ руки непріятеля», чтобы избѣжать «непріятельскихъ шпіоновъ» и чтобы шаръ соображалъ свои дѣйствія съ дѣйствіями главнокомандующаго, который уже предупрежденъ императо-

[1] См. также „Записки". („Р. Ст.", 1889, XII, 667—8).

ромъ... Если вѣрить Аракчееву, то и онъ зналъ о Леппихѣ, но относился весьма отрицательно къ этой затѣѣ, какъ и къ другимъ прожектёрамъ, въ большомъ количествѣ появившихся ко времени войны. Въ «Воспоминаніяхъ о селѣ Грузинѣ» А. Языковъ со словъ Аракчеева передаетъ интересные діалоги по этому поводу между Аракчеевымъ и Александромъ: «Въ 1812 г., когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ, и страхъ былъ всеобщій, императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Ко мнѣ явился нѣкто, предлагающій вылить пули, навѣрно попадающія; дай ему средства дѣломъ заняться». Я осмотрѣлъ пулю, позволилъ себѣ сказать: «Вы, вѣрно, хотите похристосоваться съ вашею арміей и подарить каждому солдату по чугунному яйцу? Повѣрьте, государь, этотъ изобрѣтатель обманщикъ: пуля по своей формѣ далеко и мѣтко летѣть не можетъ». На это императоръ мнѣ сказалъ: «Ты глупъ». Я замолчалъ, далъ прожектёру что-то дѣлать и забылъ о томъ. Вскорѣ затѣмъ императоръ вновь меня призвалъ и сказалъ: «Явился человѣкъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всю армію Наполеона, отведи ему близъ Москвы удобное мѣсто и дай средства къ работѣ». Я вновь позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нелѣпости дѣла и вновь получилъ отвѣтъ: «Ты глупъ». Прошло немного времени, какъ мнѣ донесли, что изобрѣтатель шара бѣжалъ. Съ довольнымъ лицомъ предсталъ я предъ императоромъ и донесъ о случившемся, но каково было мое удивленіе, когда императоръ съ улыбкой сказалъ мнѣ: «Ты глупъ. Для народа такія мѣры въ извѣстныхъ случаяхъ нужны, такія выдумки устанавливаютъ легковѣрную толпу хотя на малое время, когда нѣтъ средства отвратить бѣду. Народъ тогда толпами ходилъ изъ Москвы на разстояніе 7 верстъ къ тому мѣсту, гдѣ готовился шаръ... Народъ, возвращаясь домой, разсказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врага и тѣмъ довольствовался» («Р. Арх.», 1869, IX, 1467). Можно ли повѣрить, что дѣйствительно Александръ держался такой точки зрѣнія на леппиховское изобрѣтеніе? Нѣтъ, если бесѣда Аракчеева съ Александромъ не вымышлена, то она показываетъ, что Александръ старался и отъ Аракчеева скрыть истину. Самолюбивому Александру, вѣроятно, было непріятно, что онъ такъ легко повѣрилъ «шарлатану». Вѣдь въ это время обнаружилась уже полная несостоятельность опытовъ съ воздушнымъ шаромъ, о предварительныхъ успѣхахъ которыхъ неоднократно доносилъ Ростопчинъ императору. И Александръ желалъ дать другое объясненіе, показать, что онъ никогда не вѣрилъ затѣѣ Леппиха, т.-е. въ данномъ случаѣ Александръ поступалъ совершенно такъ же, какъ впослѣдствіи поступалъ Ростопчинъ. Несомнѣнный фактъ, что приготовленіе шара тщательно скрывали. И о немъ въ московскомъ обществѣ узнавали только случайно—черезъ посредство тѣхъ лицъ, которыя помогали Леппиху. Такъ, напр., узналъ объ изготовленіи шара студентъ Шнедеръ, который благодаря своему знакомству даже попалъ на дачу Леппиха и которому объяснили, что дѣлается «воздушный шаръ, который движеніемъ посредствомъ крыльевъ можно направлять по произволу. Онъ подниметъ ящики съ разрывными снарядами, которые, будучи сброшены съ высоты на непріятельскую армію, произведутъ въ ней страшное опустошеніе». (Приложеніе къ статьѣ Попова, «Р. Арх.», 1875, IX, 44).

Только тогда, когда шаръ былъ почти готовъ, Ростопчинъ рѣшилъ повѣдать о немъ московскому населенію. «Леппихъ окончилъ маленькій шаръ, который поднимаетъ пять человѣкъ. Завтра будетъ опытъ, о чемъ я извѣстилъ городъ», сообщаетъ Ростопчинъ Александру 23 августа. Объявленіе московскаго главнокомандующаго, конечно, не могло не заинтересовать московскаго населенія. Если нѣкоторые отнеслись несерьезно къ объявленію Ростопчина (напр., Глинка, который говоритъ, что шаръ строили «къ заглушенію мысли о предстоящей опасности»), то другіе представители образованнаго общества «вѣрили отъ души», какъ замѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ: «я говорилъ о воздушномъ шарѣ съ однимъ вельможею, сенаторомъ, котораго имени не хочу назвать; онъ былъ точно увѣренъ, что воздушный шаръ истребитъ непріятельскую армію, и доказывалъ, увѣряя честью своею, что уже сдѣлана проба и собрано было стадо овецъ, надъ которымъ поднялся шаръ съ тремя человѣками, и стадо истреблено». Къ сожалѣнію, сенаторъ слишкомъ вѣрилъ «разгульной молвѣ». Изъ опыта съ маленькимъ шаромъ ничего не вышло, какъ «съ прискорбіемъ» извѣщалъ Ростопчинъ императора 29 августа: «шаръ не поднималъ и двухъ человѣкъ». «Леппихъ,—заключилъ Ростопчинъ, — сумасшедшій шарлатанъ». Къ такому выводу Ростопчинъ пришелъ только въ самый послѣдній моментъ, когда въ виду вступленія французовъ въ Москву пришлось и Леппиха, и его шаръ отправлять изъ города.

Съ неудачей Леппиха рушилась и надежда Ростопчина. Трудно, конечно, сказать, насколько вѣрилъ Ростопчинъ въ возможность новаго сраженія подъ Москвой, когда писалъ Александру 29 августа: «Я сдѣлаю все возможное, какъ и в с е г д а дѣлаю, чтобы доставить князю Кутузову средства одержать побѣду надъ чудовищемъ, который явился для разрушенія престоловъ и уничтоженія народовъ. Москва будетъ стоить ему много крови, прежде нежели онъ въ нее войдетъ». Здѣсь скорѣе сказывалось обычное хвастовство Ростопчина. Слишкомъ развязно давая обѣщанія и дѣйствительно морочa ими всѣхъ своихъ корреспондентовъ, Ростопчину оставалось только до конца вести политику самообмана и тѣмъ самымъ сложить отвѣтственность на другихъ: «И когда меня не будетъ,—писалъ Ростопчинъ въ томъ же письмѣ,—живой или умирающій, я постоянно сохраню одно желаніе, чтобы вы разубѣдились въ людяхъ, удостоенныхъ вашей довѣренности и своею глупостью, неспособностью или вѣроломствомъ приведшихъ васъ на к р а й п р о п а с т и».

Въ послѣдніе дни въ Москвѣ, естественно, царитъ паника. Уѣзжаютъ всѣ, кто только можетъ. Ростопчинъ долженъ принимать экстренныя мѣры къ вывозу казеннаго имущества, къ отправкѣ раненыхъ, которые въ огромномъ количествѣ скапливаются въ Москвѣ послѣ Бородина и т. д. Но и здѣсь энергія Ростопчина проявляется совсѣмъ въ другомъ направленіи. Ростопчинъ, упрекавшій московское общество въ шпіономаніи, готовъ каждаго заподозрить въ измѣнѣ. Ему кажется, что «якобинцы» подговариваютъ дворянъ остаться въ Москвѣ. Онъ готовъ заподозрить въ измѣнѣ чуть ли не весь составъ правительствующаго сената.

Сенатъ, не получавшій никакихъ предписаній изъ Петербурга, въ ночь на 30 августа послалъ нарочнаго въ Петербургъ и ожидалъ распоряженій министра юстиціи. Но гр. Ростопчинъ признавалъ только одну

свою власть—и безъ всякихъ разговоровъ 30 августа адъютантъ Ростопчина явился въ сенатъ и приказалъ отъ имени Ростопчина закрыть засѣданія и «немедленно выѣхать изъ Москвы». «Я весьма заботился,—объяснялъ Ростопчинъ въ «запискахъ» свой поступокъ, который, по его собственному признанію, «впослѣдствіи считали деспотическимъ, — чтобы ни одного сенатора не оставалось въ Москвѣ и чтобы тѣмъ лишить Наполеона средства дѣйствовать на губерніи посредствомъ предписаній или воззваній, выходившихъ отъ сената... Такимъ образомъ *я* вырвалъ у Наполеона страшное оружіе, которое въ его рукахъ могло бы произвесть смуты въ провинціяхъ, поставивъ ихъ въ такое положеніе, что не знали бы, кому повиноваться».

Однако, если ограничиться исключительно лишь объясненіями одного Ростопчина, то будетъ ясно, что истинная причина негодованія Ростопчина на сенатъ, крылась совсѣмъ въ другомъ. Ростопчинъ, по его словамъ, узналъ, что трое сенаторовъ, принадлежащихъ къ «партіи мартинистовъ» (Лопухинъ, Руничъ, Кутузовъ), «предложили послать депутацію въ главную квартиру, чтобы узнать отъ главнокомандующаго—не въ опасности ли находится Москва и пригласить меня въ сенатъ, чтобы я сообщилъ свѣдѣнія о способахъ защиты и о мѣрахъ, какія я намѣреваюсь предпринять въ настоящихъ обстоятельствахъ. Вся эта продѣлка была дѣломъ самолюбія, и сенатъ хотѣлъ присвоить себѣ право верховной власти». Давать отчетъ кому-либо Ростопчинъ вовсе не намѣревался, тѣмъ болѣе, что его хвастливыя обѣщанія не могли найти рѣшительно никакой конкретной поддержки въ фактическомъ положеніи вещей. И пока «честные люди и мартинисты разсуждали, какъ отнестись съ своими требованіями» къ Ростопчину и «отправить депутацію на главную квартиру», Ростопчинъ своей административной властью разрѣшилъ всѣ недоумѣнія, предупредивъ, что «въ случаѣ неповиновенія» «онъ» немедленно подъ хорошею стражею увезетъ «всякаго сенатора, который будетъ упорствовать остаться въ Москвѣ». Такимъ образомъ и здѣсь Ростопчинъ нашелъ поводъ выставить себя мудрымъ спасителемъ отечества, сумѣвшимъ вовремя прервать интригу «мартинистовъ», хотѣвшихъ «убѣдить своихъ товарищей не оставлять города, представляя этотъ поступокъ, какъ долгъ самопожертвованія»... а въ дѣйствительности имѣя «намѣреніе», оставаясь въ Москвѣ, «играть роль при Наполеонѣ» (Зап., 712). Надо ли выяснять, что все это явилось плодомъ вымысла ростопчинской фантазіи въ болѣе позднее время, когда его «деспотизмъ» далеко уже не встрѣчалъ одобренія въ правительственныхъ кругахъ, когда и его героизмъ у современниковъ отчасти былъ поставленъ подъ подозрѣніе.

30 августа, когда происходила сцена съ удаленіемъ изъ Москвы сенаторовъ, Ростопчинъ, вѣроятно, уже не думалъ о защитѣ Москвы. Ночью онъ получилъ увѣдомленіе отъ Кутузова, что «Наполеонъ отдѣлилъ отъ своихъ войскъ цѣлый корпусъ, который двинулся по направленію къ Звенигороду». «Неужели не найдетъ онъ свой гробъ отъ дружины московской, — спрашивалъ Кутузовъ, — когда бы осмѣлился онъ посягнуть на столицу московскую... Ожидаю нетерпѣливо отзыва вашего сіятельства». Казалось бы, вотъ гдѣ Ростопчинъ могъ бы показать реальные результаты своей продуктивной дѣятельности, своей воинственной

пылкости. «Я ему ничего не отвѣтилъ», говоритъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ (713). Предложеніе Кутузова показалось московскому властелину «весьма дурною шуткою», потому что Кутузову «хорошо было извѣстно, что Москва опустѣла и въ ней оставалось не болѣе 50 тыс. жителей». Такъ разсказывалъ Ростопчинъ впослѣдствіи. Но А. Н. Поповъ не безъ основанія предполагаетъ, что со стороны Кутузова въ данномъ случаѣ не было «злой насмѣшки». Кутузовъ могъ вполнѣ искренно повѣрить, что Ростопчинъ исполнилъ свое обѣщаніе сформировать добровольную дружину (помимо ополченія) изъ московскихъ обывателей. Вѣдь о ней такъ много говорилъ хвастливый московскій градоправитель [1]), не принявшій ни одной мѣры къ организаціи той дружины, которая должна была явиться вооруженная по первому его кличу, чтобы отразить французовъ. Мы знаемъ уже, какъ боялся въ дѣйствительности «русскій баринъ», принявшій на себя роль народнаго трибуна, своихъ даже невооруженныхъ молодцовъ. Но при всемъ томъ отказаться отъ пріемовъ своей рекламной и фальшивой демагогіи Ростопчинъ не могъ.

На почтовомъ трактѣ (Swibach).

30-го утромъ Ростопчинъ вручаетъ Глинкѣ для немедленнаго напечатанія написаніе «летучимъ перомъ», какъ выражается Глинка, «Воззванія на Три горы». На основаніи разговора по поводу воззванія между Глинкой и Ростопчинымъ можно видѣть, что здѣсь Ростопчинъ сознательно выступалъ съ обманомъ: «У насъ, на Трехъ горахъ, ничего не будетъ,—заявилъ Ростопчинъ;—но это вразумитъ нашихъ крестьянъ, что имъ дѣлать, когда непріятель займетъ Москву». — «Наши силы многочисленны... Не впустимъ злодѣя въ Москву... Идите... Я буду съ вами и вмѣстѣ истребимъ злодѣя». Для чего допускалъ эту фальшь Ростопчинъ? Для того, чтобы поддержать спокойствіе и порядокъ въ столицѣ,—отвѣчаетъ Ростопчинъ. Въ дѣйствительности мѣра его привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. Уже объявленіе 30 августа, въ которомъ Ростопчинъ заявлялъ, что онъ кличъ кликнетъ «дня за два», произвело, по словамъ Бестужева-Рюмина, «ужасное волненіе въ народѣ», волненіе самое убійственное: стали разбивать кабаки, питейная контора на улицѣ Поварской разграблена, на улицахъ крикъ, драка... Словомъ, Москва въ

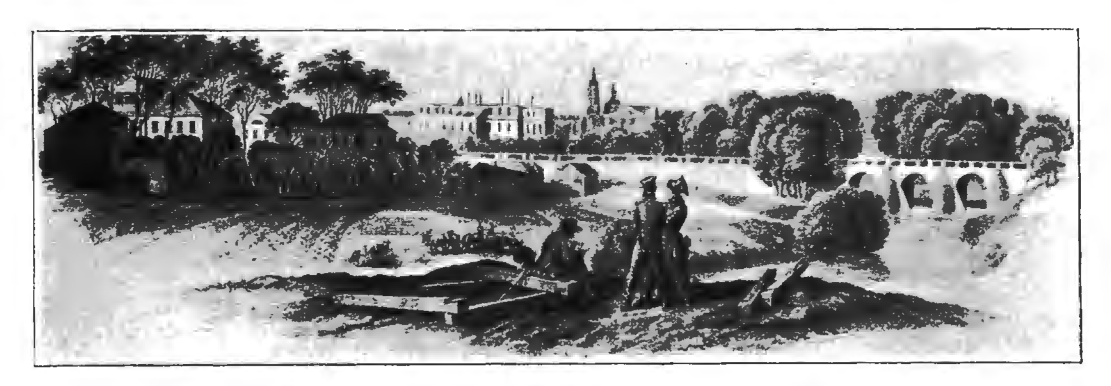
1) „Если сильная потеря людей и превосходство силъ наполеоновскихъ,—писалъ Ростопчинъ Кутузову 19 августа,—принудили бы оставить позиціи и отступить къ Москвѣ, тогда я соберу множество десятковъ тысячъ рѣшительныхъ молодцовъ и явлюсь къ вамъ“... „Извольте мнѣ сказать: твердое ли вы имѣете намѣреніе удерживать ходъ непріятеля на Москву и защищать городъ сей? Посему я приму всѣ мѣры: или, вооружа все, драться до послѣдней минуты, или, когда вы займетесь спасеніемъ арміи, я займусь спасеніемъ жителей и со всѣмъ, что есть военнаго, направлюсь къ вамъ на соединеніе“. (Письма Ростопчина къ Кутузову. „Р. Арх.“, 1875 XII, 457).

этотъ день какъ будто вовсе была безъ начальства». Таковъ былъ неизбѣжный результатъ демагогіи Ростопчина, котораго предусмотрительно, какъ мы знаемъ, боялся кн. Вяземскій. Ростопчинъ въ своихъ запискахъ, въ свою очередь, констатируетъ подобные факты, забывая только сказать или не понимая, что они явились прямымъ продуктомъ его литературнаго творчества. Ростопчинъ разсказываетъ о заговорѣ 12 «негодяевъ» «поджечь городъ, ударить въ набатъ и во время общей тревоги и смущенія броситься грабить богатыя лавки». «За три дня до вступленія непріятеля въ Москву,—передаетъ Ростопчинъ,—мнѣ дали знать, что нѣкто Наумовъ, маленькій дворянинъ, пользовавшійся худою славою, подговаривалъ лакеевъ и назначилъ имъ мѣсто, гдѣ надо собраться, чтобы пуститься на грабежъ, когда придетъ время. Онъ набралъ и записалъ ихъ уже болѣе 600, когда я узналъ объ этомъ умыслѣ. Между прочимъ, меня извѣстили, что онъ «похваляется, что убьетъ меня самого»... (Записки, 699).

Какъ нимало достовѣрны всѣ разсказы Ростопчина, можно не сомнѣваться въ существованіи подобныхъ фактовъ — погромные элементы были вызваны къ жизни самимъ Ростопчинымъ. Въ виду волненія, отмѣченнаго Бестужевымъ-Рюминымъ, Ростопчину пришлось принимать мѣры къ закрытію кабаковъ 30 и 31 августа. «Я прибѣгъ къ этой мѣрѣ, потому что множество мародеровъ, дезертировъ и мнимыхъ раненыхъ стекалось отовсюду въ Москву; а напиться даромъ допьяна могло привлечь и часть войскъ и такъ находившихся въ безпорядкѣ. Пьяные же могли начать грабежъ, и можетъ-быть, поджечь городъ, прежде нежели пройдетъ черезъ него наша армія» (114)... Но мѣры Ростопчина уже не достигли цѣли, какъ опредѣленно свидѣтельствуетъ очевидецъ событій и настроенія въ Москвѣ въ послѣдніе дни передъ сдачей... Легковѣрная толпа пошла за патріотическимъ призывомъ Ростопчина. 31 августа на Трехъ горахъ собралось оставшееся населеніе, чтобы «спасти отъ наступающаго врага Москву». «Народъ въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, — разсказываетъ Бестужевъ-Рюминъ, — такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, какъ съ восхожденіемъ солнца до захожденія не расходились въ ожиданіи графа Ростопчина, какъ онъ самъ обѣщалъ предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ съ горестнымъ уныніемъ разошлись по домамъ» (Ib., 83). Автору воспоминаній казалось, что «малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву?» Какъ ни наивно это предположеніе чиновника вотчиннаго департамента, оно ярко характеризуетъ личность Ростопчина, храбраго на словахъ, но не на дѣлѣ. Ростопчинъ не явился... Онъ сознательно морочилъ оставшееся московское населеніе и боялся обнаруженія своей фальши. Онъ былъ близокъ къ народу, но до крайности боялся этого вооруженнаго народа, вооруженнаго хотя бы и рогатками, вилами и топорами. Демагогъ не способенъ былъ лично поддержать въ критическій моментъ патріотическаго взрыва именно изъ-за страха.

Очевидно, уже въ это время московская толпа чувствуетъ большое озлобленіе противъ Ростопчина, онъ вынужденъ пообѣщать на другой день начать дѣйствовать: «Я завтра ѣду къ свѣтлѣйшему князю, чтобы съ нимъ переговорить... я пріѣду назадъ къ обѣду и примемся за дѣло:

обдѣлаемъ, додѣлаемъ и злодѣевъ отдѣлаемъ». Вѣрилъ ли кто-нибудь еще въ подобныя обѣщанія? Врядъ ли: въ Москвѣ началась уже полная анархія: «Проходя пѣшкомъ черезъ Москву,—сообщаетъ современникъ Евреиновъ («Р. Арх.», 1874, I, 103),—я ничего болѣе не встрѣчалъ, кромѣ безпорядковъ и безобразій. Кабаки уже начали разбивать». «За сутки предъ вступленіемъ въ Москву непріятеля,—разсказываетъ (быть-можетъ, не совсѣмъ точно) «Очевидецъ о пребываніи французовъ въ Москвѣ» (Москва, 1862, 46) — ...нигдѣ не было видно ни одной души, исключая подозрительныхъ лицъ, съ полубритыми головами, выпущенныхъ въ тотъ же день изъ острога: это колодники, обрадовавшись свободѣ, на просторѣ разбивали кабаки... и другія подобныя заведенія... Вечеромъ острожные любители Бахуса отъ скопившихся въ ихъ головахъ винныхъ паровъ, придя въ пьяное безуміе, вооружась ножами, топорами... и съ звѣрскимъ буйствомъ бѣгая по улицамъ, во все горло кричали...: «Руби проклятыхъ французовъ». На утро вступленія французовъ въ Москву безпорядки, конечно, еще усиливаются. Въ то

Въ окрестностяхъ Петровской слободы (Фаберъ дю-Форъ).

время, когда русскій арьергардъ подъ начальствомъ Милорадовича проходилъ черезъ Москву, а французскій авангардъ подъ начальствомъ Себастіани вступалъ въ Москву, на улицахъ начинался уже разгромъ домовъ и лавокъ опьянѣвшей толпой. Мы имѣемъ очень яркія показанія русскихъ очевидцевъ о той картинѣ, которую можно было наблюдать въ Москвѣ 2 сентября съ утра. На улицахъ бушуетъ толпа. Она состоитъ изъ подонковъ общества, изъ «колодниковъ», выпущенныхъ или вырвавшихся изъ тюремъ,—однимъ словомъ, изъ такихъ элементовъ, которые совершенно терроризировали мирное населеніе. Ростопчинъ въ 1813 г. опредѣлялъ оставшееся въ Москвѣ населеніе въ 10 т. человѣкъ: «когда Бонапартъ взошелъ въ Москву, въ ней было всего 10 т. жителей» («изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, половина всякой сволочи, дожидавшейся, какъ бы пограбить городъ», сообщалъ Ростопчинъ въ письмѣ Воронцову) («Р. Арх.», 1887, I, 181). Въ письмѣ къ Вязьмитинову (30 октября 1812 г.) Ростопчинъ увѣряетъ, что изъ 10.000 «навѣрно» 9.000 было такихъ, «кто съ намѣреніемъ грабить не выѣхалъ». Среди этой толпы видную роль играютъ «колодники», которые, по увѣренію Ростопчина, всѣ (въ числѣ 120 человѣкъ) были отправлены въ Нижній. Правда, такое предписаніе было сдѣлано (Щукинъ, III, 195), но въ дѣйствитель-

ности оно осталось только на бумагѣ. Помимо французскихъ свидѣтельствъ (см., напр., яркую картину у Coignet Roos и др.) достаточно и русскихъ: вотъ, напр., какъ описуетъ Москву въ 5 час. дня ближайшій другъ и помощникъ Ростопчина А. Я. Булгаковъ: «У заставы нѣтъ никого. Кабакъ разбитъ. У острога колодники бѣгутъ; ихъ выпустили или они поломали замки свои... Противъ Пушкина убиваютъ солдаты наши лавочника. Ѣду по Басманной—ужасная картина, не у кого спросить, гдѣ графъ. Грабежъ вездѣ ранеными и мародерами» («Р. Арх.», 1866, 701—2). Другая картина, начертанная очевидцемъ, дворовымъ человѣкомъ: «Передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ вступилъ французъ въ Москву, приказано было разбивать въ кабакахъ бочки съ виномъ. Народъ-то на нихъ и навалился; перепились пьянехоньки. Вино течетъ по улицамъ, а иные припадутъ къ мостовой и камни лижутъ. Драки, крикъ!» (Толычева, «Разсказы очевидцевъ о 1812 г.», стр. 102). Еще совершенно аналогичное свидѣтельство въ письмѣ Петра Лунина къ П. І. Арбеневу (18 сентября): «Въ день входа непріятеля главнокомандующимъ и губернаторомъ распущены были и отворены остроги находящимся въ оныхъ преступникамъ, они, а не французы, грабятъ и жгутъ наши дома, что и по сіе время продолжается («Р. Ст.», 1873, XII, 992). Можно найти и другія указанія (напр., Щук., III, 19). Но особенно любопытенъ разсказъ оставшагося въ Москвѣ начальника Воспитательнаго Дома И. В. Тутолмина, который попалъ въ трагическое положеніе, такъ какъ всѣ его рабочіе и караульщики перепились, таская изъ разбитыхъ «войсками» кабаковъ вино «ведрами, горшками и кувшинами»... (Письмо къ Баранову. Щук., V, 147). Такую картину представляла Москва 2 сентября. И не только въ то время, когда уже «ни коменданта, ни главнокомандующаго, ни оберъ-полицмейстера, ни квартальныхъ» уже въ Москвѣ не находилось. Такъ было съ утра, когда Ростопчинъ дѣлалъ свои послѣднія распоряженія.

Перенесемся теперь на дворъ ростопчинскаго дворца на Б. Лубянкѣ, гдѣ суждено было разыграться кровавой трагедіи и гибели невиннаго Верещагина. Этотъ ужасный эпилогъ дѣятельности Ростопчина служитъ ему лучшимъ историческимъ памятникомъ и лучшей личной характеристикой. 10 часовъ утра. Все готово для отъѣзда Ростопчина. «Я спустился на дворъ, чтобы сѣсть на лошадь, и нашелъ тамъ съ десятокъ людей, уѣзжавшихъ со мной,—разсказываетъ Ростопчинъ.—Улица передъ моимъ домомъ была полна людьми простого званія, *желавшихъ присутствовать при моемъ отъѣздѣ*. Всѣ они при моемъ появленіи *обнажили голову*. Я приказалъ вывести изъ тюрьмы и привести ко мнѣ купеческаго сына Верещагина, *автора* наполеоновскихъ прокламацій, и еще одного французскаго фехтовальнаго учителя по фамиліи Мутона [1]), который за свои революціонныя рѣчи былъ преданъ суду и уже болѣе трехъ недѣль тому назадъ приговоренъ уголовною палатою къ тѣлесному наказанію и къ ссылкѣ въ Сибирь, но я отсрочилъ исполненіе этого приговора. Оба они содержались въ тюрьмѣ... и ихъ *забыли* отправить съ 730-ю преступниками... Преступники эти... *ушли три дня тому назадъ*... Приказавъ привести ко мнѣ Верещагина и Мутона и обра-

[1]) Говорятъ, что за доносъ на него Ростопчинъ уплатилъ будто бы 1000 руб.

тившись къ первому изъ нихъ, я сталъ укорять его за преступленіе, тѣмъ болѣе гнусное, что онъ одинъ изъ всего московскаго населенія захотѣлъ предать свое отечество; я объявилъ ему, что онъ приговоренъ сенатомъ къ смертной казни и долженъ понести ее, и приказалъ двумъ унтеръ-офицерамъ моего конвоя рубить его саблями. Онъ упалъ, не произнеся ни одного слова... Тогда обратившись къ Мутону, который, ожидая той же участи, читалъ молитвы, я сказалъ ему: «Дарую вамъ жизнь; ступайте къ своимъ и скажите имъ, что негодяй, котораго я только что наказалъ, былъ единственнымъ русскимъ, измѣнившимъ своему отечеству». Я провелъ его къ воротамъ и подалъ знакъ народу, чтобы пропустить его. Толпа раздвинулась, и Мутонъ пустился опрометью бѣжать, не обращая на себя ничьего вниманія, хотя замѣтить его было бы можно: онъ бѣжалъ въ поношенномъ своемъ сюртучишкѣ, испачканномъ бѣлою краскою, простоволосый и съ молитвенникомъ въ рукахъ. Я сѣлъ на лошадь и выѣхалъ со двора и съ улицы, на которой стоялъ мой домъ. Я не оглядывался, чтобы не смущаться тѣмъ, что произошло?» («Рус. Ст.», 1889, XII, 723). Мы взяли in extenso описаніе «казни» Верещагина, сдѣланное самимъ Ростопчинымъ. Описаніе, въ которомъ каждое слово звучитъ фальшью, совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительной картинѣ, нарисованной

Видъ Москвы съ балкона дворца (Де-ла-Барта).

другими современниками. Не говоря уже о характеристикѣ настроенія толпы, собравшейся передъ домомъ Ростопчина,—настроенія, весьма мало подходящаго къ тѣмъ фактамъ, которые мы только что могли наблюдать на улицахъ Москвы по единогласному показанію современниковъ, Ростопчинъ, излагая въ своихъ воспоминаніяхъ (1823 г.), не потрудился даже справиться со своими собственными предписаніями и письмами того времени, когда происходило описываемое событіе. Онъ забылъ, что предписаніе о высылкѣ колодниковъ было дано имъ лишь 1 сентября, онъ забылъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что 8 сентября онъ нѣсколько иначе описалъ казнь Верещагина въ письмѣ къ императору: «велѣлъ нанести ему три сабельныхъ удара. Онъ прикинулся мертвымъ, но увидавъ, что я уѣхалъ, вздумалъ бѣжать и попалъ въ руки народной толпы» («Р. Арх.», 1892, VIII, 534). Воспроизвести съ фотографической точностью трагическую смерть Верещагина, легшую кровавымъ пятномъ на совѣсти Ростопчина, врядъ ли возможно. Но и то, что мы знаемъ, разрушаетъ разсказъ Ростопчина. Несомнѣнно, Ростопчинъ отдалъ толпѣ Верещагина. Это засвидѣтель-

ствовано даже столь близкимъ лицомъ къ Ростопчину, какъ В. А. Обресковымъ, разсказъ котораго о трагической смерти Верещагина передаетъ Д. Н. Свербеевъ. По словамъ Обрескова, когда Ростопчинъ отдалъ драгунамъ приказаніе рубить «измѣнника» палашами, «драгуны замялись, приказаніе повторилось. Удары тупыми, неотточенными палашами послѣдовали, но не могли въ скоромъ времени достигнуть цѣли. Ростопчинъ велѣлъ толпѣ докончить заранѣе обдуманную имъ казнь за измѣну» (Соч., I, 465). Въ устахъ другого современника мы услышимъ сейчасъ и другое освѣщеніе. Столь часто цитировавшійся нами Бестужевъ-Рюминъ передаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ разсказъ чиновника вотчиннаго департамента, которому случайно пришлось сдѣлаться очевидцемъ «казни» Верещагина. Этотъ случайный очевидецъ, явившись въ департаментъ, разсказывалъ подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ: «Ахъ, Алексѣй Дмитріевичъ, какой ужасъ я видѣлъ, проходя мимо дома графа Ростопчина, котораго дворъ былъ полонъ людьми, большею частью пьяными, кричавшими, чтобы шелъ онъ на Три горы предводительствовать ими къ отраженію непріятеля отъ Москвы. Вскорѣ на такой зовъ вышелъ и самъ графъ на крыльцо и громогласно сказалъ: «Подождите, братцы! Мнѣ надобно еще управиться съ измѣнникомъ!» И тутъ представленъ ему несчастный купеческій сынъ... Верещагинъ... и Ростопчинъ, взявъ его за руку, вскричалъ народу: «Вотъ измѣнникъ! отъ него погибаетъ Москва!» Несчастный Верещагинъ, блѣдный, только успѣлъ громко сказать: «Грѣхъ, вашему сіятельству, будетъ!» Ростопчинъ махнулъ рукою, и стоявшій близъ Верещагина ординарецъ графа, по имени Бурдаевъ... ударилъ его саблею въ лицо; несчастный палъ, испуская стоны, народъ сталъ терзать его и таскать по улицамъ. Самъ же графъ Ростопчинъ, воспользовавшись этимъ смятеніемъ, сошелъ съ крыльца и въ заднія ворота дома своего выѣхалъ изъ Москвы на дрожкахъ» («Чтенія», 1859, II, 85). Въ сущности, въ соотвѣтствіи съ этимъ разсказомъ передаютъ фактъ почти всѣ современники. Возьмемъ воспоминанія Каролины Павловой, гдѣ смерть Верещагина разсказывается на основаніи «очевидца тогдашнихъ происшествій».

«Когда народъ московскій,—говоритъ Павлова,—успокоенный прокламаціями графа Ростопчина, которыя постоянно твердили о безсиліи и скоромъ уничтоженіи арміи Наполеона, вдругъ узналъ, что эта армія стоитъ на Поклонной горѣ, готовая вступить безпрепятственно въ Москву, вопль отчаянія пронесся по городу. Озлобленная чернь бросилась къ генералъ-губернаторскому дому, крича, что ее обманули, что Москву предаютъ непріятелю. Толпа возрастала, разъярялась все болѣе и стала звать къ отвѣту генералъ-губернатора. Поднялся громкій крикъ: «Пусть выйдетъ къ намъ. Не то доберемся до него!» Въ этомъ затруднительномъ положеніи графъ Ростопчинъ не потерялъ присутствія духа... онъ вышелъ къ народу, который встрѣтилъ его сердитыми восклицаніями: «Намъ солгали. Говорили, бояться нечего, французы разбиты, а французы вступаютъ въ Москву».—«Да, вступаютъ,—отвѣтилъ громкимъ голосомъ графъ,—вступаютъ, потому что между нами есть измѣнники».— «Гдѣ они? Кто измѣнникъ?» закричала неистовая толпа. «Вотъ измѣнникъ», сказалъ графъ, указывая на стоящаго вблизи молодого Верещагина. Этотъ послѣдній, пораженный

безсовѣстнымъ обвиненіемъ, поблѣднѣлъ и проговорилъ: «Грѣхъ вамъ, ваше сіятельство!» Въ ту же минуту вся чернь въ остервенѣніи кинулась на него, и между тѣмъ какъ она терзала и убивала несчастнаго, графъ Ростопчинъ вошелъ опять въ домъ, изъ котораго поспѣшно выбрался на задній дворъ, сѣлъ на готовыя дрожки и переулками выѣхалъ изъ Москвы» (Воспоминанія К. К. Павловой, «Р. Арх.», 1875, X, 225). Въ воспоминаніяхъ Д. П. Рунича при нѣкоторой хронологической неточности передается почти такой же разсказъ объ этомъ «чудовищномъ убійствѣ». «На разсвѣтѣ,— говоритъ Руничъ,—рѣшетка, обширный дворъ его (т.-е. Ростопчина) дома отъ улицы, ломилась подъ натискомъ огромной толпы, состоявшей изъ низменныхъ, отчаянныхъ подонковъ столицы» [1]).

Ѳ. В. Ростопчинъ (Ланглуа).

Ростопчинъ обратился къ толпѣ съ рѣчью и, указывая на Верещагина, сказалъ, «что измѣнникъ своей родинѣ, приготовившій путь врагамъ, достоинъ смерти!»—и тотчасъ приказалъ жандармамъ изрубить его саблями, самъ нанесъ ему первый ударъ и велѣлъ бросить тѣло умирающаго невиннаго страдальца черезъ рѣшетку на улицу. Разгоряченная чернь набросилась на него и волочила его по улицамъ; Ростопчинъ сѣлъ въ ожидавшій его легкій экипажъ и отправился къ арміи, только что выступившей изъ Москвы»... «Вотъ истинный разсказъ объ этомъ чудовищномъ убійствѣ», заключаетъ Руничъ (Изъ записокъ, «Рус. Ст.», 1901, III, 603). Выписки можно было бы продолжить. И опять въ воспоминаніяхъ декабриста Штейнгеля («Общ. движ.», 388) мы встрѣтимся съ такимъ же освѣщеніемъ: Ростопчинъ отдалъ на растерзаніе Верещагина, чтобы, «пользуясь этимъ временнымъ занятіемъ черни, можно было съ задняго крыльца сѣсть на лошадь и ускакать изъ Москвы въ моментъ почти вступленія въ нее непріятеля». Наконецъ другой современникъ, не только очевидецъ, но и

[1]) Руничъ говоритъ, что эта толпа явилась, чтобы подъ начальствомъ ростопчинскимъ отправиться на непріятельское войско. Другой современникъ (В. И. Сафоновичъ) ставитъ появленіе ея въ связь съ шаромъ Леппиха. Въ концѣ-концовъ подоплека одна и та же.

непосредственный участникъ «казни» Верещагина, драгунскій офицеръ Гавриловъ повторяетъ буквально то же самое: «Съ утра густая толпа народа стеклась на дворѣ и запрудила улицу, шумѣла, гамила и волновалась... Прокричавъ на крыльцѣ народу, что Верещагинъ измѣнникъ, злодѣй, губитель Москвы, что его надо казнить, Ростопчинъ закричалъ Бурдаеву (вахмистру Гаврилова), стоявшему подлѣ Верещагина: «руби!» Не ждавши такой сентенціи, онъ оторопѣлъ, замялся и не подымалъ рукъ. Ростопчинъ гнѣвно закричалъ на меня: «Вы мнѣ отвѣчаете своей собственной головою! Рубить!» Что тутъ дѣлать, не до разсужденій! По моей командѣ: «Сабля вонъ», мы съ Бурдаевымъ выхватили сабли и занесли вверхъ. Я машинально нанесъ первый ударъ, а за мной и Бурдаевъ. Несчастный Верещагинъ упалъ, мы всѣ тутъ же ушли, а чернь мгновенно кинулась добивать страдальца и, привязавъ его къ хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу, Ростопчинъ въ заднія ворота ускакалъ на дрожкахъ («Щ. Сб.», VIII, 67)...

Мы видимъ, какъ въ сущности совпадаютъ рѣшительно всѣ показанія какъ очевидцевъ, такъ и другихъ современниковъ, разсказывавшихъ о смерти Верещагина или со словъ очевидцевъ, или по слухамъ. Расхожденія только въ деталяхъ. И подобная картина не только психологически правдоподобна, но она стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи съ уличной обстановкой въ Москвѣ 2 сентября. Предъ нами пьяная толпа,—толпа, состоящая изъ общественныхъ низовъ, наэлектризованная ожиданіемъ вступленія французскихъ войскъ, бѣгствомъ начальствующихъ лицъ въ Москвѣ, отступленіемъ русскихъ войскъ, послѣдними распоряженіями Ростопчина объ увозѣ пожарныхъ трубъ, затопленіемъ въ рѣкѣ пороховыхъ бочекъ и хлѣбныхъ баржъ и т. д. Предъ нами толпа, начавшая съ утра уже «грабить дома», по собственному признанію Ростопчина... И эта толпа мирно стоитъ въ ожиданіи того, какъ графъ уѣдетъ изъ Москвы? Какъ онъ выйдетъ для послѣдняго прощанія съ оставленнымъ въ рукахъ французовъ населеніемъ? Толпа, которую систематически натравляли на «злодѣевъ», которой внушали всякіе ужасы, которую манили обѣщаніемъ расправиться въ любой моментъ съ «злодѣемъ», если только онъ появится подъ стѣнами священнаго города,—и эта толпа—будетъ миролюбиво провожать того, кто столько разъ фразисто говорилъ, что онъ поведетъ толпу на патріотическій подвигъ защиты столицы? Нѣтъ, это слишкомъ невѣроятно. Предъ ростопчинскимъ дворцомъ собралась буйная толпа, требующая если не отвѣта, то выполненій обѣщаній. И московскому барственному демагогу не оставалось ничего болѣе, какъ трусливо бѣжать предъ личной опасностью и тѣмъ ликвидировать свои отношенія съ московскимъ населеніемъ. Въ жертву народной ненависти было принесено невинное лицо. Въ тотъ моментъ Ростопчину до этого не было никакого дѣла. Нуженъ былъ лишь предлогъ, чтобы отвлечь на нѣкоторое время вниманіе [1]).

Такова истинная картина дѣйствительныхъ мотивовъ поступка Ростопчина. Смерть Верещагина произвела сильное впечатлѣніе на совре-

---

[1]) Близкіе Ростопчину люди передавали Свербееву, что въ Парижѣ Ростопчинъ „мучился угрызеніями совѣсти, что юный Верещагинъ по ночамъ являлся ему въ сонныхъ видѣніяхъ" (I, 468).

менниковъ[1]). Противъ Ростопчина негодовало общественное мнѣніе: «Вотъ убійство, которое невозможно объяснить, не очерня памяти Ростопчина», сказалъ въ своихъ «Запискахъ» Руничъ, при всемъ своемъ личномъ недоброжелательствѣ къ Ростопчину, вполнѣ одобрявшій его дѣятельность въ московскій періодъ. И откликомъ этого негодованія явилось извѣстное письмо Александра, въ которомъ императоръ, дѣйствительно, очень «мягко» дѣлалъ Ростопчину упрекъ: «Я бы совершенно былъ доволенъ вашимъ образомъ дѣйствій при такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, если бы не дѣло Верещагина, или лучше—его окончаніе. Я слишкомъ правдивъ, чтобы говорить съ вами инымъ языкомъ, кромѣ языка полной откровенности. Его казнь была безполезна, и притомъ она ни въ какомъ

Останкино въ началѣ XIX в.

случаѣ не должна была совершиться такимъ способомъ. Повѣсить, разстрѣлять было бы гораздо лучше». Ростопчинъ въ отвѣтъ, выставляя себя только исполнителемъ приговора сената, который «единогласно» присудилъ къ смертной казни Верещагина, «злодѣя по наклонности и

[1]) Непосредственнымъ очевидцемъ убійства Верещагина пришлось быть, между прочимъ, извѣстному художнику Тончи, женатому на кн. Гагариной и бывшему „другомъ“ Ростопчина. Тончи въ послѣдніе дни жилъ въ домѣ Ростопчина. „Страшное убійство Верещагина“, по словамъ Рунича, произвело на него такое впечатлѣніе, что онъ „сошелъ съ ума“. Отправленный во Владимиръ, онъ дорогой убѣжалъ въ лѣсъ, а затѣмъ покушался на самоубійство. Во Владимирѣ, находясь на попеченіи у брата Рунича, бывшаго директоромъ канцеляріи Ростопчина, Тончи воображалъ, что „Ростопчинъ держитъ его подъ надзоромъ, чтобы сдѣлать вторымъ Верещагинымъ“ („Р. Ст.“, 1901, 609). А. Я. Булгаковъ объяснилъ по-другому сумасшествіе Тончи. Его потрясло „вторженіе французовъ“. „Его преслѣдовала несчастная мысль, что, подозрѣваемый въ шпіонствѣ, предательствѣ и неблагорасположеніи къ французамъ, онъ сдѣлается первой жертвой Наполеона“, („Ст. и Нов.“ VII, 124). Ростопчинъ далъ еще иное объясненіе въ своей бесѣдѣ съ кн. А. А. Шаховскимъ: „Ужасъ быть убитымъ крестьянами, а можетъ-быть, и слугами своими, распалилъ пламенное воображеніе и загналъ его въ лѣсъ“ („Р. Ст.“, 1889, X, 59). То, что разсказываетъ болѣе освѣдомленный братъ Д. П. Рунича, и, само по себѣ, болѣе правдоподобно.

по образу мыслей». Если бы это было такъ, то неужели Ростопчинъ не могъ выбрать другого времени для убійства! Ложь здѣсь слишкомъ очевидна...[1]) Впослѣдствіи были попытки если не оправдать Ростопчина, то смягчить ужасныя обстоятельства «казни» Верещагина и найти объясненіе поступку Ростопчина. Это пытался сдѣлать кн. П. А. Вяземскій, кн. А. А. Шаховской, отчасти и Д. Н. Свербеевъ. «Потомство, — писалъ Свербеевъ въ 1870 г.[2]), — не имѣетъ права обвинять Ростопчина въ убійствѣ по расчету, въ убійствѣ для спасенія своей жизни. Въ такомъ обвиненіи я умываю руки. Ростопчинъ могъ быть и, по моему убѣжденію, былъ преступнымъ убійцею Верещагина, но онъ не могъ быть и не былъ убійцею изъ трусости. Въ этомъ ручается намъ вся его жизнь и каждая его строка, до насъ дошедшая» (I, 465). Все изложенное, думается, уже достаточно опровергаетъ мнѣніе Свербеева...

Отдавъ толпѣ Верещагина, Ростопчинъ скрылся. А толпа, возбужденная еще больше произведеннымъ неистовствомъ, устремляется въ Кремль къ арсеналу, чтобы здѣсь съ оружіемъ въ рукахъ встрѣтить непріятеля.

На этомъ можно и закончить повѣствованіе о дѣятельности Ростопчина—спасителя отечества въ 1812 году. «Я спасъ имперію,—гордо и самоувѣренно заявлялъ Ростопчинъ въ оправдательномъ письмѣ къ Александру по поводу верещагинскаго дѣла. — Я не ставлю себѣ въ заслугу энергіи, ревности и дѣятельности, съ которыми я отправлялъ службу вамъ, потому что я исполнялъ только долгъ вѣрнаго подданнаго моему государю и моему отечеству. Но я не скрою отъ васъ, государь, что несчастіе, какъ будто соединенное съ вашею судьбою, пробудило въ моемъ сердцѣ чувство дружбы, которою оно всегда было преисполнено къ вамъ. Вотъ что придало мнѣ сверхъестественныя силы преодолѣвать безчисленныя препятствія, которыя тогдашнія событія порождали ежедневно» («Щ. Сб.», VIII, 71).

Такъ казалось Ростопчину въ ноябрѣ 1812 года[3]). Но въ моментъ оставленія Москвы онъ, повидимому, не чувствовалъ себя такъ самоувѣренно. Отсутствіемъ этой самоувѣренности и объясняется отчасти ненависть, которую питаетъ Ростопчинъ къ Кутузову: «Сегодня утромъ я былъ у «проклятаго Кутузова»,—пишетъ Ростопчинъ женѣ 1 сентября.— Эта бесѣда дала видѣть низость, неустойчивость и трусость вождя нашихъ военныхъ силъ»... «Бросаютъ 22.000 раненыхъ, а еще питаютъ

---

[1]) И напрасно сынъ Ростопчина, благодаря кн. Вяземскаго за защиту отца въ письмѣ къ издателю „Рус. Арх.“ (1869, 935), пытался исправить „ошибку, допущенную реабилитаторомъ. Верещагинъ, — утверждалъ онъ,—былъ приговоренъ къ смертной казни, „и, безъ всякаго сомнѣнія, приговоръ этотъ получилъ бы надлежащее исполненіе, если бы не былъ предупрежденъ народною расправою“... Призракъ Верещагина будетъ вѣчно стоять надъ памятью Ростопчина.

[2]) Замѣтка Свербеева была написана для „Русскаго Архива“, по поводу „Мелочей изъ запаса моей памяти“, М. А. Димитріева.

[3]) Такъ казалось впослѣдствіи и нѣкоторымъ современникамъ, близкимъ къ Ростопчину по своимъ политическимъ настроеніямъ. Не любившій Ростопчина Руничъ въ такихъ словахъ охарактеризовываетъ его значеніе: „Ростопчинъ, дѣйствуя страхомъ, выгналъ (!) изъ Москвы дворянство, купцовъ и разночинцевъ для того, чтобы они не поддались соблазнамъ и внушеніямъ наполеоновской тактики. Онъ разжегъ народную ненависть тѣми ужасами, которые онъ приписывалъ иностранцамъ, которыхъ онъ въ то же время осмѣивалъ.— Онъ спасъ Россію отъ ига Наполеона („Изъ записокъ“, 612). Въ такомъ же духѣ оцѣниваетъ Ростопчина—„Юпитера-громовержца“ и Вигель: „Если вспомнить, что Москва имѣла тогда сильное вліяніе на внутреннія провинціи и что примѣръ ея дѣйствовалъ на все государство, то надобно признаться, что заслуги его въ семъ году суть безсмертныя“ („Записки“, IV, 38).

надежду послѣ этого сражаться и царствовать» («Р. Арх.», 1901, XIII, 762)...

Мы еще встрѣтимся съ Ростопчинымъ въ обновленной Москвѣ. Но каковы же были реальные результаты его дѣятельности въ Москвѣ до прихода французовъ? Хорошо подвелъ эти итоги Л. Н. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ». Читатель, конечно, помнитъ мѣткую характеристику Ростопчина въ концѣ V главы II части, гдѣ Толстой говоритъ объ оставленіи Москвы населеніемъ. «Они уѣзжали каждый для себя, а вмѣстѣ съ тѣмъ только вслѣдствіе того, что они уѣхали, и совершилось то величественное событіе, которое навсегда останется лучшей славой русскаго народа... Графъ же Ростопчинъ, который то стыдилъ тѣхъ, которые уѣзжали, то вывозилъ присутственныя мѣста, то выдавалъ никуда негодное оружіе пьяному сброду, то поднималъ образа, то запрещалъ Августину вывозить мощи и иконы, то захватывалъ всѣ частныя подводы, бывшія въ Москвѣ, то на 136 подводахъ увозилъ дѣлаемый Леппихомъ воздушный шаръ, то намекалъ на то, что сожжетъ Москву, то принималъ славу сожженія Москвы, то отрекался отъ нея; то приказывалъ народу ловить всѣхъ шпіоновъ и приводить къ нему, то упрекалъ за это народъ; то высылалъ всѣхъ французовъ изъ Москвы, то оставлялъ г-жу Оберъ-Шальне, составлявшую центръ всего французскаго московскаго населенія... то собиралъ народъ на Три горы, чтобы драться съ французами, то, чтобы отдѣлаться отъ этого народа, отдавалъ ему на убійство человѣка и самъ уѣзжалъ въ заднія ворота; то говорилъ, что онъ не перенесетъ несчастія Москвы, то писалъ въ альбомъ по-французски стихи о своемъ участіи въ этомъ дѣлѣ, — этотъ человѣкъ не понималъ значенія совершающагося событія, а хотѣлъ только что-то сдѣлать самъ, удивить кого-то, что-то совершить патріотически-геройское и, какъ мальчикъ, рѣзвился надъ величавымъ и неизбѣжнымъ событіемъ оставленія и сожженія Москвы и старался своей маленькой рукой то поощрять, то задерживать теченіе громаднаго, уносившаго его власть съ собой, народнаго потока».

Домъ гр. Орлова-Денисова на Лубянкѣ, бывшій гр. Ростопчина—до перестройки. (Изъ колл. И. Е. Забѣлина).

Не показываетъ ли все разсказанное выше правильность нерѣдко оспаривавшихся выводовъ Л. Н. Толстого. Ростопчинъ дѣйствительно не понималъ положеніе вещей. Онъ фантазировалъ и всѣхъ морочилъ, желая разыгрывать роль спасителя отечества, къ которой еще менѣе былъ пригоденъ, чѣмъ «мальчикъ». Если согласиться съ Толстымъ, что оставленіе Москвы было «величественнымъ событіемъ, которое останется луч-

шей славой русскаго народа», то въ этомъ событіи, какъ мы видимъ, Ростопчинъ не игралъ рѣшительно никакой роли. Впослѣдствіи Ростопчинъ приписалъ себѣ и эту славу. Онъ объяснилъ даже всѣ свои дѣйствія именно этой цѣлью: соблюсти спокойствіе въ Москвѣ и выпроводить изъ нея жителей; на дѣлѣ Ростопчинъ только препятствовалъ осуществленію того «величественнаго событія», которое инстинктивно, изъ страха подготовили московскіе обыватели... Москва должна была остаться пустой къ прибытію Наполеона. Изъ нея спѣшно вывозили имущество, деньги, бумаги и т. д. Конечно, въ двѣ недѣли вывезти все было невозможно, а при господствовавшей паникѣ подчасъ самое главное оставалось. Не даромъ Волкова 15 октября писала: «говорятъ, что въ какой-то газетѣ пишутъ, что Москву сдали опустѣлую, увезя изъ нея все до послѣдней нитки. Видно, что, кто въ газетѣ пишетъ, у того въ Москвѣ волоса нѣтъ». Сколько ни увозили изъ Москвы, сколько ни зарывали въ землю, въ столицѣ оставалось достаточно и жизненныхъ припасовъ и всякаго рода имущества. Не даромъ на Стендаля Москва произвела на первыхъ порахъ впечатлѣніе одного «изъ прекраснѣйшихъ храмовъ нѣги» («Р. Арх.», 1892, X, 235). Французы нашли немало барскихъ домовъ съ достаточнымъ штатомъ дворовыхъ людей, оставленныхъ охранять барское имущество (см., напр., письмо Волковой отъ 17 сентября, приказчика Сокова къ Баташову, въ домѣ котораго на Швивой горкѣ помѣстился Мюратъ («Р. Арх.», 1871) и т. д. Можно было бы привести множество разсказовъ по этому поводу изъ французскихъ мемуаровъ [1]). Но врядъ ли стоитъ это дѣлать, потому что этотъ фактъ несомнѣненъ самъ по себѣ и засвидѣтельствованъ, наконецъ, многими реестрами, которые поданы были правительству послѣ выхода французовъ изъ Москвы лицами, потерпѣвшими отъ пожара. Бѣглый обзоръ того, что осталось въ Москвѣ, снимаетъ весь патріотическій налетъ съ «великаго событія», долженствовавшаго сдѣлаться неувядаемой славой Россіи. Мы знаемъ, увозили драгоцѣнныя вещи, жемчуги съ иконъ и оставляли народныя святыни—мощи [2]) и т. д. Оставлены были на произволъ судьбы, на попеченіе «злодѣевъ» тысячи русскихъ раненыхъ, пролившихъ свою кровь въ защиту отечества. Указать точную цифру оставленныхъ раненыхъ врядъ ли возможно. Мы знаемъ, что въ письмѣ къ женѣ 1 сентября Ростопчинъ исчисляетъ количество оставляемыхъ раненыхъ въ 22.000. Сколько было увезено въ послѣдніе два дня, когда русскія войска проходили оставляемую Москву, свѣдѣнія разнорѣчивы. И различные источники насчитываютъ оставленныхъ раненыхъ отъ 2 до 15 тысячъ, изъ которыхъ, по свидѣтельству Ростопчина, осталось въ живыхъ ко времени его возвращенія въ Москвѣ не болѣе 300. Внукъ Ростопчина, сынъ его дочери, гр. Сегюръ, написавшій жизнеописаніе своего дѣда, добавляетъ къ этой печальной повѣсти: и большинство несчастныхъ (раненыхъ) «погибло въ огнѣ, зажженномъ со-

[1]) Наполеонъ былъ совершенно правъ, когда говорилъ О' Меару 3 ноября 1816 г.: „Sans cet incendie fatal, j'avais tout ce qui était necessaire à mon armée (Napoleon dans l'exil, p. 44). Конье утверждаетъ, что провизіи хватило бы „на всю зиму" (p. 212).

[2]) Вывезены были лишь ночью 1 сентября по предписанію Ростопчина викарію московскому Августину, иконы: Владимирской, Иверской и Смоленской Богоматери подъ предлогомъ, что войска хотятъ молиться. Это было сдѣлано для того, чтобы „народъ ночью сего не примѣтилъ" („Рус. Стар.", 1902, II, 410).

отечественниками» (Vie du Rostoptchine. Paris, 1873, 262). Таковы были реальные результаты энергичной дѣятельности московскаго главнокомандующаго. При всемъ желаніи найти что-либо положительное въ дѣятельности Ростопчина, въ концѣ-концовъ, находимъ лишь отрицательное.

По возвращеніи въ Москву Ростопчинъ старательно собиралъ портреты тѣхъ московскихъ крестьянъ, которые извѣстны были наибольшимъ числомъ убійствъ французовъ [1]). Съ какой цѣлью? Припомнимъ слова С. Н. Глинки, свидѣтельствующія о томъ, что Ростопчинъ, издавая призывъ къ населенію итти на Три горы, думалъ якобы этимъ указать московскимъ крестьянамъ, что они должны дѣлать, когда французы займутъ Москву. Можно подумать, что Ростопчину принадлежитъ иниціатива возбужденія народной войны, того образа дѣйствій, который спасъ Россію. Итакъ, Ростопчинъ какъ бы дѣйствительно «спаситель отечества». Ростопчинъ цѣлыхъ три мѣсяца подготовлялъ народное настроеніе, возбуждая въ населеніи «патріотическую ненависть» къ французамъ. Но и здѣсь Ростопчинъ ошибался. Его прокламаціи не могли возбуждать и не возбуждали патріотическаго чувства. Его грубыя выходки съ мирными иностранцами возбуждали скорѣе въ населеніи чувство недоумѣнія и неодобренія. За нѣсколько дней до убійства Верещагина Ростопчинъ подвергъ, конечно, безъ суда, торговой казни своего повара-француза: «J' ai fait naturaliser russe mon chef de cuisine», острилъ графъ. Л. Н. Толстой нарисовалъ замѣчательную картину того чувства, которое вызвалъ въ московскомъ населеніи этотъ фактъ. Это чувство характеризуется лучше всего словомъ—испугъ. Ростопчинъ не могъ оказать

Гр. Ө. В. Ростопчинъ (рис. Тончи).

[1]) „Вернувшись въ Москву послѣ ухода Наполеона,—пишетъ Руничъ,—Ростопчинъ въ своемъ нравственномъ бездѣйствіи впалъ во всевозможныя невоздержанности; онъ придумалъ гравировать портреты подмосковныхъ крестьянъ, которые больше всѣхъ убили непріятелей, мародеровъ... Онъ обратился къ Академіи Художествъ съ просьбою прислать въ Москву художника, способнаго передать его мысль на полотно. Академія поспѣшила прислать графу одного изъ своихъ лучшихъ питомцевъ, молодого художника исторической живописи Витбера (изъ записокъ Д. П. Рунича, „Рус. Ст.“, 1901, стр. 163).

вліянія на народное чувство потому, что, скажемъ вновь словами Л. Н. Толстого, «не имѣлъ ни малѣйшаго понятія о томъ народѣ, которымъ думалъ управлять». Ему лишь казалось, что онъ руководилъ настроеніемъ жителей «посредствомъ своихъ воззваній и афишъ, писанныхъ тѣмъ ёрническимъ языкомъ, который въ своей средѣ презираетъ народъ и который онъ не понимаетъ, когда слышитъ его сверху». Ростопчинъ былъ безсиленъ поднять «патріотизмъ», который онъ видѣлъ только въ человѣконенавистничествѣ. И того, что не сдѣлалъ Ростопчинъ, сразу сдѣлалъ пожаръ Москвы.

Пожаръ Москвы придалъ войнѣ «характеръ народной и религіозной», какъ замѣтилъ иностранецъ Домергъ. «Вся Россія, казалось, почерпнула въ этой великой катастрофѣ новую энергію» («Ист. Вѣст.», 1881, 614).

Съ этого момента какъ бы растетъ ненависть къ французамъ, поправшимъ какъ бы всѣ лучшія народныя чувства. Мы слышимъ о жестокостяхъ, которыя совершаютъ крестьяне надъ пойманнымъ врагомъ. Отъ этихъ жестокостей вѣетъ иногда такимъ ужасомъ, что не знаешь, чѣмъ только можно объяснить возможность такихъ звѣрскихъ поступковъ. Онѣ способны вызвать тѣмъ большее удивленіе, что на ряду съ звѣрскими расправами мы встрѣчаемся съ трогательными фактами незлобивости и жалости къ полуголодному, умирающему врагу (см. статью «Народная война»).

Эти случаи жестокости, конечно, происходили на почвѣ суевѣрія и темноты. Ихъ возращали въ народной массѣ во имя «патріотизма» дѣятели, подобные гр. Ростопчину. Ихъ проповѣдь, ихъ примѣры превращали людей въ какихъ-то остервенѣлыхъ звѣрей. Они проповѣдывали, что «Богъ повелѣлъ» совершать эти звѣрства надъ «врагами Христовой Церкви», надъ «чадами антихриста» (см., напр., «наставленіе» Дениса Давидова крестьянамъ с. Токарева 2 сентября). Ростопчинъ, собиравшій портреты тѣхъ крестьянъ Московской губерніи, которые убили наибольшее число французовъ, т.-е. проявили наибольшую жестокость во имя «патріотизма», могъ гордиться, что онъ въ этомъ отношеніи достигъ нѣкоторыхъ реальныхъ результатовъ, т.-е. вписалъ нѣсколько страницъ ненужныхъ жестокостей въ русскую исторію, но этого еще слишкомъ мало, чтобы зачислить Ростопчина въ ряды «спасителей отечества».

С. Мельгуновъ.

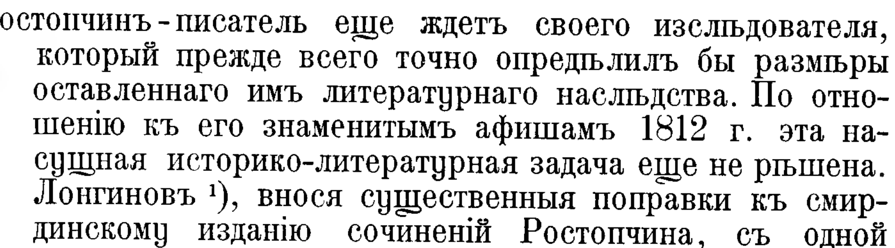

Приваль арестантовъ (рис. Орловскій).

Московской мещанинъ бывшій въ ратникахъ Карнюшка Чихиринъ, выпивъ лишній крючокъ, на тычкѣ услышалъ что будто Бонапартъ хочетъ итти въ Москву, разсердился, и разругавъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому заговорилъ подъ орломъ такъ.

VI. Ростопчинскія афиши.

Н. М. Мендельсона.

Ростопчинъ-писатель еще ждетъ своего изслѣдователя, который прежде всего точно опредѣлилъ бы размѣры оставленнаго имъ литературнаго наслѣдства. По отношенію къ его знаменитымъ афишамъ 1812 г. эта насущная историко-литературная задача еще не рѣшена. Лонгиновъ [1]), внося существенныя поправки къ смирдинскому изданію сочиненій Ростопчина, съ одной стороны весьма неполному, съ другой — включившему не принадлежащія Ростопчину «Мысли не въ слухъ у деревяннаго дворца Петра В.», насчитывалъ 16 афишъ. Суворинское изданіе 1889 г. дало ихъ въ количествѣ 18. П. А. Картавовъ [2]), не увѣренный въ томъ, что онъ далъ исчерпывающее собраніе ростопчинскихъ афишъ, издалъ подъ этимъ наименованіемъ 57 номеровъ, представляющихъ, по его словамъ, какъ бы комплектъ «Ростопчинской газеты», выходившей безъ цензуры, «въ неопредѣленные сроки». Но въ число 57 летучихъ листовъ, помѣщенныхъ въ изданіи Картавова, вошли высочайшіе манифесты и приказы,

[1]) Матеріалы для біографіи и полнаго собранія сочиненій гр. Ѳ. В. Ростопчина. „Русскій Архивъ“, 1868, кн. 4 и 5.

[2]) П. А. Картавовъ. „Летучіе листки 1812 г. Ростопчинскія афиши“. Спб., 1904.

воззванiе Синода, сочиненная преосвященнымъ Августиномъ молитва, распоряженiя по армiи, свѣдѣнiя изъ главной квартиры,—всего 34 номера, которые могутъ быть названы ростопчинскими афишами только потому, что они распространялись при содѣйствiи графа. Относительно остальныхъ 23 номеровъ издатель тоже дѣлаетъ существенную оговорку: не всѣ они цѣликомъ принадлежатъ Ростопчину,—есть и такiе, по которымъ лишь прошелся его редакторскiй карандашъ. Во всякомъ случаѣ, въ настоящее время можно говорить не болѣе, чѣмъ о 23 афишахъ Ростопчина.

Когда Ростопчинъ принялся за изданiе афишъ, его литературная репутацiя была уже прочно установлена. Если его комедiя «Вѣсти или убитый живой» имѣла, главнымъ образомъ, успѣхъ скандала, такъ какъ въ ея дѣйствующихъ лицахъ Москва безъ труда разглядѣла портреты хорошо знакомыхъ ей лицъ, то его «Мысли въ слухъ на Красномъ крыльцѣ» и переписка Силы Богатырева имѣли успѣхъ гораздо болѣе значительный. Брошюра разошлась въ 7.000 экземплярахъ; герой Ростопчина, Сила Андреевичъ Богатыревъ, по словамъ одного изъ современниковъ, faisait les délices du club anglois; Жуковскiй въ первой книжкѣ «Вѣстника Европы» за 1808 г. высказывалъ пожеланiе, чтобы «какому-нибудь доброму человѣку пришла счастливая мысль подслушать, записать и напечатать въ «Вѣстникѣ» нѣкоторые монологи старика Силы Андреевича Богатырева; анонимный авторъ книжки подъ заглавiемъ «Разговоръ двухъ россiянъ и исконныя чувства россiйскаго дворянина при полученiи Высочайшаго манифеста 6 iюля» рекомендуетъ Богатырева, какъ «старичка..., который въ честности, въ добротѣ души, въ благородномъ характерѣ, а послѣ въ вѣрности государю и любви къ отечеству весьма преизбыточествуетъ» [1]).

Афиши Ростопчина въ ихъ цѣломъ были повторенiемъ размышленiй Силы Богатырева, окрашенныхъ ненавистью къ французамъ и призывомъ къ нацiональному чувству. Это ясно видѣли современники Ростопчина, и кн. Вяземскiй, вспоминая 1812 г., писалъ: «Знакомый намъ Сила Андреевичъ 1807 г. нынѣ повышенъ чиномъ. Въ 1812 г. онъ уже не частно и не съ Краснаго крыльца, а словомъ властнымъ и воеводскимъ разглашаетъ свои мысли вслухъ изъ своего генералъ-губернаторскаго дома на Лубянкѣ» [2]).

Самъ Ростопчинъ, вспоминая 1812 г., объяснялъ появленiе своихъ афишъ ясно сознанной имъ необходимостью «держать городъ въ курсѣ событiй и военныхъ дѣйствiй», влiять на умы народа, «возбуждать въ немъ негодованiе и подготовлять его ко всѣмъ жертвамъ для спасенiя отечества» [3]), наконецъ содѣйствовать прекращенiю безпорядковъ [4]).

При осуществленiи первой задачи Ростопчинъ лишь изрѣдка прибѣгалъ къ помощи Силы Богатырева. Распространяя офицiальныя заявленiя

[1]) Любопытно отмѣтить, что въ 1813 г., уже по изгнанiи французовъ, анонимный сотрудникъ рукописнаго журнала „Для удовольствiя и пользы“, издававшагося воспитанниками царскосельскаго лицея, явно подражалъ и содержанiю и формѣ „Мыслей“ въ „словахъ истиннаго русскаго“, произнесенныхъ Силой Силовичемъ Усердовымъ въ Н.-Новгородѣ у памятника Минину-Пожарскому“ (К. Я. Гротъ. Пушкинскiй лицей, стр. 250—252).

[2]) Сочиненiя кн. Вяземскаго, т. VII, 194.

[3]) Записки гр. Ѳ. В. Ростопчина о 1812 г. „Русская Старина“, 1889, кн. 12, стр. 669.

[4]) Сочиненiя Ростопчина, изд. Смирдина, стр. 224. Насколько удалось ему это, читатель могъ видѣть изъ предыдущей статьи.

правительства, опубликовывая извѣстія изъ арміи, онъ обыкновенно бралъ на себя роль лишь передаточной инстанціи, говорилъ языкомъ офиціальнымъ и только кое-гдѣ прибавлялъ нѣсколько строкъ въ духѣ своего любимца. Такъ, сухо сообщая, что 25 августа во весь день ничего не произошло, кромѣ перестрѣлки егерей, онъ прибавляетъ: «Въ субботу французовъ хорошо попарили; видно, отдыхаютъ!»

Иное нужно сказать о тѣхъ афишахъ, которыми Ростопчинъ хотѣлъ поднять настроеніе москвичей, возбудить въ нихъ ненависть къ врагу или внести извѣстную долю успокоенія во взволнованную атмосферу тогдашней московской жизни. Здѣсь Сила Богатыревъ былъ неизмѣннымъ помощникомъ графа.

18 Августа

ОТЪ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩАГО ВЪ МОСКВѢ.

По полученнымъ мною извѣстіямъ авангардъ стоитъ 13 верстъ передъ Вязьмой. Главная квартира въ Вязьмѣ. Непріятель стоитъ на одномъ мѣстѣ. Отрядовъ отъ него нѣтъ. Корпусъ Генерала Милорадовича весь на походѣ. Авангардъ его, изъ 8500 человѣкъ составленный, пошелъ сего дня изъ Можайска къ Гжати подъ командою Генерала Маіора Вадковскаго. Прочія войска сего корпуса идутъ изъ Боровска и Вереи. Ополченіе Тверское готово и 13000 человѣкъ съ Кавалеріею подъ командою Генералъ Маіора Тыртова идутъ въ Клинъ; Свѣтлѣйшій Князь Кутузовъ прибылъ вчера въ Вязьму.

Графъ Витгенштейнъ занялъ Полоцкъ и дѣйствуетъ далѣе; весь тотъ край очищенъ отъ проказы, и французовъ нѣтъ.

Многіе изъ жителей желаютъ вооружиться, а оружія тысячь на десять есть въ Арсеналѣ, которое куплено и дешево на Макарьевской ярморкѣ; всякое утро желающіе могутъ покупать въ Арсеналѣ ружья, пистолеты, и сабли; цѣны тутъ означены; за это мнѣ скажутъ спасибо, а осердятся одни изъ ружейнаго ряда, но воля ихъ, Богъ ихъ проститъ!

Ростопчинское объявленіе.

Въ 1807 г. Богатыревъ говорилъ, что «Бонапарте—мужичишка, который въ рекруты не годится,—ни кожи, ни рожи, ни видѣнья. Разъ ударишь, такъ слѣдъ простынетъ и духъ вонъ».

Въ 1812 г. въ томъ же духѣ заговорилъ Карнюшка Чихиринъ, герой лубочной картинки, выпущенной въ свѣтъ съ текстомъ Ростопчина. На картинкѣ [1]) изображенъ кабакъ, цѣловальникъ за выручкой, Карнюшка и толпа, слушающая его рѣчи. Карнюшка, «выпивъ лишній крючокъ на Тычкѣ, услышалъ, что будто Бонапартъ хочетъ итти на Москву, разсердился и, разругавъ скверными словами всѣхъ французовъ, вышедъ изъ питейнаго дому, заговорилъ подъ орломъ»... Карнюшка совѣтуетъ Бонапарту сидѣть дома. «Полно тебѣ фиглярить: вить солдаты-та твои карлики да щегольки: ни тулупа, ни рукавицъ, ни малахая, ни онучъ не надѣнутъ.

[1]) Она описана у Ровинскаго въ „Русскихъ народныхъ картинкахъ“, т. IV, стр. 446

Ну, гдѣ имъ русское житье-бытье вынести? Отъ капусты раздуются, отъ каши перелопаются, отъ щей задохнутся, а которые въ зиму-то и останутся, такъ крещенскіе морозы поморятъ, будетъ у воротъ замерзать, на дворѣ околѣвать, въ сѣняхъ зазябать, въ избѣ задыхаться, на печи обжигаться»... Карнюшка напоминаетъ Бонапарту про поляковъ, татаръ и шведовъ, которыхъ «наши такъ отпотчевали, что и по сю пору кругъ Москвы курганы, какъ гробы, а подъ гробами-то ихъ кости». У французовъ дома остались слѣпой да хромой, старухи да ребятишки, а у насъ «выведено 600.000 да забритыхъ 300.000, да старыхъ рекрутъ 200.000. А всіо молодцы: одному Богу вѣруютъ, одному царю служатъ, однимъ крестомъ молятся, всѣ братья родные»... Поэтому—«не наступай, не начинай, а направо кругомъ ступай и знай изъ роду въ родъ, каковъ русскій народъ». Окончивъ свою рѣчь, Карнюшка «пошелъ бодро и запѣлъ: «Во полѣ береза стояла», а народъ, смотря на него, говорилъ: «Откуда берется? А что говоритъ дѣло, то ужъ дѣло!» [1])

Эти гаерныя рѣчи Карнюшки, появившіяся за два мѣсяца до вступленія непріятеля въ Москву, въ значительной степени опредѣлили тонъ остальныхъ летучихъ листковъ Ростопчина. Несмотря на его заявленіе, что, въ сознаніи серьезности положенія, онъ къ августу прекратилъ «выпускъ ежедневно появлявшихся разсказовъ и картинокъ, гдѣ французовъ изображали какими-то карликами, оборванными, дурно вооруженными и позволяющими женщинамъ и дѣтямъ убивать себя»,—несмотря на это, отголоски хвастливыхъ выкриковъ Карнюшки мы въ изобиліи встрѣтимъ въ ростопчинскихъ афишахъ.

12 іюля прибылъ въ Москву государь, и въ дни его пребыванія здѣсь Ростопчинъ особенно старался раздуть патріотическія чувства. Послѣ его отъѣзда настроеніе замѣтно упало, что чрезвычайно безпокоило Ростопчина въ связи съ другими тревожными обстоятельствами,—бродившими въ народѣ смутными слухами о волѣ, которую несетъ Наполеонъ, вздорожаніемъ съѣстныхъ припасовъ.

Дѣйствуя рука объ руку съ преосвященнымъ Августиномъ, который съ церковнаго амвона старался поддержать настроеніе народа на той высотѣ, на которой оно было во время кратковременнаго пребыванія государя, Ростопчинъ выпустилъ «Дружеское посланіе» къ жителямъ Москвы. «Слава Богу, все у насъ въ Москвѣ хорошо и спокойно,—писалъ Ростопчинъ.—Хлѣбъ не дорожаетъ и мясо дешевѣетъ. Одного всѣмъ хочется, чтобъ злодѣя побить, и то будетъ. Станемъ Богу молиться, да воиновъ снаряжать, да въ армію ихъ отправлять. А за насъ передъ Богомъ заступники: Божія Матерь и московскіе чудотворцы. Предъ свѣтомъ милосердый государь нашъ Александръ Павловичъ, а предъ супостаты христолюбивое воинство; а чтобы скорѣе дѣло рѣшить, государю угодить, Россію одолжить и Наполеону насолить, то должно имѣть послушаніе, усердіе и вѣру къ словамъ начальниковъ, и они рады съ вами и жить и умереть. Когда дѣло дѣлать, я съ вами, на войну итти передъ вами, а отдыхать за вами. Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отдуемъ, все перемелется, мука будетъ. А берегитесь одного: пьяницъ да

[1]) Сочиненія Ростопчина, 163—165.

дураковъ, они, распустя уши, шатаются, да и другимъ въ уши врасплохъ надуваютъ. Иной вздумаетъ, что Наполеонъ за добромъ идетъ, а его дѣло кожу драть, обѣщаетъ все, а выйдетъ ничего. Солдатамъ сулитъ фельдмаршальство, нищимъ—золотыя горы, народу—свободу, а всѣхъ ловитъ за виски да въ тиски и пошлетъ на смерть: убьютъ либо тамъ, либо тутъ».

Предупреждая москвичей противъ измѣнниковъ, которые «выхваляютъ Наполеона и сулятъ и то и другое», Ростопчинъ въ «Дружескомъ посланіи» совѣтовалъ тащить такихъ людей «за хохолъ на съѣзжую» и обѣщался съ ними «раздѣлаться, будь они хоть пяти (sic.) пядей во лбу». Вскорѣ ему пришлось унимать патріотическій пылъ москвичей, переходившій въ дикій самосудъ надъ иностранцами, заподозрѣнными въ шпіонствѣ или въ симпатіи къ Наполеону. «Побранить есть за что,—обращался онъ къ москвичамъ по поводу избіенія двухъ нѣмцевъ у мѣняльной лавки.—Два нѣмца пришли деньги мѣнять, а народъ ихъ катать; одинъ чуть ли не умеръ. Вздумали, что будто шпіоны, а для этого допросить должно; это мое дѣло. А вы знаете, что я не спущу и своему брату русскому. И что за диковинка — ста человѣкамъ прибить костянова француза или въ парикѣ окуренова нѣмца! Охота руки марать! И кто на это пускается, тотъ при случаѣ за себя не постоитъ. Когда думаете, что шпіонъ, ну, веди ко мнѣ, а не бей и не дѣлай нареканія; русскимъ войски-та французскія должно закопать, а не шушерамъ глаза подбивать».

„Чемъ онъ побѣдилъ врага своего?—Нагайкою!“ (И. Теребеневъ).

Москва считала Смоленскъ своимъ оплотомъ. Получивъ извѣстіе о взятіи Смоленска французами, Ростопчинъ не огласилъ офиціальнаго донесенія въ подлинномъ видѣ, а изготовилъ собственный бюллетень, въ которомъ не щадилъ красокъ для изображенія геройства русскихъ войскъ и неисчислимыхъ потерь непріятеля. Отступленіе за Днѣпръ онъ толковалъ здѣсь, какъ маневръ, имѣвшій цѣлью соединеніе корпуса, защищавшаго Смоленскъ, съ главной арміей передъ рѣшительной битвой. Но Москву уже трудно было успокоить... Волненіе приняло особенно лихорадочный характеръ, когда, въ сопровожденіи архіепископа Иринея и толпы смольнянъ, прибыла въ Москву чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Начался усиленный отъѣздъ изъ Москвы.

«Здѣсь есть слухъ и есть люди, кои ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города, писалъ по этому поводу Ростопчинъ.— Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не вы-

ѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія. Меньше страха, меньше новостей; но нельзя похвалить и мужей, и братьевъ, и родню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились, безъ возврату. Если по ихъ есть опасность, то непристойно; а если нѣтъ ея, то стыдно. Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй въ Москвѣ не будетъ»... Твердую увѣренность въ этомъ Ростопчинъ подкрѣпляетъ сообщеніемъ, что у русскихъ около 300.000 войска, во главѣ котораго стоитъ «свѣтлѣйшій князь Кутузовъ, истинно государевъ избранный воевода русскихъ силъ»... «А если мало этого для погибели злодѣя, тогда ужъ я скажу: ну, дружина московская, пойдемъ и мы! И выйдемъ сто тысячъ молодцовъ, возьмемъ Иверскую Божію Матерь да 150 пушекъ и кончимъ дѣло всѣ вмѣстѣ. У непріятеля же своихъ и сволочи 150.000 человѣкъ; кормятся пареною рожью и лошадинымъ мясомъ. Вотъ что я думаю и вамъ объявляю, чтобъ иные радовались, а другіе успокоились, а больше еще тѣмъ, что и государь императоръ на-дняхъ изволитъ прибыть въ вѣрную свою столицу. Прочитайте,—понять можно все, а толковать нечего».

По мѣрѣ приближенія къ Москвѣ отступавшей русской арміи, настроеніе столицы дѣлалось все тревожнѣе, и ростопчинскія афиши употребляли поистинѣ громадныя усилія, чтобъ поддержать настроеніе москвичей.

Незадолго до Бородинской битвы Ростопчинъ сообщаетъ, что «нашъ авангардъ подъ Гжатью; мѣсто, нашими войсками занимаемое, есть прекрѣпкое, и тутъ свѣтлѣйшій князь намѣренъ дать баталію. Теперь мы равны съ непріятелемъ числомъ войскъ. Черезъ два дни у насъ еще прибудетъ 20.000 человѣкъ, но наши войска русскія, единаго закона, единаго царя, защищаютъ церковь Божію, домы, женъ, дѣтей и погосты, гдѣ лежатъ отцы наши. Непріятели же дерутся за хлѣбъ, умираютъ на разбоѣ; если они разъ проиграютъ баталію, то всѣ разбредутся, и поминай, какъ звали!» Онъ сообщаетъ во всеобщее свѣдѣніе письмо Кутузова, который сѣдинами своими увѣрялъ москвичей, что «еще не было ни одного сраженія съ передовыми войсками, гдѣ бы наши не одерживали поверхности, а что не доходило до главнаго сраженія, то сіе зависѣло отъ главнокомандующихъ». Онъ намекаетъ москвичамъ на ожидающую ихъ радость отъ воздушнаго шара, изготовлявшагося Леппихомъ, и тутъ же прибавляетъ: «Генералъ

„Казакъ вручаетъ Наполеону визитный билетъ на взаимное посѣщеніе“ (Теребеневъ).

Платовъ... ѣдетъ обратно въ армію и поспѣетъ къ баталіи, чтобъ тамъ пѣть благодарный молебенъ и «Тебе Бога хвалимъ».

Наступило 26 августа. Въ этотъ знаменательный день москвичи еще не знали о томъ, что происходило на Бородинскомъ полѣ. По рукамъ ходили двѣ афиши, извѣщавшія, что въ арміи 25 августа положеніе было безъ перемѣнъ.

На другой день Ростопчинъ опубликовалъ слѣдующее извѣстіе, полученное отъ Кутузова черезъ курьера: «Вчерашній день, 26-го, было весьма жаркое и кровопролитное сраженіе. Съ помощью Божіею, русское войско не уступило въ немъ ни шагу, хотя непріятель съ отчаяніемъ дѣйствовалъ противъ его. Завтра, надѣюся я, возлагая мое упованіе на Бога и на московскую святыню, съ новыми силами съ нимъ сразиться». Отъ себя Ростопчинъ, между прочимъ, прибавляетъ: «Я посылаю въ армію 4.000 человѣкъ здѣшнихъ новыхъ солдатъ, на 250 пушекъ снаряды, провіантъ. Православные, будьте спокойны! Кровь нашихъ проливается за спасеніе отечества. Наша готова, и если придетъ время, то мы подкрѣпимъ войска. Богъ укрѣпитъ силы наши, и злодѣй положитъ кости свои въ землѣ русской».

Вспоминая 1812 г., Ростопчинъ говорилъ о томъ, какъ тяжело ему было послѣ Бородина «придумывать, чѣмъ бы можно произвести впечатлѣніе на массы» [1]).

получено : 22: августа

Отъ Главнокомандующаго въ Москвѣ.

Здѣсь мнѣ поручено отъ ГОСУДАРЯ было здѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ, куда захотятъ, и по вѣтру и противъ вѣтру; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь, естьли погода будетъ хороша, то завтра, или послѣ завтра ко мнѣ будетъ маленькой шаръ для пробы. Я вамъ заявляю, чтобъ вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя, а онъ здѣланъ къ его вреду и погибели.

Генералъ Платовъ, по приказанію ГОСУДАРЯ, и думая, что его ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО уже въ Москвѣ, пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ и ѣдетъ послѣ обѣда обратно въ армію, и поспѣетъ къ баталіи, что бъ тамъ пѣть благодарной молебенъ и Тебя Бога хвалимъ!

Ростопчинская афиша.

Афиши двухъ послѣднихъ дней августа свидѣтельствуютъ объ этой трудности: въ нихъ Ростопчинъ явно грѣшитъ противъ истины [2]).

Выѣхавъ изъ Москвы до вступленія въ нее непріятеля, Ростопчинъ изъ Владиміра обратился съ воззваніемъ къ крестьянамъ Московской губерніи. Описавъ злодѣйства французовъ, ихъ надругательства надъ святынями, Ростопчинъ предостерегалъ крестьянъ противъ «ласки» злодѣевъ. «Ужли вы, православные, вѣрные слуги царя нашего, кормилицы матушки каменной Москвы, на его (Наполеона) слова положитесь, дадитесь въ обманъ врагу лютому, злодѣю кровожадному! Отыметъ онъ у васъ послѣднюю кроху, и придетъ вамъ умирать голодною смертью. Проведетъ онъ васъ посулами, а коли деньги дастъ, то фальшивыя,—съ ними жъ

---

[1]) Записки гр. Ѳ. В. Ростопчина о 1812 г. „Русская Старина“, 1889, XII, 708.
[2]) См. предыдущую статью.

будетъ вамъ бѣда»... Ростопчинъ призывалъ крестьянъ къ безпощадному истребленію «гадины заморской». Куда ни придутъ французы, «тутъ и вали ихъ живыхъ и мертвыхъ въ могилу глубоку... Истребляйте сволочь мерзкую, нечистую гадину и тогда къ царю въ Москву явитеся и дѣлами похвалитеся. Онъ васъ опять возстановитъ попрежнему, и вы будете припѣваючи жить постарому. А кто изъ васъ злодѣя послушается, къ французу приклонится, тотъ недостойной сынъ отеческой, отступникъ закона Божія, преступникъ государя своего, отдаетъ себя на судъ и поруганіе, а душѣ его быть въ аду съ злодѣями и горѣть въ огнѣ, какъ горѣла наша мать Москва».

Таково было содержаніе «Ростопчинской газеты», таковъ былъ своеобразный опытъ общенія власти съ народомъ въ годину тяжелыхъ испытаній.

Какъ относилось населеніе Москвы къ афишамъ Ростопчина?

Въ простонародьѣ,—точнѣе сказать, въ средѣ мѣщанства и мелкаго купечества, куда еще до 1812 г. въ изобиліи проникали произведенія казенно-патріотической литературы, онѣ вызывали нѣкоторый интересъ.

Объ этомъ свидѣтельствуетъ, напримѣръ, И. М. Снегиревъ въ докладѣ «О простонародныхъ картинкахъ», прочтенномъ въ 1823 г. въ обществѣ любителей россійской словесности. «Мы видѣли въ Москвѣ,—пишетъ Снегиревъ,—какое имѣли вліяніе надъ простымъ народомъ въ 1807 и 1812 г. развѣшанныя у ограды Казанскаго собора картины лубочныя: мужикъ Долбило, ратникъ Гвоздило, Карнюшко Чихиркинъ и словоохотный Сила Андреевичъ Богатыревъ, который со ступеней Краснаго крыльца разглагольствовалъ съ православными о святой Руси, и слова его были по сердцу народу русскому. Когда же закипѣла война, когда недоумѣніе овладѣло душами, тогда Ростопчинъ и посредствомъ народныхъ картинокъ говорилъ съ простолюдинами, внушая имъ мужество, любовь къ отчизнѣ и рвеніе защищать себя, царя и вѣру; тогда толпы народа собирались къ оградѣ храма... смотрѣть сіи картинки, читать или слушать патріотическія воззванія» [1]...

По словамъ Сергѣя Глинки, который самъ во многихъ мѣстахъ читалъ простонародью «Дружеское посланіе» Ростопчина, оно производило сильное впечатлѣніе. Но оцѣнивая разсказъ Глинки, какъ и воспоминанія Снегирева, нужно помнить, что они подкрашены въ духѣ тогдашней офиціально-патріотической литературы.

Въ кругахъ тогдашней интеллигенціи отношеніе къ афишамъ было различное. М. А. Дмитріевъ, называя ихъ «мастерской, неподражаемой вещью», свидѣтельствуетъ, что Ростопчина тогда «винили въ публикѣ: и афишки казались хвастовствомъ, и языкъ ихъ казался неприличнымъ» [2].

---

[1]) „Сочиненія въ прозѣ и стихахъ" (Труды общества любителей русской словесности), ч. IV, стр. 144—145.

[2]) М. Дмитріевъ. „Мелочи изъ запаса моей памяти". М., 1854, стр. 166. Кн. А. А. Шаховскому „площадной языкъ черни казался... не совсѣмъ приличнымъ въ обнародованіяхъ отъ имени главнокомандующаго столицей, который долженъ говорить всѣмъ сословіямъ" („Первые дни сожженной Москвы". „Р. Ст.", 1889, X, 62).

Ред.

Д. А. Бестужевъ-Рюминъ съ насмѣшкой говорилъ объ ихъ содержаніи, называлъ языкъ ихъ «пошлымъ и площаднымъ». Онѣ весьма нравились Жуковскому, котораго Ростопчинъ причислялъ къ якобинцамъ, и ихъ не одобрялъ Карамзинъ, жившій тогда у графа и предлагавшій ему писать за него воззванія къ народу. Отзывъ Вяземскаго намъ извѣстенъ.

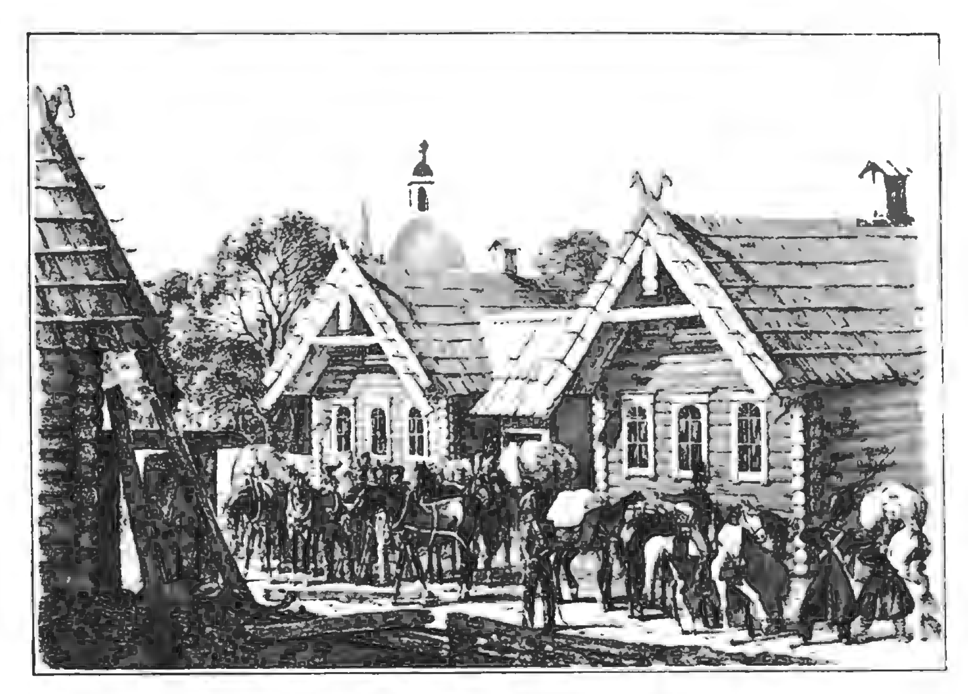
«Я—русской баринъ», говорилъ про себя Ростопчинъ въ «Дружескомъ посланіи», и сказалъ сущую правду. Русскій баринъ, богатый и титулованный, бывшій, какъ у себя дома, на бульварахъ и въ салонахъ Парижа, бранившій французовъ на чистѣйшемъ французскомъ языкѣ, проповѣдывавшій необходимость національнаго воспитанія, а собственныхъ дѣтей воспитывавшій при помощи наемныхъ иностранцевъ, человѣкъ, являвшій въ своемъ лицѣ, по словамъ его біографа, соединеніе «англійскаго глубокомыслія, французской любезности и чувствъ истиннаго русскаго боярина и патріота» [1]), честолюбивый и властолюбивый,—Ростопчинъ задумалъ управлять умами, руководить народнымъ мнѣніемъ... Онъ заговорилъ на томъ приторномъ и дѣланномъ, ложно-народномъ языкѣ, который считали для себя обязательнымъ старые баре, обращаясь à ce bon peuple russe. Заносчиво-хвастливыя, въ лучшемъ случаѣ не сообщавшія всей правды о положеніи дѣлъ, обманувшія многихъ довѣрчивыхъ людей сначала увѣреніями, что «злодѣй въ Москвѣ не будетъ», потомъ фантомомъ московской дружины,—его афиши могли сдѣлать только одно: раздуть ненависть къ врагу. Но развѣ ея было мало и безъ нихъ?

Н. Мендельсонъ.

„Руской Курцій".
„Ратникъ Московскаго ополченія, жертвующій жизнію въ намѣреніи убіеніемъ избавить отечество отъ злобнаго врага Наполеона, вмѣсто его поражаетъ ошибкою Польскаго полковника. Произ. къ славѣ Россіянъ, случившееся во время вторженія Французовъ въ Москву".

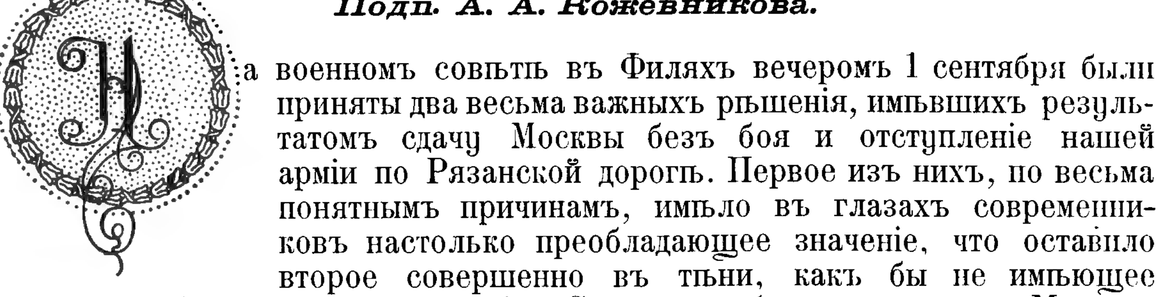
[1]) А. Ѳ. Брокеръ. Біографія гр. Ѳ. В. Ростопчина „Рус. Ст.", 1893, I, 170.

На большой дорогѣ между Можайскомъ и Москвой (Фаберъ дю-Форъ).

VII. Русская армія въ періодъ отъ сдачи Москвы до Тарутина.

Подп. А. А. Кожевникова.

На военномъ совѣтѣ въ Филяхъ вечеромъ 1 сентября были приняты два весьма важныхъ рѣшенія, имѣвшихъ результатомъ сдачу Москвы безъ боя и отступленіе нашей арміи по Рязанской дорогѣ. Первое изъ нихъ, по весьма понятнымъ причинамъ, имѣло въ глазахъ современниковъ настолько преобладающее значеніе, что оставило второе совершенно въ тѣни, какъ бы не имѣющее сколько-нибудь важнаго значенія. Самъ по себѣ фактъ сдачи Москвы, представляя изъ себя политическое событіе первѣйшей важности, имѣлъ и огромное стратегическое значеніе, какъ поворотный пунктъ въ исторіи Отечественной войны. Это второе значеніе совершенно ускользало отъ вниманія современниковъ, потрясенныхъ сдачей и пожаромъ Москвы, и было выяснено уже гораздо позже.

Нельзя, конечно, удивляться тому, что широкіе круги тогдашняго общества, стоявшіе вдали отъ арміи, такъ относились къ сдачѣ Москвы и изъ-за политическаго значенія факта сдачи не замѣчали совершенно его стратегическаго значенія. Но поразительно то, что почти такъ же относились къ нему и военноначальники, собравшіеся въ Филяхъ на военный совѣтъ.

Была потрачена масса красивыхъ словъ, касающихся политическаго значенія сдачи Москвы, и очень мало говорилось о томъ, что должна дѣлать послѣ сдачи Москвы армія, какъ использовать ей для своихъ цѣлей эту сдачу. Слѣдя за обмѣномъ мнѣній и преніями лицъ, собравшихся на совѣтъ, невольно возникаетъ мысль, что никто изъ нихъ не давалъ себѣ яснаго отчета о создающемся положеніи вещей, никто не представлялъ себѣ будущаго за исключеніемъ главнокомандующаго. Всѣмъ было ясно, что дать оборонительный бой на очень плохой позиціи—на Поклонной горѣ—была безсмыслица, которая повела бы только къ погибели арміи и не спасла бы Москвы. На необходимости боя, впрочемъ, настаивалъ только одинъ Беннигсенъ, да и то едва ли искренно, а скорѣе имѣя въ виду, что его мнѣніе, какъ «наиболѣе храброе», будетъ учтено гдѣ слѣдуетъ, что впослѣдствіи и подтвердилось совершенно точнымъ историческимъ документомъ—его письмомъ къ Аракчееву. Всѣ понимали, что для спасенія арміи должна была быть принесена въ жертву Москва, но что дальше дѣлать спасенной арміи и какое ей занять положеніе по отношенію враждебной арміи—на этомъ вопросѣ останавливались очень мало.

О предстоящихъ дѣйствіяхъ арміи были высказаны мнѣнія только двумя лицами: Барклаемъ и полковникомъ Толемъ.

Мнѣніе послѣдняго о томъ, что всѣ усилія русской арміи должны быть направлены на то, чтобы отрѣзать противника отъ юга, было совершенно правильнымъ. Если бы непріятель завладѣлъ Калугой, гдѣ были сосредоточены въ то время провіантскіе запасы русской арміи, Тулой и Брянскомъ съ ихъ оружейными заводами и южными губерніями, не истощенными войной, то исходъ послѣдней былъ бы пагубнымъ для Россіи. Толь правильно опредѣлилъ цѣль дѣйствій русской арміи, но предложилъ для достиженія ея планъ совершенно невыполнимый. Онъ предлагалъ нѣсколько измѣнить позиціи русскихъ войскъ и затѣмъ послѣ боя, если въ томъ встрѣтится надобность (а въ этой надобности никто не сомнѣвался), отступать по старой Калужской дорогѣ, т.-е. не проходя съ арміей черезъ Москву.

Остается только удивляться, что такой умный и распорядительный офицеръ, какъ Толь могъ предлагать этотъ самоубійственный для русской арміи планъ. По этому плану русская армія въ виду насѣдавшаго на нее авангарда Мюрата должна была мѣнять позицію, неизвѣстно на какую, затѣмъ «почтить Первопрестольную боемъ», въ исходѣ котораго никто не могъ сомнѣваться, такъ какъ французская армія была вдвое многочисленнѣй русской и была одушевлена мыслью о конечномъ актѣ кампаніи—взятіи Москвы, а затѣмъ отступать. Отступательный же маршъ она должна была произвести на глазахъ противника подъ прямымъ угломъ къ его операціонной линіи съ ровно ничѣмъ не прикрытымъ флангомъ и по мѣстности, пересѣченной естественными препятствіями: рѣчкой Сѣтунью и оврагами.

Разумѣется, этотъ планъ не могъ быть принятъ на военномъ совѣтѣ.

Гораздо основательнѣй было предложеніе Барклая-де-Толли, и оно вытекало совершенно логично изъ создавшагося положенія вещей и общаго направленія дѣйствій, котораго онъ придерживался, будучи главнокомандующимъ. По его мнѣнію, слѣдовало возможно дольше задержать против-

ника арьергарднымъ боемъ, а главными силами прослѣдовать черезъ Москву и отступать по Нижегородской дорогѣ. Оттуда русская армія могла дѣйствовать во флангъ французской съ одинаковымъ успѣхомъ при ея наступательныхъ движеніяхъ по обоимъ возможнымъ для послѣдней направленіямъ, т.-е. на Петербургъ или на югъ.

По плану Барклая-де-Толли русская армія получала всѣ соединенныя съ сдачей Москвы стратегическія выгоды. При отступленіи черезъ самую Москву непріятель былъ поставленъ до послѣдняго момента въ полную неизвѣстность о томъ, что дѣлаетъ русская армія. Наступленіе его должно было совершаться со всѣми предосторожностями, такъ какъ сдача Москвы безъ всякаго боя была все-таки крайне невѣроятна. Можно было ожидать боя даже на самыхъ улицахъ столицы. Если бы арьергарду не удалось совсѣмъ задержать наступленіе французовъ, то во всякомъ случаѣ занятіе большого города, къ которому стремились всѣ ихъ помыслы, должно было произвести неизбѣжную заминку въ наступательномъ движеніи. Всѣ эти благопріятныя для русской арміи обстоятельства получались при отступленіи ея черезъ самый городъ Москву. Дѣйствительность подтвердила правильность этихъ соображеній, и результаты превзошли лучшія ожиданія. Какъ извѣстно, командующему арьергардомъ Милорадовичу удалось путемъ переговоровъ задержать наступленіе французской арміи. Затѣмъ преслѣдованіе велось настолько неэнергично, что русская армія выиграла такъ много времени, что 3 сентября Кутузовъ могъ дать ей дневку, чтобы дать подтянуться отсталымъ. Обстоятельство весьма важное, такъ какъ число отсталыхъ при прохожденіи черезъ Москву должно было быть очень велико.

Что же касается до второй части предложенія Барклая—объ отступленіи арміи на Нижегородскую дорогу, то противъ него возсталъ Ермоловъ, который совершенно правильно указалъ на то, что вслѣдствіе предстоящаго осенняго разлива рѣкъ, въ особенности Оки, главная армія можетъ оказаться отрѣзанной отъ юга и отъ южныхъ армій Чичагова и Тормасова.

Предложеніе Барклая тоже не было принято военнымъ совѣтомъ. Да и вообще онъ не принялъ никакого рѣшенія, которое бы предложилъ для исполненія главнокомандующему. Кутузовъ поэтому подъ свою отвѣтственность отдалъ приказаніе сдать Москву безъ боя и, пройдя Москву, отступать по Рязанской дорогѣ. Командующему арьергардомъ Милорадовичу было приказано, боемъ, переговорами, чѣмъ угодно, возможно дольше задержать наступленіе французовъ. Обозамъ выступать съ позиціи среди ночи (на 2 сентября), войскамъ выступать вслѣдъ за обозами, не дожидаясь разсвѣта.

Этими самостоятельными распоряженіями, какъ мы впослѣдствіи увидимъ, старый фельдмаршалъ вызвалъ сначала всеобщее недоумѣніе, потомъ нареканія, затѣмъ они послужили главными основаніями, на которыхъ были основаны интриги, направленныя противъ него. Впослѣдствіи же, когда всѣмъ стало ясно, насколько маневръ русской арміи сначала на Рязанскую дорогу, а потомъ на Калужскую, вышелъ удаченъ, стали утверждать, что мысль объ этомъ маневрѣ принадлежитъ не ему, а какому-то другому лицу.

Первая вѣсть о сдачѣ безъ боя Москвы была получена государемъ черезъ случайное лицо—одного помѣщика, покинувшаго Москву. Затѣмъ о сдачѣ Москвы и объ отступленіи арміи по Рязанской дорогѣ его увѣдомилъ Ростопчинъ. Письмо было послано 1 сентября, получено государемъ 7-го. Взволнованный полученными свѣдѣніями, государь тотчасъ же послалъ начальника главнаго штаба, кн. Волконскаго, въ армію. Отправляя его, государь сказалъ: «Не понимаю, зачѣмъ фельдмаршалъ пошелъ на Рязанскую дорогу, ему слѣдовало итти на Калужскую. Тотчасъ поѣзжай къ нему, узнай, что побудило его взять это направленіе; разспроси объ арміи и о дальнѣйшихъ его намѣреніяхъ». Слова государя очень характерны и выражаютъ собой всеобщее настроеніе и то недоумѣніе, которое господствовало въ обществѣ и въ арміи по поводу приказанія объ отступленіи по Рязанской дорогѣ. Если таково было недоумѣніе общества, то необъяснимо, какъ вожди арміи и Ростопчинъ, хорошо знавшій мѣстность вокругъ Москвы, не понимали цѣли и разумности движенія по Рязанской дорогѣ. Ростопчинъ въ одномъ изъ своихъ писемъ государю прямо-таки называетъ маневры русской арміи безцѣльнымъ и нерѣшительнымъ мотаніемъ. Достаточно, между тѣмъ, взглянуть на карту Московской губерніи, чтобы убѣдиться въ полной разумности отступленія по Рязанской дорогѣ. Отступленіе арміи по Калужской дорогѣ было, какъ мы выше указали, совершенно невозможнымъ. Движеніе по направленію къ Подольску было соединено съ тѣмъ же, если не съ еще большимъ рискомъ, какъ и по Калужской. Затѣмъ ближайшая дорога къ конечной цѣли передвиженія русскихъ войскъ, т.-е. все къ той же Калужской дорогѣ, была дорога Рязанская. Послѣдняя не представляетъ такихъ опасностей, какъ первая. Правый флангъ отступающей арміи защищенъ теченіемъ Москвы-рѣки, такъ что нападеніе съ фланга почти невозможно. На этой дорогѣ подверженъ опасности только тылъ. Помимо этого очень важнаго преимущества, по Рязанской дорогѣ, послѣ перехода черезъ Москву-рѣку у Боровской переправы по линіи селеній Кулакова-Мячкова, находятся прекрасныя для оборонительнаго боя позиціи. Правый берегъ Москвы-рѣки господствуетъ надъ лѣвымъ, который открытъ для дѣйствія по немъ артиллеріи. Протекающая впереди холмовъ Москва-рѣка и Пахра дѣлаютъ позиціи естественной крѣпостью. Боровской перевозъ отстоитъ отъ Москвы всего верстахъ въ тридцати, такъ что достаточно одного форсированнаго марша отъ Москвы, чтобы достичь вышеуказанныхъ прекрасныхъ позицій.

Бивуакъ (Фаберъ дю-Форъ).

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что еще въ Филяхъ Кутузовъ зналъ и взвѣсилъ всѣ выгоды отступленія по Рязанской дорогѣ и вполнѣ вѣдалъ, что творилъ. По окончаніи совѣта онъ, нисколько не колеблясь и не предлагая вопроса на обсужденіе собравшимся военноначальникамъ, приказалъ отступленіе по Рязанской дорогѣ. Почему это приказаніе, какъ мы выше указали, вполнѣ правильное и логичное, вызвало недоумѣніе въ главной квартирѣ, объясняется тѣми взаимоотношеніями, которыя къ тому времени въ ней установились. Беннигсенъ, начальникъ штаба Кутузова, все время совѣтовалъ и даже дѣйствовалъ вопреки волѣ своего непосредственнаго начальника и по возможности интриговалъ противъ него. Кутузовъ за это платилъ Беннигсену полнымъ недовѣріемъ. Если Ермоловъ пишетъ въ своихъ запискахъ, «что онъ не переставалъ признавать главную квартиру врагомъ всякой тайны», то въ этомъ отношеніи старый фельдмаршалъ шелъ гораздо дальше на дѣлѣ. Изъ своихъ плановъ и соображеній онъ дѣлалъ тайну отъ своего начальника штаба. Не въ лучшемъ положеніи въ отношеніи освѣдомленности находился и другой старшій начальникъ Барклай-де-Толли. Близкое къ нему лицо, его другъ Вольцогенъ, пишетъ, что въ то время «никто не зналъ ничего». Немудрено поэтому, что распоряженія главнокомандующаго толковались вкривь и вкось, и что Ростопчинъ, прикомандировавшійся къ главной квартирѣ послѣ сдачи Москвы, слыша всевозможные толки, даже совершенно добросовѣстно пришелъ къ тому убѣжденію, что Кутузовъ дѣйствуетъ, самъ не понимая, что творитъ.

Согласно приказанію фельдмаршала главныя силы выступили съ Поклонной горы въ ночь на 2 сентября, и когда онъ самъ въ 8 часовъ утра, проѣхавъ черезъ Москву, остановился у Преображенскаго кладбища за Покровской заставой, то ужъ значительная часть войскъ прошла черезъ городъ, и къ вечеру главныя силы сосредоточились у деревни Панковъ, въ 17 верстахъ отъ Москвы, гдѣ была назначена ночевка. День 2 сентября Милорадовичу удалось выиграть путемъ переговоровъ съ Мюратомъ, и арьергардъ прослѣдовалъ черезъ Москву въ ночь на 3-е. Вечеромъ же 2 сентября черезъ него же Мюратъ выразилъ согласіе на перемиріе до 7 час. утра 3 сентября. Передовые отряды Мюрата подъ предводительствомъ ген. Себастіани слѣдовали за отступающимъ русскимъ войскомъ по пятамъ, не вступая, однако, въ бой, такъ что 3-го утромъ получилось такое положеніе, что нѣкоторыя непріятельскія кавалерійскія части оказались сзади передовыхъ русскихъ цѣпей. Гвардейскій, казачій и Изюмскій гусарскій полки оказались совсѣмъ отрѣзаны въ Москвѣ, такъ что вынуждены были выступить черезъ Нижегородскую заставу. Они получили приказаніе присоединиться къ отряду Винцингероде, стоявшему на Тверской дорогѣ. Нельзя, конечно, не согласиться съ ген. Себастіани, который при разговорѣ съ Милорадовичемъ, происходившемъ среди самыхъ передовыхъ цѣпей, съ улыбкой указалъ на любезность французовъ, которые могли бы въ значительной степени затруднить отступленіе русскихъ, если бы того захотѣли. Было ли это дѣйствительно любезностью со стороны Мюрата и Себастіани, или бездѣйствіе французовъ было результатомъ ихъ убѣжденія, что съ занятіемъ Москвы война окончена, но только нашъ арьергардъ 3-го числа отступилъ безъ боя до

деревни Вязовки въ 6 верстахъ отъ Москвы, и обѣ арміи, такъ сказать, распутались.

Такъ какъ 3-го числа непріятель не предпринималъ никакихъ наступательныхъ дѣйствій, то Кутузовъ далъ своимъ войскамъ дневку. Послѣдняя была полезна для арміи, помимо того, что дала возможность подтянуться отсталымъ, еще тѣмъ, что за этотъ день дороги значительно очистились отъ повозокъ, бѣжавшихъ въ послѣдній моментъ жителей Москвы, которыя страшно затрудняли движеніе войскъ.

4 сентября главныя силы переправились по Боровскому мосту за Москву-рѣку. На лѣвомъ берегу остался только арьергардъ подъ начальствомъ Раевскаго, корпусъ котораго смѣнилъ войска Милорадовича. Въ этотъ день французы не предпринимали также сколько-нибудь энергичнаго наступленія. Изъ села Жилина главнокомандующій, въ то время, какъ уже началась переправа войскъ черезъ Москву-рѣку, отправилъ съ донесеніемъ государю полковника Мишо. На слѣдующій день главныя силы, ночевавшія на холмахъ противъ села Мягкова, двинулись по правому берегу р. Пахры по направленію къ Подольску и ночевали на Каширской дорогѣ. Арьергарду Раевскаго пришлось въ этотъ день переправиться черезъ Москву-рѣку подъ сильнымъ натискомъ непріятеля. Кавалерія его отряда подъ начальствомъ ген. Васильчикова до поздняго вечера своими атаками вынуждена была прикрывать переправу. Когда же послѣдняя совершилась и пѣхота и артиллерія заняли позиціи на правомъ берегу рѣки у Кулакова, то кавалерія также переправилась, при чемъ ей удалось разрушить за собой мостъ. Къ вечеру 5 числа всѣ русскія войска такимъ образомъ были за Москвой рѣкой, т.-е. въ относительно безопасномъ положеніи. Съ этого числа начался и знаменитый фланговый маршъ русской арміи на Калужскую дорогу.

Казакъ (Орловскаго).

Это движеніе имѣло настолько серьезные результаты, что сначала его надо считать моментомъ поворота всей компаніи въ пользу русскихъ. Барклай-де-Толли въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ записокъ, въ то время, когда уже страхи улеглись, пишетъ государю: «Сіе движеніе есть важнѣйшее и приличнѣйшее по обстоятельствамъ изъ совершеннаго со времени прибытія князя (Кутузова). Сіе дѣйствіе доставило намъ возмож-

ность довершить войну совершеннымъ истребленіемъ непріятеля». Ничего нѣтъ удивительнаго, что многіе хотѣли присвоить себѣ честь быть авторомъ плана этого движенія. Всѣ, кто имѣли почему бы то ни было поводъ быть недовольными Кутузовымъ, старались доказать, что мысль о маршѣ сначала на Рязань, а потомъ на Калужскую дорогу принадлежала не ему. Ермоловъ въ своихъ запискахъ пишетъ, что многіе присваивали себѣ мысль о фланговомъ маршѣ, но что ему извѣстно, что она принадлежитъ Беннигсену.

Что положеніе вещей было совсѣмъ не таково, какимъ представляетъ его себѣ Ермоловъ, видно изъ донесенія Кутузова государю, посланнаго черезъ полковника Мишо [1]).

Этимъ донесеніемъ совершенно опредѣленно устанавливается, во-первыхъ, то, что въ дѣйствіяхъ фельдмаршала не было нерѣшительности и мотанія, а онъ поступалъ вполнѣ планомѣрно, во-вторыхъ, что авторомъ плана фланговаго марша былъ самъ главнокомандующій. Не опровергаетъ послѣдняго обстоятельства и то мало вѣроятное свѣдѣніе, что будто бы Кутузовъ самъ указывалъ, что мысль о передвиженіи на Калужскую дорогу принадлежитъ Толю. Это свѣдѣніе на нашъ взглядъ указываетъ только на то, что не всѣ въ главной квартирѣ ничего не знали. Ничего не знали въ штабѣ Барклая-де-Толли, не знали Беннигсенъ и Ростопчинъ. Но нельзя, конечно, допустить, чтобы маститый фельдмаршалъ самъ одинъ не только придумалъ, но и выработалъ всѣ детали плана. Несомнѣнно, въ этомъ участвовали и офицеры квартирмейстерской части, которымъ онъ довѣрялъ, и, конечно, въ первую голову Толь, любимецъ, какъ его называли, князя.

Во всякомъ случаѣ Беннигсенъ въ выработкѣ этого плана не игралъ никакой роли.

Роль же въ этомъ дѣлѣ Беннигсена, какъ и во все время его пребыванія въ арміи, сводилась, главнымъ образомъ, къ интригамъ противъ Кутузова и Барклая-де-Толли.

Отъѣздомъ въ Петербургъ полковника Мишо Беннигсенъ воспользовался для своихъ цѣлей и въ свойственномъ ему духѣ. Онъ написалъ письмо Аракчееву, которое онъ и просилъ Мишо передать по назначенію. Въ этомъ письмѣ Беннигсенъ, прекрасно понимая, какое удручающее впечатлѣніе должна была произвести на государя вѣсть о сдачѣ Москвы и какъ онъ долженъ былъ быть этимъ недоволенъ, писалъ, что онъ, Беннигсенъ употребилъ всѣ усилія, чтобы Москва не была сдана безъ боя, о чемъ просилъ довести до свѣдѣнія государя. Что фельдмаршалъ сдѣлалъ непростительную ошибку, сдавъ городъ, такъ какъ была полная возможность обороняться; но что теперь его настроеніе таково, что онъ понялъ свою ошибку и болѣе склоненъ принимать его, Беннигсена, совѣты Кромѣ того, онъ писалъ, что Барклай-де-Толли на военномъ совѣтѣ въ Филяхъ тоже очень настаивалъ на сдачѣ Москвы безъ боя и заявилъ даже, что государь одобритъ это дѣйствіе.

Какъ мы видимъ изъ этого письма, Беннигсенъ не остановился передъ ложью, клеветами на Барклая, такъ какъ послѣдній не говорилъ и не

---

[1]) Оно приведено въ примѣчаніи къ статьѣ проф. Н. П. Михневича „Фили". *Ред.*

могъ говорить о томъ, что государь «одобритъ сдачу Москвы безъ боя», желалъ воспользоваться моментомъ немилости къ фельдмаршалу и командующему 1 арміей и выставить свою личность въ удачный моментъ.

Моментъ же для того, чтобы пустить въ ходъ интригу, Беннигсенъ выбралъ очень удачный: было весьма вѣроятнымъ, что сдача Москвы настолько повліяетъ на государя, что фельдмаршалъ не останется у власти. Что настроеніе въ то время въ Петербургѣ было очень не въ пользу Кутузова, видно изъ постановленія Комитета Министровъ. Мишо пріѣхалъ въ Петербургъ 9 сентября, а уже 10-го засѣдалъ Комитетъ Министровъ, который, какъ бы идя на встрѣчу желанію государя, постановленіемъ своимъ осудилъ дѣйствія рекомендованнаго имъ Кутузова и указалъ, что донесенія его находитъ не точными и неполными. Какъ извѣстно, государь согласился съ мнѣніемъ Кутузова о томъ, что сдача столицы не есть еще окончаніе компаніи и ожиданія лицъ, ждавшихъ отставки фельдмаршала оказались преждевременны. Весьма вѣроятно, что отсрочка въ то время участи фельдмаршала находилась въ связи съ поѣздкой въ армію Волконскаго, которому государь поручилъ разспросить и узнать точно о положеніи дѣлъ и ему донести.

Донской атаманъ Д. Е. Кутейниковъ. (Музей 1812 г.).

Какъ мы выше упомянули, 5-го числа всѣ русскія войска были уже за Москвой-рѣкой. 5-го же вечеромъ главныя силы дошли до Каширской дороги, 6-го до Подольска. Вслѣдъ за главными силами двинулся и арьергардъ. Командующій кавалеріей отряда Раевскаго Васильчиковъ оставилъ на Рязанской дорогѣ 2 казачьихъ полка подъ начальствомъ полковника Ефремова, которому было приказано по возможности привлечь на себя вниманіе непріятеля и отступать не вслѣдъ за главными силами, а по направленію къ Рязани. Дѣйствія Ефремова и его казаковъ были настолько удачны, что преслѣдовавшій ихъ французскій авангардъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ дней въ полной увѣренности, что передъ ними весь русскій арьергардъ, что главныя силы отступаютъ на Рязань. Только въ ночь на 10 сентября командовавшій передовыми силами французскаго авангарда генералъ Себастіани, преслѣдовавшій казаковъ до Бронницъ, донесъ, что онъ пошелъ по ложнымъ слѣдамъ и что русская армія исчезла. При слѣдованіи черезъ Каширскую и Серпуховскую дорогу Васильчиковъ оставилъ на нихъ также по два казачьихъ полка съ тѣмъ же приказаніемъ отступать не къ главнымъ силамъ, а на югъ по тѣмъ дорогамъ, по которымъ они стояли. Этимъ отрядамъ, хотя и не удалось ввести въ заблужденіе

противника, но они были полезны тѣмъ, что отвлекли впослѣдствіи отъ войскъ Мюрата сильные наблюдательные отряды.

7 сентября русская армія имѣла дневку въ Подольскѣ, а 8-го достигла селенія Горокъ на старой Калужской дорогѣ. Изъ Подольска былъ высланъ отрядъ Милорадовича, состоявшій изъ 8 пѣхотнаго и 1 кавалерійскаго корпусовъ, въ авангардъ по направленію къ Москвѣ до Десны. Въ окрестностяхъ селенія Горокъ и Красной Пахры русская армія остановилась на нѣсколько дней. Такъ какъ она почти выполнила свое назначеніе и была на старой Калужской дорогѣ, то заняла выжидательное положеніе. Изъ Красной Пахры былъ отряженъ генералъ Дороховъ съ 2.000 легкой кавалеріи на Смоленскую дорогу. Отрядъ этотъ дѣйствовалъ очень удачно, въ партизанскомъ духѣ и уничтожилъ нѣсколько транспортовъ и отдѣльныхъ небольшихъ отрядовъ.

Наполеонъ, получивъ въ ночь на 10 сентября донесеніе генерала Себастіани о томъ, что русская армія куда-то разсѣялась, и что передъ авангардомъ только казачьи части и о нападеніи русскихъ на Смоленской дорогѣ, приказалъ бывшему тогда въ Москвѣ Мюрату самымъ энергичнымъ образомъ преслѣдовать русскихъ. Корпусу Понятовскаго выступить по направленію къ Подольску, а Бесьеру—по Тульской дорогѣ. Мюратъ, убѣдившись въ томъ, что Себастіани введенъ въ обманъ, 12 сентября съ своей кавалеріей направился по той дорогѣ, по которой отступили русскіе, т.-е. къ Подольску, и приказалъ Понятовскому ускорить движеніе къ этому городу. Движеніе кавалеріи Мюрата и корпуса Понятовскаго не осталось незамѣченнымъ ни въ русскомъ авангардѣ, ни въ главной квартирѣ, и въ послѣдней было принято за общее наступленіе французской арміи. Для воспрепятствованія обходу русской позиціи съ фланга и тыла, Милорадовичъ отъ авангарда отдѣлилъ отрядъ, силою приблизительно въ 2 пѣхотныхъ дивизіи подъ начальствомъ генерала Остермана къ деревнѣ Нѣмчиново. Въ этомъ же направленіи была послана дивизія Паскевича отъ войскъ Раевскаго. Оба эти отряда, соединившись и занявъ позиціи, были вполнѣ достаточны для воспрепятствованія обходу. Встрѣтивъ на пути отрядъ Остермана, Мюратъ донесъ Наполеону, что русская армія наступаетъ и, очевидно, намѣрена вступить въ бой. Согласно этому донесенію императоръ отдалъ распоряженіе объ общемъ наступленіи всей своей арміи. Это распоряженіе было отмѣнено, когда вслѣдъ за тѣмъ отъ Мюрата было получено донесеніе, что русская армія отступаетъ. Мюратъ въ послѣднемъ случаѣ былъ введенъ въ заблужденіе передвиженіемъ Остермана на другую позицію. Какъ мы видимъ, оба донесенія Мюрата Наполеону были неправильны. Вообще въ этотъ періодъ войны замѣтно сильное ухудшеніе развѣдочной службы въ французской арміи, которое объясняется тѣмъ, что французская кавалерія, терпя сильный недостатокъ въ фуражѣ, пришла уже въ плохое состояніе.

Въ виду наступленія Понятовскаго и Мюрата Кутузовъ 14 сентября собралъ военный совѣтъ. На этомъ совѣтѣ Беннигсенъ предлагалъ итти навстрѣчу до Подольска наступающей французской арміи (какъ въ то время считали), встрѣтиться съ ней и вступить въ бой. Почему русскіе должны были возвращаться назадъ по тому пути, по которому прошли, и оставлять безъ прикрытія столь важную стратегическую линію, какъ

Калужская дорога, на которой они уже находились, представляется совершенно непонятнымъ. Вполнѣ естественно поэтому, что этотъ планъ никто на совѣтѣ не поддерживалъ. Относительно же того—выжидать ли непріятеля при Красной Пахрѣ, позиціи, при которой не представлялось особыхъ выгодъ, или же отступать южнѣй отъ Москвы и тамъ искать удобной позиціи—мнѣнія раздѣлились. Вообще настроеніе арміи было повышенное и противъ какихъ бы то ни было отступательныхъ движеній. Старшіе начальники арміи, среди которыхъ былъ на этотъ разъ и Барклай-де-Толли, рѣзко высказались противъ дальнѣйшаго отступленія и предлагали, укрѣпивши позиціи, выжидать непріятеля на мѣстѣ. Съ другой стороны, мнѣніе, которое поддерживалъ Кутузовъ, объ отступленіи южнѣй отъ Москвы имѣло въ свою пользу очень важное соображеніе, помимо того, что позиція подъ Красной Пахрой была неудовлетворительна.

Донской атаманъ А. А. Карповъ.
(Музей 1812 г.).

Отъ Москвы вели на Калугу собственно три дороги: старая Калужская, черезъ Красную Пахру и Тарутино, новая Владимирская, черезъ Боровскъ и Малый Ярославецъ, и Тульская, черезъ Серпухово и Тарусу. Старая Калужская дорога средняя изъ этихъ дорогъ. Всѣ эти три дороги на линіи Красной Пахры расходятся другъ отъ друга на весьма значительное разстояніе, которое отсюда по мѣрѣ движенія на югъ все уменьшается. Поэтому, чѣмъ южнѣй русскія войска заняли бы позиціи, тѣмъ легче было бы наблюденіе за всѣми тремя дорогами, по какой бы изъ нихъ непріятель ни предпринялъ наступленіе. Мнѣніе фельдмаршала восторжествовало, и было рѣшено отступать на югъ, пока не представится выгодная позиція. 16 сентября войска перешли въ деревню Бабенково, а арьергардъ занялъ позиціи при Красной Пахрѣ. 17 сентября Мюратъ энергично атаковалъ позицію Милорадовича у Красной Пахры, но былъ отбитъ. У Бабенкова русская армія простояла нѣсколько дней. Сюда, по приказанію Кутузова, стягивались отдѣлившіеся отъ арміи отряды, въ томъ числѣ и отрядъ Дорохова. Отозваніе послѣдняго отряда къ главнымъ силамъ было, конечно, ошибкой, такъ какъ онъ очень успѣшно дѣйствовалъ на Смоленской дорогѣ—коммуникаціонной линіи французовъ. Самъ же по себѣ онъ не могъ считаться сколько-нибудь серьезнымъ подкрѣпленіемъ главныхъ силъ.

Главная квартира въ это время была занята пріисканіемъ позиціи на старой Калужской дорогѣ. На этой почвѣ между главнокомандующимъ и

Беннигсеномъ разыгралось довольно крупное столкновеніе. Беннигсенъ настаивалъ на томъ, чтобы укрѣпиться на позиціи у Бабенкова, утверждая, что она вполнѣ пригодна для дѣйствія всей арміи. Кутузовъ, имѣя свѣдѣнія отъ офицеровъ квартирмейстерской части, что подъ Тарутинымъ очень удовлетворительная позиція, настаивалъ на отступленіи южнѣй. Выведенный изъ себя возраженіями Беннигсена, Кутузовъ, наконецъ, заявилъ: «Я слагаю съ себя командованіе арміей; я только волонтеръ, вы, какъ старшій, вступаете въ отправленіе обязанностей главнокомандующаго, въ вашемъ распоряженіи мой штабъ. Будьте любезны осмотрѣть позиціи и затѣмъ дѣйствуйте подъ свою отвѣтственность». По осмотрѣ позиціи Беннигсенъ въ виду того, что отвѣтственность могла пасть на него, долженъ былъ признать, что позиція никуда не годится. Послѣ этого Кутузовъ объявилъ, что онъ опять вступаетъ въ командованіе арміей, приказалъ отступать къ Тарутину. Во время передвиженія русской арміи къ Тарутину, Мюратъ, подъ начальствомъ котораго изъ корпусовъ Бесьера и Понятовскаго и его собственнаго сосредоточилось до 26 тысячъ человѣкъ, предпринялъ обходное движеніе къ с. Богоявленскому. Это движеніе было фланговымъ по отношенію къ главнымъ силамъ и въ тылъ по отношенію къ арьергарду. Благодаря удачнымъ дѣйствіямъ Милорадовича и въ особенности русской артиллеріи полковника Захаржевскаго, которая выѣхала на позицію на глазахъ непріятельской кавалеріи и открыла по ней огонь, наступленіе Мюрата было неудачнымъ и русскій арьергардъ не потерялъ связи съ главными силами. 21 сентября онъ отступилъ почти безъ потерь къ Спасъ Куплѣ, а на слѣдующій день перешелъ за рѣку Чернишну.

Этими немногими боями и стычками исчерпывается описаніе внѣшнихъ дѣйствій французской и русской армій другъ противъ друга за періодъ времени отъ сдачи Москвы до боя при Тарутинѣ. Съ 22 сентября по 6 октября русская армія и армія Мюрата стояли другъ противъ друга и одна въ виду другой, при чемъ аванпосты были только раздѣлены рѣчкой Нарой, и не предпринимали никакихъ военныхъ дѣйствій.

Со стороны русскихъ такая затяжная остановка была вполнѣ объяснимой. Кутузовъ ясно понималъ, что каждый день замедленія военныхъ дѣйствій дорогъ. Съ каждымъ днемъ русская армія усиливалась. Съ Калугой установилось регулярное сообщеніе, слѣдствіемъ чего было и правильное продовольствіе войска. Съ каждымъ днемъ армія увеличивалась численно, принимая въ свои ряды рекрутовъ и ратниковъ. Къ концу 2-ой недѣли стоянки у Тарутина въ распоряженіи Кутузова было уже слишкомъ 80.000 правильно съорганизованнаго войска, не считая тѣхъ войскъ, которыя были въ отдѣльныхъ отрядахъ, и казаковъ. Для французовъ же каждый день причинялъ огромный вредъ. Все больше развивающіяся партизанскія дѣйствія дѣлали сообщеніе съ Западомъ все затруднительнѣй. Отсутствіе фуража вокругъ Москвы ослабляло кавалерію, необходимую для борьбы съ партизанами. Стоянка въ сожженной Москвѣ ослабляла французское войско. Бездѣйствіе Мюрата поэтому можетъ быть объяснено только тѣмъ, что онъ, какъ привычный кавалерійскій начальникъ, не чувствовалъ почвы подъ ногами, не имѣя хорошей кавалеріи, или же тѣмъ, что французы продолжали надѣяться, что взятіемъ Москвы

война окончена. На то, что Наполеонъ считалъ моментъ выгоднымъ и возможнымъ для заключенія мира, указываетъ пріѣздъ въ главную квартиру 23 сентября его флигель-адъютанта Лористона съ предложеніемъ перемирія. Кутузовъ, хотя и принялъ Лористона, за что впослѣдствіи получилъ отъ государя замѣчаніе, но отъ переговоровъ о перемиріи отказался, сославшись на то, что не имѣетъ на это полномочій.

Въ отношеніи высшаго управленія арміей за этотъ періодъ произошло нѣсколько важныхъ перемѣнъ.

Во время стоянки арміи подъ Красной Пахрой изъ Петербурга прибылъ флигель-адъютантъ полковникъ Чернышевъ, который привезъ главнокомандующему выработанный въ Петербургѣ общій планъ военныхъ дѣйствій [1]). Въ томъ же рескриптѣ было указано, что Тормасовъ отказывается отъ командованія запасной арміей и переводится въ главную, причемъ на усмотрѣніе главнокомандующаго предоставлялось назначить его начальникомъ 2-ой арміи на мѣсто раненаго Багратіона или, если обѣ арміи будутъ соединены въ одну, дать ему какое-нибудь другое назначеніе.

Г.-л. И. Е. Ефремовъ. (Донск. музей).

Послѣ страшной убыли въ войскахъ подъ Бородиномъ и во время арьергардныхъ боевъ до Москвы русская армія настолько растаяла, что раздѣленіе ея на двѣ арміи являлось совершенно излишнимъ, тѣмъ болѣе, что обѣ арміи давно уже дѣйствовали совокупно. Существованіе двухъ отдѣльныхъ штабовъ армій и, сверхъ того, штаба главнокомандующаго только затрудняло, замедляло и путало управленіе. Въ виду этого Кутузовъ никого не назначилъ замѣняющимъ Багратіона, а Сенъ-При, начальникъ штаба 2-ой арміи, получилъ другое назначеніе, вслѣдствіе чего 2-ая армія была въ непосредственномъ вѣдѣніи главнокомандующаго и его штаба. 7 сентября въ Подольскѣ Кутузовъ назначилъ одного общаго для всѣхъ армій, или, лучше сказать, штабовъ, дежурнаго генерала Коновницына. На послѣдняго онъ, довольно демонстративно избѣгая Беннигсена, очень часто возлагалъ тѣ обязанности и порученія, которыя входили въ сферу дѣятельности начальника штаба. Скромный и считавшій себя недостаточно опытнымъ Коновницынъ въ этихъ случаяхъ прибѣгалъ къ помощи Ермолова, начальника штаба 1-ой арміи. Такой порядокъ или, лучше сказать, безпорядокъ, конечно, не могъ не отзываться дурно на общемъ теченіи дѣлъ.

---

[1]) Онъ излагается въ ст. „Березинская операція".

Вышеупомянутымъ рескриптомъ, присланнымъ съ полковникомъ Чернышевымъ съ полномочіемъ о возможности соединенія армій, Кутузову развязывались руки. 16 сентября онъ издалъ приказъ, по которому 5 пѣхотныхъ и 3 кавалерійскихъ корпуса, входившихъ въ составъ 2-ой арміи, должны были войти въ составъ 1-ой арміи, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, остальныя же ея части—въ составъ отряда Милорадовича. Штабъ арміи составлялся изъ слѣдующихъ лицъ: начальникъ штаба—Ермоловъ, дежурный генералъ Коновницынъ, генералъ-квартирмейстеръ Толь, генералъ-интендантъ сенаторъ Ланской, начальникъ артиллеріи—ген.-майоръ Левинцеръ, начальникъ интерной части ген.-майоръ Ферстеръ.

Приказъ по арміи отъ 16 сентября, которымъ узаконялось уже давно установившееся фактически положеніе вещей, но которымъ еще разъ подчеркивалась ненужность двухъ главнокомандующихъ, былъ новымъ уколомъ самолюбію Барклая-де-Толли, побудившимъ его подъ предлогомъ болѣзни просить объ увольненіи его изъ арміи. Получивъ согласіе на увольненіе отъ Кутузова, Барклай-де-Толли черезъ два-три дня послѣ приказа по арміи уѣхалъ изъ нея. На его мѣсто Кутузовъ не назначилъ никого, объявивъ, что впредь до распоряженія Его Величества онъ вступаетъ лично въ командованіе 1-ой арміей, т.-е. въ сущности единственной, которая тогда была подъ Москвой.

Болѣзнь, конечно, была предлогомъ для отъѣзда Барклая, такъ какъ за двѣ недѣли передъ тѣмъ при прохожденіи арміи черезъ Москву онъ не слѣзалъ съ лошади въ теченіе 18 часовъ, подъ Красной Пахрой его всѣ видѣли здоровымъ и ободрявшимъ войска при раздачѣ наградъ обѣщаніемъ скораго наступленія и истребленія французовъ. Истинные мотивы его отъѣзда объяснены въ письмѣ, которое онъ представилъ Кутузову вмѣстѣ съ просьбой объ отставкѣ. Письмо, если откинуть въ сторону тѣ пессимистическія ноты, вызванныя оскорбленнымъ личнымъ самолюбіемъ, является очень цѣннымъ историческимъ документомъ, характеризующимъ положеніе вещей въ главной квартирѣ и въ арміи въ періодъ Отечественной войны отъ Москвы до Тарутина, поэтому мы приводимъ его полностью.

Барклай-де-Толли пишетъ:

«Съ сердцемъ, исполненнымъ горести, я былъ принужденъ, какъ по причинѣ разстроеннаго здоровья, такъ и по обстоятельствамъ, которыя буду имѣть честь объяснить, усердно просить вашу свѣтлость избавить меня отъ командованія арміею. Рѣшимость оставить армію, съ которой я желалъ жить и умереть, мнѣ стоитъ многихъ сожалѣній. Но я считалъ это своею обязанностью для пользы службы моему Государю и для личнаго успокоенія просить, какъ милости, позволенія удалиться. Но время рѣшительное, когда грозная опасность отечества вынуждаетъ отстранить всякія личности, вы позволите мнѣ, князь, говорить вамъ со всею искренностью и обратить ваше вниманіе на все дурное, которое незамѣтно вкралось въ армію или безъ вашего соизволенія или не могло быть вами замѣчено.

«Управленіе арміею, такъ хорошо установленное, въ настоящее время не существуетъ. Ваша свѣтлость начальствуете и даете приказанія, но генералъ Беннигсенъ и всѣ тѣ, которые васъ окружаютъ, также даютъ приказанія и отдѣляютъ по своему произволу отряды войскъ, такъ что тотъ, кто носитъ названіе главнокомандующаго, и его штабъ не имѣютъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній до такой степени, что въ послѣднее время я долженъ былъ за полученіемъ свѣдѣній о различныхъ

войскахъ, которыя были отдѣлены отъ первой арміи, обратиться къ вашему дежурному генералу, но и онъ самъ ничего не зналъ. Чтобы узнать, гдѣ находятся казаки этой арміи, отнеслись къ генералу Платову, но и онъ ничего не зналъ. На этихъ дняхъ мнѣ былъ присланъ приказъ: отдѣлить часть кавалеріи для подкрѣпленія арьергарда, и при этомъ забыли, что вся кавалерія, не исключая кирасиръ, уже была отдѣлена, о чемъ меня даже и не увѣдомили.

«Квартирмейстерская часть совершенно разстроена, потому что нѣтъ генералъ-квартирмейстера; сегодня это Толь, завтра Нейтгартъ, на другой день Хоментовскій и пр. исправляютъ эту должность, и всѣ офицеры этой части, которые были распредѣлены между главною квартирой и различными корпусами, и каждый изъ нихъ имѣлъ свое назначеніе, составляютъ теперь свиту ген. Беннигсена, который употребляетъ ихъ такъ, что недавно никто не зналъ, по какой итти дорогѣ и гдѣ остановиться.

Н. А. Дурова. (Ипс. А Брюлловъ).

«Обѣ арміи, зная только, что надо слѣдовать большою дорогой, шли безъ порядка. Экипажи, артиллерія, кавалерія, пѣхота, часто изломанные мосты останавливали движеніе, о починкѣ которыхъ не прилагалось никакихъ стараній. Приходя послѣ утомительнаго перехода на назначенное мѣсто, войска бродили остатокъ дня то влѣво, то вправо, не зная, гдѣ остановиться, и, наконецъ, останавливались по сторонамъ большой дороги въ колоннахъ, безъ биваковъ и продовольствія. Я самъ за нѣсколько дней не имѣлъ при себѣ никого изъ квартирмейстерскаго корпуса, который могъ бы дать мнѣ свѣдѣнія о переходахъ и стоянкахъ.

«Корпусъ путей сообщенія, образованный при арміи для наблюденія за дорогами и мостами и который подъ начальствомъ полковника Монфреда прекрасно исполнялъ свои обязанности, отдѣленъ отъ арміи. Ген. Беннигсенъ отдалъ его подъ начальство Ивашева, присоединивъ къ нему и всѣхъ піонеровъ обѣихъ армій—800 ч. конныхъ и 2.000 пѣшихъ ополченцевъ и, несмотря на то, что по пути нѣтъ ни мостовъ, ни приготовленныхъ дорогъ, а старые офицеры этого корпуса или уволены или разосланы, такъ что я ничего объ этомъ не знаю, хотя они и принадлежатъ къ арміи.

«Двѣ трети арміи со всею кавалеріею, хотя она такъ разстроена, что не можетъ болѣе служить, находятся въ арьергардѣ и исключены изъ всякой зависимости отъ главнокомандующаго арміею, потому что они получаютъ приказанія только отъ ген. Беннигсена и ему представляютъ донесенія, и я долженъ иногда выпрашивать, такъ сказать, какъ милости, свѣдѣній, что дѣлается въ арьергардѣ.

«Три раза въ одинъ день отдаются приказанія атаковать непріятельскіе аванпосты и три раза отмѣняются. Наконецъ приводятся безполезно въ исполненіе около вечера безъ цѣли и основанія, потому что ночь заставляетъ прекратить дѣйствія. Подобные поступки заставляютъ опасаться, что армія потеряетъ всякое довѣріе къ своимъ начальникамъ и даже храбрость.

«Вотъ, князь, вѣрная картина арміи и положенія того, кто послѣ заслугъ, оказанныхъ отечеству, находится въ несчастномъ состояніи подпасть отвѣтственности и страдать за всѣ дурныя послѣдствія, которыя онъ предвидѣлъ и не имѣлъ никакой власти предупредить ихъ.

«При этихъ обстоятельствахъ, которыя еще усиливаетъ враждебная партія своимъ смертельнымъ ядомъ, когда величайшее несчастіе можетъ послѣдовать для арміи, пользы службы требуютъ, по крайней мѣрѣ, съ моей стороны не ронять достоинства главнокомандующаго. Моя честь, мое имя вынуждаютъ меня, какъ честнаго человѣка, на этотъ рѣшительный шагъ. Армія, которая находится не подъ начальствомъ одного, но многихъ, не можетъ не приблизиться къ совершенному разложенію.

«Всѣ эти обстоятельства въ совокупности разстроили мое здоровье и сдѣлали меня неспособнымъ продолжать службу».

Письмо къ государю, въ которомъ онъ просилъ объ увольненіи изъ арміи, содержитъ въ себѣ только указанія на факты, но заключаетъ въ себѣ и довольно рѣзкія обвиненія противъ Кутузова и Беннигсена. (См. статью «Барклай-де-Толли», III т.).

Былъ ли правъ Барклай-де-Толли, описывая въ столь мрачныхъ красках положеніе дѣлъ въ русской арміи? Если мы обратимся къ запискамъ и письмамъ нѣкоторыхъ другихъ современниковъ и очевидцевъ, то встрѣтимся еще съ болѣе мрачной картиной.

Беннигсенъ, напр., всюду и вездѣ, даже и въ письмахъ къ государю, выставлялъ Кутузова, какъ дряхлаго старика, лѣнтяя, сибарита и человѣка вполнѣ непригоднаго для такого великаго дѣла, къ которому онъ былъ призванъ. Вслѣдствіе только неспособности Кутузова происходили неудачи русскаго оружія. О непорядкахъ въ отношеніи управленія, продовольствія и пр. арміи Беннигсенъ благоразумно умалчиваетъ, такъ какъ эти непорядки должны были быть отнесены столько же на счетъ Кутузова, какъ и его, Беннигсена, какъ начальника штаба.

Но описанія Барклая-де-Толли и Беннигсена далеко уступаютъ въ мрачности тому описанію, которое дѣлаетъ въ своихъ письмахъ на имя государя Ростопчинъ, прикомандировавшійся къ арміи, пока та была въ предѣлахъ Московской губерніи. По его мнѣнію и убѣжденію, въ арміи былъ какой-то хаосъ, изъ котораго она выбралась уже неизвѣстно какимъ Промысломъ Божьимъ. Въ его письмахъ достается почти поголовно всѣмъ [1]).

---

[1]) Письма Ростопчина къ императору Александру и къ своей женѣ («Р. Арх.», 1901, VIII), гдѣ онъ характеризуетъ состояніе арміи, столь интересны, что нельзя не привести хотя бы нѣкоторыя изъ нихъ въ выдержкахъ. Ростопчинъ, бывшій первоначально сторонникомъ Кутузова, который одинъ владѣетъ искусствомъ «повелѣвать массами» (и всѣ состоянія,—писалъ Ростопчинъ Балашову 13 августа—обрадованы порученіемъ къ Кутузову главнаго начальства), теперь не останавливается передъ самыми черными красками. Забывая, что прежде онъ обвинялъ «мартинистовъ» въ распусканіи злыхъ слуховъ «съ цѣлью попугать, встревожить» (письмо 13 августа), самъ сгущаетъ факты. «Солдаты уже не составляютъ арміи. Это орда разбойниковъ и они грабятъ на глазахъ своего начальства. Въ эту минуту, на 50 верстъ отсюда, страна разорена совершенно, и гвардейцы дѣйствуютъ

Конечно, нельзя отрицать того, чтобы постоянное отступленіе и сдача Москвы хорошо повліяли на духъ, а слѣдовательно, и на армію. Всякое отступленіе влечетъ за собой эти послѣдствія. При отступленіи же черезъ собственную страну, гдѣ солдаты самымъ тѣснымъ образомъ соприкасаются съ мирными жителями, слушаютъ ихъ соболѣзнованія и упреки, наконецъ, гдѣ имъ добровольно предлагаютъ всевозможное имущество, чтобы оно не досталось непріятелю, эти дурныя послѣдствія усугубляются.

За время движенія арміи отъ Бородина къ Москвѣ было замѣтно значительное учащеніе случаевъ дезертирства и мародерства. Кутузовъ нисколько не скрывалъ и не замалчивалъ этого печальнаго явленія, напротивъ того, не считая напоминаній въ приказахъ по арміи, онъ совершенно офиціально предложилъ начальнику Московскаго ополченія принять самыя энергичныя и строгія мѣры противъ солдатъ мародеровъ. Наконецъ сдача Москвы, которая, по выраженію Милорадовича, «не предусмотрѣна никакимъ регламентомъ», должна была деморализирующимъ образомъ дѣйствовать на русскія войска. Это было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ прохожденія черезъ большой городъ и сдачи Москвы. До Петербурга вѣсть о дезертирахъ и мародерахъ русской арміи дошла, очевидно, въ очень преувеличенномъ видѣ—весьма вѣроятно, что письма Ростопчина сыграли свою роль. Обезпокоенный этой вѣстью, государь приказалъ выработать особую форму присяги, по которой солдаты дѣйствующей арміи должны были по-

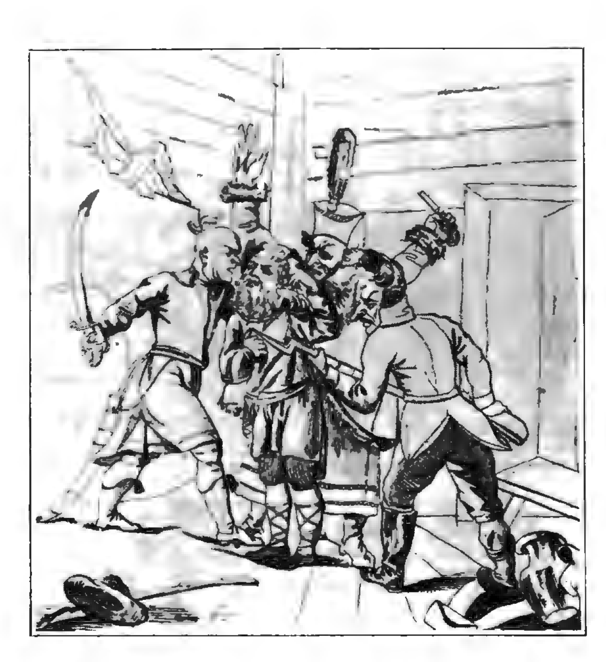

заодно съ остальными. Разстрѣливать невозможно: нельзя же казнить смертью по нѣсколько тысячъ человѣкъ въ день? Князя Кутузова больше нѣтъ—никто его не видитъ; онъ все лежитъ и много спитъ. Солдаты презираютъ его и ненавидятъ его. Онъ ни на что не рѣшается; молоденькая дѣвочка, одѣтая казакомъ, много занимаетъ его... необходимо, для предотвращенія мятежа, отозвать и наказать этого стараго болвана и царедворца; иначе произойдутъ неисчислимыя бѣдствія... Кутузовъ, старая баба, сплетница, потерялъ голову (8 сентября)». Въ письмѣ 19 сентября за обвиненіями въ «трусости», «преступной незаботливости» идутъ опасенія, что крестьяне будутъ доведены «до отчаянія грабительствомъ нашихъ войскъ, которыя все себѣ присваиваютъ всевозможными способами... Если наши крестьяне начнутъ драться съ нашими солдатами (а я этого жду), тогда мы наканунѣ мятежа, который непремѣнно распространится по сосѣднимъ губерніямъ, гдѣ раненые бѣглые и новобранные полки производятъ такую же неурядицу». Аналогичное пишетъ Ростопчинъ Аракчееву 15 сентября. «Безпорядокъ дошелъ до такой степени,—сообщаетъ онъ женѣ 9 сентября,—что на виду у генераловъ солдаты начинаютъ грабить дома бѣдныхъ мужиковъ и на 50 верстъ въ окружности страна опустошена». «Все готово къ мятежу»... «Солдаты мрутъ, какъ мухи, отъ голода и холода», пишетъ онъ 16 сентября («Число больныхъ достигаетъ 400 человѣкъ въ день», по словамъ Ростопчина въ письмѣ къ Александру 21 сентября). «Я не понимаю, какъ несчастные крестьяне не возмутятся противъ нашихъ солдатъ и не перейдутъ на сторону непріятеля»...

Безспорно, въ словахъ Ростопчина много преувеличеній, но есть и большая доля правды. Мы можемъ найти много подтвержденій. Достаточно привести хотя бы два донесенія приказчиковъ кн. Голицына. «Когда пришли французы въ Влахернское,—сообщаетъ одинъ изъ нихъ 1 октября,—имъ поживитца было уже нечемъ»... «Еще наша армія все переломала и всю мебель ободрала». «Казаки много дѣлаютъ грабежей,—сообщаютъ владѣтелю изъ ростовской вотчины 5 октября,—а потому надѣяться на нихъ и нельзя» (Бум. От. В. Щукинъ, I, 15). Съ другой стороны, тамбовскій губернаторъ Павловъ предупреждаетъ жителей остерегаться бѣглыхъ солдатъ и казаковъ, которые, подъ видомъ нападенія французовъ, грабятъ народъ. («Р. Ст.», 1880, VIII, 779). *Ред.*

клясться не покидать своихъ командъ, не обижать мирныхъ жителей, не предаваться грабежу и т. п. Листъ съ присягой былъ пересланъ Кутузову, но государь предоставилъ на его усмотрѣніе привести войска къ присягѣ или нѣтъ. Старый фельдмаршалъ, который, какъ мы выше упомянули, не замалчивалъ темныхъ явленій въ своей арміи, когда это было необходимо [1]), однако, не счелъ нужнымъ унижать ввѣренныя ему войска вторичной поголовной присягой, такъ какъ въ этомъ не видѣлъ на этотъ разъ никакой надобности.

Относительно продовольствія войскъ и голодовки частей цѣлыми днями, свѣдѣнія Ростопчина нужно признать тоже преувеличенными. Правда, отъ Москвы до самаго Тарутина войска продовольствовались путемъ закупки и реквизиціи самими частями, а не отъ интендантства. При большомъ скопленіи войскъ въ одномъ мѣстѣ этотъ способъ продовольствія представляетъ мало гарантій къ полному удовлетворенію нуждъ отдѣльныхъ частей. Поэтому весьма вѣроятно, что нѣкоторымъ частямъ иногда и приходилось голодать. Но чтобы послѣднее явленіе было повальнымъ въ русской арміи,—на это нѣтъ никакихъ указаній. Барклай-де-Толли, упоминая въ своемъ письмѣ о многихъ неудобствахъ и затрудненіяхъ, которыя пришлось претерпѣвать арміи вслѣдствіе плохого управленія, не упоминаетъ о томъ, что ей приходилось голодать. Вильсонъ, находившійся въ арміи во время ея стоянки у Красной Пахры, т.-е. въ то время, когда она еще довольствовалась путемъ реквизиціи, не скрывая отъ государя раздоровъ и неурядицъ, происходившихъ въ главной квартирѣ, доносилъ ему, что въ арміи онъ засталъ полный порядокъ, хорошій духъ войскъ, полные артельные котлы [2]).

„Твердость русскаго крестьянина.—Гдѣ крестьяне, куды дѣвали свои пожитки?—Ась, не слышу; говори громче“ (И. Теребеневъ).

---

1) Такъ объ усиливавшемся мародерствѣ онъ доносилъ императору 29 сентября („1812 г. въ письмахъ“, 209). *Ред.*

2) „По комиссаріату порядокъ чрезвычайной,—пишетъ Вильсонъ 13 сентября,—и пища солдатская, какъ нельзя лучше“. Аналогичное свидѣтельство о состояніи войска при Тарутинѣ мы найдемъ и въ воспоминаніяхъ ген. Левенштерна: „Ни одна армія никогда еще не имѣла всего въ такомъ изобиліи“ „*Р. Ст.*“, 1901, I, 114). Такъ, очевидно, было въ *главной квартирѣ.* Какъ мы указывали уже (см. статью С. П. Мельгунова въ III т.), въ дѣйствительности въ арміи далеко не все было благополучно: на комиссаріатскую часть идутъ систематическія жалобы. Самъ Вильсонъ говоритъ, что въ Коломнѣ онъ нашелъ 30.00 раненыхъ безъ комиссаріатскаго и медицинскаго провіанта. „Интендантская часть очень плохо организована“, жалуется государю Шуваловъ еще 31 іюля („1812 г. въ письмахъ“). То же сообщаетъ Кутузовъ Салтыкову 15 ноября: „сильные“ транспорты съ провіантомъ насъ не достигаютъ и мы въ хлѣбѣ иногда нуждаемся... „До невозможности воруютъ въ госпиталяхъ“, пишетъ Ростопчинъ 7 октября. Здѣсь было много горькой *правды.* Яркое подтвержденіе можно найти и въ запискахъ полк. Карпова: „Въ нашей арміи во время преслѣдованія французовъ было больныхъ, какъ сказывали, половина арміи, что справедливо потому, что въ нашей ротѣ не было здоровыхъ и третьей части того, сколько стояло по списку“. *Ред.*

Указаніе Барклая-де-Толли на полную дезорганизацію, или лучше сказать, на отсутствіе военно-инженерной части надо признать совершенно правильнымъ. Вильсонъ также обратилъ вниманіе государя на то, что войска при переправахъ черезъ рѣки и топкія мѣста подвергаются не только крайнимъ неудобствамъ, но очень часто и опасностямъ.

По поводу безпорядковъ въ арміи нельзя также не упомянуть о рескриптѣ государя на имя главнокомандующаго отъ 2 октября. Рескриптъ этотъ для Кутузова весьма не лестный, и въ немъ государь упрекаетъ его въ медленности и предлагаетъ приступить къ наступательнымъ дѣйствіямъ [1]).

Примѣчаніе составителя статьи. Въ январскомъ 1912 года номерѣ журнала «Министерства Народнаго Просвѣщенія» впервые опубликованы нѣкоторыя письма фельдмаршала Кутузова къ его дочерямъ, которыя были неизвѣстны составителю статьи. Изъ этихъ писемъ одно имѣетъ непосредственное отношеніе къ настоящей статьѣ и имъ подтверждается та мысль, что еще задолго до совѣта въ Филяхъ и сдачи Москвы въ головѣ фельдмаршала созрѣлъ совершенно опредѣленный планъ о переносѣ театра военныхъ дѣйствій на Калужскую дорогу, который онъ не скрывалъ отъ приближенныхъ къ нему офицеровъ главной квартиры. Письмо это писано подъ диктовку Кутузова Кудашевымъ, помѣчено 19 августа „pres de Гжатскъ“ и адресовано дочери фельдмаршала Аннѣ Михайловнѣ Хитрово, проживавшей въ то время въ своемъ имѣніи подъ Тарусой. Въ письмѣ Кутузовъ, между прочимъ, пишетъ: „Но нужно сказать откровенно, что мнѣ не нравится ваше пребываніе около Тарусы, вамъ могутъ надѣлать бѣды, такъ какъ, что такое представляетъ собой одна бѣдная женщина съ дѣтьми; поэтому я хочу, чтобы вы уѣхали подальше отъ театра войны. Уѣзжайте же, дорогой другъ, но я требую, чтобы сказанное мною было хранимо вами въ глубочайшей тайнѣ“.

А. Кожевниковъ.

Лагерь при Тарутинѣ (съ рис. И. Иванова) [2]).

[1]) Впослѣдствіи Вильсонъ сообщаетъ, что будто бы императоръ Александръ 12 декабря въ Вильнѣ далъ ему такую общую оцѣнку дѣятельности Кутузова: „Теперь вы получите мою полную исповѣдь: я знаю, что фельдмаршалъ ничего не сдѣлалъ того, что бы былъ долженъ сдѣлать, ничего не предпринималъ противъ непріятеля, что былъ обязанъ“ (Revue de deux Mondes, 1861, кн. 2. Цитируемъ по «*Р. Арх.*», 1866, 462). *Ред.*

[2]) Къ рисунку, изображающему Тарутинскій лагерь, можно привести любопытное описаніе лагеря, данное 30 сентября Ѳ. Н. Глинкой: „На сихъ послѣднихъ (рынкахъ) изобиліе русскихъ краевъ выставляетъ всѣ дары свои. Здѣсь, сверхъ необходимыхъ жизненныхъ припасовъ, можно покупать арбузы, виноградъ и даже ананасы!.. Солдаты продаютъ отнятыя у французовъ вещи: серебро, платье, часы, перстни и проч. Казаки водятъ лошадей. Маркитанты торгуютъ виномъ и водкою. Здѣсь въ шумной толпѣ отдохнувшихъ отъ трудовъ воиновъ, среди ихъ пѣсенъ и музыки, забываешь на минуту и военное время“ („Письма русскаго офицера“, 39). Такъ было въ Тарутинскомъ лагерѣ. А когда самъ Глинка подъ Краснымъ 7 ноября записываетъ: „Трофеевъ у насъ много; лавровъ дѣвать негдѣ; а хлѣба—ни куска... Ты не повѣришь, какъ мы голодны!.. Тамъ, гдѣ мѣряютъ мѣшками деньги, нѣтъ ни крохи хлѣба“ (53). *Ред.*

МОСКВА ПРИ ФРАНЦУЗАХЪ.

Французы въ Москвѣ.

Прив.-доц. Ю. В. Готье.

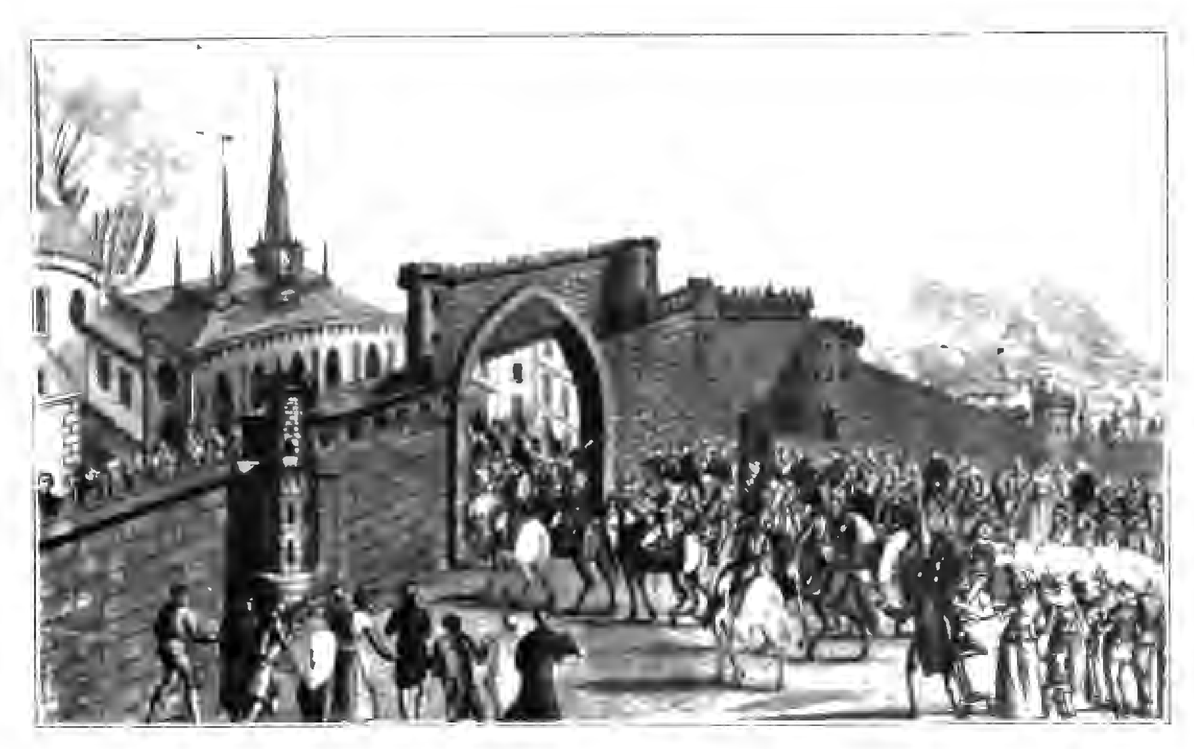
2 сентября русскій арьергардъ Милорадовича тихо и въ полномъ порядкѣ прошелъ всю Москву отъ Дорогомиловской до Покровской заставы, а за нимъ, по пятамъ, въ городъ вошелъ первый отрядъ французовъ подъ командой генерала Себастіани.

Извѣстенъ напыщенный разсказъ Сегюра о вступленіи Наполеона въ Москву. По существу дѣла онъ близокъ къ истинѣ; его искажаютъ лишь театральныя подробности и преувеличенія, обычно присущія историку великой арміи. Въ событіяхъ 2 сентября можно отмѣтить нѣсколько послѣдовательныхъ моментовъ—заключеніе неформеннаго и негласнаго перемирія между Милорадовичемъ и Мюратомъ, движеніе войскъ по городу, появленіе Наполеона передъ Дорогомиловской заставой и, наконецъ, его въѣздъ въ городъ. Иниціаторомъ перемирія былъ ген. Милорадовичъ. Получивъ приказаніе доставить письмо Одинцова къ начальнику штаба французской арміи маршалу Бертье, Милорадовичъ поручилъ посланному имъ полковнику Демидову передать командовавшему французскимъ авангардомъ Мюрату, что если французы желаютъ занять Москву цѣлою, то должны дать намъ спокойно выйти изъ нея съ артиллеріей и обозомъ. Послѣ нѣкотораго колебанія Мюратъ согласился на предложеніе русскаго генерала, поставивъ съ своей стороны одно только условіе, чтобы французы въ тотъ же день, т.-е. 2 сентября, могли фактически занять Москву.

Условія были въ точности выполнены съ обѣихъ сторонъ, и этимъ именно объясняется совершенно особый и своеобразный характеръ этого дня. Быстро и молчаливо шли обѣ арміи одна за другой, часто прямо

соприкасаясь. Оставшіеся въ Москвѣ жители не всегда даже могли отдать себѣ отчетъ въ томъ, что за какимъ-нибудь казачьимъ отрядомъ плотною стѣною шли по московскимъ улицамъ враги; нѣкоторымъ только трубные сигналы, отличавшіеся отъ нашихъ, да команда на иностранномъ языкѣ открывала глаза на происходящее.

«Въ центрѣ города, на разстояніи полуверсты отъ улицъ, по которымъ шли отступающія русскія войска, не имѣли никакого понятія о ихъ движеніи», тѣмъ болѣе приходится это говорить о далекихъ уголкахъ города: столь же незамѣтнымъ и неожиданнымъ, какъ появленіе непріятеля у заставы часамъ къ 12 дня, было и вступленіе его въ городъ, происшедшее около 2 часовъ. «Я былъ у пріятеля,—пишетъ очевидецъ,—въ

Въѣздъ французовъ въ Москву. (Совр. грав.).

переулкѣ, всего въ 300 шагахъ отъ улицы, по которой наступала французская армія, но мы узнали объ этомъ только, когда кавалерійскій отрядъ съ нѣсколькими орудіями пронесся мимо насъ, чтобы скорѣе занять Кремль. Въ это мгновеніе раздалось 5 пушечныхъ выстрѣловъ, гдѣ-то въ отдаленіи отвѣтили 4 мелкихъ полевыхъ орудія и, немного спустя, выстрѣлили одинъ разъ въ сторону Кремля изъ небольшого орудія. Я никогда не могъ узнать причины всей этой перестрѣлки»... Какъ бы то ни было, это были единственные выстрѣлы при сдачѣ Москвы, вызванные отчаянной попыткой нѣсколькихъ фанатиковъ - патріотовъ оказать сопротивленіе французамъ въ кремлевскихъ воротахъ.

Наполеонъ переночевалъ въ селѣ Вязьмахъ, въ 40 верстахъ отъ Москвы, онъ послѣ полудня подъѣхалъ къ Москвѣ и здѣсь разыгрались

сцены въ общемъ довольно вѣрно описанныя и Сегюромъ. Москва казалась мѣстомъ блаженства и отдыха для наступавшей арміи; французы, не исключая самого Наполеона, подходили къ ней въ упоеніи, а чудный видъ, открывавшійся на городъ съ Поклонной горы, еще болѣе содѣйствовалъ подъему ихъ духа. Оставленіе города жителями было для нихъ первымъ и неожиданнымъ разочарованіемъ; и это разочарованіе пережилъ и самъ императоръ. Рѣзкость его въ бесѣдѣ съ нѣсколькими иностранцами, встрѣтившими его вмѣсто ожидаемой депутаціи горожанъ, лучше всего показала его раздраженіе. Цѣлый часъ провелъ Наполеонъ у заставы въ такомъ волненіи, что, по словамъ очевидца, его свита оставалась передъ нимъ вкопанная. Онъ такъ и не рѣшился въ этотъ день въѣхать въ Москву и остался на ночлегъ въ одномъ изъ трактировъ Дорогомиловской слободы.

Однако къ вечеру 2 сентября городъ былъ уже занятъ французскою арміею. Когда императоръ французовъ занималъ своими войсками средне-европейскія столицы, Берлинъ или Вѣну, то жизнь не умирала въ нихъ, несмотря на потрясеніе страны, несмотря на ненависть къ французамъ; понятно, слѣдовательно, недоумѣніе Наполеона при видѣ рѣшительной пустоты города, достигнуть котораго онъ, повидимому, такъ сильно стремился. Тѣмъ не менѣе, первыя мѣры Наполеона направлены были къ тому, чтобы успокоить оставшихся жителей и создать болѣе или менѣе прочный порядокъ управленія городомъ. И то и другое было всецѣло въ интересахъ «великой» арміи и ея предводителя, потому что Москва была прежде всего нужна имъ какъ мѣсто отдыха, а порядокъ въ городѣ и урегулированное пользованіе всѣмъ, что предполагалось найти въ Москвѣ, должны были поддержать порядокъ въ войскахъ и сохранить силы арміи для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Съ цѣлью поддержанія порядка были приняты мѣры двоякаго рода. При самомъ вступленіи французовъ были разставлены кавалерійскіе пикеты вдоль Москвы-рѣки и по нѣкоторымъ улицамъ для предупрежденія грабежей со стороны утомившихся и озлобленныхъ долгимъ походомъ солдатъ. Эта мѣра не привела, однако, къ желанному успѣху, и уже 2 сентября къ вечеру, по единогласному свидѣтельству русскихъ и французскихъ очевидцевъ, на различныхъ улицахъ Москвы появились шайки мародеровъ, въ первое время преимущественно изъ вспомогательныхъ и союзныхъ войскъ. Затѣмъ было приступлено къ организаціи управленія Москвой, высшее руководство которымъ было возложено, конечно, на французовъ; въ низшихъ, однако, органахъ его должны были принимать участіе и русскіе. Маршалъ Мортье былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ, генералъ Дюронель—комендантомъ, Лессепсъ, бывшій генеральный консулъ въ Петербургѣ, покинувшій Россію послѣ начала военныхъ дѣйствій и вызванный Наполеономъ въ главную квартиру какъ экспертъ по русскимъ дѣламъ,—«интендантомъ города и московской провинціи», т.-е. чѣмъ-то въ родѣ начальника гражданскаго управленія. Организація московскаго муниципалитета потребовала довольно много времени и была болѣе или менѣе закончена только позднѣе, когда пожаръ и его послѣдствія успѣли очень измѣнить первоначальныя предположенія французовъ; тѣмъ не менѣе, прокламація къ русскому населенію Москвы отъ 19 сентября (1 октября) 1812 года хорошо рисуетъ эти

первоначальныя и въ значительной степени теоретическія предположенія. Мы рѣшаемся поэтому привести ее здѣсь.

«Жители Москвы! Ваши несчастья велики, но его величество императоръ и король желаетъ прекратить ихъ. Ужасные примѣры вамъ показали, какъ онъ наказываетъ неповиновеніе и преступленія. Приняты строгія мѣры для прекращенія безпорядковъ и возстановленія общей безопасности. Отеческое управленіе, составленное изъ васъ самихъ, будетъ вашею городскою управою (municipalité). Оно будетъ заботиться о васъ, о вашихъ нуждахъ, о вашей пользѣ. Его члены будутъ отличаться красной лентой черезъ плечо, а городской голова, сверхъ того, будетъ носить бѣлый поясъ. Но внѣ отправленія своей службы они будутъ носить перевязь на лѣвой рукѣ изъ красной ленты. Городская полиція возобновлена

Лѣтній садъ въ Москвѣ (Фаберъ дю-Форъ).

въ ея прежнемъ видѣ, и ея дѣятельностью введенъ уже лучшій порядокъ. Правительство избрало и назначило двухъ главныхъ комиссаровъ, или полицмейстеровъ, и двадцать частныхъ комиссаровъ, или приставовъ, въ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ будете узнавать по перевязкѣ изъ бѣлой ленты на лѣвой рукѣ. Многія церкви различныхъ исповѣданій открыты, и въ нихъ безпрепятственно производится богослуженіе. Ваши сограждане ежедневно возвращаются въ свои жилища, и отданы приказанія, чтобы имъ въ несчастномъ ихъ положеніи оказывали должную помощь и покровительство. Такія мѣры приняты правительствомъ для того, чтобы возстановить порядокъ и облегчить ваше положеніе. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы и вы приложили къ тому всѣ старанія, чтобы забыли по возможности тѣ несчастія, которыя вы претерпѣли, наполнили бы ваши души надеждою на участь менѣе суровую, чтобы вы были увѣрены, что неизбѣжная и позорная смерть ожидаетъ тѣхъ, которые бы

осмѣлились покуситься на васъ лично или на ваше имущество, и не сомнѣвались, наконецъ, въ томъ, что они будутъ сохранены, потому что такова воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ монарховъ. Солдаты и обыватели, какой бы народности вы ни были! Возстановите общественное довѣріе (la confiance publique), источникъ благоденствія государства, живите какъ братья, подавайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь вмѣстѣ, чтобы не дать ходу намѣреніямъ злыхъ людей, повинуйтесь гражданскимъ и военнымъ властямъ, и въ скоромъ времени перестанутъ литься ваши слезы».

Но именно общественнаго довѣрія и не хватало. Его и не могло быть, потому что испуганная кучка оставшихся въ Москвѣ жителей, съ одной стороны, не могла питать особеннаго довѣрія къ врагамъ, а съ другой стороны, служа французскому управленію Москвы, боялись оказаться измѣнниками своей родинѣ. Вербовка русскихъ членовъ муниципалитета, по разсказамъ современниковъ, производилась изъ-подъ палки чуть ли не подъ угрозами разстрѣла, а назначенный городскимъ головой купецъ Находкинъ нашелъ въ себѣ мужество съ самаго начала заявить, что онъ ничего не будетъ дѣлать противъ родины и присяги своему законному государю.

Мы упомянули выше о пожарѣ Москвы; это — центральное явленіе французской оккупаціи, имѣвшее громадное значеніе и для самого города съ его русскимъ населеніемъ и для судьбы непріятельской арміи [1]).

Каковы были его результаты? Можно намѣтить трохкаго рода послѣдствія московскаго пожара для остававшихся въ ней русскихъ и для занимавшей ее непріятельской арміи. Прежде всего наличному населенію Москвы какъ оставшимся въ ней жителямъ, такъ и непріятельской арміи пришлось и во время пожара и послѣ него испытать страшныя бѣдствія отъ самаго пожара, отъ недостатка припасовъ, истребленныхъ огнемъ, и отъ нападенія грабителей. Свидѣтельства очевидцевъ, французовъ и русскихъ, полны разсказами о пережитыхъ ужасахъ и опасностяхъ, о звѣрствахъ и жестокостяхъ грабителей, о чудесныхъ спасеніяхъ, и среди этихъ разсказовъ изрѣдка попадаются повѣствованія о благородныхъ и самоотверженныхъ поступкахъ [2]), на которые оказывались одинаково способны избранные люди съ обѣихъ сторонъ. Не утомляя читателя безчисленными разсказами этого рода, приведемъ лишь изъ «Былого и Думъ» разсказъ о скитаніяхъ и судьбѣ Яковлевскаго семейства и дворни:

«Сначала еще шло кое-какъ, первые дни то-есть; ну, такъ, бывало, взойдутъ два-три солдата и показываютъ, нѣтъ ли выпить; поднесешь имъ по рюмочкѣ, какъ слѣдуетъ, они и уйдутъ да еще сдѣлаютъ подъ козырекъ. А тутъ, видите, какъ пошли пожары, все больше да больше, сдѣлалась такая неурядица, грабежъ пошелъ и всякіе ужасы. Мы тогда жили во флигелѣ у княжны, домъ загорѣлся; вотъ Павелъ Ивановичъ (Голохвастовъ) говоритъ: «Пойдемте ко мнѣ, мой домъ каменный, стоитъ

[1]) См. ниже ст. Катаева и Жаринова.

[2]) Современники выдѣляютъ въ данномъ случаѣ французовъ отъ „новобранцевъ", какъ именуетъ соймоновская крѣпостная нефранцузскіе элементы въ наполеоновской арміи,—элементы, среди которыхъ ранѣе всего пала дисциплина. „Французы настоящіе добрые, вѣдь у нихъ по мундиру и по разговору узнаешь, рѣдко кого обидятъ; зато ужъ эти новобранцы всякіе у нихъ, да нѣмчура никуда не годилась. И не нужно имъ, да они грабятъ, да крещеный народъ обижаютъ" („Разсказъ о двѣнадцатомъ годѣ крѣпостной А. Н. Соймонова". „*Р. Арх.*", 1871). *Ред.*

22e BULLETIN

DE LA GRANDE ARMÉE.

(Extrait du Moniteur du 14 octobre 1812.)

Moscou, le 27 septembre 1812.

Le consul-général Lesseps a été nommé intendant de la province de Moscou. Il a organisé une municipalité et plusieurs commissions, toutes composées de gens du pays.

Les incendies ont entièrement cessé. On

22-й бюллетень великой арміи.

глубоко на дворѣ, стѣны капитальныя», — пошли мы, и господа и люди, всѣ вмѣстѣ — тутъ не было разбора; выходимъ на Тверской бульваръ, а ужъ и деревья начинаютъ горѣть; добрались мы, наконецъ, до голохвастовскаго дома, а онъ такъ и пышетъ, огонь изъ всѣхъ оконъ. Павелъ Ивановичъ остолбенѣлъ, глазамъ не вѣритъ. За домомъ большой садъ, мы—туда, думаемъ, тамъ останемся сохранны, сѣли пригорюнившись на скамеечкахъ; вдругъ, откуда ни возьмись, ватага солдатъ препьяныхъ; одинъ бросился съ Павла Ивановича дорожный тулупчикъ скидывать; ста-

рикъ не даетъ, солдатъ выхватилъ тесакъ, да по лицу его и хвать, такъ у нихъ до кончины шрамъ и остался, другіе принялись за насъ, одинъ солдатъ вырвалъ васъ у кормилицы, развернулъ пеленки, нѣтъ ли де какихъ ассигнацій или брильянтовъ, видитъ, что ничего нѣтъ, такъ нарочно, озорникъ, разодралъ пеленки, да и бросилъ. Только они ушли, случилась вотъ какая бѣда: помните нашего Платона, что въ солдаты отдали; онъ сильно любилъ выпить и былъ онъ въ этотъ день очень въ куражѣ, повязалъ себѣ сабли, такъ и ходилъ. Графъ Ростопчинъ велѣлъ раздавать въ арсеналѣ за день до вступленія непріятеля всякое оружіе, вотъ и онъ промыслилъ себѣ саблю. Подъ вечеръ видитъ онъ, что драгунъ верхомъ въѣхалъ на дворъ; возлѣ конюшни стояла лошадь, драгунъ хотѣлъ ее взять съ собою, но только Платонъ стремглавъ бросился къ нему и, уцѣпившись за поводья, сказалъ: «Лошадь наша, я тебѣ ея не дамъ». Драгунъ погрозилъ ему пистолетомъ, да, видно, онъ не былъ заряженъ: баринъ самъ видѣлъ и закричалъ ему: «Оставь лошадь, не твое дѣло!» Куда ты! Платонъ выхватилъ саблю, да какъ хватитъ ею по головѣ, драгунъ-то и покачнулся, а онъ его еще, да еще. Ну, думаемъ мы, теперь пришла наша смерть, какъ увидятъ его товарищи, тутъ намъ и конецъ. А Платонъ-то, какъ драгунъ свалился, схватилъ его за ноги и стащилъ въ творило, такъ его и бросилъ, бѣдняжку, а еще онъ былъ живъ; лошадь его стоитъ, ни съ мѣста, и бьетъ ногой землю, словно понимаетъ; наши люди заперли ее въ конюшню, должно-быть, она тамъ сгорѣла. Мы всѣ скорѣй со двора домой, пожаръ-то все страшнѣй и страшнѣй; измученные, не ѣвши, взошли мы въ какой-то уцѣлѣвшій домъ и бросились отдохнуть; не прошло часу, наши люди съ улицы кричатъ: «Выходите, выходите, огонь, огонь!»—тутъ я взяла кусокъ равендюха съ билліарда и завернула васъ отъ ночного вѣтра; добрались мы такъ до Тверской площади, тутъ французы тушили, потому что ихъ набольшій жилъ въ губернаторскомъ домѣ; сѣли мы такъ просто на улицѣ, караульные вездѣ ходятъ, другіе верховые ѣздятъ. А вы-то кричите, надсаждаетесь, у кормилицы молоко пропало, ни у кого куска хлѣба. Съ нами была тогда Наталья Константиновна, знаете, бой-дѣвка, она увидѣла, что въ углу солдаты что-то ѣдятъ, взяла васъ и прямо къ нимъ, показываетъ, маленькому, молъ, манже; они сначала посмотрѣли на нее такъ сурово, да и говорятъ: «але, але»; а она ихъ ругать, экіе, молъ, окаянные, такіе-сякіе; солдаты ничего не поняли, а таки вспрыснули со смѣха и дали ей для васъ хлѣба моченаго съ водой, и ей дали краюшку. Утромъ рано подходитъ офицеръ и всѣхъ мужчинъ забралъ и вашего папеньку тоже, оставилъ однѣхъ женщинъ да раненаго Павла Ивановича, и повелъ ихъ тушить окольные дома, такъ до самаго вечера пробыли мы однѣ; сидимъ да плачемъ, да и только».

Въ отсутствіи угла, въ постоянной опасности отъ огня и грабителей, въ незнаніи, что предпринять, куда итти, и въ полномъ отсутствіи всякой власти и былъ главный ужасъ этихъ дней.

Среди всеобщей неурядицы, увеличивавшейся съ каждымъ днемъ, разлагалось и управленіе, введенное французами въ Москвѣ. Совмѣстное участіе русскихъ и французовъ въ муниципалитетѣ не удалось; въ суматохѣ, при возраставшей озлобленности обѣихъ сторонъ не могло уста-

новиться общей работы; и импровизированный городской голова Находкинъ, о которомъ современники сохранили добрыя воспоминанія, и надворный совѣтникъ Бестужевъ-Рюминъ, оставшійся въ Москвѣ хранить архивы, сдѣланный товарищемъ головы и съ большой похвалой отзывавшійся о генералъ-губернаторѣ маршалѣ Мортье, и другіе русскіе, назначенные или согласившіеся принять участіе во французскомъ управленіи Москвы, устранились отъ дѣла, видя, что при данныхъ условіяхъ ихъ дѣятельность не можетъ имѣть какихъ-либо результатовъ. Среди грабителей, остановить которыхъ не было никакой возможности, опускались руки и у назначенныхъ приставами въ полицейской части города французскихъ офицеровъ: вотъ нѣсколько образцовъ ихъ безотрадныхъ донесеній, относящихся уже къ концу сентября. «Часть моего округа,—доноситъ одинъ изъ такихъ офицеровъ Лалансъ,—постоянно грабятъ солдаты 3 корпуса, которые не только отнимаютъ у несчастныхъ укрывающихся въ подвалахъ все ничтожное имущество, которое у нихъ осталось, но имѣютъ жестокость наносить имъ раны саблями. Раненые, которые помѣщены въ госпиталь Воспитательнаго Дома, выходятъ оттуда отнимать у русскихъ набранную ими капусту и картофель». Приставъ Прѣсненской части Мишель Маркъ писалъ 29 сентября: «Отставного русскаго сержанта обокралъ третьяго дня вечеромъ фурьеръ 10 роты гвардейской кавалеріи и взялъ четверть овса, 4 рубашки и 2 пары чулокъ». Приставъ Басманной части, Гюберъ Дрозъ, извѣщалъ того же числа, что въ его округѣ нѣтъ ничего новаго, «исключая того, что солдаты воруютъ и грабятъ».

При такомъ положеніи дѣлъ трудно было думать о какой-либо правильной дѣятельности по управленію городомъ. Что положеніе русскаго

Москва 12 октября 1812 г. (Фаберъ дю-Форъ).

населенія къ концу оккупаціи было дѣйствительно тяжелымъ, признавали и французы: «Судьба жителей, оставшихся въ Москвѣ, стала ужасной,— пишетъ очевидецъ маркизъ де-Шамбре.—Покинувъ дома, обреченные на сожженіе, они бродили по городу, сгибаясь подъ тяжестью захваченнаго съ собою имущества, подвергаясь насиліямъ солдатъ, которые, оскорбивъ и ограбивъ ихъ, доходили въ своемъ варварствѣ до того, что принуждали ихъ нести въ лагерь у нихъ же отнятое добро. Необходимость во взаимной помощи заставляла ихъ соединяться толпами, которыя располагались вмѣстѣ на ночлегъ подъ открытымъ небомъ. Изнемогая отъ голода и усталости, они питались овощами, находимыми въ огородахъ... а позднѣе участвовали вмѣстѣ съ солдатами въ поискахъ по погребамъ». О житьѣ подъ открытымъ небомъ на окраинахъ Москвы, напримѣръ, на Орловомъ лугу у Калужской заставы, на мѣстѣ нынѣшней городской больницы, говорятъ и русскіе очевидцы. «На Орловомъ лугу народъ, что муравейникъ; сѣли тутъ и мы; чего-чего тамъ не было! И старый, и малый, и нищій, и богатый. Корзинки съ новорожденными дѣтьми, собаки, узелки и сундучки. Всѣ расположились на лугу и говоръ-то, говоръ, что пчелиный рой. Погода, на наше счастье, стояла сухая, только ночи, разумѣется, были свѣжи. А насчетъ пищи мы жили безъ нужды. Всѣ кондитерскія остались отперты, да частныя кладовыя, да ряды. Бери, кто что хочетъ, особенно въ рядахъ. Провизіи брать изъ рядовъ да изъ кладовыхъ мы не считали грѣхомъ, потому что и безъ того бы не уцѣлѣла; опять, не умирать же намъ съ голода, а вотъ бѣда, что многіе изъ нашихъ грабили не хуже непріятеля. Уйдутъ, бывало, съ Орлова луга, бродятъ по пустымъ домамъ и принесутъ съ собой цѣлые узлы накраденныхъ вещей. И смотрѣть-то, бывало, срамно»... Таковъ безхитростный разсказъ свидѣтельницы пребыванія москвичей на Орловомъ лугу.

Но если плохо было русскимъ, то и для арміи Наполеона дѣла обстояли далеко не важно. Наполеонъ съ самаго начала оккупаціи говорилъ всѣмъ окружающимъ о своемъ желаніи водворить порядокъ въ городѣ. Но разстройство въ арміи было очень сильно и стало давать себя чувствовать уже въ первые дни пребыванія арміи въ Москвѣ. Одною изъ главныхъ причинъ этого явленія было отношеніе къ самому городу Москвѣ, въ которое стала французская армія. Москвы ждали какъ обѣтованной земли. Въ первый моментъ дѣйствительность, казалось, превзошла ожиданія; дождались не только отдыха, но и громадной добычи, которую ничего не стоило взять въ оставленномъ жителями городѣ. И начальники съ перваго дня фактически не препятствовали грабежу русскаго города, видя въ этомъ нѣчто въ родѣ заслуженной платы за тяжелый походъ. Но грабежъ помѣшалъ организовать съ первыхъ дней правильное продовольствіе арміи. Богатые московскіе запасы, которые при правильномъ расходованіи могли бы представить богатые рессурсы, были разворованы и большею частью истрачены зря, безъ расчету. По отзывамъ самихъ французовъ, послѣ первыхъ дней всеобщаго грабежа нѣкоторыя части войскъ не имѣли пропитанія, хотя солдаты и даже офицеры имѣли много драгоцѣнныхъ вещей, дорогихъ матерій, даже чая и сахара. Первый моментъ былъ упущенъ, а далѣе дѣло шло все хуже и хуже. Среди пожара и грабежей безвозвратно исчезала дисциплина; офиціальнымъ признаніемъ этого грустнаго факта

Наполеонъ направляется изъ Кремля въ Петровскій дворецъ (Fermand).

былъ практиковавшійся въ концѣ оккупаціи разрѣшаемый начальствомъ очередной грабежъ отдѣльныхъ районовъ Москвы различными частями войскъ попеременно. Извѣстно, что такое упадокъ дисциплины для арміи, но на этомъ дѣло не останавливалось: передъ французской арміей уже въ Москвѣ вставалъ ужасный призракъ голода. Пожаръ и безпорядочный грабежъ скоро истребили московскіе припасы. Отъ недостатка фуража лошади въ Москвѣ гибли сотнями ежедневно. Офиціально все въ арміи Наполеона обстояло благополучно, издавались успокоительныя прокламаціи. На Большой Никитской въ барскомъ домѣ Познякова былъ устроенъ импровизированный французскій театръ для развлеченія офицеровъ арміи. Но все, что мы знаемъ о дѣятельности Наполеона и главнаго штаба арміи за это время, говоритъ о безпокойствѣ и заботахъ и о томъ, какъ постепенно назрѣвала мысль объ эвакуаціи разоренной столицы, дальнѣйшая задержка въ которой могла только повредить уже подточеннымъ жизненнымъ силамъ великой арміи [1]).

6 октября, когда достаточно выяснилась и неудача попытокъ завязать переговоры съ императоромъ Александромъ I и частичный переходъ въ наступленіе со стороны Кутузова и невозможность долѣе оставаться въ Москвѣ, Наполеонъ отдалъ приказъ о выступленіи по Калужской дорогѣ. Въ Москвѣ съ молодой гвардіей на нѣкоторое время задержался ея ге-

---

1) Ср. ниже ст. „Наполеонъ передъ отступленіемъ".

нералъ-губернаторъ, маршалъ Мортье, которому Наполеонъ съ перваго своего ночлега, изъ села Троицкаго, на р. Деснѣ, предписалъ раненыхъ и отсталыхъ солдатъ отправить изъ Москвы въ Можайскъ, 10 или 11 октября въ 2 часа утра поджечь магазины съ виномъ, казармы и всѣ публичныя зданія, исключая Воспитательнаго Дома, поджечь кремлевскій дворецъ, изломать всѣ ружья, лафеты и колеса и положить порохъ подъ кремлевскія стѣны; взрывъ Кремля долженъ былъ послѣдовать за выходомъ послѣднихъ французскихъ войскъ изъ города. Этотъ актъ вандализма чрезвычайно характеренъ для самого Наполеона. Войдя въ Москву, Наполеонъ принималъ мѣры, чтобы сберечь ее, потому что она была ему нужна; теперь, озлобленный и раздраженный, онъ сорвалъ свою злобу на уцѣлѣвшихъ историческихъ памятникахъ Москвы; это была расправа надъ ничѣмъ неповинной вещью,—расправа, къ которой не разъ прибѣгалъ Наполеонъ въ минуты сильнаго гнѣва, но никогда, кажется, эта расправа не переходила столь рѣзко границы безцѣльнаго вандализма.

Оставленіе Москвы французами на нѣкоторое время погрузило городъ въ полную анархію. Мортье выступилъ изъ Москвы 11 октября вечеромъ. «Ночь послѣ выступленія Мортье была самой ужасной изъ пережитыхъ нами,—пишетъ нѣсколько разъ упомянутый очевидецъ, бывшій офицеръ нѣмецъ.—Вмѣсто радости отъ ухода враговъ мы чувствовали только страхъ отъ взрыва Кремля и отъ ожиданія худшей изъ смертей. На разсвѣтѣ мы услыхали крики вошедшихъ въ Москву крестьянъ, вооруженныхъ ружьями, награбленными въ Москвѣ или отнятыми у французовъ. Эти разбойники бросились прежде всего къ казначейству и разграбили оставшуюся тамъ мѣдную монету. Къ нимъ быстро присоединилась и московская чернь. Другое зрѣлище возбудило еще большее негодованіе. На Петровкѣ какой-то священникъ съ обнаженною саблею въ рукахъ призывалъ чернь грабить дома иностранцевъ» [1]).

Въ это время вступилъ въ Москву первый русскій отрядъ подъ командой генерала Иловайскаго, состоявшій по большей части изъ казаковъ; окончательно порядокъ въ городѣ былъ водворенъ генераломъ А. Х. Бенкендорфомъ и регулярной кавалеріей, находившейся подъ его начальствомъ [2]). На третій день по вступленіи въ Москву казаковъ Иловайскаго было назначено первое торжественное молебствіе, при чемъ, по словамъ князя А. А. Шаховскаго, «одна только большая церковь въ Страстномъ монастырѣ нашлась удобною къ совершенію божественной литургіи».

[1]) О разграбленіи русскими Москвы послѣ ухода французовъ говорятъ многіе современники. Это была „une haine fèroce contre la noblesse“, какъ выразился внукъ Ростопчина, гр. Сегюръ („Vie“, 259). „Разорили Москву,—писалъ полковникъ Толь 29 ноября 1812 г.,—не столько французы, какъ пріѣхавшіе подмосковные крестьяне и дворовые люди“ („*Р. Ст.*“, 1873, XII, 992). „Подмосковные крестьяне,—свидѣтельствуетъ А. А. Шаховской послѣ ухода французовъ,—полагаясь на суматоху нашего вступленія, пріѣхали на возахъ, чтобы захватить награбленное“ („*Р. Ст.*“, 1889, X, 47). „Цѣлымъ обозомъ мужики пріѣзжали въ Москву обирать“, разсказываетъ И. М. Снѣгиревъ (см. также въ воспоминаніяхъ Изарна, „*Р. Арх.*“, 1868, 1434). Свою долю въ грабежи внесли и казаки. Приставленные для охраны Воспитательнаго Дома, по словамъ Тутолмина, они ограбили „служителей и больныхъ“ („Бумаги Отеч. войны“. Щукина, V, 160). Относительно казаковъ мы найдемъ упоминаніе и въ письмѣ Ростопчина къ Вязьмитинову отъ 10 октября 1912 г. („*Р. Арх.*“, 1909, I, 42). *Ред.*

[2]) Чрезвычайно характерно донесеніе ген. Иловайскаго Ростопчину 16 октября: „Генералъ-майоръ Бенкендорфъ рапортовалъ мнѣ, что въ теченіе двухъ дней переловлено болѣе 200 зажигателей и грабителей, по большей части выпущенныхъ изъ острога преступниковъ, и нѣсколько поймано въ святотатствѣ и смертоубійствѣ... Жителямъ домовъ дано отъ него приказаніе охранять оные съ тѣмъ, что ежели обитаемые ими дома загорятся или будутъ ограблены, то они подвергнутся наказанію, какъ преступники“ („*Р. Арх.*“, 1866, 696). *Ред.*

Закончимъ нашъ очеркъ первыми впечатлѣніями того же князя Шаховского, одного изъ первыхъ русскихъ, вошедшихъ въ разоренную столицу: «При въѣздѣ на погорѣлище царской столицы мы увидали подлѣ Каретнаго ряда старуху, выходившую изъ развалинъ; она, взглянувъ на насъ, вскрикнула: «А... русскіе!» и въ изступленіи радости, перекрестясь, она поклонилась намъ въ землю. Это полоумное изъявленіе сильнаго радушія заставило насъ улыбнуться, хотя слезы сверкали въ глазахъ нашихъ, увидя съ Тверского вала чрезъ пепелище, уставленное печными трубами и немногими остовами каменныхъ домовъ и церквей, даже Калужскія ворота».

Ю. Готье.

Москва 8 октября 1812 года (Фаберъ дю-Форъ).

II. Организація управленія въ занятыхъ французами русскихъ областяхъ.

В. Я. Уланова.

Въ интересахъ великой арміи было какъ можно скорѣе вывести изъ состоянія анархіи такіе центры, важные въ продовольственномъ или стратегическомъ отношеніи, какъ Вильна, Минскъ, Могилевъ, Витебскъ, Смоленскъ и Москва.

Административная русская десница, не вѣдавшая, что творила военная шуйца, въ большинствѣ названныхъ пунктовъ силою задерживала населеніе съ его имуществомъ на мѣстѣ жительства до момента занятія непріятелемъ города, и въ руки французовъ попадало не

только невывезенное имущество и запасы, но и много обывателей, стремившихся всѣми силами выскользнуть изъ рукъ наступавшихъ.

Грабежи, паника среди населенія, начавшіеся пожары мѣшали французскимъ вождямъ использовать съ наибольшей выгодой стратегическихъ и продовольственныхъ цѣлей занятые города и области съ оставленными въ нихъ запасами и трудоспособнымъ населеніемъ. Въ частности завоеватели не только разсчитывали воспользоваться силами послѣдняго для своихъ продовольственныхъ цѣлей, но и стремились примирить обывателей съ фактомъ подчиненія новому повелителю, сдѣлать изъ нихъ дѣятельныхъ сотрудниковъ своего предпріятія не только за страхъ, но и за совѣсть. «Правительствомъ приняты мѣры для того, чтобы возстановить порядокъ и облегчить ваше положеніе», заявила одна французская прокламація. «Но, чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы и вы приложили къ тому свои старанія, чтобы забыли, по возможности, тѣ несчастія, которыя вы претерпѣли, наполнили бы вашу душу надеждами на участь менѣе суровую»... [1]).

Сомнѣнія насчётъ того, не будутъ ли такія «старанія» противорѣчить долгу присяги, французы старались всячески успокоить. «Вражда императора Наполеона съ императоромъ Александромъ до васъ не касается, — говорилъ въ подобномъ случаѣ французскій генералъ русскому обывателю: — ваши обязанности будутъ состоять лишь въ томъ, чтобы наблюдать за благоденствіемъ города» [2]). Если такіе аргументы и были слишкомъ грубымъ приспособленіемъ къ русской обывательщинѣ, то привлеченіе населенія къ самоуправленію и нѣкоторымъ образомъ къ самозащитѣ было со стороны французовъ такимъ пріемомъ, который, дѣйствительно, могъ устранить панику среди населенія, организовать силы мѣстныхъ жителей въ цѣляхъ завоевателей, подъ флагомъ наблюденія за благоденствіемъ обывателей. Конечно, французы могли придать форму организаціи мѣстнаго управленія только такую, которая имъ была ближе всего извѣстна по отечественной практикѣ и отвѣчала всепоглощающимъ задачамъ военнаго управленія, въ которомъ мѣстное управленіе играло служебную роль и было вспомогательнымъ винтомъ въ общей системѣ. Въ этомъ смыслѣ французскіе муниципалитеты съ характернымъ преобладаніемъ въ нихъ правительственнаго элемента и бюрократической опеки ближе всего отвѣчали условіямъ централизаціи военнаго управленія и не были новшествомъ на русской почвѣ, съ ея магистратными (въ Западномъ краѣ) и городскими учрежденіями екатерининской формаціи.

Организація управленія въ занятыхъ французами областяхъ съ привлеченіемъ къ участію въ немъ мѣстнаго населенія, конечно, не вездѣ прививалась съ одинаковымъ успѣхомъ: для этого недостаточно было удачной для обѣихъ сторонъ формы управленія, — многое зависѣло отъ самаго населенія, — отъ добровольнаго участія его въ отведенномъ ему новымъ правительствомъ дѣлѣ.

Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ строго различать двѣ категоріи занятыхъ французами городовъ съ ихъ уѣздами: во-первыхъ, области, полу-

---

1) „Русск. Арх.“, 1876 г., кн. 6, стр. 168. А. И. Поповъ „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“.

2) Ibid., стр. 170.

ченныя Россіей по раздѣлу съ Польшей, съ преобладающимъ литовско-польскимъ населеніемъ, и, во-вторыхъ, области исконно-русскія или съ смѣшаннымъ составомъ населенія. Если для второй категоріи нашествіе Наполеона было покореніемъ, небесною карою, то для первой армія Наполеона представлялась «Мессіей, пришедшимъ возстановить древнюю Польшу», занятіе областей французами было «освобожденіемъ отъ ярма Московскаго рабства заступничествомъ... Великаго Наполеона» [1]). Немудрено, что при такихъ чувствахъ и настроеніи населенія этого края всякія организаціонныя начинанія Наполеона встрѣчали среди жителей живѣйшій откликъ и активное содѣйствіе. Какъ извѣстно, Наполеонъ, послѣ занятія Великаго Княжества Литовскаго, учредилъ здѣсь стройную систему управленія, съ привлеченіемъ къ участію мѣстнаго элемента. Приказомъ отъ 1 іюня 1812 г. Наполеонъ назначилъ временное правительство Великаго Княжества Литовскаго изъ 5 членовъ, съ порученіемъ ему завѣдывать финансами края, доставкой провіанта, организаціей мѣстнаго ополченія, народной гвардіи и жандармеріи. Временному правительству, имѣвшему свое пребываніе въ г. Вильнѣ, были подчинены губернскія «комиссіи», открытыя въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Минской и Бѣлостокской. Въ помощь комиссіямъ были опредѣлены городскіе муниципалитеты съ обязанностью завѣдыванія городскимъ имуществомъ, благотворительными учрежденіями и муниципальной полиціей. Дѣятельность всѣхъ этихъ учрежденій, составленныхъ изъ гражданъ княжества Литовскаго по назначенію, должна была протекать подъ контролемъ императорскаго комиссара и военнаго губернатора [2]).

Эта организація управленія не только была торжественно привѣтствована населеніемъ, какъ законное правительство [3]), но встрѣтила себѣ офиціальное признаніе и поддержку со стороны варшавской конфедераціи, обратившейся къ временному правительству, какъ къ своему органу, съ предложеніемъ «принять всевозможныя мѣры, внушаемыя гражданскою ревностью и важностью обстоятельствъ, къ укрѣпленію и установленію общаго союза для возстановленія отечества» [4]).

Такимъ образомъ, навстрѣчу организаціоннымъ дѣйствіямъ Наполеона шло творческое стремленіе населенія, стремившагося возвратить себѣ утерянную свободу и политическую независимость. Конечно, при такихъ условіяхъ работоспособность организованнаго Наполеономъ управленія въ краѣ была обезпечена.

Совсѣмъ иное отношеніе встрѣтили учрежденія Наполеона со стороны населенія въ тѣхъ областяхъ, гдѣ преобладающимъ элементомъ было исконно-русское населеніе. Въ этомъ отношеніи демаркаціонной чертой былъ, кажется, г. Могилевъ. По сообщенію Н. Дубровина, «Могилевскій маршалъ Маковецкій и Быховскій-Кригеръ приняли на себя устройство торжественной встрѣчи (маршала Даву). Они силою выгоняли жителей изъ домовъ и приказывали имъ кричать: «виватъ Наполеонъ!» Городской голова, послѣ нѣсколькихъ пощечинъ, полученныхъ имъ отъ Кригера,

---

[1]) К. Военскій. „Акты, документы и матер. 1812 г.“, т. I, стр. 105, № 21.
[2]) Военскій. „Акты, документы и матеріалы“, т. I, стр. 133, №№ 30—35.
[3]) «Русск. Стар.», 1902 г., XII, 442 стр.
[4]) Ibid., 63 стр., № 11.

купилъ наскоро крошечный хлѣбъ и поднесъ его Даву отъ имени города... Принимая оставшихся въ городѣ сановниковъ и дворянъ, маршалъ Франціи выразилъ имъ свое удивленіе, что не находитъ въ губерніи того энтузіазма и польскаго духа, который онъ видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Поэтому онъ предостерегаетъ сторонниковъ Россіи отъ вредной дѣятельности» [1]). И дѣйствительно, въ Бѣлоруссіи не только народъ, но и помѣщики остались вѣрными русскому правительству. Шарпантье требовалъ присяги Наполеону и формированія войска, но ни того, ни другого не добился. Полоцкіе помѣщики отказались присоединиться къ конфедераціи. Въ Могилевской губерніи повторилось то же самое. Непріятель хотѣлъ произвести въ Могилевской губерніи рекрутскій наборъ, но крестьяне всѣ разбѣжались и удалось набрать только до 400 шляхтичей. Въ Подольской, Волынской и Кіевской губерніяхъ русское населеніе подавляло все прочее настолько, что Волынь, на которую такъ надѣялся Наполеонъ, поставила въ солдаты только двухъ человѣкъ. Шварценбергъ, вступившій съ своими войсками въ Волынь, не могъ даже найти надежныхъ лазутчиковъ. «Я тоже, — говоритъ де-Прадтъ,— хотя не щадилъ издержекъ, не могъ завести постоянной переписки съ Волынью. Польскіе дворяне Кіевской губерніи принуждены были выразить императору Александру свои вѣрноподданническія чувства и поставить по 5 ратниковъ съ 500 душъ» [2]).

Еще труднѣе было для агентовъ Наполеона привлечь къ дѣятельному участію въ организуемомъ управленіи населеніе такихъ городовъ, какъ Смоленскъ и Москва. Но, тѣмъ не менѣе, управленіе это было организовано, и при томъ изъ мѣстныхъ жителей. Болѣе или менѣе опредѣленныя извѣстія объ организаціи муниципалитетовъ у насъ имѣются о городахъ: Вильны, Минска, Могилева, Витебска, Чаусъ, Смоленска и Москвы. По этимъ даннымъ мы и попытаемся реставрировать то, что хотѣлъ создать Наполеонъ и чего ему удалось достигнуть въ этомъ отношеніи.

Провести во всѣхъ занятыхъ великой арміей русскихъ областяхъ ту сложную и стройную систему управленія, какую Наполеонъ осуществилъ въ Литвѣ, было невозможно по многимъ причинамъ.

Могилевъ, Волынь, Смоленскъ, а тѣмъ болѣе Москва, съ тянувшими къ нимъ уѣздами и областями (департаментами, какъ ихъ называли французы), не представляли для населенія своего края такого административнаго значенія, какое, напримѣръ, имѣла Вильна для Литвы, Варшава для Польши, такъ какъ обращеніе ихъ въ административные центры края не возбуждало бы въ населеніи ни особыхъ національныхъ надеждъ, ни тѣмъ болѣе сепаратистическихъ стремленій. Съ другой стороны, едва ли можно было, судя по настроенію этого края, набрать тамъ личный составъ такого отвѣтственнаго центральнаго органа края, какимъ было, напр., Временное Правительство всего княжества Литовскаго.

Даже Губернскихъ Комиссій, состоящихъ изъ мѣстныхъ жителей по назначенію, какія были въ Минскѣ, Бѣлостокѣ, Вильнѣ, Гроднѣ, мы не находимъ ни въ Могилевѣ, ни въ Витебскѣ, ни въ Смоленскѣ,

---

[1]) «Русск. Стар.», 1902 г., XII, 443 — 444.
[2]) «Русск. Стар.», 1903 г., янв., 44 стр.

ни въ Москвѣ. Функціи этихъ учрежденій въ русскихъ городахъ возлагаются на представителей военнаго управленія, въ лицѣ генералъ-губернатора, военнаго губернатора, коменданта и интенданта города и «департамента».

Правда, должности эти существовали и въ Литвѣ. Такъ, напр., генер.-адъютантъ Гогендорпъ былъ генералъ-губернаторомъ Вел. Княжества Литовскаго; бар. Жомини — военнымъ губернаторомъ Вильны, генералы французской службы Барбанегра и смѣнившій его Брониковскій (полякъ) были губернаторами «Минской Провинціи» и т. д. Но лица эти не единолично управляли ввѣренной имъ областью, городомъ или провинціей. Литовскій генералъ-губернаторъ Гогендорпъ является предсѣдателемъ Временнаго Правительства Вел. Княжества Литовскаго; губернаторы Барбанегра и Брониковскій предсѣдательствуютъ въ «Минской Комиссіи», составленной изъ назначенныхъ въ нее мѣстныхъ жителей.

Адамъ Хрептовичъ, членъ административнаго совѣта въ Вильнѣ 1812 года. (Рустема).

Ни въ Витебскѣ, ни въ Могилевѣ, ни въ Смоленскѣ и въ Москвѣ подобныхъ «Комиссій» при генералъ-губернаторѣ и губернаторѣ мы не находимъ. Такъ, въ Смоленскѣ высшая власть сосредоточена безраздѣльно въ лицѣ военнаго губернатора бар. Жомини, а потомъ Барбанегры, въ Москвѣ — въ рукахъ генералъ-губ. маршала Мортье, губернатора Дюронеля и коменданта Мильо.

Изъ отмѣченныхъ нами въ Литвѣ коллегіальныхъ учрежденій, въ составъ которыхъ входили въ качествѣ членовъ мѣстные жители, въ русскихъ городахъ были введены только муниципалитеты, которые, такимъ образомъ, явились повсемѣстными учрежденіями, привлекающими въ дѣла мѣстнаго управленія жителей занятыхъ французами городовъ.

Организація муниципалитетовъ въ Вел. Княжествѣ Литовскомъ была отчасти предопредѣлена приказомъ самого Наполеона (для Вильны), отчасти производилась Временнымъ Правительствомъ и Комиссіями. Отношенія сложны; въ муниципалитетѣ нуждаются и къ нему обращаются съ запросами и приказаніями чуть не всѣ коллегіальныя и единичныя правительственныя учрежденія Вел. Княжества Литовскаго.

Гораздо проще подвѣдомственныя отношенія муниципалитетовъ Смоленска и Москвы (о другихъ городахъ у насъ для этого нѣтъ данныхъ). Здѣсь организаторомъ и непосредственнымъ начальникомъ ихъ является

интендантъ; только, кажется, муниципальная полиція, по крайней мѣрѣ, въ Москвѣ подвѣдомственна была коменданту [1]).

По словамъ свящ. Н. А. Мурзакевича, «интендантъ Смоленской губерніи Вилльлебланшъ назначилъ тит. совѣт. Михаила Ярославцева мэромъ города, главнымъ секретаремъ — гимназическаго учителя Ефремова; членами: Рутковскаго» и т. д. Н. А. Мурзакевичъ приводитъ далѣе и самый текстъ бумаги, полученный однимъ изъ муниципаловъ отъ коменданта. «Смоленскъ, 26 (14) августа 1812 г. Имѣю честь препроводить, государь мой, къ вамъ пріобщенное при семъ опредѣленіе, назначающее васъ членомъ Муниципальнаго совѣта г. Смоленска. Почему васъ и приглашаю въ завтрешній день, т.-е. 28 (16) текущаго мѣсяца, прибыть въ домъ интенданта для введенія васъ въ новую должность. Поздравляемъ себя отношеніемъ, каковое между нами поставлено. Прошу васъ принять увѣреніе въ отличномъ къ вамъ уваженіи. Государственнаго совѣта аудиторъ, Смоленской губерніи интендантъ, Р. А. Вилльлебланшъ». Другимъ предписаніемъ на имя мэра тотъ же интендантъ заявляетъ: «Г. Мэръ! Увѣдомляю васъ, что по опредѣленію отъ 26 сентября сего 1812 г., я назначилъ адъюнкта Чапу казначеемъ г. Смоленска и муниципалитета. Онъ обязанъ весть счетъ исправно и не выдавать безъ моего предписанія... Брунъ имѣетъ смотрѣть за мельницами и за доставленіемъ съѣстныхъ припасовъ, когда муниципалитетъ учинитъ о семъ разсмотрѣніе. Г. Узелковъ будетъ имѣть дѣла, относящіяся до благоденствія деревенскихъ жителей, и доставлять людей по требованію правительства. Г. Рагулинъ долженъ смотрѣть за городскою полиціей, а особливо за чистотою улицъ и погребеніемъ мертвыхъ тѣлъ» [2]).

Тотъ же Вилльлебланшъ предписываетъ присутственные часы муниципалитета, дѣлаетъ выговоры его членамъ за манкировки, даетъ имъ денежныя награды въ поощреніе и т. д. [3]).

Отсюда явствуетъ роль интенданта въ его отношеніи къ организаціи и дѣятельности муниципалитета. Не только назначеніе членовъ, распредѣленіе дѣла между ними, но весь обиходъ муниципальной дѣятельности находится, повидимому, подъ бдительной опекой интенданта. Такое всеобъемлющее воздѣйствіе едва ли можетъ считаться типичнымъ для всѣхъ муниципалитетовъ Россіи. Не говорю уже про муниципалитетъ Вел. Княжества Литовскаго, гдѣ было муниципалитету предоставлено очень широкое поле для самодѣятельности и проявленія свободной иниціативы; даже муниципалитетъ г. Москвы, повидимому, пользуется большею свободой отъ интендантской опеки.

Изъ повѣствованія упомянутаго уже выше Г. Кольчугина мы узнаемъ, что московскій интендантъ (Лессепсъ) ведетъ личные переговоры съ членами муниципалитета объ ихъ приглашеніи, вводитъ ихъ въ засѣданіе муниципалитета, но, повидимому, распредѣленіе дѣлъ между членами поручаетъ самому муниципалитету; больше того, кажется, самый

[1]) Г. Кольчугинъ пишетъ: «Въ первомъ (муниципалитетѣ) назначенъ интендантомъ французъ Лессепсъ; а въ послѣдней (полиціи)—комендантомъ таковой же (т.-е. французъ), но имя его намъ неизвѣстно (Мильо)». «Русск. Арх.», 1879, IX, 49.

[2]) «Смоленскій Дневникъ въ 1776—1834 г.» въ брошюрѣ: «Н. А. Мурзакевичъ, историкъ города Смоленска», сентябрь, 1877 г.

[3]) Ibid., 22 стр., сноска 2); а также см. «Истор. Вѣстн.», 1902 г., авг., 407 стр.

выборъ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, членовъ онъ поручаетъ самимъ русскимъ. Я приведу въ сокращеніи это сообщеніе Кольчугина: «Представили меня Лессепсу, который объявилъ мнѣ, что я избранъ въ муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто. Я... просилъ его объ увольненіи. Лессепсъ сказалъ мнѣ, что онъ отмѣнить меня не можетъ, потому что выбранъ я не имъ, а вашими русскими, и собственно для васъ, русскихъ... Лессепсъ... ввелъ меня въ одну изъ комнатъ, гдѣ уже голова съ прочими муниципальными засѣдали, приказали имъ, чтобы они показали мнѣ мѣсто, а мнѣ оное занять... Перевязалъ мнѣ на лѣвой рукѣ алую ленточку въ знакъ, что я муниципалъ, о каковыхъ знакахъ пропечатано было и въ объявленіяхъ.

«Тутъ сказано мнѣ особенно (тайно?) головою, въ извиненіе выбора моего, что я, по знанію... языковъ, могу быть вѣрнымъ переводчикомъ; а на иностранцевъ (переводчиковъ), хотя оные и въ подданствѣ (русскомъ?), не во всемъ полагались. Онъ приказалъ мнѣ замѣчать изъ разговоровъ ихъ о дѣлахъ и движеніяхъ непріятельскихъ... Въ муниципалитетѣ тогда было первое присутствіе, въ которомъ имѣли сужденіе, кому какую часть назначить и ею заниматься...» [1]).

Ѳ. Островскій, начальникъ арміи бюро по войнѣ въ Вильнѣ.
(Bacciarelli).

Такимъ образомъ, дѣятельность московскаго муниципалитета изъ этой цитаты представляется намъ сравнительно съ смоленскимъ муниципалитетомъ болѣе независимою, не только въ распредѣленіи между членами его обязанностей, но и въ выборѣ самихъ членовъ, такъ равно и въ возможности, подъ рукою французскаго интенданта, собирать свѣдѣнія, направленныя, повидимому, не въ пользу назначившей муниципалитетъ власти.

Назначались или выбирались члены муниципалитета, а если назначались, то чѣмъ руководствовалась при этомъ назначавшая ихъ власть, которой, несомнѣнно, неизвѣстны были обыватели только что занятаго города?

Для Литвы этотъ вопросъ рѣшается просто. И въ члены Временнаго Правительства и въ Губернскія Комиссіи, и въ виленскій муниципалитетъ члены отъ населенія назначены поименно приказомъ самого Наполеона. Несомнѣнно, въ этомъ случаѣ Наполеонъ дѣйствовалъ по совѣту своей свиты, въ рядахъ которой было не мало поляковъ и литовцевъ. Труднѣе было выбирать военной власти себѣ сотрудниковъ въ такихъ городахъ, какъ Смоленскъ и Москва. Здѣсь осталось населеніе самое случайное, мало извѣстное не только французамъ, но и самимъ русскимъ.

---

[1]) «Русск. Арх.», 1879 г., IX, 49—50 стр.; сравн. «Русск. Арх.», 1876 г., VI, 170 стр.

Естественно, интенданту приходилось прислушиваться къ голосу старожиловъ и даже приглашать въ члены муниципалитета лицъ «по выбору самихъ русскихъ», какъ это было въ случаѣ съ Кольчугинымъ. Только этимъ соображеніемъ можно объяснить тотъ, на первый взглядъ, странный фактъ, что въ преданной французамъ Литвѣ члены Коллегій назначаются, а во враждебной Москвѣ отчасти избираются «самими русскими».

Обращаясь затѣмъ къ вопросу о состояніи и званіи лицъ, изъ которыхъ вербовались муниципалитеты, мы должны отмѣтить сравнительный демократизмъ этихъ назначеній, примѣняемый, впрочемъ, только къ личному составу муниципалитетовъ и муниципальной полиціи, потому что въ составѣ, напримѣръ, Временнаго Правительства и Коллегій Вел. Княжества Литовскаго мы рядомъ съ князьями, графами, маршалами не встрѣчаемъ, напр., ни одного купца, мѣщанина и разночинца ниже засѣдателя и врача.

Зато въ составѣ муниципалитета г. Вильны рядомъ съ докторами, адвокатами и другими лицами «свободныхъ профессій» мы встрѣчаемъ трехъ купцовъ, сѣдельнаго мастера и музыканта [1]), и это въ томъ краѣ, гдѣ, повидимому, на выборъ не могъ вліять недостатокъ «именитыхъ» и «ясновельможныхъ». Замѣтное мѣсто послѣ «разночинцевъ» отведено купечеству и въ смоленскомъ муниципалитетѣ, а по уѣздамъ въ эти должности, повидимому, привлекались на ряду съ майорами, поручиками, прапорщиками также мѣщане [2]).

Еще любопытнѣе личный составъ московскаго муниципалитета. Изъ 87 лицъ, принимавшихъ то или иное участіе въ правленіи, учрежденномъ французами въ Москвѣ, было около 20 иностранцевъ, 15 чиновниковъ разныхъ ранговъ (отъ надворныхъ и титулярныхъ совѣтниковъ до коллежскихъ регистраторовъ), 15 купцовъ и дѣтей купеческихъ, 4 военныхъ въ отставкѣ, 4 ученыхъ (профессоръ, магистръ и учителя), два дворовыхъ человѣка и одинъ вольноотпущенный [3]).

На характерѣ учрежденныхъ французами муниципалитетовъ болѣе всего отразился строй французскихъ муниципалитетовъ, въ которыхъ вся исполнительная и распорядительная часть принадлежитъ мэру и его помощникамъ; остальные члены муниципалитета во Франціи (числомъ отъ 10 до 36) составляютъ муниципальный совѣтъ съ функціями совѣщательнаго характера.

Сколками съ этихъ учрежденій являются и наши временные муниципалитеты. Такъ, въ «спискѣ личнаго состава муниципаловъ г. Вильны» мы находимъ прежде всего: 1) президента, или мэра, и его четырехъ помощниковъ; затѣмъ слѣдуютъ «члены муниципальнаго совѣта» числомъ 12 [4]). Изъ приказа Вилльлебланша Михаилу Ярославцеву, мэру смоленскаго муниципалитета, видно, что въ составѣ послѣдняго были: 1) мэръ; 2) его товарищъ, который «занимается съ вами (т.-е. съ мэромъ) всѣми

---

[1]) К. Военскій. Акты, документы и проч., стр. 139—143, №№ 32—35.
[2]) Н. А. Мурзакевичъ, цитир. выше брошюра, стр. 22, сноска.
[3]) «Русск. Арх.» за 1868 г., кн. VI, стр. 896—902. Ср. „Бумаги, относящіяся до Отеч. войны 1812 г.", изд. П. И. Щукина, ч. I, стр. 58—509; ч. II, стр. 11.
[4]) К. Военскій. Op. cit., 142 стр., № 34.

обыкновенными дѣлами вообще; рѣшаетъ и подписываетъ (дѣла) одинъ, въ случаѣ отсутствія» мэра; кромѣ нихъ, упоминаются еще 8 членовъ, въ числѣ которыхъ генералъ-секретарь и казначей [1]). Впрочемъ, въ этомъ спискѣ помѣчены не всѣ члены, принимавшіе то или иное участіе въ смоленскомъ временномъ правительствѣ. Не упомянутъ здѣсь Желтовскій, членъ муниципальнаго совѣта, ни смѣнившій его Н. Великановъ [2]). Изъ секретнаго списка, разосланнаго оберъ-полицмейстеромъ Ивашкинымъ московскимъ приставамъ о розыскѣ скрывшихся 28 лицъ «изъ бывшихъ въ службѣ непріятеля» въ Смоленскѣ, въ числѣ членовъ муниципалитета помѣчено одно неизвѣстное изъ приказа Виллѣлебланша лицо (отставной майоръ Мецъ) и остальные 27 человѣкъ, «употребленныхъ въ разныхъ порученіяхъ» [3]).

Московскій муниципалитетъ состоялъ: 1) изъ мэра и шести его товарищей; 2) изъ 16 членовъ муниципалитета, въ числѣ которыхъ были казначей и секретарь. Особый отдѣлъ управленія составляла муниципальная полиція, подвѣдомственная, какъ мы видѣли, коменданту и губернатору. Въ составѣ ея числились: 1) два главныхъ комиссара (магистръ Московскаго университета Виллеръ, исправлявшій должность полицмейстера, и помощникъ его иностранецъ Бюжо); 2) пятнадцать комиссаровъ (въ большинствѣ случаевъ иностранцы, ранѣе проживавшіе въ Москвѣ); 3) восемь комиссарскихъ помощниковъ. Кромѣ этихъ собственно членовъ муниципальнаго управленія, при немъ состояло 12 лицъ «для разныхъ порученій», въ числѣ которыхъ было 5 переводчиковъ [4]).

Н. Брониковскій (Изабэ).

Изъ этого же отчасти списка мы можемъ опредѣлить и распредѣленіе обязанностей между членами муниципалитета. Мэръ былъ предсѣдателемъ муниципалитета и главнымъ руководителемъ его дѣлъ. По опредѣленію Виллѣлебланша, онъ «занимается... всѣми обыкновенными дѣлами вообще... рѣшаетъ и подписываетъ» [5])... На имя мэра адресуются всѣ предписанія и требованія военной власти, чрезъ него объявляются выговоры и поощренія [6]): онъ ближайшее отвѣтственное лицо предъ интендантомъ, воля котораго при условіяхъ военнаго времени вполнѣ поглощала волю мэра. Товарищи мэра, кромѣ исполненія обязанностей послѣдняго,

---

1) „Смоленскій дневникъ съ 1776 по 1834 годъ“ Н. Мурзакевичъ, стр. 43—44.
2) „Историч. Вѣстн.», 1902 г., авг., стр. 412.
3) „Бумаги, относящ. до От. войны“, ч. II, стр. 11; ср. „Смол. дневникъ“, 22 стр.
4) „Русск. Арх.“, 1868 г., VI, 896—900 стр.
5) „Смоленскій дневникъ“, стр. 43.
6) Ibid., 22 стр.

за его отсутствіемъ, имѣли, кромѣ того, еще свои специальныя обязанности, и были чѣмъ-то въ родѣ предсѣдателей одной изъ шести комиссій, или отдѣленій (bureaux) муниципалитета: 1) попеченія о бѣдныхъ; 2) надзора за ремесленниками; 3) содержанія дорогъ, улицъ и мостовъ; 4) квартирмейстерской части; 5) закупки провіанта и 6) спокойствія и тишины въ городѣ. Остальные шестнадцать членовъ муниципальнаго совѣта Москвы входили членами въ одну или нѣсколько изъ этихъ комиссій [1]).

Нѣчто подобное замѣчается въ распредѣленіи обязанностей и между членами смоленскаго муниципалитета.

Намъ не удалось выяснить отношеніе къ муниципалитету муниципальной полиціи, которая была въ непосредственномъ распоряженіи коменданта и губернатора, но существованіе въ смоленскомъ и московскомъ муниципалитетахъ, завѣдующихъ «спокойствіемъ», «тишиной» и «полиціей» въ городѣ, повидимому, говоритъ въ пользу нѣкоторой подчиненности городской стражи и муниципалитету.

Въ такомъ видѣ рисуется намъ организація того учрежденія, въ которое французы нашли возможнымъ привлечь мѣстное населеніе себѣ на помощь при устройствѣ порядка и управленія въ занятыхъ областяхъ. Между муниципалитетами отдѣльныхъ городовъ была, конечно, разница, но не столько качественная, сколько количественная.

Французы ожидали большой пользы отъ учрежденія этихъ муниципалитетовъ. Открытію ихъ предшествовало торжественное провозглашеніе (proclamation) о нихъ при посредствѣ печатныхъ листковъ, распространяемыхъ не только въ городахъ, но и въ селахъ.

По Смоленской губерніи среди крестьянъ ходила слѣдующая прокламація:

«Смоленскіе обыватели! Французское войско и гражданское правленіе употребляетъ всѣ способы, дабы предоставить вамъ спокойствіе, защиту и покровительство. Приходите и пріѣзжайте въ г. Смоленскъ, гдѣ открывается новое присутствіе подъ названіемъ «муниципалитетъ», т.-е. гражданскій правительственный совѣтъ. Здѣсь будутъ разбираться всякія дѣла съ участіемъ васъ, русскихъ гражданъ.

«Около дорогъ, по которымъ проходятъ войска, одни поля и сѣнокосы разорены, но другіе остались въ цѣлости; между тѣмъ владѣльцы ихъ скрылись, и французское правленіе не знаетъ, какъ съ этими землями быть. Поэтому, господа помѣщики и прочіе землевладѣльцы, явитесь и имѣйте довѣріе къ нашему правленію. Вы будете спокойны, въ чемъ увѣритъ васъ въ здѣшней губерніи французскій императоръ и возстановитъ въ прежній порядокъ. Вы, крестьяне, снятый нынѣ съ полей озимый хлѣбъ и прочіе сельскіе продукты, за оставленіемъ себѣ на обсѣмененіе и продовольствіе, привозите ихъ, какъ и прежде, для продажи въ г. Смоленскъ, гдѣ въ теченіе короткаго времени, вслѣдствіе множества французскаго народа, получите весьма изрядныя выгоды и скоро забудете прошедшую потерю. Если же вы желаете какой-

[1]) „Русск. Арх.", 1868 г., VI, 896—900.

либо защиты, то объявите объ этомъ, и васъ императоръ французскій приметъ подъ свое покровительство.

«Крестьяне, будьте покойны, занимайтесь безъ всякаго страха вашими работами: французскія войска вамъ уже не будутъ больше мѣшать, они уже удаляются отсюда. Что же касается войскъ, которыя имѣютъ намѣреніе проходить здѣсь въ будущемъ времени, то имъ даны строжайшія предписанія, чтобы вамъ обидъ и притѣсненій никакихъ не учиняли. Французское правительство ожидаетъ отъ васъ привоза въ городъ попрежнему хлѣба и прочихъ жизненныхъ продуктовъ, за которые вы будете получать выгодную плату и большія деньги отъ самого французскаго императора; онъ въ настоящее время пребываетъ въ ожиданіи отъ васъ повиновенія и покорности»[1]).

Компетенція муниципалитетовъ выясняется не столько изъ общихъ руководствъ, которыя давались муниципаламъ при вступленіи ихъ въ должность[2]), сколько изъ текущихъ разъясненій и предписаній интендантовъ, адресованныхъ муниципалитетамъ, и изъ протоколовъ засѣданій послѣднихъ, и это тѣмъ болѣе, что функціи муниципалитетовъ росли и развивались по мѣрѣ предъявляемыхъ имъ ходомъ событій требованій; эти предписанія, разъясненія и протоколы рисуютъ намъ періодъ формированія муниципалитетовъ. Такъ, въ протоколѣ виленскаго муниципалитета отъ 17 сент. 1812 г. мы читаемъ: «Муниципалитетъ, не получая до сего времени отъ комиссіи Временнаго Правительства Вел. Кн. Лит. указанія, какого рода тяжбы могутъ разбираться муниципалитетами, постановилъ просить судебный комитетъ временнаго правительства объ ускореніи присылки названнаго распоряженія»[3]).

Впрочемъ, въ самый моментъ учрежденія муниципалитетовъ, какъ можно судить изъ приведенныхъ прокламацій, французы ожидали отъ муниципалитетовъ двухъ услугъ: во-первыхъ, содѣйствія интендантскимъ цѣлямъ и, во-вторыхъ, введенія нормальнаго теченія жизни среди обывателей. Второе требованіе, конечно, было средствомъ осуществленія перваго, которое доминировало надъ всѣми остальными. Да иначе и быть не могло при условіяхъ военнаго времени: вѣдь въ военное время и національное правительство подчиняетъ «мѣстныя пользы и нужды» самоуправленій требованіямъ военнаго характера. На вопросъ, сдѣланный маршалу Даву въ Могилевѣ членами новоучрежденнаго правленія, въ чемъ должна заключаться ихъ должность, какое установить судопроизводство, какими законами руководствоваться, онъ отвѣчалъ: «Господа! Наполеонъ требуетъ отъ васъ трехъ вещей: хлѣба, хлѣба и хлѣба...»[4]) Самъ Наполеонъ по этому поводу писалъ въ Москвѣ маршалу Мортье: «Необходимо, чтобы русское городское управленіе образовало общество изъ русскихъ и отрядами посылало ихъ по деревнямъ забирать продовольствіе, уплачивая за него деньги... При городскомъ управленіи устроить складъ, изъ котораго это продовольствіе и будетъ выдаваемо»...[5]) Самое

---

1) „Русск. Арх.“, 1901 г., кн. V, стр. 8.
2) См. въ „Чтеніяхъ общ. ист. и др.“, 1859 г., кн. II, отд. V, стр. 170.
3) К. Военскій. Op. cit., 241. См. еще предписанія Виллълебланша смоленскому муниципалитету. „Русск. Стар.“, 1901 г., апрѣль, 141—2 стр.
4) „Русск. Ст.“, 1901 г., янв., 39 стр.
5) „Русск. Арх.“, 1876 г., кн. VI, стр. 173.

назначеніе интендантовъ въ качествѣ ближайшихъ начальниковъ муниципалитетовъ говоритъ за преобладаніе интендантскихъ цѣлей въ учрежденіи муниципалитетовъ. Продовольственный вопросъ составляетъ лейтъмотивъ переписки интендантовъ съ муниципалитетами и протоколовъ засѣданія послѣднихъ.

Такъ, виленскій муниципалитетъ доноситъ по начальству, что «еврейскимъ кагаломъ доставлено, согласно предписанію, триста штукъ воловъ»; предписываетъ тому же кагалу, «дабы 125 штукъ воловъ непремѣнно были бы доставлены сего числа»; Временное Правительство предписываетъ «администраціи виленскаго департамента немедленно снестись съ муниципалитетомъ города Вильны, дабы часть (нужныхъ) лошадей была поставлена городомъ, а часть—уѣздами»[1]).

Смоленскій муниципалитетъ получилъ отъ своего интенданта слѣдующее предписаніе отъ 20 октября. Артикулъ 1-й: «Доставить со всей Смоленской губерніи: хлѣба 5.681 четв. 6 пуд. 21 фунтъ; быковъ 700; овса 565 четв. 11 пуд.; сѣна 3.030 пуд. 12 фунт. и столько же соломы». Артикулъ 2: «Сей запасъ долженъ быть доставленъ въ магазины, т.-е. хлѣбъ и фуражъ, къ 1 числу декабря сего (1812) года и притомъ $^2/_3$ означеннаго количества вдругъ (такъ перевели въ муниципалитетѣ слово aussitôt), по полученіи сего опредѣленія; скотъ же къ 1 марта будущаго 1813 г., а одну треть тотчасъ, по полученіи сего опредѣленія». Артикулъ 3: «Сумма сихъ запасовъ будетъ зачтена вмѣсто обыкновенныхъ земскихъ подушныхъ налоговъ; когда же которая-нибудь округа не выставитъ означеннаго количества запаса, то оная принуждена будетъ заплатить деньгами; напротивъ, выставившая больше за излишнее противъ положеннаго получитъ деньги». За невыполненіе этихъ требованій виновнымъ грозили военною экзекуціей[2]). Исполнителями этихъ приказовъ на мѣстахъ были «уѣздные комиссары», по крайней мѣрѣ, въ Смоленской губ.[3]).

Московскій муниципалитетъ содѣйствовалъ интендантству въ этомъ отношеніи тѣмъ, что командировалъ своихъ членовъ сопутствовать «конвою, который французы отправляли для закупки хлѣба, или фуражировки, по селеніямъ около Москвы»[4]). Трудно учесть результаты этого рода дѣятельности муниципалитетовъ, повидимому, по принужденію исполнявшихъ ее. Не лишены интереса въ этомъ отношеніи слѣдующія замѣтки дневника Н. А. Мурзакевича. «Сентябрь, 10 число... Булка смѣшаннаго съ отрубями хлѣба въ 15 фунтовъ стоила отъ 2 руб. 50 коп. до 4. Могилевскіе жиды перевозили провизію, а крестьяне, понуждаемые комиссарами — подъ страхомъ взысканія. Продавали хлѣбъ за 5 коп. фунтъ; фунтъ говядины до 12 коп.; чарку водки небольшую 25 коп. Такая дешевизна была недолго... Октябрь, 19. Военный смоленскій губернаторъ Жомини вознамѣрился занять соборъ подъ хлѣбный магазинъ въ 30.000 кулей; требовалъ ключи чрезъ муниципалитетъ»[5]). Что касается Москвы, то извѣстно, что, при

[1]) Военскій, „Акты, документы...". Т. I, стр. 157; 237—239.
[2]) „Русск. Стар.", апрѣль, 1901 г., стр. 143—144.
[3]) Ibid., стр. 141.
[4]) Записки Г. Кольчугина. „Русск. Арх.", 1879 г., IX, 50. См. аналогичн. извѣстіе: „Русск. Арх.", 1876 г., VI, 175—6.
[5]) Н. А. Мурзакевичъ, историкъ г. Смоленска. „Дневникъ", стр. 44—46.

выступленіи непріятеля изъ столицы, было уничтожено нѣсколько магазиновъ, и, несмотря на то, русскіе, по обратномъ занятіи Москвы, нашли нѣсколько лабазовъ съ хлѣбомъ [1]). Кромѣ того, по сообщенію Богдановича, обратное движеніе французской арміи затруднялось большими стадами рогатаго скота [2]).

Учесть роль «невольныхъ муниципаловъ» въ провіантмейстерской дѣятельности, по неимѣнію данныхъ, къ сожалѣнію, невозможно. Болѣе опредѣленна въ этомъ отношеніи дѣятельность муниципалитетовъ по квартирмейстерской части. Въ протоколахъ виленскаго муниципалитета мы, между прочимъ, находимъ такое постановленіе: «Муниципалитетъ поручаетъ отдѣлу по расквартированію поспѣшить съ переписью домовъ, расположенныхъ въ городѣ, и пригласить для помощи въ этомъ дѣлѣ нѣкоторыхъ лицъ изъ числа обывателей» [3]). Въ первомъ же засѣданіи смоленскаго муниципалитета (27 августа 1812 г.) было рѣшено письменно просить губернатора о присылкѣ «офицера его штаба» для исчисленія, совмѣстно съ муниципалитетомъ, годныхъ для жилья домовъ въ городѣ и для собранія свѣдѣній о живущихъ въ нихъ лицахъ, а также просить еще губернатора, чтобы онъ выдалъ чрезъ плацъ-коменданта билеты на жительство въ домахъ и провѣрилъ, имѣютъ ли право на такое жительство живущія въ нихъ лица [4]). Впослѣдствіи одинъ изъ смоленскихъ муниципаловъ докладывалъ слѣдственной комиссіи о своей квартирмейстерской дѣятельности: «Должность моя состояла только въ томъ, что показывалъ квартиры, по присылаемымъ отъ коменданта цидулькамъ, изъ коихъ одну, состоявшуюся на собственный мой домъ, для усмотрѣнія при семъ представляю» [5]).

Свящ. Н. А. Мурзакевичъ.

На обязанности муниципалитетовъ лежало доставлять все необходимое для госпиталей и отчасти завѣдывать ими. Въ этомъ отношеніи особенно выдвинулись своею дѣятельностью муниципалитеты Вел. Княжества Литовскаго. Администрація минскаго департамента свидѣтельствовала, что въ Минскѣ «находятся нѣсколько военныхъ лазаретовъ; всѣ они устроены самымъ тщательнымъ образомъ. Кровати, матрацы и одѣяла... чисты и красивы.

«Всѣ соперничаютъ другъ передъ другомъ въ доставленіи всего необходимаго своимъ избавителямъ» [6]). И дѣйствительно, протоколы вилен-

---

1) „Русск. Арх.", 1866 г., стр. 699.
2) „Исторія Отеч. войны", т. III, стр. 6.
3) Военскій. «Акты, документы и матеріалы», т. I, стр. 240.
4) „Русск. Стар.", апрѣль, 1901 г., стр. 140.
5) „Истор. Вѣстн.", 1902 г., авг., 412 стр.
6) Военскій. Op. cit., 369 стр.

скаго и минскаго муниципалитетовъ зарегистрировали множество случаевъ добровольнаго пожертвованія корпіи, бѣлья, подушекъ и др. принадлежностей лазарета[1]).

Повидимому, госпитальная дѣятельность муниципалитетовъ Смоленска и Москвы не встрѣчала такой энергичной поддержки у общества. Такъ, смоленскій муниципалитетъ постановилъ «женщинъ, ничѣмъ не занятыхъ», опредѣлить «за плату» для мытья бѣлья и приготовленія корпіи для раненыхъ[2]). Среди членовъ московскаго муниципалитета извѣстны два, которые «имѣли надзоръ за госпиталями (изъ нихъ одинъ купецъ, а другой—старшій штабъ-лѣкарь въ штатѣ московской управы благочинія)».

Если въ содѣйствіи интендантскимъ цѣлямъ французовъ русскіе муниципалитеты дѣйствовали болѣе или менѣе вяло, то въ ихъ дѣятельности по благоустройству и защитѣ мѣстнаго населенія замѣтно больше инціативы и энергіи, особенно когда приходилось защищать обывателей отъ чрезмѣрныхъ требованій военной власти и злоупотребленій насильниковъ. Повидимому, муниципалитетамъ было предоставлено право ходатайствовать предъ военной властью объ отмѣнѣ дѣйствій и распоряженій послѣдней, если они причиняли ущербъ населенію. По крайней мѣрѣ, Вилльлебланшъ требовалъ отъ смоленскаго муниципалитета, чтобы во всѣхъ случаяхъ, когда то или другое его приказаніе окажется неудобнымъ къ исполненію, мэръ обращался бы непосредственно къ интенданту; при этомъ предписывалось исполнять только такія приказанія, которыя подписаны интендантомъ или его секретаремъ[3]).

Виленскій муниципалитетъ обращался много разъ съ энергическимъ протестомъ противъ нарушенія правъ мѣстнаго населенія. По поводу приказанія губернатора Жомини весь лѣсъ съ рѣки Виліи употреблять только на военныя нужды, муниципалитетъ доносилъ временному правительству, что «это постановленіе исполнено, но что муниципалитетъ считаетъ долгомъ довести до свѣдѣнія временнаго правительства, что сами обыватели нуждаются въ топливѣ. Лѣсовъ около Вильны нѣтъ; какимъ же образомъ могутъ жители г. Вильны исполнять повинность (печь хлѣбъ и гнать пиво и водку для арміи) и удовлетворить собственныя нужды безъ дровъ? Обыватели приходятъ толпами жаловаться». Муниципалитетъ запрашиваетъ, «не найдетъ ли временное правительство возможнымъ постановить, дабы военныя и обывательскія нужды были тождественными и вышеуказанный лѣсъ былъ бы раздѣленъ согласно надобностямъ»[4]). На требованіе правительства собрать рекрутовъ съ г. Вильны, муниципалитетъ послѣдней заявилъ, что «среди населенія совсѣмъ нѣтъ молодыхъ людей и набрать рекрутовъ является невозможнымъ». Муниципалитетъ рекомендуетъ вмѣсто набора обратиться къ добровольцамъ[5]). Характерно и слѣдующее «представленіе» муниципалитета административной комиссіи: «Военные караулы... задерживаютъ въѣзжающія въ городъ подводы съ продуктами, требуя предъявленія билета, выданнаго плацъ-комендантомъ

1) Ibid., стр. 240—2; 280; 258—9; 379; 333.
2) „Русск. Стар.“, 1901 г., апр., 140.
3) „Русск. Стар.“, 1901, апрѣль, 141 стр.
4) Военскій. Op. cit., стр. 237, № 91.
5) Ibid., 241.

и вымогая взятки, что пугаетъ обывателей и уменьшаетъ подвозъ. Въ виду изложеннаго, муниципалитетъ проситъ о разслѣдованіи сего дѣла» [1]).

Смоленскія муниципальныя власти также печаловались предъ интендантомъ за населеніе, и даже уѣздное: «Нѣтъ возможности болѣе сносить такихъ жестокостей и грабежей (со стороны солдатъ, расквартированныхъ по уѣздамъ),—писалъ одинъ изъ русскихъ комиссаровъ губернатору.— Если далѣе хотя малое время все оное отъ нихъ происходить будетъ, то данныхъ комиссарамъ повелѣній (о сборѣ провіанта) ни подъ какимъ видомъ выполнить будетъ неможно, ибо жители, не имѣя чѣмъ себя содержать и пропитать, оставя свои домы, разбредутся. Пожалуйста, поскорѣе запретите имъ тѣ буйства, насилія и грабежи чинить, и снабдите меня на все оное вашею милостивою резолюціей» [2]).

Впрочемъ, членамъ муниципальнаго правительства, повидимому, была предоставлена власть арестовывать нарушителей тишины, порядка и постановленій и отправлять ихъ къ интенданту или въ муниципалитетъ. Вышеупомянутый смоленскій комиссаръ жалуется на французскіе отряды, что они отбираютъ и отпускаютъ на свободу тѣхъ грабителей, которыхъ онъ арестовывалъ и отправлялъ въ Смоленскъ [3]).

Надъ мѣстными жителями муниципалитетамъ, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ было предоставлено право суда. Виллльебланшъ писалъ смоленскимъ муниципаламъ: «Въ качествѣ членовъ муниципальнаго совѣта, вы пользуетесь полною юрисдикціей надъ жителями; поэтому вамъ слѣдуетъ сдѣлать г.г. Рейнеку, Раховскому и Шевичу выговоръ за ихъ лѣность и предостеречь ихъ о возможности строгихъ мѣръ по отношенію къ нимъ» [4]). Въ средѣ членовъ московскаго муниципалитета были лица, спеціальною обязанностью которыхъ было «заботиться о тишинѣ, порядкѣ и п р а в о с у д і и». Яркій свѣтъ на отношеніе муниципалитета къ мѣстному суду проливаетъ «объявленіе муниципальнаго совѣта г. Вильны о выборѣ участковыхъ судей». Согласно этому объявленію, выбранные муниципалитетомъ м и р о в ы е с у д ь и «в с ѣ о т ч е т ы о р ѣ ш е н н ы х ъ д ѣ л а х ъ и м ѣ ю т ъ п р и с ы л а т ь е ж е н е д ѣ л ь н о м у н и ц и п а л и т е т у, к а к ъ п р е д с т а в и т е л ю п р а в и т е л ь с т в а в ъ д а н н о м ъ г о р о д ѣ, н а б л ю д а ю щ е м у, ч т о б ы н е б ы л о н е с п р а в е д л и в о с т и, и и м ѣ ю щ е м у п р а в о н е т о л ь к о у в о л и т ь п о д о б н а г о с у д ь ю з а н е с п р а в е д л и в о с т и, н о и п р е д а т ь е г о г о р о д с к о м у с у д у за преступное неисполненіе обязанностей». Суду этому подвѣдомственны были слѣдующія дѣла: 1) о неплатежахъ за забранные съѣстные припасы и аптекарскіе товары; 2) тяжбы между ремесленниками и слугами съ нанявшими ихъ лицами и взысканіе убытковъ, причиненныхъ обѣимъ сторонамъ; 3) тяжбы по найму домовъ и квартиръ; 4) дѣла о нарушеніяхъ тишины и спокойствія и о неисполненіи распоряженій полиціи. Суды эти, не добившись примиренія сторонъ, могутъ налагать за проступки пени не свыше 50 злотыхъ въ пользу одной изъ тяжущихся сторонъ или въ городскую кассу; арестомъ или тюрьмой не свыше трехъ дней.

---

1) Ibid., 239 стр., № 94.
2) „Русск. Стар.“, 1901 г., IV, 143.
3) Ibid.
4) „Русск. Стар.“, 1901 г., IV, 143.

Постановленія названныхъ судовъ приводятся въ исполненіе полиціей, за исключеніемъ ареста и тюрьмы, для чего требуется подтвержденіе муниципалитета въ томъ случаѣ, если сторона апеллируетъ къ нему о такомъ подтвержденіи [1]).

Было ли такъ ясно регламентировано отношеніе муниципалитетовъ къ суду собственно въ русскихъ городахъ—намъ неизвѣстно; хотя вышеприведенныя данныя указываютъ на несомнѣнно предоставленную имъ юрисдикцію; весь вопросъ, слѣдовательно, въ фактическомъ примѣненіи ея русскими муниципалитетами.

Проступки, выходившіе за предѣлы подсудности муниципальныхъ судовъ, въ Литвѣ передавались суду войтовъ и городскому суду; насилія, мародерства и вообще тяжкіе проступки разбирались военнымъ судомъ, рѣшенія котораго приводились въ исполненіе въ 24 часа [2]).

Къ числу обязанностей муниципалитетовъ по водворенію «благоденствія среди обывателей» относится забота о бѣдныхъ, призрѣваемыхъ и объ ихъ пропитаніи. Любопытно отмѣтить, что «отдѣленіе (bureaux) попеченія о бѣдныхъ» при московскомъ муниципалитетѣ было самымъ многочисленнымъ: оно состояло изъ 7 человѣкъ. Насколько ихъ дѣятельность содѣйствовала «благоденствію» опекаемыхъ, для сужденія объ этомъ, къ сожалѣнію, мы не имѣемъ данныхъ.

Гораздо замѣтнѣе дѣятельность муниципалитетовъ по возстановленію церковнаго порядка въ городахъ. На обязанности трехъ московскихъ муниципаловъ лежало смотрѣть за порядками богослуженія въ храмахъ. Члены эти распоряжались очисткой храмовъ отъ навоза, труповъ и сора и возстановленіемъ богослуженія въ Москвѣ [3]).

Могилевскій муниципалитетъ предписалъ архіепископу Варлааму совершить торжественное богослуженіе въ день именинъ Наполеона, и возглашеніемъ имени послѣдняго вмѣсто имени русскаго императора и торжественно присягнуть Наполеону, что и было исполнено [4]).

Въ тотъ же день виленскій муниципалитетъ in corpore присутствовалъ при богослуженіи, и мэръ его произнесъ торжественную рѣчь [5]).

Могилевскій муниципалитетъ требовалъ отъ духовенства «понедѣльныхъ вѣдомостей: о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ» [6]).

Отъ витебскаго и могилевскаго муниципалитета было объявлено, чтобы въ городѣ «отъ захожденія до совершеннаго восхожденія солнца въ церквахъ въ колокола не звонили, да и днемъ къ обѣднѣ и вечернѣ звонили бы тихо и непродолжительно» [7]).

Для полноты перечисленія функцій муниципальной дѣятельности намъ остается указать, что на обязанности его отдѣльныхъ членовъ лежало заботиться объ очисткѣ улицъ и мостовыхъ отъ мертвыхъ тѣлъ и нечистотъ [8]); другихъ членовъ муниципалитета мы застаемъ при исполненіи

---

1) К. Военскій. „Акты, документы". Т. I, стр. 243—45, № 97.
2) К. Военскій. Op. cit., стр. 352; „Русск. Стар.", 1901, апр., 143 стр.
3) „Русск. Арх.", 1879 г., IX, 49—50.
4) „Русск. Стар.", 1902 г., декабрь, 447 стр.
5) Военскій. Op. cit., 264 стр.
6) „Истор. Вѣстн.", 1893 г., окт., 237 стр.
7) „Русск. Стар.", 1902 г., декабрь, 448 стр.
8) Дневникъ Н. А. Мурзакевича, стр. 43.

смертной казни; при чемъ муниципалы принимаютъ отъ осужденнаго его послѣднее завѣщаніе и распоряжаются выкопать могилу [1]); наконецъ, муниципалитеты объявляютъ о распродажѣ съ аукціона имущества неисправныхъ плательщиковъ налоговъ и посылаютъ своихъ членовъ для осмотра и описи этого имущества [2]).

Такъ обширна и разностороння была дѣятельность муниципалитетовъ, функціонировавшихъ у насъ, на Руси, какихъ-либо 2—3 мѣсяца при буряхъ и грозѣ военной непогоды. У насъ нѣтъ данныхъ, по которымъ бы можно было учесть реальные результаты этой дѣятельности какъ для французовъ, такъ и для мѣстныхъ жителей. Слишкомъ капиллярнымъ явленіемъ были муниципалитеты на фонѣ разыгрывавшихся стихійныхъ событій того времени, чтобы оказывать замѣтное вліяніе на нихъ и отразиться въ памятникахъ; къ тому же, боязнь наказанія за свое участіе «во французскомъ управленіи» заставила членовъ муниципалитетовъ, по возможности, уничтожить слѣды своей дѣятельности, и намъ, волей-неволей, приходится судить о ней изъ общихъ описаній и соображеній. Оставшійся въ Москвѣ Шмидтъ, майоръ генеральнаго штаба французской арміи, на вопросъ гр. Ростопчина, «оказало ли нѣкоторую пользу временное правленіе, учрежденное французами въ Москвѣ?»—отвѣтилъ: «Временное правленіе, учрежденное французами въ Москвѣ, не принесло большой пользы французской арміи; развѣ только тѣмъ, что нѣкоторые изъ его членовъ... указали нѣкоторыя мѣста, гдѣ были скрыты драгоцѣнныя вещи, и оказали содѣйствіе при обольщеніи нѣсколькихъ крестьянъ» [3]). Выше мы видѣли, что польза эта указаннымъ содѣйствіемъ не ограничилась, особенно, если принять во вниманіе дѣятельность всѣхъ муниципалитетовъ, отъ Вильны до Москвы. Главное же значеніе муниципалитетовъ было въ томъ, что они посильными заботами о «благоденствіи» оставшихся обывателей содѣйствовали облегченію страданій послѣднихъ, водворенію относительнаго порядка и были человѣчнымъ мостомъ между незнавшими страны завоевателями и покинутымъ на ихъ произволъ населеніемъ, не успѣвшимъ уйти съ пути непріятеля.

Бар. Г. Жомини (Минере).

Въ этомъ отношеніи не безынтересно для насъ воспоминаніе одного современника, который, даже преломляя событія сквозь призму зоологиче-

---

[1]) Ibid., 98 стр.
[2]) К. Военскій. Op. cit., 240 стр.
[3]) „Русск. Арх.", 1865 г., изд. 2-е, стр. 808 и 823.

скаго націонализма, не смогъ затемнить существеннаго въ дѣятельности мѣстнаго муниципалитета въ пользу мѣстнаго населенія. Житель г. Чаусъ (Могилевской губ.), говоря о расположеніи французскихъ войскъ въ Могилевской губерніи, замѣчаетъ: «Не могу сказать, чтобы эти отряды занимались грабежами и насиліями; этому обязаны мы были... временному тогдашнему военно-польскому «ржонду», который составленъ былъ изъ ксендзовъ, знатнѣйшихъ помѣщиковъ и чиновниковъ римско-католическаго исповѣданія; вѣрнѣе же сказать—боязни самого ржонда потерпѣть нападеніе отъ своихъ крестьянъ православнаго исповѣданія, которые въ военное время могли (?) возстать противъ своихъ неправославныхъ помѣщиковъ и ксендзовъ. Самый ржондъ, чтобы предотвратить это, исходатайствовалъ у начальства французской арміи охранительныя по городамъ и даже мѣстечкамъ Могилевской губ. военныя команды, подъ названіемъ «Ochrana», дабы держать въ страхѣ все православное народонаселеніе. Слѣдовательно, ржондъ этотъ внушалъ командамъ удерживаться отъ грабежа и насилія, чтобы не возбудить общаго возстанія православныхъ на всѣхъ помѣщиковъ римско-католическаго исповѣданія и ксендзовъ» [1]. Въ этомъ случаѣ мемуаристъ приписываетъ свою личную безопасность и сохранность имущества celебно козням поляковъ и ксендзовъ такъ же великодушно и съ благодарностью, какъ одинъ московскій домовладѣлецъ, обязанный спасеніемъ своего роскошнаго дома московскому муниципалу, счелъ своимъ патріотическимъ долгомъ донести на этого муниципала Ростопчину, какъ на пособника французовъ въ расхищеніи его имущества [2].

Но налетомъ подобнаго патріотизма и націонализма фактъ незатушеванъ: «злокозненный» католическій «ржондъ» въ Чаусахъ, «предатель-муниципалъ» въ Москвѣ содѣйствовали спасенію жизни и имущества своихъ обвинителей такъ же, какъ подобные имъ «муниципалы поневолѣ» дѣлали это во многихъ другихъ городахъ и весяхъ покинутой безъ предупрежденія Россіи.

Да, муниципалитеты дѣлали скромно большое дѣло, и ихъ можно упрекнуть развѣ въ томъ, что они не могли принести большей пользы своимъ соотечественникамъ, чѣмъ они ее принесли; но въ этомъ помѣшалъ имъ цѣлый рядъ независящихъ обстоятельствъ, сковывавшихъ ихъ по рукамъ и ногамъ.

Прежде всего нужно принять во вниманіе, что служба въ муниципалитетахъ для многихъ изъ муниципаловъ была «подневольною»: принималась подъ страхомъ смерти и страданій семьи и разсматривалась, какъ служеніе врагу, которое безнаказаннымъ не обойдется. Отсюда манкировка обязанностями, непосѣщеніе засѣданій и уклоненіе отъ подписыванія протоколовъ засѣданія и т. п. Вотъ какъ описываетъ свои переживанія одинъ изъ такихъ «подневольныхъ муниципаловъ»: «Лессепсъ объявилъ мнѣ, что я избранъ въ муниципалитетъ и занялъ бы свое мѣсто. Я, выслушавши приказаніе, просилъ его объ увольненіи, представя ему, что имѣю престарѣлыхъ родителей, жену и осмерыхъ дѣтей малолѣтнихъ, и что домъ

[1] „Русск. Стар.“, 1877 г., декабрь, 693 стр.
[2] „Русск. Арх.“, 1879 г., 9 кн., 56—56 стр.

нашъ частію выгорѣлъ и весь разграбленъ». Лессепсъ отказалъ. «Я сталъ усиливаться просьбою; онъ, долго слушавъ и осердясь, сказалъ: «Что жъ вы много разговариваете? Развѣ хотите, чтобъ я объ васъ, какъ объ упрямцѣ, донесъ моему императору, который въ примѣръ другимъ прикажетъ васъ разстрѣлять?..»

Это не единичное свидѣтельство трагическихъ переживаній муниципаловъ поневолѣ [1]).

Интендантамъ приходилось принимать энергичныя мѣры воздѣйствія для оживленія дѣятельности русскихъ муниципаловъ. «Я просилъ васъ, г. мэръ,—писалъ смоленскій интендантъ въ одной изъ своихъ бумагъ,—продолжать засѣданія до 2 часовъ. Я посылалъ въ муниципалитетъ въ 1 часъ, а тамъ не было даже приказнаго». Въ другой бумагѣ онъ пишетъ: «Г. мэръ! Требуя отъ васъ почтарей для организуемой мною теперь почты, я желалъ, чтобы они присланы были тотчасъ же; но вамъ всегда надо писать о самомъ простомъ дѣлѣ по три раза. Прошу васъ озаботиться этимъ немедленно и предупреждаю, что не приму никакихъ оправданій». Чрезъ 4 дня послѣ этого интендантъ обращается уже ко всему муниципалитету съ такимъ строгимъ посланіемъ: «Я съ сожалѣніемъ вынужденъ извѣстить васъ, что не могу быть доволенъ вашею безпечностью въ службѣ вашему отечеству. Сегодня, въ $9^1/_2$ часовъ, въ муниципалитетѣ не было ни мэра, ни одного изъ членовъ. Работающихъ нѣтъ никого, кромѣ гг. Рутковскаго и Ефремова. Предупреждаю васъ, что — какъ ни прискорбно будетъ для меня — я буду вынужденъ прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости, если это будетъ такъ продолжаться» [2]). Впрочемъ, не одньми угрозами, а и милостивыми подарками отъ имени Наполеона пытался Вилльлебланшъ поощрять своихъ вялыхъ муниципаловъ. Такъ, имъ выдано было мэру и его товарищу по 200 франковъ; «генералъ-секретарю» Ефремову «за особыя услуги по управленію» 224 франка, а остальнымъ разно — отъ 75 до 15 франковъ [3]).

Помимо страха за будущее, дѣятельности русскихъ муниципаловъ, особенно на пользу обывателей, препятствовала разнузданность военщины, особенно ко второй половинѣ кампаніи, и лишенія, которыя заставляли разноплеменныхъ солдатъ не дожидаться распоряженій интенданта, а грубо требовать отъ муниципаловъ и обывателей себѣ необходимаго. Н. Великановъ писалъ: «По прошествіи двухъ недѣль (его пребыванія въ смоленскомъ муниципалитетѣ), по причинѣ безпрестанныхъ на меня нападеній, брани и намѣренія отъ приходящихъ французскихъ офицеровъ бить меня сдѣлался я боленъ и пробылъ въ болѣзни, страхѣ и трепетѣ, ожидая себѣ, женѣ и сыну смерти, болѣе недѣли, послѣ чего, нѣсколько оздоровѣвши, вновь сходилъ раза два въ муниципалитетъ, но ничѣмъ уже, по слабости здоровья, не занимался» [4]).

Одинъ изъ муниципальныхъ комиссаровъ доносилъ смоленскому военному губернатору Барбанегрѣ: «Разныхъ націй военные люди, а осо-

[1]) См. письменные отвѣты на судебномъ допросѣ Н. Великанова, „Истор. Вѣстн.“, 1902, авг., 411 стр.; сравн. еще „Русск. Арх.“, 1876 г., VI, 170 и 175; „Русск. Стар.“, 1901, VI, 142—143.

[2]) См. Н. Андр. Мурзакевичъ, „брошюра Н. Н. Мурзакевича“, стр. 22, сноска; ср. „Русск. Стар.“, 1901 г., апрѣль, 142—143 стр.; „Истор. Вѣстн.“, 1902 г., авг., 407 стр.

[3]) „Русск. Стар.“, 1901, апрѣль, 142 стр.

[4]) „Истор. Вѣстн.“, 1902 г., авг., 42 стр.

бливо прусской арміи конные солдаты съ ихъ офицерами... дѣлаютъ чрезвычайные грабежи и, забирая хлѣбъ, скотъ, лошадей, все увозятъ съ собой, и жителей бьютъ дополусмерти и по нимъ стрѣляютъ, невзирая ни на какіе воинскіе залоги и охранныя команды, отъ которыхъ хотя и объявляются имъ данныя отъ французскаго правительства письменныя о томъ запрещенія, но оными пренебрегаютъ; и арестованныхъ и отправленныхъ въ Смоленскъ отпускаютъ на свободу» [1]). Да и военныя губернскія власти не всегда обладали достаточнымъ въ ихъ положеніи тактомъ.

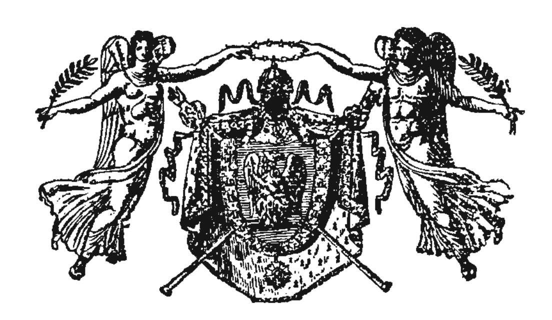
Все это, конечно, были обстоятельства, которыя мѣшали нормальному развитію дѣятельности насажденныхъ у насъ французами муниципалитетовъ, и все это должно быть учтено при оцѣнкѣ ихъ дѣятельности и трудоспособности.

Опасенія муниципаловъ, что ихъ служба будетъ признана за измѣну отечеству, сбылись. Вслѣдъ за удаленіемъ французовъ были назначены двѣ слѣдственныя комиссіи «по дѣлу о чиновникахъ и разнаго званія людяхъ, бывшихъ при непріятелѣ въ разныхъ должностяхъ», — одна въ Москвѣ (указомъ Сенату отъ 9 ноября 1812 г.) въ составѣ Ростопчина и сенаторовъ Модераха и Болотникова; другая въ Смоленскѣ (указомъ отъ 6 февраля 1813 г.). Комиссіи дѣйствовали энергично и «безъ послабленія»: особенно отличились своею неразборчивостью духовные слѣдователи [2]) и пресловутый графъ Ростопчинъ, который еще до окончанія слѣдствія заявилъ, что въ числѣ привлеченныхъ къ слѣдствію, по его мнѣнію, «невинныхъ нѣтъ, а есть болѣе или менѣе виноватые»... [3]) Слѣдственные матеріалы комиссій были переданы въ сенатъ, который «нѣсколько разъ требовалъ дополнительныхъ свѣдѣній о подсудимыхъ»; нашелъ возможнымъ освободить нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ содержанія въ тюрьмѣ и отдать ихъ до окончанія дѣла на поруки (29 января 1814 г.); и, наконецъ, 8 іюля 1815 г. препроводилъ въ московское губернское правленіе указъ, заключавшій сужденіе о степени виновности каждаго изъ подсудимыхъ и постановленіе надъ ними приговора.

«Вины, — говорилъ сенатскій указъ, — большею частью состоятъ въ одной только слабости духа, не позволившей имъ упорствовать съ твердостью противъ угрозъ и насилій безчеловѣчнаго врага, коего власти покорены были они «неволею и правомъ сильнаго».

Однако были и такіе, «коихъ предосудительные поступки и подозрительныя дѣйствія, въ исполненіи возложенныхъ на нихъ отъ непріятеля должностей и разныхъ порученій, обнаруживаютъ въ нихъ людей сомнительной нравственности и правилъ, противныхъ какъ святости присяги вѣрноподданнаго, такъ и обязанностямъ добраго гражданина». Къ числу такихъ отнесено было изъ московскихъ муниципаловъ 22 человѣка, и имъ положены разныя наказанія (самое строгое—къ лишенію чиновъ, дворянства и ссылкѣ въ Сибирь на житье).

[1]) „Русск. Стар.“, 1901 г., апрѣль, 143 стр.
[2]) „Истор. Вѣстн.“, 1902 г., авг., 409 стр. и далѣе.
[3]) „Русск. Арх.“, 1868 г., VI, 886, сноска 12.

PROCLAMATION.

HABITANS DE MOSCOU!

Vos malheurs sont grands, mais Sa Majesté l'Empereur et Roi veut en arrêter le cours.

Des exemples terribles vous ont appris comment il punit la désobéissance et le crime

Des mesures sévères sont prises pour empêcher le désordre, et ramener la sécurité publique.

Une administration paternelle, choisie parmi vous, formera votre Municipalité. Elle veillera sur vous, sur vos besoins, sur vos intérêts.

Ses membres sont distingués par un ruban rouge qu'ils porteront en forme de baudrier. Le maire, seulement, y ajoutera une ceinture blanche. Ils n'auront qu'un ruban rouge, au bras gauche, lorsqu'ils ne seront point en fonction.

La police de la ville est rétablie d'apres son ancienne organisation et déjà l'on doit à son activité un meilleur ordre de choses. Deux commissaires généraux et 20 Commissaires, placés dans chacun des anciens quartiers de la ville, sont choisis et installés par le Gouvernement: Vous les reconnoîtrez au ruban blanc qu'ils porteront au bras gauche.

Plusieurs églises de différens cultes, sont ouvertes et l'on y célèbre librement l'office divin.

Vos concitoyens rentrent, chaque jour, dans leurs foyers, et des ordres sont donnes pour qu'ils y trouvent la protection et l'appui dû au malheur.

Tels sont les moyens que le gouvernement a pris pour rétablir l'ordre et adoucir votre situation. Mais, pour y parvenir, il faut, dès ce moment, joindre vos efforts aux siens; oublier, s'il se peut, les maux que vous avez soufferts, livrer vos ames à l'espoir d'un sort moins rigoureux, songer qu'une mort certaine et ignominieuse attend celui qui porteroit atteinte à vos personnes et aux proprietés qui vous restent, et croire enfin qu'elles seront respectées, parce que telle est la volonté du plus grand et du plus juste des monarques.

Habitans, de quelque nation que vous soyez! Rétablissez la confiance publique, source du bonheur des Empires, vivez en frères avec nos Soldats, prêtez-vous mutuellement secours et protection; réunissez-vous pour déjouer les projets des mal veillans, obéissez aux Autorités civiles et militaires, et bientôt vos larmes cesseront de couler.

Moscou, le 1er Octobre 1812.

L'intendant de la ville et de la province de Moscou,

LESSEPS.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ.

ЖИТЕЛИ МОСКВЫ!

Нещастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить теченіе оныхъ.

Страшные примѣры васъ научили какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія.

Строгіе мѣры взяты чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

Отеческая Администрація избранная изъ самихъ васъ, составлять будетъ вашъ Муниципалитетъ или Градское Правленіе. Оное будетъ пещись объ васѣ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить чрезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверьхъ онаго бѣлой поясъ. Но исключая время должности ихъ они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

Городовая Полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшей существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ Комиссаровъ или Полицеймейстеровъ и 20 коммиссаровъ или частныхъ Приставовъ, постановленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобъ они въ нихъ находили помощь и покровительство слѣдуемые нещастію.

Сіи суть средства, которые Правительство употребило, чтобъ возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до того, нужно чтобъ вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли естьли можно ваши нещастія, которыя претѣрпели, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутся на ваши особы, и оставшееся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сумнѣвались, что оные будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ.

Жители! какой бы вы нація ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ щастія Государствъ, живите какъ братья съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь военскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ.

Москва 19 Сентября / 1 Октября 1812 года.

Интендантъ или управляющій городомъ и Провинціею Московскою.

ЛЕССЕПСЪ

(Музей П. И. Щукина)

Третью категорію въ сенатскомъ указѣ составляютъ лица, не занимавшія никакихъ должностей и привлеченныя къ слѣдствію по одному подозрѣнію; такихъ 21. Нѣкоторые изъ нихъ числились въ должностяхъ только на бумагѣ, а на дѣлѣ не принимали никакого участія въ правленіи. Манифестомъ отъ 30 августа 1814 г., между прочимъ, объявлялась амнистія для осужденныхъ по этому дѣлу.

Для многихъ «милость» эта была запоздавшею. Не говоря уже о томъ, что обвиняемые, между которыми были совсѣмъ невиновные, въ теченіе двухъ лѣтъ претерпѣли всякія лишенія, тюрьму и страхъ за будущее [1]); нѣкоторые умерли во время слѣдствія [2]). Смоленскій мэръ (тит. сов. В. М. Ярославцевъ) лишилъ себя жизни.

В. Улановъ.

Пожаръ Москвы. (Нюренбергская гравюра).

III. Пожаръ Москвы.

И. М. Катаева.

На основаніи свидѣтельствъ очевидцевъ, русскихъ и иностранныхъ, мы можемъ довольно отчетливо представить себѣ поразительную картину пожара и отмѣтить его топографію, т.-е. тѣ пункты, которые подверглись опустошенію.

Всѣ современники согласно свидѣтельствуютъ, что пожаръ начался въ первый же день вступленія французовъ въ Москву, 2 сентября, въ понедѣльникъ къ вечеру [3]).

Дѣйствительно, часовъ въ 8—9 вечера пожаръ вспыхнулъ въ нѣсколькихъ пунктахъ: на Солянкѣ—около Воспитательнаго Дома, въ Китай-

[1]) См. указанную выше брошюру Мурзакевича и описанія страданій, перенесенныхъ Кольчугинымъ („Русск. Арх.", 1879 г., 9, 45) и Н. Великановымъ („Истор. Вѣстн.", 1902 г., авг., 404—422).

[2]) Смоленскій „генералъ-секретарь" Ефремовъ, котораго интендантъ хвалилъ за усердіе. Ibid., 417 стр.

[3]) См. по этому поводу статью С. П. Мельгунова „Кто сжегъ Москву". *Ред.*

Городѣ—въ скобяныхъ и москотильныхъ рядахъ и около новаго Гостинаго двора [1]), затѣмъ—за Яузскимъ мостомъ, по направленію къ Швивой горкѣ. Зловѣщее зарево пожара, охватившаго Москву, было хорошо видно нашей отступившей арміи. Наши войска, къ вечеру 2 сентября, сдѣлавъ переходъ въ 15 верстъ до деревни Панки, «увидѣли въ городѣ пожаръ: это было только начало,—говоритъ очевидецъ.—Въ продолженіе ночи пожаръ усилился, и поутру 3 сентября уже большая часть горизонта надъ городомъ обозначилась пламенемъ. Огненныя волны восходили до небесъ, а черный густой дымъ, клубясь по небосклону, разстилался до насъ. Тогда всѣ мы невольно содрогались отъ удивленія и ужаса... Мѣсто удивленія заступило негодованіе.—Вотъ тебѣ и златоверхая Москва! Красуйся, матушка, русская столица! говорили солдаты» [2]).

Тутолмину съ подчиненными удалось кой-какъ потушить пожаръ около Воспитательнаго Дома; но въ другихъ мѣстахъ пожары разгорались все болѣе и болѣе. Въ особенности страшную картину представляло пожарище Гостинаго двора на Красной площади во вторникъ 3 сентября, около полудня; въ это время Наполеонъ со свитой проѣхалъ изъ Дорогомилова, гдѣ онъ ночевалъ, въ Кремль, а вслѣдъ за тѣмъ его войска начали занимать предназначенныя имъ части Москвы [3]). На московскихъ улицахъ наблюдались тишина и безмолвіе. Только, по мѣрѣ приближенія къ Кремлю, стали встрѣчаться жители и толпы французскихъ солдатъ, открыто обмѣнивавшихся и торговавшихъ награбленной добычей. Толпы увеличивались еще болѣе на Красной площади, у большого Гостинаго двора, уже пылавшаго со всѣхъ сторонъ. «Громадное зданіе,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—походило на исполинскую печь, изъ которой вырывались густые клубы дыма и языки пламени. Возможно было ходить лишь по наружной галлереѣ, гдѣ находилось множество лавокъ. Тысячи солдатъ и какихъ-то оборванцевъ грабили лавки. Одни тащили на плечахъ тюки суконъ и различныхъ матерій, другіе катили передъ собою бочки съ виномъ и масломъ, третьи таскали головы сахару и другихъ продуктовъ... При этомъ страшномъ грабежѣ не было слышно криковъ; грабители работали молча, сосредоточенно. Слышался только трескъ пламени, стукъ разбиваемыхъ у лавокъ дверей, грохотъ отъ падающихъ сводовъ. Пламя пожирало безпощадно сокровища Европы и Азіи, накопленныя здѣсь. Изъ погребовъ, набитыхъ сахаромъ, масломъ, смолистыми и спиртовыми товарами, вырывались густые клубы дыма и потоки пламени» [4]).

Яузскій пожаръ тоже разгорался сильнѣе и охватилъ деревянныя зданія на Швивой горкѣ и около церкви архидіакона Стефана. Этотъ пожаръ угрожалъ роскошному дому заводчика Баташова, гдѣ только что наканунѣ расположился неаполитанскій король со своей свитой. По распоряженію Мюрата, не желавшаго покидать удобной квартиры, французскія войска приняли мѣры къ тушенію пожара. Имъ усердно помогала дворня Баташова во главѣ съ приказчикомъ Соковымъ, защищая домъ своего

---

1) Находившагося около кремлевской стѣны между Никольскими и Спасскими воротами.

2) А. Н. Поповъ. „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“, „Русск. Арх.“, 1876 г., I, стр. 322.

3) Накануне прошелъ черезъ Москву только авангардъ короля Мюрата и были введены караулы въ нѣкоторыя части Москвы.

4) Надлеръ. „Им. Александръ I и идея свящ. союза“, т. I, стр. 331.

господина, хозяйское добро и свое имущество. Баташовскій домъ въ этотъ день удалось отстоять, но деревянные домики, тянувшіеся внизъ до Яузы, сгорѣли до тла [1]). Тогда же—3-го числа, сильный пожаръ свирѣпствовалъ на Покровкѣ, опустошалъ Нѣмецкую слободу и мѣстность около церкви Ильи пророка. Въ тотъ день, утромъ, казаки, внезапно появившись у Москворѣцкаго моста, подожгли его въ виду непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ запылали на берегу р. Москвы казенные хлѣбные магазины и съ оглушительнымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ находившійся тамъ же складъ артиллерійскихъ снарядовъ. Вблизи Москворѣцкаго моста загорѣлись Балчугъ, а по другую сторону (въ Китай-Городѣ)—Зарядье, и все шире и шире пламя захватывало Гостиный дворъ.

Такъ какъ пожаръ угрожалъ Кремлю, гдѣ расположился Наполеонъ и гдѣ были сосредоточены артиллерійскіе снаряды, то Наполеонъ приказалъ маршалу Мортье, назначенному московскимъ генералъ-губернаторомъ, во что бы то ни стало прекратить огонь. Французскіе солдаты напрягали всѣ усилія, чтобы исполнить приказъ императора. Но это было не легко, такъ какъ огонь находилъ обильную пищу въ горючихъ веществахъ, хранившихся въ подвалахъ и лавкахъ москотильнаго, свѣчного и маслянаго рядовъ, а съ другой стороны—пожарныхъ инструментовъ не было подъ рукой: они были вывезены по распоряженію Ростопчина. Тѣмъ не менѣе, къ вечеру французамъ удалось, если не совсѣмъ потушить огонь на Красной площади, то значительно ослабить его силу и отстоять Кремль отъ угрожавшей ему опасности. Наполеонъ могъ спокойно спать въ кремлевскомъ дворцѣ, въ палатахъ русскихъ царей. Французскіе генералы и офицеры также надѣялись отдохнуть и устроиться съ комфортомъ въ русской столицѣ послѣ трудностей долгой утомительной кампаніи. Въ тотъ же день—3-го, нѣкоторые изъ нихъ отправились въ Каретный рядъ, чтобы выбрать себѣ по вкусу щегольской экипажъ изъ находившагося тамъ громаднаго готоваго запаса, при чемъ выбиравшій отмѣчалъ экипажъ своимъ именемъ. Но, недолго спустя, загорѣлся весь Каретный рядъ. Французы, занятые тушеніемъ пожара въ центрѣ, мало обращали вниманія на болѣе отдаленыя части, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ, какъ уже указывалось выше, бушевало пламя.

Наступила ночь съ 3 на 4 сентября, «страшная ночь», какъ называютъ ее очевидцы. Въ эту ночь поднялся сильный вѣтеръ, который вскорѣ перешелъ въ настоящую бурю. Порывы вѣтра разносили огонь по всѣмъ частямъ города; къ утру Москва представляла уже огромное бушующее огненное море.

Разные современники въ яркихъ чертахъ описываютъ этотъ день 4 сентября. Шевалье д'Изарнъ, французскій эмигрантъ, жившій нѣсколько лѣтъ въ Москвѣ и оставшійся въ ней при занятіи ея Наполеономъ, пишетъ: «Въ среду, утромъ, къ девяти часамъ поднялся со страшной силой сѣверный ураганъ; вотъ когда начался большой пожаръ. Изъ моихъ оконъ видно было, какъ сперва огонь вспыхнулъ на той сторонѣ

---

[1]) Соковъ въ письмѣ къ И. Р. Баташову описываетъ подробности этихъ ужасныхъ дней. На другой день—4-го, во время самаго сильнаго пожара, Баташовскій домъ со всѣмъ имуществомъ сгорѣлъ. „Русск. Арх.“, 1871 г., стр. 0218 и сл.

рѣки, гораздо позади Комиссаріата [1]) и потомъ началъ распространяться мало-по-малу по направленію вѣтра; въ одинъ часъ огонь разнесся въ десять различныхъ мѣстъ, такъ что все огромное пространство по ту сторону рѣки (Замоскворѣчье), застроенное домами, превратилось въ море пламени, волны котораго бушевали въ воздухѣ, разнося повсюду опустошеніе и ужасъ. Въ то же время пожаръ снова вспыхнулъ въ городѣ (Китай-Городѣ) еще съ большею силою, чѣмъ въ первые дни. Особенно тамъ, гдѣ были лавки, огонь нашелъ себѣ обильную пищу въ товарахъ, которые были заперты тамъ. Это обстоятельство, а также сильная буря, тѣснота мѣста и множество горѣвшихъ пунктовъ города дѣлали всякое противодѣйствіе огню невозможнымъ, такъ что несчастные хозяева спѣшили только захватить съ собою самыя цѣнныя вещи и бѣжать. Вотъ когда начался грабежъ, и все, что уцѣлѣло отъ пламени, попадало въ руки солдатъ. Пока пожаръ превращалъ въ пепелъ городъ, остальныя части Москвы также пылали: Пречистенка, Арбатъ, затѣмъ — по направленію вала (Садовая) черезъ Красныя ворота и Воронцово поле до самой Яузы, по ту сторону Яузы и Яузкѣ—все было въ пламени. Вся полоса воздуха надъ городомъ превратилась въ огненную массу, которая изрыгала горящія головешки; а вслѣдствіе расширенія воздуха отъ теплоты буря еще болѣе усиливалась; никогда небо въ своемъ гнѣвѣ не являло людямъ зрѣлища ужаснѣе этого!» [2]).

4 сентября опасность снова стала угрожать Воспитательному Дому на Солянкѣ. Въ этотъ день, говоритъ Тутолминъ въ своемъ донесеніи императрицѣ [3]), «былъ самый жесточайшій пожаръ; весь городъ былъ объятъ пламенемъ, горѣли храмы Божіи, превращались въ пепелъ великолѣпныя зданія и домы; отцы и матери кидались въ пламя, чтобы спасти погибающихъ дѣтей, и дѣлались жертвою ихъ нѣжности. Жалостные вопли ихъ заглушались только шумомъ ужаснѣйшаго вѣтра и обрушеніемъ стѣнъ. Все было жертвою огня. Мосты и суда на рѣкѣ были въ огнѣ и сгорѣли до самой воды. Воспитательный Домъ... со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ пламенемъ. Всѣ окрестныя строенія пожираемы были ужаснымъ пожаромъ; пламя разливалось рѣками повсюду... и ночь не различалась свѣтомъ со днемъ. Въ Воспитательномъ Домѣ воспитанники съ вѣниками и шайками разставлены были по дворамъ, куда, какъ дождь, сыпались искры, которыя они гасили. Неоднократно загорались въ домѣ рамы оконничныя и косяки; главный надзиратель съ подчиненными гасилъ, раскидывая сосѣдніе заборы и строенія, загашая водою загоравшіяся мѣста, и такимъ образомъ спасъ домъ съ воспитанниками и пришельцами. Только что одинъ деревянный домъ и аптека сгорѣли».

Вновь усилилась опасность пожара и для Кремля. Утромъ этого дня Наполеонъ проснулся въ хорошемъ расположеніи духа, почувствовавъ облегченіе отъ простуды, безпокоившей его со времени Бородинской битвы и не подозрѣвая еще новой опасности. Когда вошелъ къ нему докторъ Метивье, то по обыкновенію онъ спросилъ его: «Что новаго?» Когда докторъ сообщилъ ему, что повсюду вокругъ Кремля распростра-

---

1) Комиссаріатская набережная.
2) „Русск. Арх.“, 1869 г., 1412—1413 стр.
3) Щукинъ, Бум., относящ. до Отеч. войны, ч. V, стр. 152.

Пожаръ Москвы во время нашествія французовъ 2 сент. 1812 г. (Нѣм. лубочная грав.).

нились пожары, императоръ равнодушно отвѣчалъ: «Это неосторожность солдатъ; они, вѣроятно, разложили огни для приготовленія пищи слишкомъ близко къ деревяннымъ домамъ». Но вдругъ взглядъ его остановился, улыбка исчезла съ устъ, выраженіе лица его сдѣлалось ужаснымъ. Онъ вскочилъ съ постели; не произнося ни слова, быстро одѣлся, при чемъ такъ сильно толкнулъ ногою мамелюка, подавшаго ему сапогъ лѣвой ноги на правую, что тотъ упалъ навзничь, и затѣмъ вышелъ въ сосѣднюю комнату. Очевидно, въ эту минуту мысль объ опасности пожара Москвы со всѣми истекавшими отсюда послѣдствіями съ отчетливой ясностью промелькнула въ мозгу Наполеона. Онъ подошелъ къ окну. Страшная картина представилась взорамъ императора.

Передъ окнами дворца, какъ на ладони, разстилалось Замоскворѣчье, все объятое пламенемъ; лишь кое-гдѣ можно было различить незагорѣвшіяся еще кровли зданій и колокольни. Волны дыма и пламени, казалось, переносились черезъ рѣку и подступали къ Кремлю. Наполеонъ обратился въ другую сторону, но и тамъ ожидала его такая же ужасная картина. Гостиный дворъ снова весь былъ объятъ пламенемъ. Горѣли Ильинка и Никольская; видны были пожары со всѣхъ сторонъ, на Тверской, на Арбатѣ, на Остоженкѣ, у Каменнаго моста. Рѣзкіе порывы сѣверо-восточнаго вѣтра, часто мѣнявшаго направленіе, нѣсколько разъ

обращали огонь къ Кремлю. Осыпаемый огненными искрами, Кремль освѣщался иногда такимъ свѣтомъ, что, казалось, будто въ его стѣнахъ уже начинался пожаръ; а между тѣмъ туда ввезены были подвижной пороховой магазинъ и всѣ боевые снаряды молодой гвардіи; фуры съ боевыми снарядами стояли противъ оконъ дворца, въ которомъ ночевалъ императоръ Наполеонъ [1]).

Сильное волненіе овладѣло императоромъ при видѣ этого зрѣлища. Адъютантъ Наполеона, гр. Сегюръ, былъ свидѣтелемъ этихъ психическихъ переживаній Наполеона. «Первымъ его движеніемъ,—говоритъ Сегюръ,—былъ гнѣвъ: онъ хотѣлъ властвовать даже надъ стихіями. Но скоро онъ долженъ былъ преклониться и уступить необходимости. Удивленный тѣмъ, что, поразивъ въ сердце имперію, онъ встрѣтилъ не изъявленіе покорности и страха, а совершенно иное, онъ почувствовалъ, что его побѣдили и превзошли въ рѣшимости. Это завоеваніе, для котораго онъ все принесъ въ жертву, исчезало на его глазахъ въ облакахъ дыма и пламени. Имъ овладѣло страшное безпокойство; казалось, его самого пожиралъ огонь, который насъ окружалъ. Ежеминутно онъ вставалъ, ходилъ и снова садился. Быстрыми шагами онъ пробѣгалъ дворцовыя комнаты; его движенія, порывистыя и грозныя, обличали внутреннюю, жестокую тревогу. Онъ оставляетъ необходимую работу, принимается за нее снова и снова бросаетъ, чтобы посмотрѣть въ окно на непрекращавшееся распространеніе пожара. Изъ его стѣсненной груди вырываются короткія и рѣзкія восклицанія: «Какое ужасное зрѣлище! Это сами они поджигаютъ; сколько прекрасныхъ зданій; какая необычайная рѣшимость; что за люди: это скиѳы!»

Несмотря на значительное пространство, отдѣлявшее кремлевскій дворецъ отъ пожарищъ, оконныя стекла во дворцѣ накалились до такой степени, что къ нимъ едва можно было прикасаться. Поставленные на крышахъ солдаты едва успѣвали тушить искры и головни, сыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на дворецъ. Тревога внутри Кремля возрастала. Маршалъ Бертье и другіе приближенные Наполеона отдали приказъ быть всѣмъ наготовѣ къ выходу. Но императоръ медлилъ отдать сигналъ къ выступленію. Ему, только что занявъ дворецъ русскихъ царей, не хотѣлось немедленно его оставить, какъ вдругъ раздался крикъ: «Кремль горитъ!» Наполеонъ вышелъ изъ дворца на сенатскую площадку, чтобы самому непосредственно убѣдиться въ угрожавшей опасности. Дѣйствительно, загорѣлась Троицкая башня близъ самаго Арсенала. Усиліями гвардіи этотъ пожаръ былъ потушенъ; но ежеминутно могла возникнуть новая опасность. Тогда Мюратъ, Евгеній Богарнэ и другія приближенныя лица обратились къ Наполеону съ настойчивой просьбой немедленно покинуть Кремль. Онъ, наконецъ, согласился. Рѣшено было выѣхать въ загородный Петровскій дворецъ.

Но какъ было выбраться изъ Кремля? «Мы были окружены,—говоритъ гр. Сегюръ,—цѣлымъ моремъ пламени; оно угрожало всѣмъ воротамъ, ведущимъ изъ Кремля. Первыя попытки выйти изъ него были

---

[1]) Корбелецкій „Кратк. повѣствованіе о вторженіи французовъ въ Москву". Спб., 1813 г., стр. 31 и сл.

неудачны. Наконецъ найденъ былъ подъ горою выходъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Наполеонъ вышелъ черезъ него изъ Кремля со своею свитой и старою гвардіей. Подойдя ближе къ пожару, мы не рѣшались войти въ эти волны огненнаго моря. Тѣ, которые успѣли нѣсколько познакомиться съ городомъ, не узнавали улицъ, исчезавшихъ въ дыму и развалинахъ. Однакоже надо было рѣшиться на что-нибудь, такъ какъ съ каждымъ мгновеніемъ пожаръ усиливался все болѣе и болѣе вокругъ насъ. Одна узкая извилистая улица казалась болѣе входомъ, нежели выходомъ изъ этого ада. Императоръ пѣшкомъ, не колеблясь, пошелъ впередъ по этой улицѣ [1]). Онъ шелъ среди треска пылающихъ домовъ, при грохотѣ разрушавшихся сводовъ, среди падавшихъ вокругъ него горящихъ бревенъ и раскаленныхъ кровельныхъ листовъ желѣза. Груды обломковъ затрудняли его путь. Пламя, высоко поднимавшееся надъ крышами, силою вѣтра наклонялось надъ нашими головами. Мы шли по огненной землѣ, подъ огненнымъ небомъ, между огненныхъ стѣнъ. Сильный жаръ жегъ наши глаза, но мы не могли закрыть ихъ и должны были пристально смотрѣть впередъ. Удушливый воздухъ, горячій пепелъ и вырывавшееся отовсюду пламя спирали наше дыханіе, короткое, сухое, стѣсненное и подавляемое дымомъ. Мы обжигали руки, стараясь защитить лицо отъ страшнаго жара, и сбрасывали съ себя искры, осыпавшія и прожигавшія платье. Въ этомъ-то ужасномъ положеніи, когда все спасеніе наше зависѣло, повидимому, отъ быстроты, проводникъ нашъ сбился съ пути и остановился въ смущеніи. Здѣсь окончилась бы наша жизнь, исполненная треволненій, если бы случайное обстоятельство не вывело императора Наполеона изъ этого грознаго положенія». Солдаты изъ корпусовъ Даву и Нея, грабившіе въ этой части города, неожиданно натолкнулись на императора и его свиту. Они вывели его по пожарищамъ къ рѣкѣ Москвѣ у Дорогомиловскаго моста. Отсюда Наполеонъ и его спутники, слѣдуя берегомъ рѣки, достигли до села Хорошева, переправились черезъ рѣку по пловучему мосту и мимо Ваганькова кладбища, пробираясь полями, только уже при наступленіи темноты достигли Петровскаго дворца, измученные и потрясенные страшными впечатлѣніями этого дня [2]).

Пожаръ Москвы. (Нѣмец. грав.).

---

[1]) Предполагаютъ, что это былъ нынѣшній Лебяжій пер. и далѣе — черезъ Лѣнивку и Волхонку путь къ Пречистенскимъ воротамъ.

[2]) А. Н. Поповъ, „Французы въ Москвѣ въ 1812 г.“, „Русск. Арх.“, 1876 г., кн. I, стр. 329—331. Надлеръ, „Имп. Александръ I и идея свящ. союза“, т. I, стр. 337—339. Наполеонъ переѣхалъ обратно въ Кремлевскій дворецъ по окончаніи пожаровъ 8 сент.

Пожаръ бушевалъ еще 5 сентября. Но, къ счастью, къ вечеру этого дня погода измѣнилась: небо покрылось тучами, пошелъ сильный дождь, вѣтеръ началъ стихать; вмѣстѣ съ тѣмъ начала постепенно ослабѣвать и сила огня. На другой день, 6-го, дождь продолжалъ итти еще съ большею силою, вѣтеръ совсѣмъ стихъ, и пожары почти прекратились, хотя еще въ разныхъ мѣстахъ дымились пожарища, и кое-гдѣ вспыхивалъ огонь. Накаленная почва и мостовыя, по которымъ едва можно было ходить, охладѣли. Удушливый воздухъ, наполненный запахомъ гари, дымомъ и пепломъ, освѣжился; дышать стало легче, хотя не надолго: дома и улицы повсюду были наполнены разлагавшимися трупами людей и животныхъ, заражавшихъ воздухъ.

Самые ужасные дни миновали. Послѣ пожара Москва представляла печальное зрѣлище: повсюду—огромныя пространства обгорѣлыхъ пустырей, между которыми едва можно было различить направленіе прежнихъ улицъ. Кой-гдѣ виднѣлись уцѣлѣвшія зданія: на каждомъ шагу попадались груды дымившихся развалинъ, уныло торчали печныя трубы, остатки стѣнъ и столбовъ. По улицамъ трудно было пробираться отъ разбросанныхъ обломковъ дерева, желѣза и пр.; тутъ же валялась всевозможная мебель и домашняя утварь, выброшенная изъ домовъ или оставленная грабителями, которые захватывали все, что попадалось подъ руки, и затѣмъ бросали, завидѣвъ болѣе цѣнную добычу.

По очищеніи Москвы французами, московскій оберъ-полицмейстеръ Ивашкинъ доносилъ офиціально гр. Ростопчину о состояніи столицы: «Соборы, храмы Божіи и монастыри, оскверненные неистовствами ихъ (непріятелей), въ пяти мѣстахъ подорванный Кремль, выжженныя Грановитая палата и часть дворца, нѣкоторыя казенныя зданія и 6496 обывательскихъ, каменныхъ и деревянныхъ домовъ [1]), множество мертвыхъ труповъ людей и лошадей, разбросанныхъ по улицамъ, все сіе вмѣстѣ составляло ужасную истину варварства извергов сихъ» [2]). Погорѣли торговые ряды и лавки (8521) съ торговыми складами и товарами, большая часть заводовъ, фабрикъ и ремесленныхъ заведеній. Сгорѣли 122 церкви (изъ 329), остальныя пострадали отъ пожара или были разграблены. Погибъ цѣлый рядъ культурныхъ и просвѣтительныхъ учрежденій, въ томъ числѣ — университетъ съ пансіономъ и библіотекой, библіотека гр. Бутурлина, пользовавшаяся большой извѣстностью въ Москвѣ (40.000 томовъ), съ крупнымъ собраніемъ живописныхъ картинъ, театръ, домъ Благороднаго собранія, Англійскій клубъ; пострадали архивныя хранилища съ рукописными памятниками отечественной исторіи. Помѣщеніе архива Вотчиннаго Департамента уцѣлѣло отъ огня, но, несмотря на хлопоты и ходатайства Бестужева-Рюмина лично предъ Наполеономъ, французская гвардія, расположившаяся въ сенатскомъ зданіи, натворила не мало бѣдъ; по свидѣтельству очевидца, французы «для удобства своего помѣщенія стали хозяйничать по-своему, изъ архивныхъ книгъ и вязокъ устроили постели, столы и стулья, другія, какъ ненужныя,

[1]) Всего въ Москвѣ къ 1812 г. числилось 9151 домъ, изъ нихъ деревянныхъ 6584 и каменныхъ 2567. Стат. табл. о состояніи Москвы въ бум.. относ. до Отеч. войны, П. И. Щукина, ч. IV, стр. 230—231.

[2]) Щукинъ, Бумаги, ч. II. стр. 10.

повыкидали изъ оконъ, а иныя употребляли на топливо для приготовленія пищи»[1]).

Всѣхъ культурныхъ потерь учесть невозможно. Имущественные убытки для казны и московскаго населенія исчисляются сотнями милліоновъ рублей. Въ отношеніи зданій и построекъ погибли, какъ видно изъ вышеуказаннаго, болѣе, чѣмъ $^3/_4$ старой Москвы. Изъ отдѣльныхъ частей и улицъ пострадали слѣдующія.

Кремль не былъ захваченъ пожаромъ, но сильно пострадалъ отъ порохового взрыва, которымъ, по приказанію Наполеона, былъ ознаменованъ выходъ французовъ изъ Москвы въ ночь на 11 окт. Отъ этого взрыва обгорѣли дворецъ и Грановитая палата; сильно пострадалъ Арсеналъ и колокольня Ивана Великаго: пристройка къ высокой

Москва 12 сентября 1812 г. (Таберъ-дю-Форъ).

башнѣ, гдѣ висѣли колокола, взорвана на воздухъ; башня, хотя и устояла, но была сильно повреждена, и «Иванъ Великій стоялъ, какъ сирота, лишенный подпоръ своихъ». Никольскія ворота были повреждены. Отъ Никольскихъ воротъ до арсенальныхъ все было завалено обломками. Кремлевская стѣна пострадала, главнымъ образомъ, со стороны, обращенной къ рѣкѣ Москвѣ: отъ Москворѣцкаго моста, вдоль по набережной, стѣна взорвана въ трехъ мѣстахъ, желѣзная рѣшетка набережной сбита въ рѣку; угольная башня, обращенная къ Каменному мосту, была взорвана совершенно и большею частью обрушилась въ рѣку. Пострадали и Боровицкія ворота. Прочія кремлевскія башни и стѣны уцѣлѣли. Уцѣлѣли и всѣ кремлевскіе соборы, несмотря на близость взрыва, отъ ко-

1) Щукинъ, Бумаги, ч. VII, стр. 213—214. Архивъ Коллегіи Иностр. Дѣлъ (теперь Главн. арх. Мин. Иностр. Дѣлъ) въ большей своей части, благодаря энергіи его управляющаго Бантыша-Каменскаго, былъ заблаговременно вывезенъ изъ Москвы во Владиміръ и Нижній-Новгородъ. Оставшіеся же въ Москвѣ архивскіе дѣла и чиновники претерпѣли такую же печальную участь, какъ и Вотчинный Департаментъ. „Русск. Арх.“, 1875 г., кн. 11, стр. 289—296.

тораго пострадалъ «Иванъ Великій»; въ нихъ отъ сильнаго потрясенія оказались только выбитыми стекла.

Китай-Городъ съ торговыми рядами и почти всѣми зданіями выгорѣлъ. Уцѣлѣли на Никольской нѣсколько домовъ, въ томъ числѣ Синодальная типографія. Но находившіяся на Никольской книжныя лавки всѣ сгорѣли. Въ Бѣломъ городѣ пострадали особенно сильно части къ западу и юго-западу отъ Кремля, начиная съ Петровки, Дмитровки и Тверской, далѣе—Моховая, Никитская, Воздвиженка, Знаменка, Арбатъ, Пречистенка и Остоженка съ переулками. Замоскворѣчье все выгорѣло. Выжжена Нѣмецкая слобода и въ ней—Слободскій (Лефортовскій) дворецъ. Выгорѣли Басманная, Покровка, Земляной валъ и Садовая; здѣсь уцѣлѣли Шереметевская больница, Спасскія казармы и Сухарева башня. Огонь сравнительно пощадилъ улицы отъ Китай-города по радіусамъ: Маросейкѣ, Мясницкой, Срѣтенкѣ, Лубянкѣ и поперечныя: Кузнецкій Мостъ, Чистые пруды и т. д. по бульварамъ—до Страстного монастыря.

«Москва не представляетъ уже первобытнаго своего блеска,—пишетъ одинъ очевидецъ, преданный традиціямъ дворянства, пріѣхавъ въ Москву въ февралѣ 1813 г.—Теперь она представляетъ обширное пожарище, на коемъ торчатъ однѣ печныя трубы, кучи камней, развалинъ и глыбъ земли, обрушенной взрывами, и сіе зрѣлище приводитъ каждаго въ содроганіе. Теперь уже не можно сказать сынамъ сей древней колыбели и гробницы русскаго дворянства съ любезнымъ ея стихотворцемъ: «Что матушки Москвы и краше и милѣе». Теперь всякій скажетъ: «Что матушки Москвы печальнѣе, унылѣе, огорченнѣе... Нѣтъ экипажей, нѣтъ дворянства... Въ дверяхъ же славнаго нашего Благороднаго собранія, перваго клуба въ Россіи, теперь сдѣлана лавочка, гдѣ продаются лапти, кульки, веревки и прочее. Охотный рядъ есть базаръ изъ возовъ; на Красной площади по обѣимъ сторонамъ построены въ два ряда деревянныя лавочки, наподобіе бывшихъ хлѣбныхъ и табачныхъ. Суконныхъ товаровъ, также посуды, сахару, чаю и прочаго еще мало, но мѣняльщиковъ серебра и серебряныхъ денегъ очень много. Причина сему та, что всякій купецъ изъ Серебрянаго ряда могъ въ одномъ мѣшкѣ унести все съ собою... Фабрикъ цѣлыхъ осталось мало» [1])...

Полтора года спустя Ф. Ф. Вигель такъ описываетъ свой въѣздъ въ Москву въ іюлѣ 1814 г.: «Около полудня 18 іюля увидѣлъ я издали Москву... Золотая шапка Ивана Великаго горѣла вся въ солнечныхъ лучахъ, какъ бы вѣнецъ сей новой великомученицы... Сама она, въ отдаленіи, попрежнему казалась громадною, и только проѣхавъ Коломенскую заставу, могъ я увидѣть ужасные слѣды разрушенія. Тѣ части города, черезъ которыя я проѣзжалъ, кажется, Таганская и Рогожская, совершенно опустошены были огнемъ. Вымощенная улица имѣла видъ большой дороги; деревянныхъ домовъ не встрѣчалось, и только кой-гдѣ начинали подыматься заборы. Далѣе стали показываться каменные, двухъ и трехъэтажные обгорѣлые дома, сквозные, какъ рѣшето, безъ кровель и оконъ. Только приближаясь къ Яузскому мосту и Воспитательному Дому, увидѣлъ я, наконецъ, жилые дома, уцѣлѣвшіе или вновь отдѣланные»...

---

1) Пожаръ Москвы, изд. Товар. „Образованіе“, М., 1911 г., стр. 150, 155.

Наполеонъ на пожарищѣ (Фаберъ-дю-Форъ).

Кремль не былъ еще вполнѣ приведенъ въ порядокъ. Слѣды разрушенія видны были и въ неотстроенномъ зданіи Арсенала, въ заваленной мусоромъ и обломками площади соборовъ; дворца еще не было, и Грановитая палата безъ него казалась «печально вдовствующей». Соборы были уже очищены и приведены въ прежнее состояніе. «Въ слѣдующіе дни, — пишетъ Вигель,—не пощадилъ я денегъ на извозчиковъ, чтобы изъѣздить Москву по всевозможнымъ направленіямъ. Я находилъ цѣлыя улицы нетронутыя пожаромъ, точно въ томъ видѣ, въ какомъ я зналъ ихъ прежде; въ другихъ видѣлъ каменные дома, коихъ владѣльцы, вѣроятно, богатые, съ большими пожертвованіями начинали ихъ вновь отдѣлывать; въ иныхъ мѣстахъ стукъ топора возвѣщалъ мнѣ подымающееся надворное деревянное строеніе; но гораздо болѣе показывались мнѣ дворы, совсѣмъ поросшіе травой. Вообще возбуждающее во мнѣ сожалѣніе встрѣчалъ я чаще, чѣмъ утѣшительное» [1]).

Въ 1813 г. была учреждена особая Комиссія строеній въ Москвѣ, и отпущены для нея средства изъ казны. На Комиссію была возложена задача приведенія Москвы въ благоустроенный видъ. Составленъ былъ новый планъ города, на основаніи котораго должны вновь быть отстроены пострадавшія казенныя зданія, стѣны Кремля и Китай-Города, урегулировано возведеніе построекъ на Красной площади и въ другихъ мѣстахъ, вновь распланированы площади и бульвары; частнымъ лицамъ, потерпѣвшимъ отъ пожара и разоренія, выдавалось вспоможеніе на обстройку въ видѣ безпроцентной ссуды на пять лѣтъ. По официальной вѣдомости 1819 г. [2]) видно, что еще сотни домовъ въ различныхъ частяхъ Москвы, даже и

[1]) Записки, ч. IV, стр. 121—122.
[2]) Щукинъ, Бумаги, ч. V, стр. 98 и сл.

такихъ центральныхъ, какъ Китай-Городъ, Охотный рядъ, Тверская, Петровка и пр., стояли обгорѣлые, неотстроенные, безъ крышъ; много еще незастроенныхъ и неогороженныхъ пустырей, безъ мостовой, безъ тротуаровъ. Изъ казенныхъ зданій, наприм., не былъ еще вполнѣ отстроенъ университетъ: по Никитской улицѣ два университетскихъ флигеля стояли обгорѣлые и неотстроенные, заборы, мостовыя и тротуары — въ неисправности, не возстановленъ казенный Петровскій театръ и мн. др.

Однакоже положеніе Москвы въ центрѣ Россіи, ея твердо установившееся культурное и промышленно-торговое значеніе были причиною того, что жизнь снова забила ключомъ въ старой русской столицѣ.

И. Катаевъ.

Пожаръ Москвы (Свѣдомскаго).

IV. Пожаръ Москвы и русское общество.

1. Впечатлѣнія отъ пожара и мнѣнія современниковъ.

Д. А. Жаринова.

Чтобы понять впечатлѣніе, произведенное пожаромъ Москвы на русское общество, необходимо припомнить, что представляла Москва для Россіи начала XIX в.

Это—экономическій и культурный центръ. Изъ отдаленныхъ губерній отправляютъ сюда на продажу возы хлѣба, «въ увѣренности,—какъ говоритъ современникъ,—что выиграютъ на его цѣнѣ». Деньги, вырученныя отъ продажи хлѣба, тутъ же, въ Москвѣ, обмѣниваются на всевозможные продукты обрабатывающей промышленности — русской и иностранной. Въ 1811 г. въ Москвѣ было 167 фабрикъ, 172 завода и до 216 мелкихъ мануфактурныхъ предпрі-

ятій. На ряду съ этимъ, по признанію П. Вяземскаго, Россія училась говорить, читать и писать по-русски по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Въ Петербургѣ придерживались стараго стиля, въ Москвѣ народился новый литературный слогъ талантливыхъ молодыхъ писателей. Образовательныя учрежденія, публичныя лекціи, театръ, балы въ Дворянскомъ собраніи и у московскихъ вельможъ, — все это поддерживало культурные интересы въ массѣ дворянъ, съѣзжавшихся по зимамъ въ Москву изъ своихъ имѣній. У болѣе достаточныхъ были въ Москвѣ дома, другіе ютились въ наемныхъ квартирахъ. Въ Москвѣ жили на покоѣ бывалые сановники, покинувшіе службу, но не утратившіе вліянія; это, по выраженію Вяземскаго, «соединеніе людей болѣе или менѣе историческихъ» въ значительной степени руководило общественнымъ мнѣніемъ всей Россіи: «въ Петербургѣ сцена, въ Москвѣ зрители; въ немъ дѣйствуютъ, въ ней судятъ». Мнѣніемъ Москвы интересуются государи; въ случаѣ побѣды изъ Петербурга отправляется курьеръ въ Москву съ рескриптомъ генералъ-губернатору, заключавшимъ въ себѣ лестныя для Москвы выраженія. Для полученія свѣдѣній о настроеніи Москвы иностранные послы отправляютъ въ нее особыхъ агентовъ. Мы видѣли, какъ 15 іюля примѣръ Москвы подѣйствовалъ на другія губерніи. «Ежели Москва погибнетъ, все пропало!—пишетъ М. А. Волкова В. И. Ланской.— Бонапарту это хорошо извѣстно: онъ никогда не считалъ равными наши обѣ столицы. Онъ знаетъ, что въ Россіи огромное значеніе имѣетъ древній городъ Москва, а блестящій, нарядный Петербургъ почти то же, что всѣ другіе города въ государствѣ. Это неоспоримая истина».

Въ то время, какъ С. Н. Глинка еще на собраніи 15 іюля и даже ранѣе [1]) указывалъ на печальную возможность сдачи Москвы, для большинства, наоборотъ, самая мысль объ этомъ казалась дикой. Москва— сердце, святыня Россіи—можетъ ли правительство отдать ее врагамъ? Но непріятель шелъ увѣренно и быстро. Вопросъ о судьбѣ Москвы самъ собою становился источникомъ тяжелыхъ сомнѣній и тревогъ. Вѣсть о занятіи Смоленска, по выраженію Глинки, «огромила Москву... Раздался по улицамъ и площадямъ гробовой голосъ жителей: отворены ворота къ Москвѣ!» Кто могъ уѣхать, тотъ предпочиталъ пережидать событія гдѣ-нибудь въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Современники переживали тяжелое настроеніе. Въ городѣ шелъ рекрутскій наборъ, сопровождаемый воемъ и плачемъ, слышавшимся цѣлое утро, какъ у самаго рекрутскаго присутствія, такъ и по всѣмъ прилегающимъ къ нему улицамъ. Общее смятеніе не мѣшало нѣкоторымъ патріотамъ представлять Москву «вѣнчанною мученицей, съ христіанскимъ терпѣніемъ спокойно ожидающею неизбѣжной казни». «О, какъ величественна и прекрасна была она тогда въ глазахъ нашихъ, — пишетъ Вигель, — сія родная Москва, наша древность, наша святыня, колыбель новаго могущества нашего! Нѣтъ, развѣ только дѣти въ послѣднія минуты жизни обожаемой матери могутъ такъ трепетать, видя приближеніе конца ея!»

Москва стала жертвой не только оскорбительнаго для русскихъ завоеванія, но и пожара. Гибли народныя святыни, казенныя и частныя зданія,

---

[1]) Въ 1805 и 1806 г.г. См. „Записки С. Н. Глинки“, Спб., 1895, стр. 196.

роскошныя обстановки, библіотеки, плоды долголѣтней заботливости цѣлаго ряда поколѣній; въ лавкахъ и подвалахъ были брошены товары; убытки потерпѣли не только мѣстные, но и провинціальные купцы; пожаръ Москвы оплакивался въ Одессѣ. Съ пріостановкой извѣстій изъ занятой врагами столицы состояніе ея представлялось еще болѣе бѣдственнымъ, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ. «Москвы нѣтъ!—пишетъ изъ Нижняго Батюшковъ.—Потеря невозвратная! Гибель друзей, святыня, мирное убѣжище наукъ,—все осквернено шайкой варваровъ... Сколько зла! Когда будетъ ему конецъ? На чемъ основать надежды? Чѣмъ наслаждаться? А жизнь безъ надежды, безъ наслажденій—не жизнь, а мученье!»... «Какъ я ни ободряла себя, какъ ни старалась сохранить твердость посреди несчастій, ища прибѣжища въ Богѣ,—пишетъ Волкова,—но горе взяло верхъ: узнавъ о судьбѣ Москвы, я пролежала три дня въ постели, не будучи въ состояніи ни о чемъ думать и ничѣмъ заниматься»... Изъ покинувшихъ Москву болѣе зажиточные легко устроились въ разныхъ провинціальныхъ городахъ; но, несомнѣнно, вопросъ о помѣщеніи не такъ просто рѣшался для массы выѣхавшихъ изъ столицы и изъ-подъ ея окрестностей мелкихъ дворянъ, у которыхъ, кромѣ подмосковныхъ, ничего не было. Даже найдя себѣ пріютъ въ какомъ-нибудь радушномъ провинціальномъ семействѣ, они чувствовали себя бездомными странниками, лишенными родного угла...

Примите насъ подъ свой покровъ,
О Волжскихъ жители бреговъ!
Мы всѣ друзья здѣсь, всѣ родные,
Всѣ дѣти матушки-Москвы,

такъ обращаются москвичи къ нижегородцамъ въ романсѣ В. Л. Пушкина, написанномъ въ это время. У слушавшихъ этотъ романсъ навертывались слезы, иные не могли удерживать рыданій...

Но взятіе и пожаръ Москвы, какъ и вообще Отечественная война, по мнѣнію современниковъ, породили въ русскомъ обществѣ и утѣшительныя явленія. Пробудилось общественное самосознаніе; возстановилось согласіе какъ между разными классами населенія, такъ и между правительствомъ и обществомъ. «Несчастье велико; потеря стоитъ дорого; но я все стою твердо въ томъ, что въ самомъ крайнемъ бѣдствіи довѣренность къ начальству спасительна», такую благонамѣренно-патріотическую мораль выводитъ изъ событій одинъ москвичъ въ письмѣ къ знакомому. Авторъ «Сибирскихъ записокъ», Ипполитъ Канарскій, разсказываетъ, какъ при нашествіи французовъ въ Сибири опасались прежде всего «измѣненій въ правленіи» и возмущенія ссыльныхъ; но вѣсть о сдачѣ Москвы заставила послѣднихъ плакать, «какъ о потерѣ своей собственности, и непримѣтно было духа возмущенія ни въ одномъ мѣстѣ». Вигель свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ согласіи между всѣми состояніями, которое стало водворяться съ самаго начала войны. «Прекратились всѣ ссоры, всѣ неудовольствія, составилось общее братство, молящееся и отважное. Время быстро протекшее! Кто видѣлъ это время, тотъ по гробъ его не забудетъ». Здѣсь говорится о «времени, быстро протекшемъ», но А. И. Тургеневъ въ октябрѣ 1812 г. рисуетъ себѣ и болѣе прочныя перспективы. «Сильное сіе потрясеніе Россіи,—читаемъ мы въ письмѣ Тургенева къ Вяземскому,—освѣжитъ

и подкрѣпитъ силы наши и принесетъ намъ такую пользу, которой мы при началѣ войны совсѣмъ не ожидали. Напротивъ, мы страшились послѣдствій отъ сей войны совершенно противныхъ тѣмъ, какія мы теперь видимъ. Отношенія помѣщиковъ и крестьянъ (необходимое условіе нашего теперешняго гражданскаго благоустройства) не только не разорваны, но еще болѣе утвердились... Политическая система наша должна принять послѣ сей войны также постоянный характеръ, и мы будемъ осторожнѣе въ перемѣнѣ оной». Часть мазковъ въ этой грандіозно-трогательной картинѣ всеобщаго единенія должна быть отнесена, разумѣется, не на счетъ дѣйствительныхъ фактовъ, а на счетъ патріотическаго настроенія авторовъ записокъ [1]; но нельзя не признать, что вражда къ французамъ, особенно обострившаяся со взятіемъ Москвы, въ значительной степени стушевала вліяніе тѣхъ

Пожаръ Кремля (съ англійск. гравюры).

элементовъ оппозиціи, которые еще оставались. Въ 1814 г. въ комитетѣ 13 января разбиралось дѣло подпоручика Калинина, который, служа въ петербургскомъ ополченіи, во время нашествія французовъ «сочинилъ» конституцію; чиновникъ, ѣхавшій черезъ Рязань, распускаетъ какіе-то «непозволительные и непристойные слухи»; любопытенъ написанный неизвѣстнымъ авторомъ «Взглядъ на нашу теперешнюю бѣду», гдѣ причиной «бѣды» выставляется прежде всего «моральное развращеніе» русскаго народа, а затѣмъ и политическій грѣхъ—занятіе престола государемъ, не знающимъ ни духовныхъ, ни гражданскихъ законовъ и «прилѣпленнымъ къ одному только барабанному бою и солдатцкой амуниціи». Но критика эта не вызываетъ осложненій. Въ Петербургѣ А. С. Шишкову приходится вы-

---

[1] **Въ другихъ статьяхъ читатель найдетъ факты, показывающіе, что въ картину, нарисованную нѣкоторыми современниками, на которыхъ ссылается Д. А. Жариновъ, надо ввести существенные коррективы.** *Ред.*

пустить объявленіе отъ имени Управы благочинія съ воспрещеніемъ частнымъ лицамъ самовольно хватать прохожихъ, показавшихся подозрительными, такъ какъ отъ такого добровольнаго содѣйствія полиціи попадали на съѣзжую совершенно неповинные люди. 4 сентября въ Ростовѣ приняли за шпіоновъ и чуть не убили офицера и казака за то, что оба они сообщали о сдачѣ Москвы, а на казакѣ было французское вооруженіе. Въ Твери, при губернаторѣ Кологривомъ, не отличавшемся особенными административными способностями, былъ наряженъ цѣлый штатъ чиновниковъ, выбранныхъ дворянствомъ съ спеціальною цѣлью секретнаго наблюденія за дѣйствіями обычной полиціи. Въ Нижнемъ-Новгородѣ на патріотическомъ банкетѣ у губернскаго предводителя, князя Грузинскаго, дворянскій патріотизмъ чуть было не стоилъ жизни Сперанскому, сосланному въ это время въ Нижній. «Повѣсить, казнить, сжечь на кострѣ Сперанскаго!» предлагали дворяне. Мѣстная власть была уже близка къ тому, чтобы уступить дворянству, но, къ счастью, нашелся незнатный дворянинъ, отговорившій своихъ товарищей по сословію отъ этого суда Линча. Сперанскій былъ отправленъ на жительство въ Пермь... Ненависть къ французамъ достигала апогея. Между русскими, особенно между дворянами, началось, по словамъ Вигеля, «нѣчто страшное, давно небывалое! Въ нихъ загорѣлась неутолимая, казалось, жажда мести. Москва перестала для нихъ существовать; оплакавъ, какъ слѣдуетъ, родимую, они съ нѣкоторою радостью смотрѣли, какъ терзаютъ трупъ ея, мысленно приготовляя ей кровавыя поминки»... Начали сознавать, что Москва— западня для Наполеона и чѣмъ онъ въ ней дольше останется, тѣмъ это выгоднѣе для русскихъ. Личность Наполеона возбуждала ненависть; «при одномъ его имени, по выраженію Вигеля, и черты лица оставались неподвижны, но чело являло гнѣвъ, и уста шептали угрозы». «Я не переживу Москвы, я возвращусь въ нее и убью Наполеона,—говорилъ еще при выѣздѣ изъ Москвы будущій партизанъ Фигнеръ своему знакомому П. X. Граббе.—Радуюсь, что тебя встрѣтилъ, скажи это А. П. Ермолову и что судьбу моего семейства поручаю его предстательству».

Ненависть къ Наполеону отвлекла русскую общественную мысль отъ критики внутренняго строя, но, протягивая руку правительству, общество— въ лицѣ представителей самыхъ разнообразныхъ политическихъ теченій— требовало одного—продолженія войны во что бы то ни стало. Извѣстіе объ отдачѣ Москвы вызвало въ Петербургѣ негодованіе и удивленіе [1]). Говорили, что Кутузовъ обѣщалъ скорѣе лечь костьми, чѣмъ допустить непріятеля къ Москвѣ. Ростопчинъ принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы, занявъ столицу, непріятель въ ней нашелъ себѣ могилу—и вотъ Наполеонъ въ Кремлѣ! Въ обществѣ распространился ропотъ. По словамъ графини Эдлингъ, «съ минуты на минуту ждали волненія раздраженной и тревожной

---

1) Это извѣстіе на первыхъ порахъ старались скрыть. Волконскій передаетъ въ высокой степени интересное описаніе, какъ встрѣченъ былъ въ Петербургѣ гр. Орловъ-Денисовъ, посланный Винцингероде съ извѣщеніемъ о передачѣ Москвы въ руки непріятеля: „Орловъ-Денисовъ, прибывъ въ Петербургъ, былъ при казакѣ направленъ къ графу Аракчееву; по извѣщеніи, что Москва занята французами, графъ взялъ депеши, его з а п е р ъ въ собственномъ своемъ кабинетѣ и, въ скоромъ времени возвратясь къ своему плѣнному, вручилъ ему конвертъ съ наставленіемъ... о сдачѣ Москвы никому не сообщать; затѣмъ его посадили на приготовленную тройку и опять за конвоемъ казака отправили къ заставѣ“ (Записки, 183—4). *Ред.*

толпы. Дворянство громко винило Александра въ государственномъ бѣдствіи, такъ что въ разговорахъ рѣдко кто рѣшался его извинять или оправдывать» [1]). Трудно сказать, насколько это дѣйствительно было такъ: но при дворѣ были, видимо, напуганы и хотѣли мира [2]). Изъ Петербурга готовились вывезти на сѣверъ кадетскіе корпуса, Смольный институтъ; намѣревались снять съ подножія и увезти въ Архангельскъ памятникъ Петру Великому [3]). Но не потому ли сдача Москвы вызвала такое негодованіе въ Петербургѣ, что разсматривалась, между прочимъ, и какъ первый шагъ къ позорному миру? Войны Наполеона нерѣдко заканчивались взятіемъ столицъ. Опасенія мира, распространяющіяся еще съ средины августа, особенно ярко выступаютъ въ письмѣ Багратіона къ Аракчееву—отъ 15 августа 1812 г.: «Слухъ носится,—пишетъ Багратіонъ,—что вы думаете о мирѣ: чтобы помириться—Боже сохрани! послѣ всѣхъ пожертвованій и послѣ такихъ сумасбродныхъ отступленій—мириться!.. Вы поставите всю Россію противъ себя и всякій изъ насъ за стыдъ поставитъ носить мундиръ... Надо драться, пока Россія можетъ и пока люди на ногахъ: ибо война теперь не обыкновенная, а національная». По свидѣтельству императрицы Елизаветы Алексѣевны и Штейна, государь не могъ бы заключить миръ, даже если бы захотѣлъ этого [4]). Въ Подсолнечномъ начальникъ тверского ополченія, кн. А. А. Шаховской, сообщилъ ген. Винцингероде подслушанные имъ въ ямской слободѣ патріотическіе толки. «Я только одного желаю,—воскликнулъ Винцингероде, схвативъ Шаховского за руку,—чтобы вельможи думали, какъ эти крестьяне, и сегодня же напишу императору ихъ слова. О! Я увѣренъ, что онъ никакъ не помирится съ Бонапартомъ!» Александръ остался вѣренъ народному настроенію. Собственноручнымъ письмомъ поставивъ на видъ Кутузову всю тяжесть отвѣтственности за потерю столицы, государь въ то же время твердо высказался за продолженіе войны. Въ манифестѣ, написанномъ по Высочайшему повелѣнію Шишковымъ, указывалось, что непріятель занялъ Москву «не отъ того, чтобъ преодолѣлъ силы наши или бы ослабилъ ихъ, но потому, что главно-

---

1) „Приближалось 15 сентября, день коронаціи...—продолжаетъ Эдлингъ. — Уговорили государя на этотъ разъ не ѣхать по городу на конѣ, а прослѣдовать въ соборъ въ каретѣ... Тутъ въ первый и послѣдній разъ въ жизни онъ уступилъ совѣту осторожной предусмотрительности; но поэтому можно судить, какъ велики были опасенія. Мы ѣхали шагомъ въ каретахъ о многихъ стеклахъ, окруженные несмѣтною и мрачно-молчаливою толпою... Никогда въ жизни не забуду тѣхъ минутъ, когда мы вступали въ церковь, слѣдуя посреди толпы, ни единымъ возгласомъ не заявлявшей своего присутствія. Можно было слышать наши шаги, а я была убѣждена, что достаточно было малѣйшей искры, чтобы все кругомъ воспламенилось... Эти тяжелые дни миновали, и вскорѣ прибылъ отъ Кутузова полковникъ Мишо съ извѣстіями, которыя вывели насъ изъ состоянія страшнаго недоумѣнія. Привезенныя имъ точныя и ясныя подробности новаго плана кампаніи, принятаго главнокомандующимъ, подали основательную надежду на лучшее будущее“ („Р. Арх.“, 1887 г., 217—18). Если таково было впечатлѣніе отъ сдачи Москвы въ Петербургѣ, то изъ словъ другого современника мы знаемъ, что въ арміи къ этому факту было иное отношеніе: „общій духъ арміи не палъ..., когда извѣстно стало, что Москву передаемъ безъ защиты непріятелю“. „Всякій постигалъ,—говоритъ въ своихъ запискахъ кн. С. Г. Волконскій,—что защищать Москву на Воробьевыхъ горахъ—это было подвергнуть полному пораженію армію, и что всякая жертва, приносимая благу отечества, необходима“ (стр. 182) См. также Ѳ. Глинка „Письма русскаго офицера“, стр. 28. *Ред.*

2) См. ниже ст. И. М. Катаева.

3) Въ дополненіе можно привести любопытныя строки изъ донесенія Жозефа де-Местра сардинскому королю 2 іюня 1813 г.: „Императоръ предупреждалъ насъ быть готовыми къ отъѣзду и самъ готовился къ нему. Изо всѣхъ дворцовъ, коллегій и прочихъ государственныхъ учрежденій выбирались. Недоставало барокъ, экипажей и лошадей для людей со всѣмъ богатствомъ, какое можно было увезти“ („Р. Арх.“, 1912, I, 46). См. также воспоминанія Бакуниной („Р. Ст.“, 1885, IX, 400). *Ред.*

4) Н. К. Шильдеръ, „Императоръ Александръ I, его жизнь и царствованіе“, т. III, стр. 505. Надлеръ, „Императоръ Александръ I и идея священнаго союза“, т. II, стр. 63.

командующій самъ уступилъ временной необходимости, дабы затѣмъ, съ надежнѣйшими и лучшими способами, превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему гибель». Въ арміи потеря Москвы привела сначала къ значительному упадку духа; но за этимъ упадкомъ какъ въ обществѣ, такъ и въ арміи появились скоро симптомы подъема. О полнѣйшемъ отчаяніи (morne désespoir) по поводу взятія Москвы пишетъ женѣ Д. А. Гурьевъ; но въ то же время, по его словамъ, «настойчивость одна можетъ вывести насъ изъ унизительнаго состоянія, въ какое мы попали, и рѣшимость быть настойчивыми тверда у всѣхъ. Немыслимо, чтобы 100.000 человѣкъ внутри Россіи могли приводить въ трепетъ 45 милліоновъ, настроенныхъ патріотически». Кн. А. А. Шаховской, ополченецъ, описываетъ Михайловскому-Данилевскому первыя впечатлѣнія его отряда при сдачѣ и пожарѣ Москвы. Изъ Клина, гдѣ остановился отрядъ, прекрасно было видно зарево: «русскія вѣщія сердца замерли и вскорѣ прискакавшій къ намъ съ приказаніемъ остановить насъ, гдѣ застанетъ, увѣрилъ въ ужасной истинѣ». Но послѣ обѣдни Шаховской уже напомнилъ дворянамъ, что «Россія не въ Москвѣ». Всѣ ободрились. Начались патріотическіе толки, офицеры занялись карточной игрой, «въ ожиданіи, что прикажутъ дѣлать, куда поведутъ и гдѣ Господь приведетъ подраться съ злодѣями»... Сдача Москвы мало уронила въ глазахъ русскаго общества и главнаго непосредственнаго виновника этой сдачи—Кутузова. Противъ Кутузова настроенъ Ростопчинъ и его непосредственные подчиненные, А. П. Ермоловъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ Кутузовъ—ставленникъ московскаго и петербургскаго дворянства, назначенный главнокомандующимъ въ угоду общественному мнѣнію: напасть на него—значило признать негодность собственнаго выбора. «Зачѣмъ предаваться унынію?—пишетъ 26 сентября Д. П. Трощинскій Кутузову изъ Полтавы.—Вы еще живы; духъ россійскій еще живъ и въ сердцахъ соотечественниковъ нашихъ воспламенится несчастіемъ, какъ бурею искра въ погасающемъ пожарѣ. Сія надежда утѣшаетъ меня»... Неудачи Кутузова частью объяснялись ошибками его предшественника, частью прощались. «Проходя по улицамъ покидаемой Москвы, солдаты и офицеры, по словамъ ген. Ковальскаго, плакали». «Кутузовъ отдавалъ ее на произволъ непріятелю и сдѣлай это Барклай—въ войскахъ, несомнѣнно, произошло бы возстаніе!»

Какъ отнеслось общество къ самому факту пожара Москвы? Извѣстно, что, увѣнчавъ своимъ величественнымъ заревомъ Отечественную войну 1812 г., пожаръ Москвы сталъ источникомъ красивой патріотической легенды. Легенда о пожарѣ, какъ и всякая легенда, возникла въ результатѣ цѣлаго ряда дѣйствительныхъ фактовъ, разсматриваемыхъ сквозь призму извѣстнаго опредѣленнаго настроенія.

Французы взяли Москву, французы ее жгутъ—вотъ общій голосъ, раздавшійся въ Россіи по взятіи Москвы. Такъ объясняютъ пожаръ московскіе жители, не успѣвшіе бѣжать или пробравшіеся въ столицу послѣ ея занятія французами, такъ говорятъ со словъ московскихъ бѣглецовъ жители подмосковныхъ, такъ смотрятъ на дѣло въ арміи. «Французы грабили и оскверняли храмы Господни, сожгли почти всю нашу древнюю столицу и вышли изъ нея, пробывъ въ ней больше мѣсяца», пишетъ современница А. П. Золотухина. «Нашъ милый, родимый городъ,—пишетъ другая совре-

менница,—представляетъ лишь груды пепла... Не успѣвшіе бѣжать изъ города подвергаются ужаснымъ пыткамъ... Въ ихъ глазахъ жгутъ и разоряютъ дома ихъ господъ, для спасенія коихъ многіе изъ нихъ остались... Наполеонъ, иначе сатана, началъ съ того, что сжегъ дома съ ихъ службами». Когда спрашивали жителей Москвы, почему они не тушатъ пожара, то нѣкоторые, по словамъ Шевалье д'Изарна, отговаривались страхомъ, что французы убьютъ ихъ, если они будутъ тушить. «Москву французы зажигали», значится въ рапортѣ остававшагося при французахъ въ Москвѣ чиновника горнаго правленія Тихонина оберъ-бергъ-гауптману Соймонову отъ 20 ноября 1812 г. Обвиненіе французовъ встрѣчаемъ у іерарховъ въ ихъ проповѣдяхъ, въ торжественномъ молитвословіи по поводу одолѣнія Наполеона, въ официіальномъ извѣстіи о пожарѣ, написанномъ А. С. Шишковымъ, наконецъ, въ Высочайшемъ рескриптѣ 14 ноября 1812 г. Въ рескриптѣ упоминается о врагѣ, который нанесъ ущербъ Россіи «не преодолѣніемъ противопоставленной ему обороны» и «не силою осадныхъ орудій», «но дѣйствіями неприличныхъ и срамныхъ для воина зажиганій, грабительствъ и подрываній». Въ началѣ 1813 г. И. М. Муравьевъ-Апостолъ видитъ въ Москвѣ «величественную жертву спасенія нашего», закланную «на алтарь Отечества», но пожаръ, по его мнѣнію, устроенъ французами, «сволочью Наполеона»; Москва,—столица пылаетъ и злодѣй, осклабясь на зарево ея, мечтаетъ: «нѣтъ болѣе Россіи». Въ ноябрѣ 1812 г. «Вѣстникъ Европы» съ негодованіемъ отвергаетъ всякую возможность подозрѣнія русскихъ въ московскомъ пожарѣ. Утверждая, что русскіе сожгли Москву, «Бонапартъ лжетъ на душу свою». «Кто же былъ зажигателемъ и опустошителемъ Кремля, въ который не впускали ни одного русскаго человѣка, кромѣ несчастныхъ страдальцевъ, употребленныхъ въ работу? Онъ думаетъ, что отразилъ на русской народъ все поношеніе, приказавши по кровожадной привычкѣ своей повѣсить нѣсколькихъ простаковъ (а можетъ-быть, и бездѣльниковъ), пойманныхъ будто бы въ зажигательствѣ!» Наполеону было чрезвычайно важно отклонить отъ себя подозрѣніе въ уничтоженіи столицы. Отсюда его знаменитые бюллетени. Въ письмѣ къ императору Александру отъ 20 октября 1812 г. всю отвѣтственность за пожаръ Наполеонъ цѣликомъ слагаетъ на Ростопчина и его подчиненныхъ. Съ Ростопчина обвиненіе переходитъ и на другія лица: по словамъ Боволье, при сдачѣ Москвы приказъ о ея сожженіи далъ Кутузовъ [1]). О томъ, что русскіе могутъ сжечь Москву, говорили французамъ и жившіе въ Москвѣ иностранцы, пришедшіе къ этой мысли еще при самомъ приближеніи Наполеона къ столицѣ, въ виду крайняго обостренія націоналистическаго чувства въ ея жителяхъ. Пожаромъ Москвы грозилъ французамъ Милорадовичъ, если они не дадутъ времени вывезти изъ Москвы обозъ и часть артиллеріи. Русскіе, по мнѣнію французовъ, устроили пожаръ, и это съ французской точки зрѣнія было тѣмъ болѣе безполезнымъ варварствомъ [2]), что съѣстные припасы, которые надо было прежде всего

---

[1]) Бургоэнь переноситъ уже инициіативу пожара на императора Александра I (*Souvenirs*. Paris, 1864, p. 165). *Ред.*

[2]) Это „oeuvre barbare, mais patriotique", по выраженію Комба (Mémoires du Colond Combe. Paris, 1896, p. 115). *Ред.*

истребить, сохранились въ изобиліи въ подвалахъ. Но, не лишивъ французовъ продовольствія, пожаръ не далъ Наполеону почить на лаврахъ и явился одной изъ важныхъ причинъ разстройства его великой арміи. Естественно, что бюллетени, печатаемые въ «Монитерѣ», въ странахъ и общественныхъ кругахъ, враждебныхъ Наполеону, были приняты въ совершенно нежелательномъ для Наполеона смыслѣ. Пожаръ Москвы—это новая безпримѣрная жертва со стороны русскихъ для защиты отечества. Таково представленіе о пожарѣ, слагающееся особенно въ Англіи,—въ странѣ, руководившей въ борьбѣ съ Наполеономъ всей Европой [1]). Въ концѣ октября появляется въ «Монитерѣ» заключеніе слѣдственной комиссіи о пожарахъ, и въ то время, какъ большинство русскихъ еще въ началѣ 1813 г. считаютъ разореніе Москвы дѣломъ французовъ, графъ Ливерпуль въ засѣданіи англійской палаты лордовъ уже 18 декабря 1812 г. поднимаетъ вопросъ о назначеніи пособія московскому населенію, сжегшему свои жилища.

Кромѣ заграничныхъ, у патріотической легенды были и свои мѣстные источники. Ростопчинъ уже послѣ потери Смоленска пишетъ, что если французы возьмутъ Москву, то народъ русскій, слѣдуя правилу: «не доставаться злодѣю», «обратитъ городъ въ пепелъ, Наполеонъ получитъ, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была столица». «Если вы Москву оставите, она запылаетъ за вами», говоритъ Ростопчинъ А. П. Ермолову уже передъ самой сдачей столицы. Всѣ эти фразы естественно было понять, какъ намѣреніе сжечь Москву; такое впечатлѣніе оставили онѣ и въ П. Х. Граббе, записавшемъ разговоръ Ростопчина съ Ермоловымъ. Съ другой стороны, что поджоги въ Москвѣ производили не одни французы,—это было еще лучше извѣстно русскимъ современникамъ пожара, чѣмъ французскимъ. Подъ вліяніемъ хода событій, подъ вліяніемъ той оцѣнки московскаго пожара, которая была сдѣлана иностранцами, отдѣльные, по характеру совершенно разнородные, факты складываются и у русскихъ патріотовъ въ величественную картину подвиговъ не тѣхъ или иныхъ лицъ, а всего русскаго народа. Петербургскій иностранецъ Фаберъ уже въ письмѣ отъ 1 декабря 1812 г. свидѣтельствуетъ, что такъ объясняютъ пожаръ «честные русскіе люди, знающіе свой народъ»—«les Russes de bonne foi et qui connaissent leur nation». Такихъ «честныхъ» людей сначала было немного, но скоро число ихъ растетъ. Граббе допускаетъ, что «пожаръ былъ дѣломъ немногихъ», но несомнѣнно, по его утвержденію, онъ «былъ мыслью всѣхъ»... «Потомство не забудетъ этого завѣщанія нашего поколѣнія, какъ должно принимать зашедшаго въ нашу любимую столицу ослѣпленнаго Провидѣніемъ врага». Окончательно утверждается легенда со времени заграничнаго похода 1813—14 гг., когда русская и иностранная версіи сплетаются еще тѣснѣе. «Напрасно многіе ищутъ оправдаться въ этомъ,—говоритъ по поводу московскаго пожара А. П. Ермоловъ,—и слагаютъ вину на непріятеля: не можетъ быть преступленія въ томъ, что возвышаетъ честь всего народа... За что отнимать у себя славу пожертвованія столицею, когда справедливый непріятель у

---

[1]) См. мнѣніе о московскомъ пожарѣ великобританскаго комиссара Роб. Вильсона—въ письмѣ имп. Александру 13 (25) сентября 1812 г. и лорда Тэрконелля—въ письмѣ къ герц. Іоркскому 20 сент. (2 окт.) 1812 г.—Н. Дубровинъ, „Отечественная война въ письмахъ современниковъ“, стр. 142 и 161.

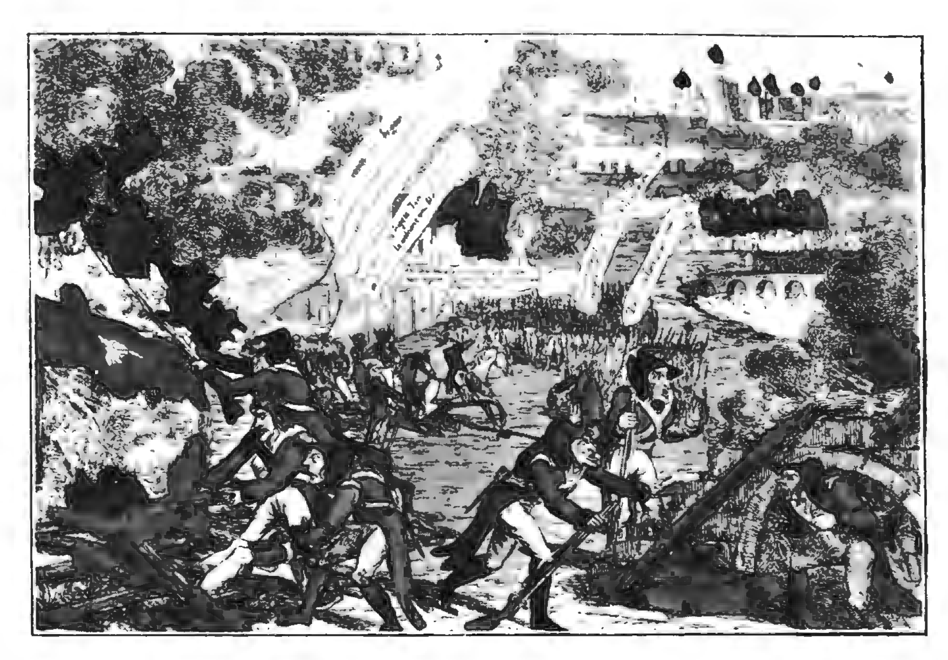
насъ ея не похищаетъ! Ни одинъ народъ изъ всѣхъ, въ продолженіе двадцати лѣтъ предъ счастіемъ Наполеона спрятавшихся, не явилъ подобнаго примѣра: судьба сберегла его для славы Россіянъ»... «Москва, изъ своего пепла возставшая, прекрасная, богатая,—говоритъ Граббе,—новою вѣчною славою великой жертвы озаренная, конечно, всегда будетъ помнить вмѣстѣ съ цѣлой Россіей свои дни скорби и запустѣнія, но помнить съ тѣмъ, чтобы гордиться ими»...

Грустно звучитъ сожалѣніе о напрасно погубленной старой Москвѣ въ письмѣ князя П. Вяземскаго къ А. И. Тургеневу отъ 7 ноября 1812 г. «Представь себѣ,—пишетъ Вяземскій,—человѣка, у котораго заболѣлъ мизинецъ на ногѣ и у котораго глупый лѣкарь, испугавшись того, отпилилъ ногу и послѣ, какою-то нечаянною благостью неба, успѣлъ излѣчить ее и, положимъ такъ, даже возвратить совершенно здоровье больному, о которомъ уже всѣ ближніе отчаивались. Конечно, ни ему ни ближнимъ его нельзя не восхищаться: вѣдь глупый лѣкарь могъ легко и совсѣмъ его уморить; такъ, конечно, но все же онъ остался на всю жизнь свою безногимъ»...

Д. Жариновъ.

Возстановленная Москва. (Альб. Браза 1825 г.).

„Теплыя зимнія квартиры, или Москва, хорошо провѣтренная Наполеономъ и его великой арміей“. (Съ англ. кар.).

2. Кто сжегъ Москву?

С. П. Мельгунова.

Вопросъ о причинахъ, вызвавшихъ пожаръ Москвы,—вопросъ, на которомъ усиленно останавливалось вниманіе потомства, въ сущности, какъ мы только что могли видѣть, и не ставился въ сознаніи современниковъ въ первые годы послѣ Отечественной войны. «Весь 1813 и 1814 гг.,—говоритъ Свербеевъ,—никто не помышлялъ, что Москва была преднамѣренно истреблена русскими» («Записки», I, 79). И эта точка зрѣнія вполнѣ подтверждается перепиской. «Насъ считаютъ варварами,—писалъ Ростопчину С. Р. Воронцовъ 7 іюня 1814 г. («Р. Арх.», 1872),—а французы, неизвѣстно почему, прослыли самымъ образованнымъ народомъ. Они сожгли Москву, а мы сохранили Парижъ». Въ томъ же духѣ пишетъ Воронцову и самъ Ростопчинъ: Наполеонъ «предалъ городъ пламени, чтобы имѣть предлогъ подвергнуть его грабежу» (Письмо отъ 28 апрѣля 1813 г., «Р. Арх.», 1908, VI, 274). «Бонапартъ,—какъ бы добавляетъ черезъ годъ своему корреспонденту Ростопчинъ,—чтобы свалить на другого свою *гнусность*, наградилъ меня титуломъ поджигателя, и многіе вѣрятъ ему» (Письмо отъ 28 апрѣля 1815, Ib., 279). Нѣтъ, конечно, никакого сомнѣнія, что пожаръ Москвы не можетъ свидѣтельствовать «постыдныя и хищныя дѣла презрѣнныхъ зажигателей», какъ выражался Высочайшій указъ на имя Ростопчина по поводу проекта воздвигнуть «увѣнчанный лаврами столбъ» въ Москвѣ изъ оставленныхъ французами артиллерійскихъ орудій «на память многократныхъ

побѣдъ и совершеннаго истребленія всѣхъ дерзнувшихъ вступить въ Россію непріятельскихъ силъ». Такъ могло казаться лишь недостаточно освѣдомленнымъ современникамъ, которымъ въ то время не приходила даже мысль о преднамѣренномъ сожженіи [1]) русской святыни. Такъ констатировалось въ правительственныхъ актахъ—и это было, какъ мы знаемъ, однимъ изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ возбужденію, такъ сказать, органической ненависти къ врагу, и не только въ низахъ, но и въ дворянствѣ. Если въ низшихъ слояхъ населенія возбуждалось тѣмъ самымъ чувство грубо попранной религіозности, то въ дворянскихъ и буржуазныхъ кругахъ столь же сильно захватывались имущественные интересы. Не даромъ К. К. Павлова въ своихъ воспоминаніяхъ записала: «Хорошо было Пушкину, лѣтъ двѣнадцать позднѣе, воскликнуть съ энтузіазмомъ поэта: «Пылай, великая Москва!» Но когда она пылала, то, сколько я знаю, общее чувство было вовсе не восторженное» («Р. Арх.», 1875, X, 224). И понятно, «вѣсть о пожарѣ Москвы грянула какъ громовой ударъ». «Осторожныя» барыни, заперевъ накрѣпко свой московскій домъ, были совершенно спокойны насчетъ своего оставленнаго тамъ имущества. При такихъ условіяхъ, дѣйствительно, обвиненіе французовъ въ пожарѣ являлось лучшимъ агитаціоннымъ средствомъ, что и отмѣтилъ, какъ мы уже знаемъ, въ своихъ воспоминаніяхъ Домергъ. Но французы неповинны въ пожарѣ. Имъ не могла принадлежать иниціатива уже потому, что «глупо было бы допустить,—какъ выражался Руничъ,—что французы подожгли городъ, въ которомъ они нашли въ изобиліи все, что было необходимо для ихъ существованія и который представлялъ собою къ тому же надежный пунктъ, изъ котораго они могли вести переговоры или руководить военными дѣйствіями во всѣ стороны, какъ изъ центра, находившагося въ ихъ рукахъ» («Рус. Стар.», 1901, III, 604—5). Мы знаемъ, какія усилія употреблялись для борьбы съ дезорганизаціей, и дѣйствительно, было бы «глупо» разрушать одной рукой то, что создается другой. Такимъ образомъ, ранняя русская версія о французахъ-поджигателяхъ [1])

„Наполеонъ съ С. . . . послѣ сожженія Москвы“ (Теребеневъ).

[1]) Въ сущности о нихъ говоритъ единственное только донесеніе Тутолмина 11 ноября императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ: „Когда я и подчиненные мои съ помощью пожарныхъ трубъ старались загасить огонь, тогда французскіе зажигатели поджигали съ другихъ сторонъ вновь. Наконецъ нѣкоторые изъ стоявшихъ въ домѣ жандармовъ, *оберегавшихъ* меня, сжалившись надъ нашими трудами, сказали мнѣ: „оставьте,—приказано сжечь“.

абсолютно лишена основанія (см. также у Свербеева, I, 433). Единственно, что можно сказать,—это то, что на первыхъ порахъ завладѣвшіе столицею не обратили должнаго вниманія на начавшійся пожаръ. Онъ «не казался опаснымъ, — говорилъ Наполеонъ О'Меарѣ на Еленѣ 3 ноября 1816 г. —Мы думали, что онъ возникъ изъ-за солдатскихъ огней, разведенныхъ слишкомъ близко отъ домовъ, сплошь деревянныхъ [1]). На слѣдующій день огонь увеличился, но еще не вызывалъ серьезной тревоги... На слѣдующее утро поднялся сильный вѣтеръ, и пожаръ распространился съ огромной быстротой» («Napoleon dans l'exil». O' Méar, p. 44).

Версія о французахъ-поджигателяхъ была хороша только для 1812 г... [2]) Какое же имѣетъ подъ собой историческое основаніе французская версія? У позднѣйшихъ историковъ Отечественной войны мы найдемъ различное рѣшеніе этого вопроса. Первый офиціальный историкъ войны, отвергая «обвиненіе въ умышленномъ и заранѣе обдуманномъ зажженіи Москвы Россійскимъ правительствомъ», видитъ «причины первыхъ пожаровъ» въ сожженіи комиссаріатскихъ барокъ на Москвѣ-рѣкѣ по распоряженію отчасти Ростопчина, отчасти Кутузова. «Въ то же время,—говоритъ онъ,—загорались дома и лавки, но уже ни по чьему-либо приказанію, не по наряду, но по патріотическимъ чувствованіямъ» («Сочиненія» Михайл.-Данилевскаго, 1850 г., т. IV, 518). Затѣмъ къ французскимъ грабителямъ присоединились «бродяги изъ русскихъ» и, «вѣроятно, вмѣстѣ съ непріятелями старались о распространеніи пожара, въ намѣреніи съ большею удобностью грабить въ повсемѣстной тревогѣ» (Ibid., 520). На другой точкѣ зрѣнія стоитъ ген. Богдановичъ въ своей исторіи Отечественной войны: «Выказывать пожаръ Москвы въ видѣ гибели Сагунта—столь же нелѣпо, сколько приписывать его жестокости Наполеона и буйству его войскъ». По его мнѣнію, «главнымъ или, по крайней мѣрѣ, первымъ виновникомъ его былъ графъ Ростопчинъ». Д. П. Руничъ въ своихъ воспоминаніяхъ пошелъ дальше: «Для всякаго здравомыслящаго человѣка есть одинъ только исходъ, чтобы выйти изъ того лабиринта, въ которомъ онъ очутился, прислушиваясь къ разнорѣчивымъ мнѣніямъ, которыя были высказаны по поводу пожара Москвы. Несомнѣнно только императоръ Александръ могъ остановиться на этой мѣрѣ» («Рус. Стар.», 1901, III, 604). «Не пройдетъ и вѣка, — добавлялъ Руничъ,—какъ тайна разъяснится и на пожаръ Москвы, безъ сомнѣнія, будутъ смотрѣть, какъ на одну изъ лучшихъ жемчужинъ, украшающихъ вѣнецъ Александра. Ростопчину остается только слава, что онъ искусно обдумалъ и выполнилъ одинъ изъ самыхъ великихъ плановъ, «возникавшихъ въ человѣческомъ умѣ» (Ibid., 606). Фантастическое настроеніе Рунича, конечно, не войдетъ въ исторію, ибо подъ нимъ нѣтъ рѣшительно никакого фундамента. Отойдетъ въ область преданія и вся вообще патріотическая легенда. Тщетны усилія доказать, что «Москва была вольной

[1]) Отъ этихъ бивачныхъ огней по разсказамъ Глинкѣ оставшагося въ Москвѣ гравера Осипова „загорѣлся домъ Филипповскаго“ (Глинка. „Записки о Москвѣ“, 64).

[2]) Несуразность ея очевидна даже для С. Н. Глинки: „ни въ Парижѣ, ни при вторженіи въ Россію пожаръ московскій не заглядывалъ въ мысли Наполеона“ („Записки о Москвѣ“, 1837 г., 66). Жозефъ де-Местръ могъ лишь удивляться длительному существованію этой версіи: „До сихъ поръ еще,—писалъ онъ въ своемъ донесеніи 2 іюня 1813 г.,—въ народѣ говорятъ, да и повыше народа, что Москву сожгли французы: такъ еще сильны здѣсь предразсудки, убивающіе иногда всякую мысль наподобіе гасильниковъ, которыми тушатъ свѣчи“ („Р. Арх.“, 1912, I, 48).

жертвой нашего патріотизма». Если этотъ вопросъ былъ возведенъ «до апогея патріотическаго самопожертвованія», то, по мнѣнію Свербеева, «мыслящая русская публика» ухватилась за него «болѣе ловко, чѣмъ искренно» (I, 437). Въ 1812 г. Д. Н. Свербеевъ выступилъ въ «Вѣстникѣ Европы» съ большой статьей, посвященной разбору причинъ московскаго пожара въ 1812 г. (статья эта вошла въ видѣ приложенія въ первый томъ его записокъ). Отрицая участіе Ростопчина въ московскомъ пожарѣ, Свербеевъ давалъ такой отвѣтъ (и «единственно возможный», по его мнѣнію) на вопросъ, кто сжегъ Москву: «не мы, русскіе, и не они, французы, задуманно и заранѣе преднамѣренно; и мы, русскіе, т.-е. остававшiеся во время непріятеля въ Москвѣ, и они, французы, т.-е. всѣ галлы и всѣ ихъ двадесять языкъ, тѣ и другіе, но не задуманно и не заранѣе намѣренно. Можетъ-быть, въ рѣдкихъ случаяхъ и были между зажигателями русскіе по чувству ненависти къ врагу и изъ мщенія за жестокое съ нимъ обращеніе непріятеля, но главнѣйшею причиной пожаровъ было отсутствіе всякой дисциплины въ непріятельскомъ войскѣ и всякаго порядка между кочующими по городу толпами жителей». «Не должно ли будетъ согласиться, что Москвѣ труднѣе было уцѣлѣть, нежели сгорѣть при такихъ ужасныхъ безпорядкахъ, продолжавшихся не день, не два, цѣлую недѣлю» (I, 446—7). Если мы поставимъ вопросъ, какъ сгорѣла Москва, то, въ сущности говоря, замѣчаніями Свербеева, совпадающими съ точкой зрѣнія Михайловскаго-Данилевскаго, вопросъ будетъ вполнѣ исчерпанъ, надо лишь будетъ добавить, что первыми поджигателями-грабителями явились не французы, а русскіе (см. статью «Ростопчинъ — московскій главнокомандующій»). Полупьяная толпа, взвинченная прокламаціями Ростопчина, растерзавъ Верещагина, направляется въ то же время въ Кремль и тамъ съ оружіемъ въ рукахъ встрѣчаетъ непріятеля. Этой толпой, начавшей поджоги, руководили, конечно, не только корыстныя цѣли, здѣсь сыграло роль и чувство инстинктивнаго самосохраненія.

Гр. Ѳ. В. Ростопчинъ (англ. грав.).

И кто бы не поджегъ Москву (сознательно или безсознательно)— все равно не приходится удовольствоваться, что полудеревянная Москва, при стоявшей засухѣ, при отсутствіи средствъ для тушенія пожара (пожарныя трубы были вывезены по распоряженію Ростопчина), при полной дезорганизаціи, начавшейся еще за три дня до вступленія французовъ, могла сгорѣть въ нѣсколько дней [1]).

[1]) „Кто какъ ни выставляй патріотизмъ,—замѣчаетъ Александровъ въ „Очеркахъ моей жизни“ („Р. Арх.“, 1904, XII),—но и Москва въ 1812 г. горѣла не мало отъ своихъ же злоумышленниковъ“. И совершенно понятно, что французамъ приходилось постоянно защищать мирныхъ обывателей. Объ этомъ разсказываютъ почти всѣ мемуаристы. Также, конечно, правъ Наполеонъ, говорившій, что русскіе всѣми мѣрами помогали, пока это можно было, тушить пожаръ.

Но при всемъ томъ можно ли игнорировать такъ рѣшительно утвержденіе французскихъ источниковъ, что пожаръ былъ подготовленъ Ростопчинымъ? Можно ли, по крайней мѣрѣ, отрицать всякое участіе Ростопчина въ пожарѣ? Французскіе источники въ одинъ голосъ указываютъ на Ростопчина, какъ на одного изъ виновниковъ пожара. «L'incendie de Moscou a été consu et preparé par le général gouverneur Rastopchine», гласили бюллетени великой арміи. Они утверждали, что поймано до 300 поджигателей со взрывчатыми веществами, что при царившемъ безначаліи пьяные колодники бѣгали по улицамъ и бросали огонь. Наиболѣе полное объясненіе пожара, какъ акта, пріуготовленнаго заранѣе, мы найдемъ въ протоколѣ отъ 24 сентября военной комиссіи, судившей поджигателей въ числѣ 26 человѣкъ («Бумаги 1812 г.», П. И. Щукина, ч. I, 129). Комиссія свидѣтельствуетъ, что на судѣ фигурировали «разныя вещи, употребленныя къ зажиганію, какъ-то: фитили ракетъ, фосфоровые замки, сѣра и другіе зажигательные составы, найденные частью при обвиненныхъ, а частью подложенныхъ нарочно во многихъ домахъ». Эти зажигательныя средства, по мнѣнію комиссіи, были приготовлены Шмитомъ (т.-е. извѣстнымъ намъ Леппихомъ): «построеніе великаго шара только выдумано для того, чтобы скрыть истину». Въ подтвержденіе комиссія ссылалась на прокламаціи Ростопчина съ угрозой сжечь французовъ, если они осмѣлятся войти въ Москву. Такимъ же доказательствомъ являлось для нея выпускъ изъ тюрьмы преступниковъ, которымъ дана свобода съ тѣмъ, чтобы они «подожгли городъ въ двадцать четыре часа» по вступленіи французскихъ войскъ. Затѣмъ — свидѣтельствуетъ протоколъ комиссіи — «разные офицеры, военнослужащіе въ россійской арміи и полицейскіе чиновники получили тайно приказъ остаться въ Москвѣ, будучи переодѣты, чтобы распоряжаться зажигателями и дать имъ сигналъ къ запаленію». Наконецъ «безсомнительно доказано, что губернаторъ Ростопчинъ, для отнятія всѣхъ средствъ тушить пожаръ, приказалъ вывезть... изъ 20 кварталовъ въ Москвѣ всѣ пожарныя трубы, дроги, крючья, ведра и всѣ проч. пожарныя орудія». Все это явно доказываетъ, что «пожаръ произошелъ отъ уложеннаго плана».

Первый офиціальный историкъ Отечественной войны назвалъ процитированный протоколъ военной комиссіи сцѣпленіемъ «вымысловъ и лжи». Но уже Богдановичъ нѣсколько мягче выразился о военно-судебной комиссіи: здѣсь «ложь перемѣшана съ истиною». И дѣйствительно, если вся концепція французской версіи, быть-можетъ, и не выдерживаетъ критики, то почти всѣ отдѣльные факты, приведенные военно-судной комиссіей, не могутъ быть аннулированы. Вопреки утвержденіямъ офиціальныхъ историковъ, «колодники» не были вывезены изъ Москвы: брошенные на произволъ судьбы, обреченные къ полуголодному существованію, они участвовали и въ упомянутыхъ выше «патріотическихъ» подвигахъ и въ разграбленіи домовъ—имъ ничего другого и не оставалось дѣлать. Въ составѣ 26 подсудимыхъ мы видимъ поручика 1-го Московскаго пѣхотнаго полка Игнатьева, солдата и девятерыхъ полицейскихъ (Soldat de police à Moscou). Изъ свидѣтельствъ самого Ростопчина мы знаемъ, что онъ выбралъ нѣсколькихъ наиболѣе надежныхъ полицейскихъ, которые должны были остаться въ Москвѣ и доносить московскому градоправителю о по-

ложеніи дѣлъ. Они остались и исправно отправляли свою миссію, за что впослѣдствіи были вознаграждены. Что же касается зажигательныхъ веществъ, найденныхъ въ домахъ и у подсудимыхъ, то и здѣсь, несомнѣнно, была доля правды. У насъ нѣтъ никакихъ реальныхъ основаній утверждать, что зажигательные снаряды, фигурирующіе въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ въ протоколахъ французской военной комиссіи, являются вымысломъ. Основанія могутъ быть исключительно лишь психологическія—Наполеону выгодно было для реабилитаціи въ общественномъ мнѣніи представить дѣло такимъ образомъ. Какъ ни сильны подчасъ бываютъ для историческихъ выводовъ подобныя соображенія, все же они требуютъ провѣрки. Безспорно, шаръ Леппиха самъ по себѣ не имѣетъ никакого отношенія къ пожару (среди раннихъ иностранныхъ историковъ высказывалась мысль, что Леппихъ далъ первую мысль о сожженіи). Но послѣ Леппиха остались «горючіе матеріалы». Это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Они и послужили, по словамъ Ростопчина, «предлогомъ, за который съ жадностью ухватились, чтобы доказать, что въ этой лабораторіи приготовлялись зажигательные матеріалы для сожженія Москвы» (Воспоминанія. «Р. Ст.», 1889, XII)[1]). Но какъ быть съ тѣмъ, что всѣ французскіе мемуаристы, современники, участники великой арміи—солдаты и офицера безъ различія, дѣйствительно въ одинъ голосъ утверждаютъ, что у поджигателей были «горючіе матеріалы». Возьмемъ ли мы сержанта Бургоня, возьмемъ ли кого-нибудь другого—мы встрѣтимъ все одно и то же въ различныхъ варіаціяхъ. Нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ утверждать, что всѣ эти показанія очевидцевъ недостовѣрны, что все это—позднѣйшія повторенія французской официіальной версіи. Но есть ли для этого какое-нибудь основаніе: подчасъ разсказъ очевидца отличается такой непосредственностью, что сразу можно увидать, гдѣ онъ разсказываетъ съ чужихъ словъ, по слухамъ, и гдѣ передаетъ личныя впечатлѣнія и наблюденія. Несомнѣнно, разсказы очевидцевъ окрашены большой дозой субъективизма, детали часто очень недостовѣрны, но это все же не поводъ для поголовнаго отрицанія ихъ разсказовъ. Сержантъ Бургонь въ своихъ воспоминаніяхъ (цитирую по русскому переводу въ изданіи Суворина) много разъ разсказываетъ, какъ онъ со своимъ патрулемъ наталкивался на поджигателей съ «факелами», перебѣгавшихъ изъ одного дома въ другой, онъ разсказываетъ, какъ ему приходилось охранять, по просьбѣ мирныхъ обывателей, дома отъ поджоговъ и т. д. «По крайней мѣрѣ, двѣ трети этихъ несчастныхъ (забранныхъ въ плѣнъ патрулемъ) были каторжники... остальные были мѣщане средняго класса и русскіе полицейскіе, которыхъ легко было узнать по ихъ мундирамъ» (39). Свидѣтельство простого сержанта, разсказъ о непосредственныхъ наблюденіяхъ представитъ, конечно, гораздо большую цѣнность, чѣмъ знаменитый разсказъ Сегюра, всецѣло передающій офиціальную версію о пожарѣ, поджигателяхъ и ракетахъ. Возьмемъ ли мы артистку Луизу Фюзи (Fusil, „Souvenirs d'une Femme sur la

---

1) Источникомъ этихъ слуховъ отчасти были иностранцы, оставшіеся въ Москвѣ и, конечно, недостаточно освѣдомленные о предпріятіи Леппиха. Вотъ что говоритъ, напр., въ своихъ воспоминаніяхъ аббатъ Серюгъ: на дачѣ Репнина „on ce fabriqueient des pièces de feux artificiels, des fusées à la Congréve et d'autres instruments, destinés à l'exécution du grand projet" („*Les Français à Moscou*". Relation inédite publiée par le Libercier. Moscou, 1911, 27).

Retraite de Russie", Paris, 1911), возьмемъ ли итальянца офицера Ложье (Laugier, «La grande armée», Paris), возьмемъ ли полковника Комба («Mémoires», Paris, 1896), возьмемъ ли генерала Дедема («Mémoires», Paris, 1900), возьмемъ ли письмо Марэ, герцога Бассано, датированное 21 сентября (Chuquet, «Lettres de 1812», Paris, 1911),—мы повсюду встрѣчаемся съ однимъ и тѣмъ же. Единогласіе поразительно. Марэ говоритъ о «горючихъ матеріалахъ», найденныхъ въ домахъ (Chuquet, 48), а капит. Бургоэнъ, остановившійся въ домѣ Ростопчина на Лубянкѣ, разсказываетъ, какъ вскорѣ послѣ прибытія въ трубахъ была обнаружена кадка съ фитилями, ракеты и т. д. («Souvenirs», 167). Послѣднее сообщеніе особенно любопытно... [1])

Однородные факты, сообщаемые иностранными мемуаристами, во всякомъ случаѣ, показываютъ, что московская полиція во главѣ съ Ростопчинымъ замѣшана въ пожарѣ. Сообщенія современниковъ-иностранцевъ можно добавить и сообщеніями русскихъ современниковъ (напр., о горючихъ веществахъ, спрятанныхъ въ нѣкоторыхъ домахъ, о поджогахъ людьми, нанятыми Ростопчинымъ, говоритъ ген. Левенштернъ въ своихъ воспоминаніяхъ («Р. Ст.», 1901, I, 105). Но въ особенности приходится обратить вниманіе на показаніе одного изъ самыхъ достовѣрныхъ свидѣтелей-очевидцевъ московскихъ событій лѣтомъ и осенью 1812 г.—Бестужева-Рюмина. Въ своемъ «Краткомъ описаніи» онъ разсказываетъ, какъ онъ пошелъ посмотрѣть (въ то время, когда французы еще не вступили въ городъ), что дѣлается въ городѣ. «На Лобномъ мѣстѣ, что близъ кремлевскихъ Спасскихъ воротъ, площадь была полна народу, такъ что тѣсно было; въ воздухѣ же былъ нестерпимый смрадъ отъ того, что лавки москотильнаго ряда были уже зажжены, и, какъ говорили, зажигалъ лавки самъ частный приставъ городской части, какой-то князь» (86) [2])... Если мы сопоставимъ эти факты съ предписаніемъ Ростопчина 1 сентября полицмейстеру Ивашкину о вывозѣ пожарныхъ трубъ («Щук. Сб.», I, 96) съ приказомъ его разбить бочки со спиртомъ и водкою, съ распоряженіемъ о сожженіи комиссаріатскихъ барокъ у Симонова монастыря и Краснаго Холма (что и было исполнено «по мѣрѣ возможности, въ виду непріятеля до 10 часовъ вечера», какъ доносилъ приставъ Вороненко), то еще очевиднѣе будетъ довольно дѣятельное участіе московской полиціи въ первыхъ поджогахъ. Ростопчинъ выражалъ полную увѣренность, что Москва сгоритъ, какъ только вступятъ въ нее французы. Мы сошлемся въ данномъ случаѣ не на намеки, которые дѣлалъ Ростопчинъ въ своихъ объявленіяхъ московскому населенію или въ раннихъ письмахъ къ Багратіону и разговорахъ съ Ермоловымъ («Воспоминанія Ермолова», I, 210), не на апокрифическую въ значительной степени бесѣду, которую ведетъ передъ отъѣздомъ изъ Москвы Ростопчинъ съ своимъ младшимъ сыномъ и которую передаетъ внукъ Ростопчина Сегюръ: «Привѣтствуй Москву въ по-

---

[1]) То же подтверждаетъ Боссе („Mém.", 90), который передаетъ со словъ д-ра Жоанно, жившаго тамъ, что въ печныхъ трубахъ ростопчинскаго дома были найдены взрывчатыя вещества и горючіе матеріалы. Ростопчинъ въ позднѣйшихъ своихъ объясненіяхъ по этому поводу писалъ: „Одинъ французскій медикъ, стоявшій въ моемъ домѣ, сказывалъ мнѣ, что нашли въ одной печи нѣсколько ружейныхъ патроновъ... они могли быть положены послѣ моего выѣзда, чтобы черезъ то подать еще болѣе повода думать, что я имѣлъ намѣреніе сжечь Москву. Равномѣрно и ракеты... могли быть взяты въ частныхъ заведеніяхъ" („Правда о пожарѣ Москвы". Сочиненія, изд. 1853, 206—7).

[2]) Глинка передаетъ другую версію: „Я слышалъ отъ гравера Осипова, шедшаго мимо рядовъ въ день оставленія Москвы, что въ москотильный рядъ брошена была бомба" („Записки о Москвѣ", 63).

слѣдній разъ, черезъ $1/2$ часа она будетъ въ огнѣ» («Vie», 239), и на свидѣтельство принца Евгенія Вюртембергскаго, что Ростопчинъ считалъ лучше сжечь Москву, чѣмъ отдавать ее французамъ (Ib., 230) [1]). Мы сошлемся лучше на два письма Ростопчина отъ 1 сентября, изъ которыхъ одно было адресовано императору Александру, а другое—женѣ. «Москва въ рукахъ Бонапарта будетъ пустынею, если не истребитъ ея огонь, и можетъ стать ему могилою», пишетъ Ростопчинъ императору («Р. Арх.», 1892, VIII, 530). «Городъ уже грабятъ,—сообщаетъ Ростопчинъ женѣ,—а такъ какъ нѣтъ пожарныхъ трубъ, то я убѣжденъ, что онъ сгоритъ». («Р. Арх., 1901, VIII, 464). «Я хорошо зналъ,—пишетъ Ростопчинъ черезъ недѣлю женѣ (9 сентября),—что пожаръ неизбѣженъ» (Ib., 468). Правда, черезъ

Русскіе покидаютъ Москву сент. 1812 г. (Съ совр. Нюренбергской гравюры).

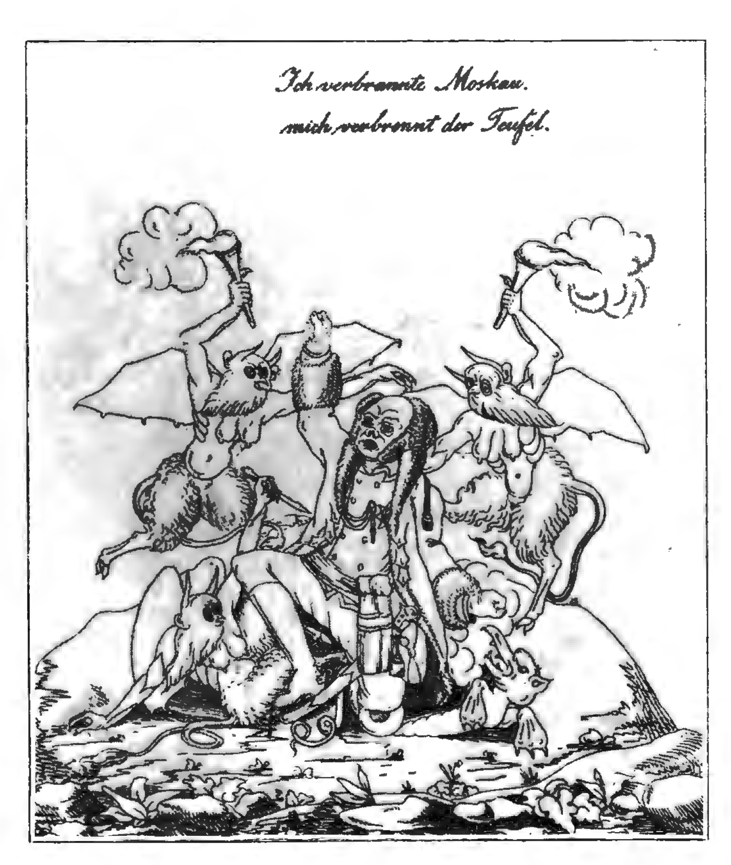
два дня онъ приписываетъ себѣ только мысль о сожженіи Москвы, которую не удалось выполнить. «Моя мысль поджечь городъ до вступленія въ него злодѣя,—сообщаетъ 11 сентября Ростопчинъ женѣ,—была полезна. Но Кутузовъ обманулъ меня... Было уже поздно...» (Ib., 472). Черезъ мѣсяцъ, 13 октября, почти то же Ростопчинъ повторяетъ и Александру: «Скажи мнѣ два дня раньше, что онъ (Кутузовъ) оставитъ Москву, я бы выпроводилъ жителей и сжегъ ее» («Р. Арх.», 1892, VIII, 555). Многіе хотятъ видѣть въ послѣднихъ указаніяхъ какъ бы подтвержденіе того, что Ростопчинъ, лелѣя, быть-можетъ, мысль о сожженіи Москвы, фактически не принималъ въ немъ участія. Врядъ ли, однако, это отрицаніе

[1]) По словамъ Евг. Вюртембергскаго, Ростопчинъ передъ совѣтомъ въ Филяхъ сказалъ ему: „Если бы меня спросили, то я бы сказалъ: уничтожьте городъ прежде, нежели отдавать его непріятелю“ („Mémoires“, II, 154).

можетъ опровергнуть приведенныя выше показанія. При всѣхъ разговорахъ и намекахъ на возможность сожженія Москвы дѣйствительность и сознаніе современниковъ были очень далеки отъ такой возможности. При томъ впечатлѣніи, которое произвелъ на русское общество пожаръ Москвы; при томъ негодованіи противъ варварскаго поступка французовъ, какое онъ вызвалъ,—признаніе со стороны Ростопчина, что онъ участвовалъ въ сожженіи Москвы, хотя бы даже съ патріотической цѣлью, показалось бы чудовищнымъ и вызвало бы скорѣе бурю негодованія. Ростопчину неизбѣжно приходилось молчать о своемъ «патріотическомъ» подвигѣ. Нельзя забывать и того, что только въ официальныхъ реляціяхъ можно было утверждать, что Москва оставлена пустой, что изъ нея все вывезено. Современники, зная правду, конечно, не вѣрили подобнымъ сообщеніямъ, тѣмъ болѣе, что въ моментъ оставленія Москвы, въ моментъ бѣгства изъ Петербурга, рѣшительно никакихъ сознательныхъ патріотическихъ цѣлей не ставилось. Содѣйствуя поджогамъ Москвы, не ставилъ какихъ-либо сознательныхъ патріотическихъ цѣлей и самъ Ростопчинъ: это была простая месть человѣка, находившагося «въ крайне раздраженномъ состояніи», «слѣпая ненависть», какъ выразился одинъ изъ современниковъ. Ростопчинъ подводилъ итоги своимъ многочисленнымъ обѣщаніямъ, которыя всѣ оказались мыльными пузырями. И эта «слѣпая ненависть» отзывается, дѣйствительно, чѣмъ-то «скиѳскимъ», если мы припомнимъ, что въ Москвѣ на милосердіе непріятелей оставляли тысячи русскихъ раненыхъ...

При такихъ условіяхъ Ростопчину о своемъ «подвигѣ» приходилось умалчивать и стирать слѣды своего участія въ московскомъ пожарѣ. Вернувшись въ Москву послѣ французовъ, Ростопчинъ еще въ большей мѣрѣ долженъ былъ считаться съ враждебнымъ настроеніемъ тѣхъ, кто потерпѣлъ матеріальные убытки отъ пожара. Онъ самъ признавался въ письмѣ къ Воронцову, что «многіе вѣрятъ ему», т.-е. Наполеону. И мы видимъ, что Ростопчинъ принимаетъ довольно энергичныя мѣры къ прекращенію нежелательныхъ слуховъ: онъ еще съ большимъ усердіемъ предъявляетъ обвиненіе въ политической неблагонадежности и отдаетъ въ «рекруты» тѣхъ, которые «много врутъ о разореніи Москвы»... Проходятъ годы. Непосредственныя впечатлѣнія отъ пожара ослабѣваютъ. За границей, какъ мы знаемъ (см. статью Д. А. Жаринова), творится «патріотическая легенда» о пожарѣ Москвы. Ростопчинъ дѣлается европейской знаменитостью. Его поступокъ съ сожженіемъ собственнаго помѣстья Воронова возводится въ перлъ патріотическаго воодушевленія: «Сожигатель Эфесскаго храма,—говоритъ Вильсонъ,—доставилъ себѣ постыдное безсмертіе, разрушеніе Воронова должно остаться вѣчнымъ памятникомъ русскаго патріотизма» («Рус. Стар.», 1897, X, 199). Ростопчинъ чрезвычайно чувствителенъ къ славѣ. Лучше всего это можетъ показать письмо, адресованное изъ Москвы 28 апрѣля 1814 г. Воронцову: «Сдѣлайте же мнѣ одолженіе, устройте, чтобы я имѣлъ какой-либо знакъ англійскаго уваженія, шпагу, вазу съ надписью, право гражданства». Ростопчинъ прекрасно сознаетъ, что его «извѣстность держится на пожарѣ Москвы», какъ пишетъ онъ одной изъ своихъ дочерей (Segur, «Vie», 266). Бонапартъ «содѣлалъ своими ругательствами имя мое незабвеннымъ». «Въ Англіи народъ желалъ имѣть мой гравированный портретъ», въ «Прус-

сіи женщины модамъ даютъ имя мое», такъ характеризуетъ Ростопчинъ свою заграничную популярность («Рус. Вѣстн.», 1813, № 5. Соч. 301). Человѣкъ столь мелкаго самолюбія упивался своей славой, хотя бы она основывалась на «скиѳскомъ» поступкѣ. Ростопчинъ попадаетъ въ Парижъ, гдѣ онъ разыгрываетъ изъ себя знаменитость. Всѣ его хотятъ видѣть. Издаются его портреты съ подписами «L'incendiaire Rostopchin». Московскій властелинъ въ отставкѣ удовлетворенъ и вовсе не намѣренъ возражать противъ тѣхъ «ругательствъ», которыя, по собственному признанію, создаютъ ему славу. И только въ 1823 г. Ростопчинъ выступаетъ съ знаменитой брошюрой «La vérité sur l'incendie de Moscou», въ которой писалъ: «я отказываюсь отъ прекраснѣйшей роли эпохи и разрушаю зданіе своей знаменитости» (Сочин. Изд. 1853 г., 202). Зачѣмъ издалъ Ростопчинъ эту брошюру черезъ десять лѣтъ молчанія? «Онъ хотѣлъ сложить отвѣтственность съ одного себя за послѣдствія пожара, — отвѣчаетъ внукъ Ростопчина (Ib., 263). — Онъ хотѣлъ вернуться въ Москву и зная, что его «патріотическій подвигъ» на родинѣ далеко не возбуждаетъ того восторга, уваженія или любопытства, какъ въ Западной Европѣ, пишетъ брошюру, которую посылаетъ своими компатріотамъ, какъ «залогъ для примиренія» (Segur, «Vie», 270). «Казалось бы, — писалъ Свербеевъ въ своей статьѣ о пожарахъ Москвы, — что послѣ такого рѣзкаго отреченія Ростопчина отъ возводимаго на него подвига, послѣ такого искренняго и вмѣстѣ насмѣшливаго на то негодованія съ первыхъ строкъ его знаменитой брошюры[1]), послѣ всѣхъ приведенныхъ имъ въ ней доказательствъ, что онъ никогда не замышлялъ сожженія Москвы[2]), современники и потомство оставятъ его память въ

„Я сжегъ Москву, меня сжигаетъ дьяволъ“ — нѣмец. карикатура на Ростопчина (Ziegler).

---

[1]) „Ennuyé d'entendre débiter la même fable, je vais faire parler la vérité qui seule doit dicter l'histoire.

[2]) Неопредѣленное оправданіе Ростопчина производило весьма различныя впечатлѣнія на читателей брошюры: для Свербеева это полное отрицаніе, а по мнѣнію Рунича, Ростопчинъ въ этой брошюрѣ „захотѣлъ, какъ ворона, одѣться въ павлиныя перья, приписавъ лично себѣ дѣло, за которое онъ подлежалъ бы отвѣтственности передъ судомъ разума и совѣсти, если бы онъ сдѣлалъ его безъ монаршаго приказанія, по собственному усмотрѣнію“ (Ib., 606). Издатель „Русскаго Архива“ П. И. Бартеневъ считаетъ, что Ростопчинъ „отрицаетъ только послѣдовательныя и преднамѣренныя правитель-

покоѣ и перестанутъ прославлять его имя небывалымъ подвигомъ. Напротивъ того, чѣмъ болѣе отдалялась отъ насъ знаменитая эпоха, тѣмъ упорнѣе стали мы писать, печатать, проповѣдывать, «что Москву сжегъ Ростопчинъ, что Москву сожгли русскіе» [1]). Мы уже цитировали мнѣніе самого Свербеева, съ которымъ въ значительной степени нельзя не согласиться. Но это мнѣніе нисколько не опровергаетъ участіе Ростопчина въ поджогахъ — оно свидѣтельствуетъ только, что не было никакого разработаннаго правительствомъ плана сожженія Москвы, что Москва вовсе не была вольной жертвой «нашего патріотизма» [2]).

С. Мельгуновъ.

Медаль на взятіе Москвы.

V. Переписка о мирѣ между Наполеономъ и Александромъ.

И. М. Катаева.

Взятіе Москвы было роковымъ поворотнымъ моментомъ всей кампаніи Наполеона. Москва — ближайшая цѣль похода, была достигнута. Въ рукахъ французовъ находилась древняя столица Россіи. Наполеонъ, казалось, былъ на верху своей славы; его противникъ потерпѣлъ тяжелыя, невознаградимыя потери.

ствомъ распоряженія о сожженіи Москвы"... Ростопчинъ „только приписываетъ честь высокаго самопожертвованія не одному себѣ, но всему русскому народу". Поводомъ для такого заключенія могло служить слѣдующее мѣсто въ „Правдѣ": „Главная черта Русскаго характера... скорѣе уничтожить, чѣмъ уступить... Въ частныхъ разговорахъ съ купцами, мастеровыми и людьми простого званія, я слыхалъ слѣдующее выраженіе, когда они съ горестью изъявляли свой страхъ, чтобы Москва не досталась въ руки непріятеля: „лучше ее сжечь... я видѣлъ многихъ людей спасшимися изъ Москвы послѣ пожара, которые хвалились тѣмъ, что сами зажигали свои дома" (Соч., 262).

[1]) Сожгли изъ чувства патріотизма, какъ доказываетъ въ своихъ *позднѣйшихъ* воспоминаніяхъ ген. Ланжеронъ: „Пожаръ Москвы, это геройское дѣяніе, это ужасное, величавое рѣшеніе, вызванное удивительнымъ самоотверженіемъ и патріотизмомъ самымъ пламеннымъ" (Изъ записокъ, „Р. Арх.", 1895, III, 150).

[2]) Для Свербеева доказательствомъ того, что Ростопчинъ не участвовалъ въ поджогахъ Москвы, служитъ, главнымъ образомъ, то, что тайные пособники Ростопчина доселѣ никѣмъ не открыты. Вѣроятно, они никогда не будутъ открыты. Съ этимъ фактомъ приходится мириться. Но нетрудно предположить, что этими пособниками и были оставленные Ростопчинымъ полицейскіе, этимъ пособникомъ былъ всегда полупьяный сыщикъ Яковлевъ, являвшійся правой рукой Ростопчина въ подготовленіи народнаго мнѣнія и занимавшійся распространеніемъ афишъ уже послѣ вступленія французовъ въ Москву (Замѣтки Булгакова, „Р. Арх.", 1866, 702).

„Я имѣю полное право,—добавляетъ, кромѣ того, Свербеевъ (I, 439),—что, если бы Ростопчинъ хотя сжегъ Москву, онъ предупредилъ своего пріятеля Обрескова... Я имѣю еще большее право думать...,

Но вотъ проходитъ какихъ-нибудь 2—3 недѣли, и звѣзда Наполеона, говоритъ одинъ изъ участниковъ его похода, «померкла въ Москвѣ и вскорѣ закатилась»[1]).

Возвращаясь изъ Петровскаго дворца въ Кремль, Наполеонъ самъ былъ очевидцемъ той деморализаціи, которая охватила войска вслѣдствіе дозволеннаго имъ грабежа во время пожара, подъ предлогомъ, что они отстаиваютъ добычу у огня. Учитывая опасныя послѣдствія грабежа, Наполеонъ черезъ день особымъ приказомъ по войскамъ запретилъ его.

Выѣздъ Наполеона изъ Москвы. (Нѣмец. лубокъ; ориг. въ Ист. муз.).

Запрещеніе, подъ угрозой военнаго суда, повторялось нѣсколько разъ, но однажды пошатнувшуюся дисциплину трудно было уже возстановить, даже въ гвардіи. «Съ соболѣзнованіемъ видитъ императоръ,—говорится въ одномъ изъ сентябрьскихъ приказсвъ маршала Лефевра,—что отборные солдаты, предназначенные охранять его особу, которые должны подавать другимъ примѣръ подчиненности, до такой степени не повинуются прика-

что если бы онъ сдѣлалъ какія-либо распоряженія о сожженіи Москвы, то собственный его великолѣпный на Лубянкѣ домъ загорѣлся бы первый". Весьма вѣроятно, что это и было бы такъ. Ростопчина можно упрекать въ саморекламѣ и самодурствѣ, но не въ корысти. Если мы примемъ во вниманіе свѣдѣнія, сообщенныя Бургоэнемъ, то сохранность дома Ростопчина, вѣроятно, придется объяснить поспѣшнымъ его бѣгствомъ передъ собравшейся на дворѣ толпой, которая была враждебно настроена къ московскому управителю.

[1]) Бар. Дедемъ, „Русск. Стар.", 1900 г., іюль, 131 стр.

заніямъ, что разбиваютъ погреба и магазины, приготовленные для арміи». Солдаты не слушались часовыхъ и караульныхъ офицеровъ, бранили и били ихъ; офицеры, проходя съ войсками мимо императора, не салютовали ему шпагой. Нѣкоторые начальники оправдывали грабежъ солдатъ тѣмъ, что они нуждались въ хлѣбѣ и обуви, что необходимость вынуждала ихъ къ отысканію средствъ для существованія. Дѣйствительно, продовольственное дѣло находилось въ безпорядочномъ состояніи. Не было принято своевременныхъ мѣръ для правильнаго сбора запасовъ продовольствія и фуража. Обращеніе къ подмосковнымъ крестьянамъ относительно подвоза провіанта въ Москву не привело ни къ какимъ результатамъ. Фуражировки въ опустошенныя окрестности Москвы доставляли мало продовольствія; отдаляться отъ Москвы съ этой цѣлью было опасно: нападенія казаковъ и партизановъ на французскіе отряды день ото дня становились смѣлѣе и расправа съ плѣнными ожесточеннѣе. Часть французовъ погибала, другіе же возвращались въ Москву съ пустыми руками. При ежедневныхъ перекличкахъ офицеры замѣчали убыль людей въ командахъ. Отъ недостатка корма лошади падали сотнями; кой-какъ поддерживалась гвардейская конница; остальныя части должны были почти всѣ спѣшиться. Въ такомъ же печальномъ положеніи находилась и артиллерія. Въ довершеніе всего въ теченіе сентября Наполеонъ получилъ неблагопріятныя извѣстія о дѣйствіяхъ австрійцевъ и маршаловъ, оставленныхъ имъ для прикрытія тыла «великой арміи» и для наступательныхъ дѣйствій на флангахъ.

Положеніе Наполеона становилось чрезвычайно затруднительнымъ. Оставить Москву было небезопасно; но и промедленіе въ Москвѣ угрожало дальнѣйшимъ разстройствомъ арміи. Такъ осуществились тѣ предостереженія, которыя высказывались Наполеону нѣкоторыми его генералами еще въ Витебскѣ и Смоленскѣ относительно похода на Москву. Настроеніе императора было весьма тревожно. «Его тревога,—говоритъ гр. Сегюръ,—выражалась порывами гнѣва. Особенно это случалось утромъ, когда онъ вставалъ съ постели... По его блѣдному лицу можно было замѣтить, что его томила горькая истина его положенія, со всею ясностью представлявшаяся въ темнотѣ ночей».

Только такимъ затруднительнымъ положеніемъ объясняется то, что Наполеонъ хватался за каждый сколько-нибудь подходящій случай, чтобы начать переговоры о мирѣ съ непріятелемъ.

Узнавъ о пребываніи въ Москвѣ начальника московскаго Воспитательнаго Дома, генералъ-майора Тутолмина, Наполеонъ, по переѣздѣ изъ Петровскаго дворца въ Кремль, приказалъ черезъ ген.-интенданта гр. Дюма пригласить его къ себѣ. Принявъ благосклонно Тутолмина во дворцѣ, Наполеонъ въ бесѣдѣ съ нимъ говорилъ о жестокомъ, варварскомъ способѣ веденія русскими войны, возмущался дѣйствіями Ростопчина, говорилъ о безцѣльности сожженія Москвы и въ заключеніе спросилъ: «не имѣетъ ли онъ просить его о чемъ-нибудь?» Тутолминъ высказалъ желаніе послать донесеніе о состояніи ввѣреннаго ему учрежденія покровительницѣ его—императрицѣ. Наполеонъ спѣшилъ воспользоваться этимъ случаемъ для осуществленія своей затаенной мысли. «Вы можете послать донесеніе,—сказалъ онъ Тутолмину,—и я прошу васъ написать при этомъ

императору Александру, котораго я уважаю попрежнему, что я желаю мира. Отправьте съ донесеніемъ своего чиновника, черезъ котораго можете получить и отвѣтъ. Я прикажу провести его черезъ наши форпосты». Это было 6 сентября. Наполеонъ разсчитывалъ, что донесеніе Тутолмина и отвѣтъ на него имп. Александра дастъ ему поводъ войти съ нимъ въ непосредственныя сношенія.

Таковъ былъ первый шагъ Наполеона ко вступленію въ переговоры о мирѣ. Но этого ему показалось недостаточно. Онъ сдѣлалъ вторую, еще болѣе оригинальную попытку начать переговоры. До его свѣдѣнія было доведено, что отставной капитанъ гвардіи Яковлевъ желаетъ получить пропускъ изъ Москвы съ семьей, прислугой и крестьянами. 9 сентября Наполеонъ принялъ Яковлева въ Тронной залѣ и вступилъ съ нимъ, какъ и съ Тутолминымъ, въ бесѣду. Свою рѣчь и на этотъ разъ Наполеонъ началъ съ выраженія возмущенія по поводу московскаго пожара и безцѣльнаго опустошенія русскими своей страны, что, однако, не препятствовало ему итти впередъ. «Наконецъ надо же, — говорилъ онъ, — положить предѣлъ кровопролитію; пора намъ примириться... Мнѣ нечего дѣлать въ Россіи. Я отъ нея ничего не требую болѣе, какъ исполненія условій тильзитскаго договора; я хочу возвратиться, потому что всѣ мои дѣла касаются Англіи... Если императоръ Александръ желаетъ мира, то ему стоитъ только извѣстить меня объ этомъ; я пошлю къ нему одного изъ моихъ адъютантовъ, Нарбонна или Лористона, миръ немедленно будетъ заключенъ. Но если онъ желаетъ продолжать войну, то и я буду продолжать; мои солдаты только того и требуютъ, чтобы итти на Петербургъ. Ну, что же, мы пойдемъ, и Петербургъ испытаетъ участь Москвы».

И. А. Яковлевъ (Брожъ).

Наполеонъ соглашается дать Яковлеву пропускъ изъ Москвы, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, проводивъ своихъ людей домой, отправился въ Петербургъ и нашелъ тамъ случай представиться имп. Александру; пусть онъ въ качествѣ свидѣтеля-очевидца дастъ отчетъ императору о событіяхъ, происшедшихъ въ Москвѣ. Какъ ни указывалъ Яковлевъ на невозможность исполнить подобное порученіе въ виду того, что онъ по своему общественному положенію не имѣетъ права личной аудіенціи у государя, но Наполеонъ настоялъ на томъ, что онъ напишетъ письмо императору Александру, а Яковлевъ доставитъ это письмо по назначенію.

«Государь, братъ мой!—такъ начинаетъ Наполеонъ свое письмо къ императору Александру.—Узнавъ, что братъ министра вашего величества при Кассельскомъ дворѣ находится здѣсь, я призывалъ его къ себѣ и говорилъ съ нимъ. Я поручилъ ему отправиться къ вашему величеству и выразить

вамъ мои чувства». Наполеонъ говоритъ далѣе о сожженіи «прекрасной, великолѣпной Москвы», выражаетъ увѣренность, что это печальное событіе произошло не вслѣдствіе повелѣнія императора Александра, такъ какъ «такія неистовства, недостойныя ни «великаго монарха ни великаго народа», были бы, конечно, несогласны съ его (императора Александра) правилами, сердцемъ, съ его свѣтлымъ образомъ мыслей. «Я веду войну,—писалъ Наполеонъ,—съ вашимъ величествомъ безъ всякаго озлобленія. Простая записочка отъ васъ, прежде или послѣ послѣдняго сраженія, остановила бы мое движеніе, и, чтобы угодить вамъ, я пожертвовалъ бы выгодою вступить въ Москву. Если вы, ваше величество, хотя отчасти сохраняете прежнія ко мнѣ чувства, то вы благосклонно прочгете это письмо».

Прошло двѣ недѣли, но Наполеонъ не получилъ на свое письмо никакого отвѣта. Допуская, что Яковлевъ могъ не исполнить порученія, Наполеонъ рѣшился, наконецъ, взять на себя иниціативу офиціальныхъ дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ или, по крайней мѣрѣ, перемиріи. Но послать своего уполномоченнаго непосредственно въ Петербургъ Наполеонъ не могъ; необходимо было войти сначала въ соглашеніе съ русскимъ главнокомандующимъ, получить отъ него пропускъ и проводниковъ для своего посла. На кого было возложить исполненіе этой чрезвычайно трудной и отвѣтственной миссіи? Выборъ могъ колебаться между двумя дипломатами, сопровождавшими Наполеона въ походъ, гр. Коленкуромъ и Лористономъ. Оба они были опытными дипломатами, до разрыва съ Россіей были послами въ Петербургѣ, знали Россію и императора Александра. Наполеонъ остановился сначала на Коленкурѣ. Но тотъ, хорошо понимая положеніе вещей, далъ понять Наполеону всю ошибочность этого шага, указывая, что императоръ Александръ не согласится на миръ, и попытка переговоровъ обнаружитъ только всю затруднительность положенія французской арміи. Наполеону не понравились возраженія Коленкура; «хорошо,—рѣзко оборвалъ онъ его,—въ такомъ случаѣ я пошлю Лористона». Но и послѣдній попробовалъ отклонить отъ себя щекотливое порученіе. Наполеонъ, раздраженный противорѣчіемъ, наконецъ, воскликнулъ: «Я желаю мира, мнѣ нуженъ миръ; я непремѣнно хочу его заключить, только бы честь была спасена. Отправляйтесь немедленно же въ русскій лагерь».

Лористону оставалось только повиноваться. Свиданіе Лористона и Кутузова состоялось на другой же день, 23 сентября въ Тарутинскомъ лагерѣ.

Кутузовъ охотно принялъ предложеніе относительно пріема уполномоченнаго французскаго императора. Это давало ему возможность узнать ближе настроеніе и намѣренія Наполеона и извлечь изъ свиданія извѣстную выгоду; а именно,—подавъ Наполеону надежду на миръ, усыпить его бдительность и долѣе задержать въ Москвѣ, пока силы русской арміи будутъ пополнены и ей придетъ на помощь надежный союзникъ—зима. Но при этомъ Кутузовъ сдѣлалъ одну ошибку. Желая избѣжать нежелательныхъ толковъ въ арміи, онъ рѣшилъ обставить свиданіе всевозможною тайною и назначилъ его внѣ предѣловъ лагеря, за линіей нашихъ форпостовъ, по дорогѣ въ Москву. Это обстоятельство произвело какъ разъ совершенно обратное впечатлѣніе. Въ арміи, среди генераловъ и высшаго офицерства, пошелъ слухъ, что главнокомандующій имѣетъ на-

мѣреніе войти въ тайные переговоры съ Наполеономъ, что онъ не прочь заключить съ нимъ конвенцію, въ силу которой французская армія очиститъ русскую территорію, что конвенція будетъ содержать въ себѣ даже предварительныя условія мира. Между тѣмъ, въ виду сожженія Москвы и извѣстій о поведеніи тамъ французовъ, настроеніе въ арміи было весьма воинственное; никто не хотѣлъ и слышать о мирѣ. Это и подало поводъ къ конфликту между Кутузовымъ и нѣкоторыми изъ высшихъ генераловъ, уже давно интриговавшихъ противъ главнокомандующаго. Таковы были, въ особенности, Беннигсенъ и англійскій агентъ при русской арміи, генералъ Вильсонъ. Послѣдній былъ ревностнымъ блюстителемъ англійскихъ интересовъ, ненавидѣлъ Наполеона и пользовался личнымъ довѣріемъ императора Александра. Какъ уполномоченный сильнѣйшей союзной державы и самъ по себѣ человѣкъ честолюбивый и заносчивый, Вильсонъ былъ очень склоненъ преувеличивать свои полномочія. Этимъ и объясняется сцена, устроенная имъ Кутузову 23 сентября, когда Вильсонъ, явившись къ нему въ качествѣ представителя штабныхъ и армейскихъ генераловъ, послѣ крупнаго объясненія заявилъ, что армія можетъ отказать фельдмаршалу въ повиновеніи, если онъ исполнитъ свое намѣреніе поѣхать для свиданія съ непріятельскимъ генераломъ за линію нашихъ форпостовъ. Въ виду того, что Вильсонъ въ своемъ мнѣніи былъ поддержанъ такими вліятельными лицами, какъ герц. Вюртембергскій — дядя императора, его зять —герц. Ольденбургскій и кн. Волконскій, генералъ-адъютантъ, прибывшій незадолго передъ тѣмъ въ армію съ депешами изъ Петербурга, Кутузовъ уступилъ въ пунктѣ, касавшемся мѣста встрѣчи съ Лористономъ. Онъ принялъ его вечеромъ 23 сентября въ своей главной квартирѣ, въ лагерѣ.

Г.-м. И. В. Тутолминъ.

Изъ донесенія Кутузова намъ извѣстно содержаніе бесѣды его съ Лористономъ. Посолъ Наполеона не прямо приступилъ къ главному предмету своей миссіи. Онъ завелъ рѣчь съ предложенія о размѣнѣ плѣнныхъ и о необходимости прекратить звѣрскія жестокости при нападеніи русскихъ партизановъ на французскихъ солдатъ. Кутузовъ отвѣтилъ отказомъ на оба предложенія, ссылаясь по поводу послѣдняго на невозможность измѣнить настроеніе народа, создавшееся при извѣстныхъ условіяхъ вступленія французовъ въ Россію.

Затѣмъ Лористонъ перешелъ къ главному вопросу. «Дружба,—говорилъ онъ,—существовавшая между вашимъ государемъ и императоромъ Наполеономъ, расторгнулась несчастнымъ образомъ, по обстоятельствамъ

постороннимъ, и теперь насталъ удобный случай возстановить ее. Эта война необычайная, война жестокая, должна ли продолжаться вѣчно? Императоръ, государь мой, искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами и положить его навсегда».

Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ никакого полномочія для переговоровъ о мирѣ. «При отправленіи моемъ въ армію,—сказалъ онъ,—и названія мира ни разу не упомянуто... Я подвергъ бы себя проклятію потомства, если бы сочли, что я подалъ поводъ къ какому бы то ни было примиренію; таковъ въ настоящее время образъ мыслей нашего народа».

Лористонъ подалъ Кутузову письмо Наполеона, въ которомъ императоръ французовъ писалъ: «Посылаю къ вамъ одного изъ моихъ генералъ-адъютантовъ для переговоровъ съ вами о многихъ важныхъ предметахъ. Прошу вашу свѣтлость вѣрить словамъ его, особенно, когда онъ станетъ выражать вамъ чувства уваженія, издавна мною къ вамъ питаемыя. Засимъ молю Бога о сохраненіи васъ подъ Его священнымъ кровомъ».

Лористонъ сообщилъ далѣе о намѣреніи Наполеона послать его для переговоровъ въ Петербургъ и обратился съ просьбой къ Кутузову исходатайствовать на это согласіе императора Александра и пока, въ ожиданіи отвѣта, заключить перемиріе.

Кутузовъ отклонилъ послѣднее предложеніе, но обѣщалъ довести до свѣдѣнія государя о желаніи Наполеона. Лористонъ принялся разсчитывать время, когда можетъ прійти отвѣтъ изъ Петербурга, и обнаружилъ при этомъ большое нетерпѣніе получить его возможно скорѣе, предлагая даже поѣхать туда, не дожидаясь отвѣта. Но и это предложеніе было отклонено Кутузовымъ. Лористону не оставалось ничего болѣе, какъ раскланяться. Свиданіе кончилось.

Коленкуръ былъ вполнѣ правъ, указывая Наполеону на ошибочность его шага относительно начатія переговоровъ о мирѣ. Ни въ русской арміи ни, тѣмъ болѣе, въ Петербургѣ не имѣли еще яснаго представленія о затруднительности положенія французовъ. Теперь это положеніе уяснилось какъ нельзя лучше. Извѣстіе о цѣли и смыслѣ посольства Лористона быстро распространилось въ арміи. Уже 25 сентября лордъ Тэрконель, агентъ англійскаго правительства, отправляясь изъ Тарутинскаго лагеря въ армію Чичагова, пишетъ: «Бонапартъ присылалъ своего генерала для свиданія съ фельдмаршаломъ Кутузовымъ, главное порученіе коего было стараться заключить перемиріе, но объявленный предметъ состоялъ въ томъ, чтобы сдѣлать представленіе о варварской системѣ, съ каковой производится сія война... Французы признались въ своей слабости»... и т. д. [1])

Что касается императора Александра, то онъ, начиная съ іюня мѣсяца 12 года, нѣсколько разъ офиціально заявлялъ о твердой рѣшимости «не положить оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется» въ Россіи. Еще 7 сентября въ особо торжественныхъ выраженіяхъ, въ формѣ обѣта, онъ повторилъ это рѣшеніе полковнику Мишо, посланному Кутузовымъ съ извѣстіемъ о сдачѣ Москвы. Несмотря на это, въ Петербургѣ нѣкоторыя сомнѣнія на этотъ счетъ были, такъ какъ при дворѣ была

[1]) Дубровинъ. «Отечественная война въ письмахъ современ.», 198.

вліятельная партія, стоявшая за заключеніе мира. По сообщенію извѣстнаго германскаго патріота Штейна, проживавшаго въ это время въ Петербургѣ и стоявшаго близко къ императору Александру, къ миру съ Наполеономъ были склонны канцлеръ гр. Румянцевъ, гр. Аракчеевъ и министръ полиціи Балашевъ; они имѣли сильную опору въ самой императорской семьѣ: вел. кн. Константинъ Павловичъ прямо высказывался за миръ; даже вдовствующая императрица Марія Ѳеодоровна, въ эпоху Тильзита выказывавшая сильнѣйшую ненависть къ Наполеону и упрекавшая своего сына за дружбу съ этимъ «извергомъ», теперь была подавлена несчастьемъ и совѣтовала Александру преклониться передъ неотразимою судьбой. Послѣ сдачи Москвы при дворѣ господствовало глубокое уныніе. Всѣхъ приводила въ ужасъ мысль объ очищеніи Петербурга предъ натискомъ Наполеона и перспектива бѣгства въ Олонецкъ или Оренбургъ. Къ этому присоединялись неутѣшительныя извѣстія изъ русской арміи. Происходившій переворотъ въ соотношеніи нашихъ и непріятельскихъ силъ пока еще не сопровождался какими-либо наглядными результатами. Послѣдствіемъ извѣстнаго флангового движенія было пока дальнѣйшее отступленіе нашей арміи и затѣмъ полное бездѣйствіе, такъ раздражавшее императора Александра, о чемъ онъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ писалъ Кутузову. Немногія лица, на ряду со Штейномъ (адм. Шишковъ, гр. Кочубей), ратовали противъ примиренія съ Наполеономъ [1]). Но имп. Александръ, подъ рискомъ возстанія въ арміи, не могъ рѣшиться на миръ. Въ этомъ смыслѣ онъ писалъ Кутузову въ отвѣтъ на его донесеніе о свиданіи съ Лористономъ и требовалъ впредь недопущенія какихъ-либо переговоровъ и клонящихся къ миру сношеній съ непріятелемъ, присоединивъ къ тому строгій выговоръ Беннигсену за разговоръ съ Мюратомъ на передовыхъ позиціяхъ въ Тарутинѣ.

Наполеона Александръ не удостоилъ отвѣтомъ ни на одно изъ его обращеній.

И. Катаевъ.

Съ рѣдкаго изданія James'а 1826 г.

[1]) Въ числѣ такихъ былъ и гр. Ростопчинъ, писавшій императору 13 сентября: „О мирѣ ни слова: то было бы *смертнымъ приговоромъ* для насъ и для васъ" („Р. Арх.", 1892, VIII, 539).

(Съ картины О. Рех.)

VI. Наполеонъ передъ отступленіемъ.

А. К. Дживелегова.

Pour la première fois l'aigle baissait sa tête.
V. Hugo.

Когда надежды на миръ окончательно исчезли и сдѣлалось ясно, что Александръ будетъ продолжать войну, передъ Наполеономъ во всей его серьезности сталъ вопросъ, что же дѣлать дальше: оставаться въ Москвѣ, продолжать наступленіе или пуститься въ обратный путь.

О продолженіи наступленія никто серьезно не думалъ. Всѣ наступательные проекты маскировали требованіе отступленія. Мюратъ предлагалъ двинуться на Калугу, разбить тамъ Кутузова и итти зимовать на Днѣпръ. Евгеній находилъ, что правильнѣе итти на Петербургъ, а оттуда на Ригу на соединеніе съ Макдональдомъ; зимовать, по его мнѣнію, нужно было на Двинѣ. Словомъ, и король Неаполитанскій и вице-король Италіи совѣтовали отступать. Ней прямо, не скрывая, совѣтовалъ съ первыхъ же дней думать объ отступленіи. По его мнѣнію, нужно было отдохнуть дней восемь въ Москвѣ, набрать съѣстныхъ припасовъ и пуститься въ обратный путь на Смоленскъ, пока не наступили холода. Для Наполеона было ясно, такимъ образомъ, что выбирать приходится не одно изъ трехъ, а одно изъ двухъ: оставаться въ Москвѣ или отступать.

Было ли уже такъ невозможно оставаться въ Москвѣ? Послѣ того, какъ Москва сгорѣла, Наполеонъ, смотря на обуглившуюся груду, однажды

спросилъ у Дарю, главнаго интенданта арміи: «Что дѣлать?» Дарю отвѣчалъ: «Оставаться здѣсь, размѣститься въ уцѣлѣвшихъ домахъ, въ подвалахъ, собрать съѣстные припасы, какіе еще можно найти въ городѣ, поторопить прибытіе провіанта и припасовъ изъ Вильны, превратить эти развалины въ огромный укрѣпленный лагерь, сдѣлать неуязвимыми наши сообщенія съ Литвою, съ Германіей, съ Пруссіей,—и снова начать весною».

«Это совѣтъ льва!» воскликнулъ Наполеонъ, но все-таки предпочелъ отступленіе (Rapp, Mém., 235).

Самое трудное, оставаясь въ Москвѣ, было кормить лошадей [1]). Казаки и партизаны зорко стерегли окрестности, и фуражиры, выходившіе небольшими партіями, подвергались большому риску. Да и то ген. Дедемъ (Mem., 253) утверждаетъ, что овса было такъ много, что послѣ выступленія изъ Москвы его оставалось достаточно, чтобы прокормить двадцать тысячъ лошадей въ теченіе полугода. По его мнѣнію не хватало только сѣна и соломы, изъ-за которыхъ и приходилось, главнымъ образомъ, разсылать фуражировъ. Что касается провіанта, то съ нимъ дѣло обстояло не такъ плохо. Объ этомъ подробно говоритъ Наполеонъ въ бесѣдахъ съ докторомъ О'Мэарою на св. Еленѣ (см. Napolèon dans l'exil. Бесѣда 8 ноября 1816 г.). Объ этомъ же говорятъ и русскіе современники. Читатель знакомъ съ выдержкой изъ письма Волковой, гдѣ говорится: «Сколько ни увозили изъ Москвы, сколько ни зарывали въ землю, въ столицѣ оставалось достаточно и жизненныхъ припасовъ и всякаго рода имущества» (см. выше въ ст. о Ростопчинѣ). Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще находились припасы, замурованные въ стѣнахъ и погребахъ, уцѣлѣвшихъ домовъ (Pion des Loches, Mes campagnes, 304). О томъ же говоритъ Боссе въ извѣстномъ мѣстѣ своихъ мемуаровъ: «Мы собрали массу запасовъ всякаго рода, которые ежедневно увеличивались благодаря открытіямъ солдатъ въ погребахъ сгорѣвшихъ домовъ. По очень понятной предосторожности русскіе, уѣзжая, замуровали входы въ эти погреба, спрятавъ тамъ все наиболѣе цѣнное. Въ подвалахъ находили кучи всякихъ вещей: муки, роялей, сѣна, часовъ, вина, платьевъ, мебели краснаго дерева, водки, оружія, шерстяныхъ матерій, книгъ въ великолѣпныхъ переплетахъ, мѣховъ на разныя цѣны. Церкви тоже были полны запасами» (Mém., II, 107). Солдаты съ необыкновеннымъ удовольствіемъ производили эти розыски и съ каждымъ днемъ отыскивали больше. Припасы собирали, и когда насталъ часъ оставленія Москвы, то пришлось сжигать цѣлые склады. Въ Симоновомъ монастырѣ сгорѣли огромные склады третьяго корпуса, да и въ Москвѣ осталось не мало, чего не успѣли сжечь (Fezensac, Journal, 65—68). Ген. Дедемъ, уѣзжая изъ Москвы, видѣлъ «магазинъ необъятной длины, доверху полный лучшей мукою», который грабили солдаты. Онъ говоритъ далѣе, что болѣе трети города осталась цѣла и была полна всѣмъ, въ чемъ нуждалась армія (Mém., 253).

Это подтверждаетъ такой осторожный свидѣтель, какъ маршалъ Даву. Онъ пишетъ женѣ 18/30 сентября: «Несмотря на пожаръ, мы находимъ огромные рессурсы для продовольствованія войскъ. Въ этомъ

---

[1]) Лошади французской кавалеріи были очень крупной породы. Высокія и массивныя, онѣ плохо были приспособлены къ усталости и лишеніямъ и не могли обходиться безъ обильной пищи. Это въ полной мѣрѣ сказалось во время отступленія. Ср. Pion des Loches, Mes campagnes, стр. 271.

отношеніи чудовища (les monstres), разрушившія городъ, не достигли цѣли». И черезъ нѣсколько дней, 22 сентября—4 окт.: «Мы оправились и отдохнули съ тѣхъ поръ, какъ мы здѣсь, даже больше, чѣмъ могли бы разсчитывать. Съ каждымъ днемъ мы выигрываемъ во всѣхъ отношеніяхъ». Спустя еще пять дней, 27 сент.—9 окт., маршалъ восхваляетъ «мягкость московскаго климата» (A d' Eckmühl et M-ise de Blocqueville, Le Maréchal Davout, raconté pas les siens et par lui même. La Russie et Hambourg, стр. 177 и слѣд.).

Наконецъ, едва ли не самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ тому, что и въ сгорѣвшей Москвѣ было много провіанта, является еще одинъ фактъ: послѣ того, какъ французы предали пламени то, что не могли увезти съ собою, русскіе, вернувшись, нашли нѣсколько лабазовъ съ хлѣбомъ («Р. Арх.», 1866, стр. 699).

Обыкновенно указываютъ на то еще, что, оставаясь въ Москвѣ, Наполеонъ долженъ былъ сознательно итти на полную дезорганизацію арміи. И это едва ли такъ справедливо. Всѣ свидѣтельства, въ томъ числѣ и русскія, сходятся въ томъ, что французская часть великой арміи была не тронута или почти не тронута дезорганизаціей. Мародеровъ доставляли почти исключительно иностранные, особенно нѣмецкіе контингенты [1]). Настоящая дезорганизація, охватившая и французовъ, началась только во время отступленія.

Съ военной точки зрѣнія зимовка въ Москвѣ едва ли также представляла опасность. Правда, Наполеонъ, стремясь получить въ руки крупный козырь и занять столицу, сдѣлалъ двѣ большихъ ошибки передъ вступленіемъ въ Москву. О нихъ говоритъ Ростопчинъ въ письмѣ къ графу С. Р. Воронцову онъ 28 апр. 1813 г. («Рус. Арх.», 1908, кн. 6, стр. 274): «Если бы онъ (Наполеонъ) послѣ Бородина вмѣсто большой дороги пошелъ на Верею и Боровскъ, онъ подвергъ бы голодовкѣ нашу армію, отрѣзавъ всѣ подвозы, которые были направлены на Калугу и приходили оттуда. Тогда онъ вступилъ бы въ Москву нѣсколькими днями позднѣе. Если бы, вмѣсто того, чтобы оставаться въ Москвѣ, онъ тотчасъ же напалъ на Кутузова, онъ разсѣялъ бы всю нашу армію, и могъ бы спокойно отдыхать». Но даже имѣя по сосѣдству нашу армію, Наполеонъ большой опасности не подвергался. Кутузовъ никогда не рискнулъ бы напасть на Наполеона въ укрѣпленной Москвѣ. Опасность была только со стороны арміи Чичагова, которая двигалась съ юга. Но корпусъ Виктора былъ уже на мѣстѣ, и если бы Наполеонъ остался въ Москвѣ, сохраняя стотысячную слишкомъ армію, Шварценбергъ не посмѣлъ бы оказать ему неповиновенія. Шести корпусовъ, оставшихся въ тылу: Шварценберга, Ренье, Виктора, Макдональда, Удино и Сенъ-Сира, хотя послѣдніе два и сильно порѣдѣли, было совершенно достаточно, чтобы Наполеонъ въ Москвѣ могъ не бояться ни наступленія Чичагова ни опасной диверсіи Витгенштейна (ср. Saint-Cyr, Mém., т. III, гл. V) [2]).

---

[1]) Ср., напр., ниже въ статьѣ „Партизаны", слова Д. В. Давыдова о гвардіи Наполеона во время отступленія.

[2]) Мнѣніе Дедема (Mém., 256) о томъ, что Кутузовъ, получивъ подкрѣпленія, могъ бы зайти Наполеону въ тылъ на Можайскъ и Вязьму, едва ли можетъ серьезно поддерживаться.

Наполеонъ это взвѣшивалъ очень хорошо, и одинъ моментъ такъ твердо было уже рѣшеніе зимовать, что онъ велѣлъ Боссе составить списокъ тѣхъ артистовъ Comédie Française, которыхъ безъ большого ущерба для театра можно было бы вызвать изъ Парижа въ Москву (Bausset, Mém., II, 107). Сообщая объ этомъ, Боссе горько прибавляетъ: «Разумѣется, если бы онъ рѣшился остаться въ Москвѣ, не случилось бы ничего хуже того, что случилось».

Наполеонъ не остался, въ концѣ-концовъ, не по военнымъ соображеніямъ, а по политическимъ. Онъ боялся зимовать такъ далеко отъ Германіи, такъ далеко отъ Парижа, когда никакихъ рѣшительныхъ успѣховъ за нимъ не было. Онъ боялся, что какая-нибудь роковая случайность отрѣжетъ его среди зимы отъ Германіи и Франціи и въ случаѣ какой-нибудь неожиданности онъ не сможетъ во-время поспѣть, куда нужно. Если принять во вниманіе всю совокупность политическихъ условій, нужно признаться, что предосторожность Наполеона не была излишней. Къ тому же факты очень скоро показали, что императоръ отлично зналъ психологію людей покоренныхъ и задавленныхъ деспотизмомъ. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ великая армія выступила изъ Москвы, въ Парижѣ разыгрался заговоръ генерала Мале, который едва не кончился удачно. Словно предчувствуя его, Наполеонъ торопился оставить

„Послѣднія минуты Наполеона въ Москвѣ въ 1812 г.“ (Ист. муз.).

городъ, сдѣлавшійся роковымъ въ его судьбѣ. Его дальнѣйшій планъ кампаніи былъ выработанъ. Весною онъ рѣшилъ итти на Петербургъ. Москва была занята. Гнаться за русскими до Волги и до Урала не имѣло никакого смысла. Занятіе сѣверной столицы давало больше увѣренности на миръ. Но итти на Петербургъ немедленно было рискованно. Во-первыхъ, мѣстность была плохо заселена и, слѣдовательно, трудно было провіантировать армію. Во-вторыхъ, походъ въ Петербургъ изъ Москвы былъ опасенъ тѣмъ, что ставилъ великую армію между Кутузовымъ и Витгенштейномъ, разрывалъ ея сообщенія съ коммуникаціонной линіей Вильна—Москва и удалялъ ее отъ польскихъ и литовскихъ базъ (Labaume, Rélation complète de la campagne de Russie, 237). Необходимость быть ближе къ Германіи и Франціи и заставила Наполеона предпринять отступленіе къ Смоленску, гдѣ онъ хотѣлъ зимовать, чтобы весною двинуться всѣми силами на Петербургъ. «Принимая во вниманіе,—говоритъ онъ (Mém., dictés aux généraux, IV, 248),—что разстояніе отъ Москвы до Петербурга то же, что отъ Смоленска до Петербурга, императоръ предпочелъ провести зиму въ Смоленскѣ, у литовской границы, чтобы весною итти къ Петербургу»...

Насколько выполнимымъ казался планъ ухода изъ Москвы и зимовки на Днѣпрѣ, видно изъ того, что тѣ же опасенія высказывалъ Ростопчинъ въ письмахъ къ Александру. «Я держусь того мнѣнія,—пишетъ онъ 8 сент.,—что Бонапартъ уйдетъ отъ него (Кутузова) въ то время, какъ онъ будетъ всего менѣе ожидать того. Онъ направится на Тверь, гдѣ имѣются запасы, и произведетъ тревогу въ Петербургѣ. Держась на Порѣчьѣ, онъ снова очутится въ Бѣлоруссіи, не встрѣтивъ никакого препятствія. Тамъ онъ, можетъ-быть, останется на зимнихъ квартирахъ, возвратится въ Парижъ властителемъ Смоленска и разрушителемъ Москвы и приготовится къ другому походу на будущій годъ» («Р. Арх.», 1892, 8, стр. 542) [1]).

Словомъ, у Наполеона были важныя соображенія, вызвавшія необходимость оставить Москву. Изъ нихъ политическое опять-таки было главнымъ. Подобно тому, какъ политика заставляла Наполеона итти впередъ [2]), такъ теперь она толкала его изъ Москвы. Въ обоихъ случаяхъ, вопреки всѣмъ указаніямъ правилъ военнаго искусства, сказывалась основная фальшивость всего политическаго положенія Наполеона, созданное его ненасытнымъ честолюбіемъ и его эгоистическими расчетами [3]).

Но нужно отдать справедливость Наполеону. Онъ сдѣлалъ все, чтобы обезпечить успѣшное выполненіе своего новаго плана. «Движеніе къ Смоленску,—говоритъ онъ (тамъ же),—нельзя называть отступленіемъ». Для него это былъ обыкновенный стратегическій маршъ, ибо армія не была разбита. И она не должна была быть разбита, если принять во вниманіе соотношеніе силъ Кутузова и Наполеона, если бы не морозы. Передъ тѣмъ, какъ покинуть Москву, Наполеонъ велѣлъ пересмотрѣть всѣ календари и справочники за сорокъ лѣтъ, чтобы установить, когда начнутся большіе морозы. Ему доложили, что раньше первыхъ чиселъ декабря н. с.

---

1) Ростопчину были извѣстны и первоначальныя намѣренія Наполеона относительно зимовки въ Москвѣ, но онъ не считалъ ихъ серьезными: «Онъ (Наполеонъ) прикидывался, будто намѣренъ провести въ ней (въ Москвѣ) зиму"... и пр. Тамъ же, стр. 554.

2) См. т. III, статью „Вторженіе".

3) См. въ III т. статью „Наполеонъ".

этого опасаться нечего (Bausset, тамъ же, 108). Слѣдовательно, чтобы дойти до Смоленска, въ его распоряженіи было около сорока дней, вдвое больше того, что ему было нужно. Стоявшая все время прекрасная погода подтверждала эти прогнозы. И та ошибка, которую допустилъ Наполеонъ, оставшись въ Москвѣ больше мѣсяца, — самая крупная ошибка его въ этотъ періодъ—не привела бы къ тѣмъ трагическимъ результатамъ, къ которымъ она привела, если бы сбылись его метеорологическіе прогнозы.

Но либо императору дали плохую справку, либо морозы начались особенно рано, хотя середина октября ст. ст. едва ли черезчуръ необычный для морозовъ срокъ. Какъ бы то ни было, не успѣла армія перейти на Смоленскую дорогу, какъ морозы начались, и въ одну ночь отъ холода пало 30.000 лошадей. Армія была дезорганизована, не будучи ни разу побѣждена. Подобно тому, какъ пожаръ Москвы разбилъ планъ наступленія, такъ теперь морозы разбили планъ отступленія. Но даже при всей дезорганизаціи арміи, она могла бы зимовать въ Смоленскѣ, если бы Шварценбергъ не покинулъ ее. Двинувшись не къ Минску, а къ Варшавѣ, онъ давалъ возможность Чичагову безпрепятственно итти къ Березинѣ и угрожать Вильнѣ съ ея магазинами. Одинъ изъ участниковъ похода полякъ Брандтъ, бывшій въ 1812 г. капитаномъ, указываетъ еще на одну ошибку, сдѣланную Наполеономъ. «Я всегда думалъ,—говоритъ онъ (Ernouf, Souvenirs d'un officier polonais», стр. 292),—что императоръ даже среди развалинъ Москвы могъ еще вернуть себѣ счастье, провозгласивши безъ оговорокъ возстановленіе Польши и направивъ, наконецъ [1]), къ Минску корпусъ кн. Понятовскаго. Послѣдній, присоединивъ къ себѣ дивизію Брониковскаго и Домбровскаго, сумѣлъ бы заставить Шварценберга дѣйствовать рѣшительнѣе, помѣшалъ бы операціямъ Тормасова и Чичагова и, несомнѣнно, привелъ бы императору серьезное подкрѣпленіе къ Березинѣ. Большаго и не требовалось для того, чтобы измѣнить судьбу кампаніи». Но этого не было сдѣлано, и въ рѣшительный моментъ единственнымъ резервомъ оказался корпусъ Виктора. Викторъ оставался одинъ и для того, чтобы поддерживать Удино противъ Витгенштейна (корпусъ Сенъ-Сира успѣлъ къ этому времени окончательно растаять), и чтобы защищать Березину отъ Чичагова, и чтобы подавать руку Наполеону. Стратегическое положеніе сразу сдѣлалось невозможнымъ [2]).

Въ конечномъ счетѣ, такимъ образомъ, Наполеона толкали на ошибку политическія причины, а довершили его сокрушеніе стихійныя или почти стихійныя обстоятельства, которыя трудно было предвидѣть.

А. Дживелеговъ.

---

[1]) Понятовскій давно просилъ разрѣшенія сдѣлать съ своимъ корпусомъ диверсію на юго-западъ. Еще въ Смоленскѣ онъ умолялъ Наполеона объ этомъ, какъ говорили въ польскихъ войскахъ, на колѣняхъ. Онъ считалъ успѣхъ экспедиціи обезпеченнымъ и во всякомъ случаѣ надѣялся сдѣлать большой наборъ въ Кіевской области и другихъ старыхъ польскихъ провинціяхъ. Его просьбу горячо поддерживалъ Даву. Ernouf, тамъ же, 262—263. Наполеонъ не согласился.

[2]) Объ этомъ см. ниже, ст. „Березинская операція“.

„Побѣда при Тарутинѣ надъ Мюратомъ“ (Скотти).

VII. Бой подъ Тарутинымъ.

Подп. А. А. Кожевникова.

Въ началѣ октября Кутузовъ, дорожившій каждымъ днемъ промедленія военныхъ дѣйствій и не желавшій вызывать на нихъ непріятеля, склонился, наконецъ, на совѣты своихъ приближенныхъ о томъ, что пора для исполненія желанія государя и для успокоенія общественнаго мнѣнія дать наступательный бой, которому все предвѣщало въ то время благопріятный исходъ. Бой былъ назначенъ на 5-е октября, и на это число написана диспозиція.

Передъ самымъ боемъ Мюратъ доносилъ Наполеону о жалкомъ состояніи своей кавалеріи и о невыгодахъ расположенія по рѣкѣ Чернишнѣ, вслѣдствіе чего получилъ предписаніе, въ случаѣ надобности, отступать къ Воронову, выставить въ передовую линію пѣхоту, а кавалеріи дать возможность отдыха. Это распоряженіе исполнено не было, и въ день боя французы занимали то же расположеніе, какое было раньше.

Правый флангъ упирался въ рѣку Нару и былъ занятъ кавалеріей Сенъ-Жермена. Центръ занятъ пѣхотой: дивизіей Клапареда—впереди рѣки Чернишны (по отношенію къ расположенію русскихъ войскъ) и дивизіи Дюфура—сзади рѣчки. Затѣмъ на лѣвомъ стоялъ корпусъ Понятовскаго, который былъ прикрытъ кавалеріей: справа Нансути и слѣва Себастьяни. Лѣвый флангъ французскаго расположенія не былъ защищенъ никакими

естественными препятствіями, а напротивъ того, былъ подверженъ крайней опасности, такъ какъ спереди и слѣва былъ лѣсъ, доступный не только для пѣхоты, но и для кавалеріи. Усиленная охрана этого фланга была необходима. Между тѣмъ сторожевая служба велась настолько небрежно, что не только казаки постоянно рыскали въ лѣсу, но онъ былъ прекрасно обрекогносцированъ Толемъ и другими офицерами квартирмейстерской части.

Согласно русской диспозиціи для боя главный ударъ долженъ былъ быть именно на этотъ флангъ.

Генералъ Орловъ-Денисовъ съ 10 казачьими и 4 полками регулярной кавалеріи долженъ былъ зайти въ тылъ непріятельскаго расположенія. 2-й, 3-й и 4-й корпуса съ своей артиллеріей должны были, незамѣтно пройдя лѣсъ, ударить въ лѣвый флангъ непріятельскаго расположенія.

Главныя силы должны были дѣйствовать съ непріятельскаго фронта. Выстроенная широкой линіей легкая кавалерія, войдя въ связь съ нашими колоннами праваго фланга, должна была одновременно съ послѣдними атаковать непріятеля. Кромѣ того, генералъ Дороховъ, стоявшій въ Каменкѣ, соединившись съ отрядомъ Фигнера, долженъ былъ напасть на село Вороново, уничтожить бывшіе тамъ 2 полка и отрѣзать непріятелю отступл ніе.

Такова въ краткихъ чертахъ сущность диспозиціи. Нѣкоторые военные писатели, какъ, напр., Богдановичъ, называютъ ее очень хорошей. По идеѣ она, несомнѣнно, была хороша, и если бы была выполнена на самомъ дѣлѣ, то отрядъ Мюрата былъ бы уничтоженъ. Въ послѣднемъ только случаѣ бой могъ считаться дѣйствительно выиграннымъ и имѣвшимъ результатъ.

На самомъ дѣлѣ полная диспозиція была написана очень длинно и съ излишними подробностями. Кромѣ того, всѣ сложныя передвиженія войска должны были исполнены ночью. Наконецъ общее начальство надъ всѣми войсками праваго фланга было вручено Беннигсену, который не преминулъ отъ себя написать диспозицію; послѣдней вносились поправки въ общую. Одна изъ нихъ, весьма существенная, страдаетъ поразительнымъ непониманіемъ дѣла, чтобы не сказать больше. Къ отряду Орлова-Денисова, состоящему изъ 14 полковъ конницы и конной артиллеріи, придавался для чего-то одинъ егерскій полкъ, который могъ только замедлить его движеніе. Кромѣ того, полезное дѣйствіе этого отряда было совершенно парализовано тѣмъ, что онъ лишался самостоятельности и долженъ былъ, дойдя до деревни Стремилова, верстахъ въ 4 отъ лѣваго фланга непріятельскаго расположенія, остановиться и ждать выхода пѣхотныхъ корпусовъ изъ лѣса и начала ихъ дѣйствій противъ непріятеля.

На самомъ дѣлѣ, какъ и обыкновенно бываетъ, бой разыгрался совсѣмъ не согласно диспозиціи. Уже не говоря о томъ, что онъ произошелъ днемъ позже, чѣмъ предполагался, что не имѣло особаго значенія, но еще главное то, что онъ начался гораздо позднѣе по времени, чѣмъ предполагался. Части должны были быть на мѣстахъ къ разсвѣту и въ это же время начать наступленіе. Къ назначенному времени былъ на мѣстѣ, т.-е. у деревни Стремилово, только одинъ Орловъ-Денисовъ. Онъ дожидался начала общаго наступленія до 7 часовъ, и до этого времени его не дождался, почему и рѣшился дѣйствовать самостоятельно.

Несмотря на такое опозданіе, первый натискъ кавалеріи былъ очень удаченъ, французскія войска были застигнуты врасплохъ на бивакахъ, смяты, отброшены за Рязановскій оврагъ и лишились своей артиллеріи. Но затѣмъ казаки отряда предались грабежу и дали возможность непріятелю оправиться. Весьма вѣроятно, что казаки были бы отброшены, и ихъ внезапное, удачное нападеніе не имѣло бы никакихъ результатовъ, если бы принцъ Евгеній Вюртембергскій по своей инициативѣ не рѣшился бы дѣйствовать съ двумя вышедшими изъ лѣса батальонами тобольцевъ, именно на этомъ пунктѣ—у Рязановскаго оврага. Къ нему присоединился тотъ пѣхотный полкъ, который былъ приданъ отряду Орлова-Денисова, и 3 орудія. Если этотъ слабый отрядъ, занявшій весьма важную позицію не могъ предпринять чего-нибудь рѣшительнаго и воспрепятствовать отступленію въ порядкѣ непріятеля, то во всякомъ случаѣ благодаря ему русскіе не были отброшены съ того мѣста, которое заняли. На Рязановскомъ оврагѣ, согласно диспозиціи, должны были сосредоточиться не 6 батальоновъ, а цѣлый 3-й пѣхотный корпусъ, но онъ во время боя получилъ другое назначеніе.

Изъ войскъ 2-го корпуса, предназначеннаго для дѣйствія противъ расположеній непріятеля у деревни Тетерники, первыми дебушировали изъ лѣса 2 егерскихъ полка, появленіе которыхъ для непріятеля не было неожиданностью, такъ какъ они были встрѣчены артиллерійскимъ огнемъ. Командовавшій ими генералъ Багговутъ рѣшился итти въ атаку, которая не была успѣшна, такъ какъ самъ онъ былъ убитъ. Кромѣ того, егеря подверглись атакѣ французскихъ карабинеровъ, которые многихъ изрубили. Въ это время на мѣсто боя прибылъ Беннигсенъ.

Видя частичную неудачу, Беннигсенъ не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, вслѣдствіе чего подходившія къ опушкѣ лѣса части второго корпуса оставались въ бездѣйствіи въ теченіе часа подъ огнемъ непріятеля. Въ это время Беннигсенъ выжидалъ выступленія изъ лѣсу 4 корпуса Остермана, который долженъ былъ вступить въ бой одновременно со 2-мъ корпусомъ. На розыски и съ приказаніемъ ускорить движеніе этого корпуса былъ посланъ генералъ Данилевскій, который попалъ подъ огонь возвращавшихся откуда-то черезъ лѣсъ въ деревню Тетерники двухъ польскихъ ротъ и былъ тяжело раненъ. Третьему корпусу, который по диспозиціи долженъ былъ выйти изъ лѣса за рѣчку Чернишну къ Рязановскому оврагу, было предписано пересѣчь лѣсъ и итти на поддержку 2-го корпуса по направленію къ Тетерникамъ.

Когда, наконецъ, 3-й и 4-й корпуса вышли изъ лѣса и кавалерія главныхъ силъ была построена для атаки, французы уже начали отступленіе въ полномъ порядкѣ. Когда отступленіе французовъ было уже совершившимся фактомъ и французскія колонны были за Чернишной, Беннигсенъ двинулъ впередъ свои войска.

Главныя силы къ моменту отступленія французовъ были построены въ боевой порядокъ. Несмотря на это и убѣжденія Ермолова и Милорадовича, Кутузовъ, однако, рѣшительно отказался двинуть войска впередъ, и была отряжена только часть легкой кавалеріи для преслѣдованія непріятеля, остальныя войска возвратились въ Тарутинскій лагерь.

Во время отступленія французскихъ войскъ къ Спасъ-Куплѣ не произошло сколько-нибудь серьезныхъ военныхъ дѣйствій, могшихъ измѣнить результатъ боя. Дѣло ограничилось нѣсколькими отдѣльными пѣхотными и кавалерійскими стычками. Отрядъ Орлова-Денисова преслѣдовалъ непріятеля до самой Спасъ-Купли, но серьезныхъ, рѣшительныхъ атакъ, которыхъ можно было ожидать отъ такого сильнаго кавалерійскаго отряда, не было. Дороховъ со своей кавалеріей не поспѣлъ въ нужный моментъ, и изъ его отряда участвовала въ преслѣдованіи только горсть казаковъ.

Насколько въ общемъ былъ ничтоженъ общій успѣхъ русскихъ, видно изъ сравнительныхъ потерь обѣихъ армій: побѣдители-русскіе потеряли 1.200 человѣкъ, побѣжденные-французы всего около двухъ съ половиной тысячъ, и это при тѣхъ условіяхъ, что на сторонѣ русскихъ были выгоды наступательнаго, неожиданнаго боя и отступленія непріятеля съ несравненно слабѣйшей по численности кавалеріей.

Трудно объяснить поведеніе Кутузова и отказъ его двинуть главныя силы. Невольно возникаетъ мысль, не желалъ ли онъ выставить на видъ бездарность Беннигсена, который не сумѣлъ съ превосходными силами и при очень выгодной для него боевой обстановкѣ довести бой до рѣшительныхъ результатовъ. Но это, конечно, только предположеніе. Очень возможно, что совершенно добросовѣстно, видя отступленіе французовъ, онъ считалъ силы Беннигсена вполнѣ достаточными для рѣшительнаго пораженія. Не могъ онъ въ минуту боя знать о томъ, что отрядъ Орлова-Денисова будетъ почти бездѣйствовать во время отступленія непріятеля и что Дороховъ совсѣмъ не приметъ участія въ битвѣ. Наконецъ его нерѣшительность объясняютъ тѣмъ, что во время самаго боя имъ было черезъ партизанскіе отряды получено извѣстіе о выступленіи Наполеона изъ Москвы. Такъ какъ было неизвѣстно, по какому онъ выступитъ направленію, то Кутузовъ, боясь обхода, не рѣшился отводить свои главныя силы далеко отъ укрѣпленнаго Тарутинскаго лагеря. Послѣднее объясненіе весьма правдоподобно, если принять во вниманіе, что Кутузовъ далъ согласіе на бой весьма неохотно, не считая моментъ для рѣшительныхъ дѣйствій наступившимъ.

Беннигсенъ былъ настолько взбѣшенъ дѣйствіемъ фельдмаршала, что послѣ боя не счелъ даже нужнымъ соблюсти передъ нимъ воинскую вѣжливость и, принимая отъ него поздравленіе съ побѣдой, не слѣзъ даже съ лошади. Въ донесеніи своемъ о битвѣ онъ приписывалъ исключительно себѣ побѣду и писалъ, что доноситъ о сраженіи, «которое онъ имѣлъ честь начать, продолжить и окончить». Въ частныхъ бесѣдахъ онъ обвинялъ Кутузова не только въ томъ, что тотъ изъ личнаго чувства его не поддержалъ главными силами, но что, будто, онъ даже умышленно задержалъ корпусъ Остермана. Послѣднее обвиненіе было уже, конечно, ни на чемъ не основано.

Если и согласиться съ Беннигсеномъ, что честь побѣды подъ Тарутинымъ принадлежала исключительно ему, то, какъ мы выше видѣли, честь эта не можетъ считаться очень великой, вслѣдствіе совершенно ничтожныхъ результатовъ боя. Значеніе ея только моральное, какъ перваго успѣха русскаго оружія послѣ сдачи Москвы. Послѣднее значеніе ста-

рался муссировать и Кутузовъ, а потому въ войскѣ бой подъ Тарутинымъ праздновался, какъ общая блистательная побѣда. То же значеніе придали побѣдѣ и въ Петербургѣ. Кутузовъ, Беннигсенъ и другіе военачальники были щедро награждены.

А. Кожевниковъ.

„Наполеонъ у Калужскихъ воротъ" (Фаберъ дю-Форъ).

VIII. Оставленіе французами Москвы.

С. А. Князькова.

После того, какъ сгорѣла Москва, остались безъ отвѣта письма съ предложеніемъ вступить въ переговоры о мирѣ, а Тарутинское сраженіе показало, что русскіе готовы перейти въ наступленіе, Наполеону стало ясно, что засиживаться въ Москвѣ долѣе не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе, что грозило наступленіе зимы. Обстоятельства диктовали движеніе на югъ—къ Калугѣ, гдѣ были сосредоточены запасы русской арміи, и край совсѣмъ еще не былъ разоренъ войной. «Идемте къ Калугѣ,—сказалъ Наполеонъ,—и горе тѣмъ, кто попадется намъ на пути».

7 октября, въ 8 часовъ утра, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы. Армія его насчитывала въ своихъ рядахъ около 107 тысячъ человѣкъ и представляла изъ себя еще грозную силу. Пѣхота, состоявшая изъ старыхъ солдатъ, была превосходна, также и прислуга артиллеріи, но артиллерійскія лошади были изнурены до крайности отъ безкормицы: ни въ Москвѣ ни въ ея окрестностяхъ нельзя было добыть достаточно фуража. Кавалерія по этой же причинѣ находилась въ жалкомъ состояніи: изъ 18.500 кавалеристовъ четыре тысячи совсѣмъ не имѣли лошадей, и ихъ

пришлось переформировать въ пѣхотинцевъ, лошади остальныхъ еле двигались, и наполеоновская кавалерія собственно совсѣмъ не могла уже нести свою обычную службу: только гвардейская кавалерія въ количествѣ 4.600 человѣкъ представляла изъ себя еще настоящее конное войско. Уже одно это обстоятельство осуждало Наполеона на медленное и тѣмъ самымъ полное опасности движеніе. Но армію стѣснялъ еще огромный обозъ, который она принуждена была влачить за собой. Въ обозѣ былъ хлѣбъ и фуражъ, а также трофеи и добыча, захваченная въ Москвѣ. «Огромные обозы на тощихъ, изморенныхъ лошадяхъ,—говоритъ Михайловскій-Данилевскій,—и множество экипажей, нагруженныхъ предметами роскоши, безполезными въ походѣ, выступили съ арміей; кавалеристы навьючивали сверхъ мѣры своихъ жалкихъ лошадей; пѣхотинцы изнемогали подъ тяжестью ранцевъ, наполненныхъ добычею. Движеніе французской арміи имѣло видъ переселенія народовъ. На протяженіи цѣлыхъ переходовъ тянулись въ три и четыре ряда: артиллерія, госпитальныя и провіантскія повозки, экипажи всевозможныхъ родовъ и даже дрожки, нагруженныя различными вещами, преимущественно же съѣстными припасами и одеждою, между тѣмъ какъ не было принято никакихъ мѣръ для правильнаго снабженія ими войскъ. Большія стада рогатаго скота увеличивали длину колоннъ. Множество иностранцевъ, оставившихъ Москву вмѣстѣ съ арміей,

„Изгнаніе изъ Москвы непріятеля отрядомъ легкой кавалеріи подъ командою ген.-майора Иловайскаго 4-го, октября 10, 1812 г." (И. Иванова).

ихъ семейства, женщины и дѣти, вмѣстѣ съ больными и ранеными пробирались между артиллеріей и повозками, а по краямъ дороги толпились въ безпорядкѣ войска, какъ будто составляя конвой огромнаго обоза. На всякомъ мосту, у всякой тѣснины орудія, повозки и войска, смѣшавшись въ нестройную массу, останавливали движеніе слѣдовавшихъ за ними частей колонны». Настроеніе, въ которомъ выступала изъ Москвы французская армія, было тягостное и удрученное. «Вѣрьте мнѣ,—говоритъ одинъ старый польскій полковникъ,—страшный судъ постигнетъ нашу армію... Мы идемъ навстрѣчу мрачной будущности. Москва со всѣми ея средствами уничтожена, армія деморализована, кавалерія погибла; если насъ застигнетъ теперь зима, то я не знаю, что, не исключая и генія самого императора, можетъ спасти насъ отъ катастрофы»...

Оставшійся въ Москвѣ съ 8.000 отрядомъ маршалъ Мортье имѣлъ приказаніе подорвать заранѣе минированныя стѣны и башни Кремля, поджечь дворецъ и всѣ общественныя зданія, кромѣ Воспитательнаго дома, превращеннаго въ лазаретъ для оставшихся въ Москвѣ французскихъ и русскихъ больныхъ и раненыхъ. Маршалъ исполнилъ приказъ. Въ Кремлѣ рыли подкопы и закладывали мины на виду у всѣхъ. На работы насильно брали русскихъ, хватая ихъ на улицахъ. «Меня взяли туда французы,—разсказываетъ очевидецъ,—и другихъ многихъ работниковъ изъ нашихъ привели и приказали намъ подкопы рыть подъ кремлевскія стѣны, подъ соборы и дворецъ, и сами тутъ же рыли. А у насъ просто руки не подымались. Пусть все погибаетъ, да хоть не нашими руками. Да воля-то не наша была: какъ ни горько, а копай. Окаянные-то тутъ стоятъ, и какъ увидятъ, что кто изъ насъ плохо копаетъ, такъ сейчасъ прикладами бьютъ. У меня вся спина избита»... Такъ какъ работы по минированію Кремля происходили открыто, то слухъ, что французы хотятъ взорвать Кремль и Москву, очень скоро распространился среди оставшихся въ Москвѣ русскихъ. Многіе стали спасаться бѣгствомъ. Отъ бѣглецовъ узналъ о намѣреніи непріятеля генералъ Винцингероде, стоявшій со своимъ отрядомъ въ селѣ Чашникахъ, верстахъ 12—15 отъ Москвы. «Нѣтъ, Бонапартъ не взорветъ Москвы,—говорилъ Винцингероде своимъ подчиненнымъ.—Я дамъ ему знать, что, если хоть одна церковь взлетитъ на воздухъ, то всѣ попавшіеся намъ въ плѣнъ французы будутъ повѣшены». Захвативъ съ собой нѣсколько казаковъ, но безъ трубача, Винцингероде поскакалъ къ французскимъ аванпостамъ, но здѣсь его отказались признать парламентеромъ и привели къ Мортье, какъ военноплѣннаго. Мортье тоже не призналъ Винцингероде парламентеромъ и объявилъ его военноплѣннымъ до тѣхъ поръ, пока участь его не будетъ рѣшена самимъ Наполеономъ.

Въ ночь съ 8 на 9 октября Мортье выступилъ со своимъ отрядомъ изъ Москвы, и немедленно начались взрывы заранѣе подожженныхъ минъ. Первый ударъ былъ самый сильный. Земля затряслась, уцѣлѣвшіе отъ пожара дома разваливались, стѣны домовъ даже далекихъ отъ мѣстъ взрывовъ трескались; потолки обрушивались, людей подбрасывало на воздухъ. «Раздѣтые, израненные осколками стеколъ, камнями, желѣзомъ, несчастные выбѣжали въ ужасѣ на улицы. Непроницаемый мракъ окутывалъ Москву; холодный осенній дождь лилъ потоками. Отовсюду слышались дикіе крики, визгъ, стоны людей, раздавленныхъ падающими зданіями. Слы-

Никольская башня въ Кремлѣ послѣ взрыва.

шались призывы о помощи, но помогать было некому. Кремль освѣщенъ былъ зловѣщимъ пламенемъ пожара. Одинъ взрывъ слѣдовалъ за другимъ, земля не переставала колебаться. Все напоминало, казалось послѣдній день міра»... Въ Кремлѣ взлетѣли на воздухъ три башни съ набережной его стороны, Арсеналъ по линіи отъ Никольскихъ воротъ до Наугольной башни и со стороны Троицкихъ воротъ; до половины свалилась угловая башня; осыпался верхъ Никольскихъ воротъ—до иконы св. Николая Чудотворца, на которой уцѣлѣло даже стекло кіота; сгорѣлъ дворецъ, выгорѣла Грановитая палата, жестоко пострадали соборы. Опустошенія были бы, несомнѣнно, еще значительнѣе, если бы, проливной дождь не подмочилъ фитили; только благодаря этой случайности уцѣлѣли Иванъ Великій и

Спасскія ворота. Совершивъ свое злое дѣло, Мортье пошелъ на соединеніе съ отступающими главными силами. «Этотъ поджогъ,—говоритъ Шамбре, одинъ изъ участниковъ похода, — не оправдываемый никакимъ военнымъ мотивомъ, не можетъ быть разсматриваемъ иначе, какъ актъ безумной мести Наполеона, взбѣшеннаго, что ему не удалось приклонить Александра подъ свое ярмо. Подобный поступокъ приносилъ только пользу его врагамъ, раздувая ненависть, которую старались внушить русскому народу къ французамъ, и побуждая Александра вести истребительную войну противъ французской арміи»...

Движеніе французовъ изъ Москвы было замѣчено въ самомъ началѣ нашими партизанами, и одинъ изъ нихъ, генералъ Дороховъ, отправилъ Кутузову донесеніе въ этомъ смыслѣ. Кутузовъ, кажется, недовѣрчиво отнесся къ извѣщенію Дорохова, но все же послалъ ему подкрѣпленіе — два полка пѣхоты. 10 октября, когда донесеніе Дорохова было подтверждено слухами и сбивчивыми донесеніями начальниковъ передовыхъ частей, Кутузовъ, чтобы окончательно выяснить дѣло, приказалъ генералу Дохтурову съ 2-мъ пѣхотнымъ полкомъ и легкой гвардейской кавалерійской дивизіей итти на обозначенный Дороховымъ путь отступленія французовъ, а генералу Милорадовичу — сдѣлать демонстрацію въ сторону Москвы. Къ вечеру 10 октября Дохтуровъ вошелъ въ соприкосновеніе съ французами и, думая, что передъ нимъ небольшой отрядъ, хотѣлъ напасть на него. Дохтуровъ, навѣрное, жесто́ко поплатился бы за свою отвагу: передъ нимъ была вся армія Наполеона, и пять нашихъ полковъ, конечно, были бы смяты. Но вечеромъ прискакалъ къ Дохтурову партизанъ Сеславинъ и донесъ, что онъ, укрывшись въ лѣсу, пропустилъ мимо себя всю армію Наполеона, видимо отступающую изъ Москвы, и что видѣлъ даже самого Наполеона. Сеславинъ успѣлъ захватить въ плѣнъ нѣсколько отставшихъ французскихъ гвардейцевъ и одного изъ нихъ, перекинувъ черезъ сѣдло, привезъ къ Дохтурову. Французъ доложилъ Дохтурову на его разспросы, что «уже четыре дня, какъ мы вышли изъ Москвы. Маршалъ Мортье оставленъ съ отрядомъ въ Москвѣ и по взорваніи кремлевскихъ стѣнъ присоединился къ арміи. Батарейная артиллерія, безлошадные кавалеристы и всѣ обозы отправлены по можайской дорогѣ подъ прикрытіемъ польскихъ войскъ князя Понятовскаго. Завтра главная квартира императора будетъ въ Боровскѣ. Далѣе наша армія пойдетъ къ Малоярославцу». Убѣдившись въ достовѣрности донесенія Сеславина, Дохтуровъ немедленно отмѣнилъ свое распоряженіе объ атакѣ непріятеля, отошелъ нѣсколько назадъ и 11-го поспѣшно двинулся къ Малоярославцу. Въ главную квартиру съ извѣстіемъ обо всемъ онъ тогда же послалъ своего дежурнаго штабъ-офицера Болговского. Болговской прискакалъ около полуночи 10 октября въ Леташевку, гдѣ находился Кутузовъ, и явился къ дежурному генералу арміи Коновницыну. Коновницынъ, пораженный разсказомъ Болговского, послалъ за Толемъ, и они пошли будить фельдмаршала. Кутузовъ потребовалъ Болговского къ себѣ и принялъ его, сидя на постели, но «въ сюртукѣ и декораціяхъ. Видъ его былъ величественный и чувство радости сверкало уже въ очахъ его»... «Разскажи, другъ мой, — сказалъ онъ Болговскому,—что такое за событіе, о которомъ ты привезъ мнѣ вѣсти? Неужели воистину Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ?»

Болговской началъ было по формѣ подробно докладывать, но Кутузовъ перебилъ его: «Говори скорѣе, не томи душу»... Когда Болговской кончилъ докладъ, Кутузовъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ... не заплакалъ, а захлипалъ и, обратясь къ образу Спасителя, сказалъ: «Боже, Создатель мой... Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей... Съ сей минуты Россія спасена»... Немедленно даны были приказанія передовымъ частямъ нашей арміи двинуться вслѣдъ за отступавшими французами къ Малоярославцу. Милорадовичъ съ своей стороны также скоро убѣдился, что французы отступаютъ, и послалъ своего адъютанта поручика П. Д. Киселева съ партіей казаковъ къ Москвѣ, съ приказаніемъ узнать—дѣйствительно ли Москва очищена французами. 11 октября Киселевъ вступилъ въ Москву черезъ Тверскую заставу вскорѣ послѣ выступленія Мортье и захватилъ 120 плѣнныхъ изъ замѣшкавшихся французовъ. Такимъ образомъ прямое сообщеніе арміи съ Москвой было возстановлено чуть не въ самый день очищенія ее французами.

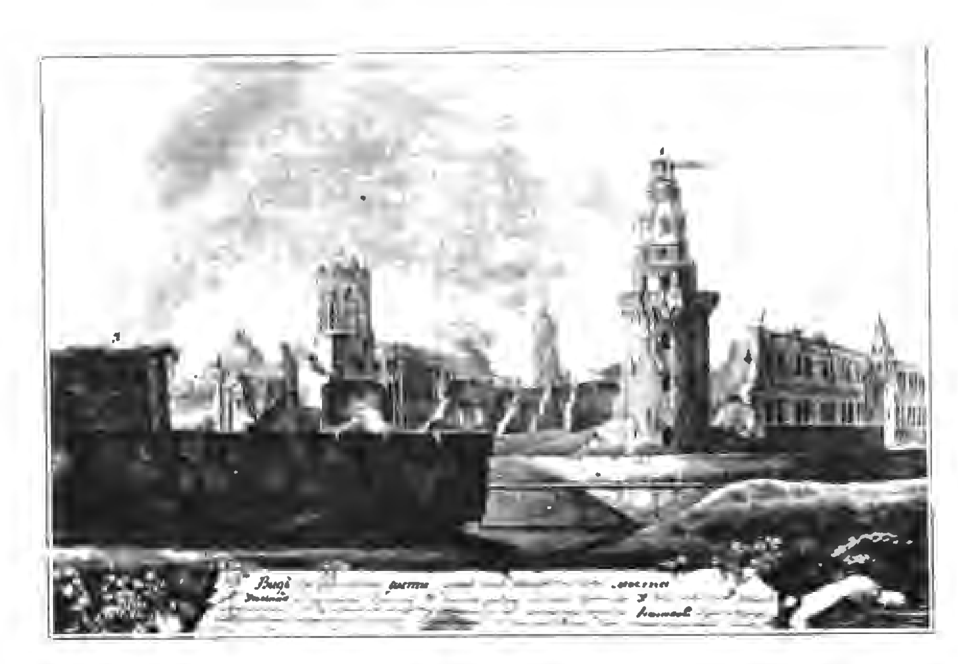

(Ориг. въ Ист. муз.).

Дѣйствія Дорохова, Дохтурова и Сеславина имѣли очень важное значеніе для дальнѣйшаго теченія кампаніи. Намѣреніе Наполеона заключалось въ томъ, чтобы двинуться сперва по старой дорогѣ, соединиться съ авангардомъ Мюрата и перейти на новую калужскую дорогу; такимъ образомъ Наполеонъ разсчитывалъ обойти нашу армію и открыть себѣ свободный путь на Калугу. Дороховъ своевременно извѣстилъ главныя наши силы о выступленіи французовъ изъ Москвы. Сеславинъ во-время добылъ свѣдѣнія объ этомъ движеніи, Дохтуровъ умѣло воспользовался полученными свѣдѣніями и во-время поспѣлъ къ Малоярославцу, куда подтянулись и главныя наши силы и успѣли занять позиціи къ югу отъ Малоярославца на пути предположеннаго движенія Наполеона къ Калугѣ. Первый виновникъ этого успѣха Сеславинъ, резюмируя разсказъ о своемъ подвигѣ, съ справедливой гордостью говоритъ: «Непріятель предупрежденъ подъ Малоярославцемъ, французы истреблены, Россія спасена, Европа освобождена, и миръ всеобщій есть слѣдствіе сего важнаго открытія»... Итакъ, преслѣдованіе наполеоновой арміи началось во-время и удачно. Мы запоздали на нѣсколько часовъ вслѣдствіе неожиданности извѣстія, но это промедленіе было нѣсколько компенсировано умными распоряженіями Дох-

турова. На преслѣдованіе Наполеона наша армія выступала отдохнувшей и возросшей количественно. За три недѣли стоянки въ Тарутинскомъ лагерѣ русская армія получила значительныя подкрѣпленія, и число ея съ 60.000 возросло до 97.000 человѣкъ, не считая ополченцевъ и двадцати слишкомъ тысячъ казаковъ, которые тогда не считались регулярнымъ войскомъ. Такимъ образомъ, достопамятное преслѣдованіе нами отступавшаго непріятеля началось при полномъ почти уравненіи нашихъ и непріятельскихъ силъ, при чемъ мы имѣли то преимущество, что превосходили французовъ кавалеріей, были лучше обставлены со стороны продовольствія и запасовъ, и главное—мы, наконецъ, наступали и тѣснили передъ собой грознаго врага: это подымало духъ арміи и заставляло каждаго, какъ говоритъ современникъ, «дѣйствовать за десятерыхъ»...

С. Князьковъ.

(Ориг. въ Ист. музеѣ).

(Наполеонъ съ маршалами при отступленіи).

ТРЕТІЙ ПЕРІОДЪ ВОЙНЫ.

I. Малоярославецъ и начало отступленія.

А. К. Кабанова.

Наполеонъ выступилъ изъ Москвы 7 окт. по старой калужской дорогѣ, гдѣ въ Вороновѣ стоялъ отступившій изъ-подъ Тарутина Мюратъ, а дальше къ югу расположился укрѣпленный Тарутинскій лагерь. Но не доходя до Воронова, съ Горокъ, Наполеонъ повернулъ на западъ и перешелъ по берегу Пахры на новую калужскую дорогу. Для того, чтобы обмануть Кутузова, онъ оставилъ здѣсь корпусъ Нея съ остатками авангарда Мюрата. 7-го (19-го) въ с. Ѳоминское подошли передовые отряды французовъ (дивизіи Бруссье и Орнано). Объ этомъ донесъ Кутузову, стоявшій неподалеку отсюда въ Котовомъ, Дороховъ [1]). Кутузовъ послалъ сюда цѣлый корпусъ Дохтурова съ цѣлью захватить французскіе отряды. Но, не доходя до мѣста своего назначенія, Дохтуровъ получилъ извѣстіе отъ партизановъ, что непріятель занялъ уже Боровскъ. Движеніе къ сѣверу

[1]) См. выше статью „Оставленіе Москвы“.

было безполезно, нужно было думать о томъ, какъ предупредить непріятеля въ Малоярославцѣ и не дать ему пройти къ югу, гдѣ въ Калугѣ располагались богатые провіантскіе магазины. Дохтуровъ отъ Аристова двинулся наперерѣзъ къ Малоярославцу, туда же спѣшилъ Платовъ съ казаками, съ 11 октября тронулась изъ Тарутина и вся армія Кутузова. Если Наполеону важно было захватить Калугу, то для русскихъ еще важнѣе было отстоять ее. Здѣсь были расположены какъ продовольственные, такъ и боевые запасы, отсюда подходили подкрѣпленія съ юга. Вотъ почему подъ Малоярославцемъ было проявлено необыкновенное упорство съ обѣихъ сторонъ.

Послѣ 12-часового пути Дохтуровъ 11 числа уже къ вечеру подошелъ къ Спасскому, здѣсь онъ соединился съ Платовымъ, но нѣсколько задержался, такъ какъ пришлось наводить мосты черезъ рѣчку Протву. Съ 5 часовъ утра завязался бой на улицахъ Малоярославца,—бой, имѣвшій исключительное значеніе для всей кампаніи 1812 г.

Нужно имѣть въ виду, что Малоярославецъ стоитъ на нагорной сторонѣ рѣки Лужи. Рѣка образуетъ здѣсь съ луговой стороны треугольникъ, съ луговой стороны и подходили французы и еще 11-го къ ночи дивизія Дельзона изъ корпуса вице-короля итальянскаго Евгенія возстановила мостъ черезъ Лужу, собираясь двинуться на слѣдующій день черезъ городъ, пока же въ городъ были введены только два батальона. Этимъ батальонамъ и пришлось прежде всего столкнуться съ русскими, они были отброшены 33 егерскимъ полкомъ. Въ городъ введены были три полка подъ начальствомъ Ермолова (33, 6 и 19), но французы повели атаку всей дивизіей Дельзона и, хотя они лишились своего начальника, убитаго въ бою, русскіе были выбиты изъ своихъ позицій. Бригадный генералъ Гильемино, занявшій мѣсто Дельзона, искусно захватилъ холмъ, возвышавшійся надъ большой дорогой, занялъ расположенныя тамъ церковь и строенія стрѣлками и наносилъ оттуда постоянный и ощутительный вредъ атакующимъ русскимъ. Съ 11 часовъ атаки и съ той и съ другой стороны были возобновлены—вице-король Евгеній постепенно выдвинулъ всѣ дивизіи своего корпуса—Бруссье, Пюно и гвардейскую. Дохтуровъ, нѣсколько разъ посылавшій въ бой свою пѣхоту, былъ отбитъ, но въ это время изъ Спасскаго стала подходить вся армія Кутузова. Дохтурова поддержали сначала Раевскій во главѣ 7 корпуса, потомъ уже къ вечеру былъ введенъ въ сраженіе и 8 корпусъ Бороздина. Наполеонъ послалъ на помощь двѣ дивизіи Даву, и городъ остался за нимъ. Очевидцы говорятъ, что онъ 8 разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, естественно, что послѣ такого ужаснаго боя городъ представлялъ изъ себя груды развалинъ. Къ ночи, когда и канонада, наконецъ, прекратилась, выяснилось, что положеніе дѣлъ все еще остается нерѣшеннымъ.

И весь слѣдующій день войска простояли въ виду другъ у друга—Кутузовъ занялъ крѣпкую позицію въ $2^{1}/_{2}$ верстахъ отъ города, совершивъ за ночь искусный переходъ за Нѣмцовскій оврагъ, а Наполеонъ съ главными силами стоялъ передъ городомъ. Оба готовились къ окончательному бою. Въ этотъ день императоръ созвалъ совѣтъ. «Смоленскъ былъ цѣлью. Какъ итти туда—черезъ Калугу, Медынь или Можайскъ?—разсказываетъ намъ гр. Сегюръ.—Итти на Калугу, значитъ дать генеральный

бой Кутузову».—Это и предлагалъ Мюратъ. Но Бессьеръ, начальникъ кавалеріи гвардейской, считалъ этотъ шагъ безразсуднымъ, позиціи Кутузова казались ему неприступными. Даву высказался за движеніе на Медынь и Юхновъ, но тамъ нельзя было пройти безопасно, изъ Вереи пробовалъ итти на Медынь кн. Понятовскій, но былъ отбитъ русскими. Ясно было, русскіе и тамъ стерегутъ дорогу и Кутузовъ подойдетъ съ арміей подъ Медынь, какъ подошелъ подъ Малоярославецъ. Оставалась одна дорога на Можайскъ, большая дорога изъ Москвы въ Смоленскъ, истощенная прежними походами. 14 октября Наполеонъ отошелъ на Верею, чтобы оттуда перейти на Можайскъ.

Но и въ русскомъ лагерѣ далеко не всѣ были одного мнѣнія. Кутузовъ, выдержавъ цѣлый день свое рѣшеніе принять бой, на слѣдующій

Побѣда при Малоярославцѣ (Скотти).

день (14-го), несмотря на убѣжденія Толя и Ермолова, рѣшилъ приблизиться къ Калугѣ, такъ какъ боялся, что непріятель обойдетъ его съ фланга. Такъ, почти одновременно, обѣ арміи стали отступать. Здѣсь сразу намѣчались основные мотивы въ планѣ дѣйствій обоихъ главнокомандующихъ—Наполеонъ переоцѣнивалъ легкость пути до Смоленска, переоцѣнивалъ способность своей арміи переносить лишенія, которыя грознымъ призракомъ стояли уже передъ его глазами; Кутузовъ, предпринимая свое фланговое движеніе, переоцѣнивалъ силы Наполеона, видя его все еще въ ореолѣ непобѣдимости, а, можетъ-быть, онъ не былъ способенъ по старости къ смѣлымъ энергичнымъ дѣйствіямъ. Вотъ почему въ этотъ періодъ, когда рѣшался вопросъ о томъ, прорвется ли Наполеонъ къ Калугѣ, пройдетъ ли онъ побѣдителемъ къ Смоленску, чтобы стать на

зимнія квартиры въ Бѣлоруссіи, вполнѣ умѣстна была опытность Кутузова: его осторожность, умѣлое маневрированье войскъ, военныя хитрости принесли свои безусловные плоды. Теперь нужно было думать о томъ, какъ скорѣе и съ меньшей тратой собственныхъ силъ покончить съ остатками великой арміи, уничтоживъ ее или принудивъ сдаться во всякомъ случаѣ прежде, чѣмъ она встрѣтитъ подкрѣпленія за Смоленскомъ. Кутузовъ или не смогъ довести ее до подобной катастрофы, или, можетъ-быть, избѣгалъ этой катастрофы. Но первую часть своей задачи: обезсилить непріятеля, заставить его бѣжать, онъ исполнилъ блестяще, едва ли кто-либо изъ русскихъ генераловъ могъ справиться съ нею, и онъ могъ писать безъ хвастовства: «Je pourrais être fier étant le premier général devant qui l'orgueilleux Napoléon fuit» [1]).

Совершивъ свой подвигъ, однимъ грознымъ видомъ своей девяностотысячной арміи въ порядкѣ, на глазахъ у Наполеона, выстроившейся за Малоярославскими высотами, заставивъ отступить императора французовъ, Кутузовъ былъ не увѣренъ, куда двинется непріятель. Наполеонъ цѣлымъ рядомъ ложныхъ передвиженій запутывалъ истинныя намѣренія свои. Его хитрость удалась. Чтобы быть какъ разъ на полпути между дорогами: къ сѣверу черезъ Боровскъ, Верею на Можайскъ и къ западу черезъ Юхновъ, Ельню на Смоленскъ или прямѣе на Красный, Кутузовъ отошелъ на югъ къ Дѣтчину и далѣе на юго-западъ къ Полотнянымъ заводамъ, гдѣ задержалъ армію на цѣлыхъ два дня до 15 октября. Въ это время Наполеонъ успѣлъ уже, оставивъ на востокѣ Можайскъ, выйти у с. Успенскаго на разоренную смоленскую дорогу. Онъ шелъ съ возможной быстротой, нужно имѣть въ виду, что вся сила его къ этому времени сосредоточилась въ пѣхотѣ. 19-го онъ былъ уже въ Вязьмѣ, въ то время какъ Кутузовъ, не имѣя достаточныхъ свѣдѣній изъ своихъ авангардовъ и отъ партизановъ, все еще шелъ круто на сѣверъ, къ той мѣстности на смоленской дорогѣ, откуда уже давно отошелъ непріятель. Правда, имъ были разосланы повсюду отдѣльные отряды и нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Платовъ съ казаками скоро нагнали непріятеля. Уже 19-го онъ атаковалъ непріятельскій отрядъ Даву у Колоцкаго монастыря. Даву, отступая, останавливался, выбиралъ крѣпкія позиціи, отбивалъ врага. Его корпусъ былъ поставленъ въ особо неблагопріятныя условія— нападенія легкой кавалеріи отражались прежде всего на немъ. Какъ разъ въ это время къ Платову спѣшилъ авангардъ Милорадовича, а фельдмаршалъ повернулъ на западъ. Къ 21 числу, къ вечеру, Милорадовичъ стоялъ въ Спасскомъ, Кутузовъ съ арміей располагался южнѣе, въ Дубровѣ. Французскія войска были въ такомъ положеніи: Жюно съ вестфальцами и Наполеонъ съ гвардіей отошелъ на Вязьму, Ней стоялъ южнѣе Вязьмы, въ Крапивнѣ; онъ, по предписанію императора, долженъ былъ пропустить мимо себя корпуса вице-короля итальянскаго, Понятовскаго и арьергардъ Даву и самому итти въ арьергардѣ. 22-го съ разсвѣ-

---

[1]) „Я бы могъ гордиться тѣмъ, что я первый генералъ, передъ которымъ надменный Наполеонъ бѣжитъ".

томъ русскія войска, выйдя на большую дорогу, не доходя до Вязьмы, строились между Вязьмой и Өедоровскимъ, стремясь отрѣзать Даву отъ другихъ корпусовъ. Здѣсь расположился Милорадовичъ, а Платовъ съ казаками, Паскевичъ и гр. Орловъ насѣдали на французовъ съ обоихъ фланговъ. Положеніе Даву оказалось безвыходнымъ, но ему на помощь вернулись корпуса принца Евгенія и Понятовскаго, и Даву удалось обойти русскихъ. А Ней отбивался въ это время отъ присланнаго Кутузовымъ Уварова съ двумя кавалерійскими дивизіями. Намѣренія русскихъ не удались—правда, непріятель потерпѣлъ сильный уронъ, но заставить сдаться цѣлый корпусъ не удалось.

Подъ Смоленскомъ (Одье).

Частью это нужно объяснить несогласованностью нападающихъ, излишнимъ молодечествомъ многихъ изъ нихъ, частью медлительностью Кутузова («поведеніе фельдмаршала приводитъ меня въ бѣшенство», пишетъ по этому поводу англійскій генералъ Вильсонъ), но нужно отдать должное также искусству французскихъ маршаловъ, вице-короля и Даву, мужеству ихъ корпусовъ, не растерявшихся, отбивающихъ атаки русскихъ. Къ вечеру французскія войска отступили за Вязьму, а русскіе заняли пылавшія развалины ея.

Бой подъ Вязьмой—дѣло маршаловъ Наполеона. Онъ самъ въ немъ не участвовалъ. Поспѣшно двигался онъ по дорогѣ въ Смоленскъ, передъ нимъ шли вестфальцы, молодая гвардія, разстроенная кавалерія Мюрата, съ нимъ—старая гвардія, далѣе тянулись отряды вице-короля и Даву, шествіе замыкалъ отважный Ней. Съ 24 числа морозъ сталъ крѣпчать,

дошелъ до 12°, начались вьюги. А русскіе все продолжали безпокоить теперь уже Нея, такъ какъ онъ стоялъ въ арьергардѣ. Подъ Дорогобужемъ, при переправѣ черезъ Осьму, онъ съ двумя дивизіями выдержалъ натискъ русскаго авангарда. Особенно тяжело отразился на состояніи французской арміи день 28 октября. На югѣ отъ Смоленска, у Ляхова, западнѣе Ельни, партизаны, подкрѣпленные полками Орлова-Денисова, напали на бригаду генерала Ожеро, состоявшую въ отрядѣ генерала Бараге-д'Ильера. Послѣ долгаго боя вся бригада сдалась (самъ Ожеро, 19 офицеровъ, 1650 солдатъ). Это былъ первый случай сдачи цѣлой военной колонны. Въ это же время шли бои на Духовщинской дорогѣ. Наполеонъ предписалъ вице-королю изъ Дорогобужа повернуть на Духовщину, чтобы оттуда открыть сношенія съ Витебскомъ. 26 октября принцъ Евгеній повернулъ къ сѣверо-западу на Духовщину, съ 27 же числа его стали безпокоить казаки Платова, 28 числа предстояла переправа черезъ Вопь, притокъ Днѣпра. Поднявшаяся вода смыла мосты, построить новые не удалось, приходилось переходить рѣку въ бродъ, мѣстами вплавь.—Тутъ же началось нападеніе казаковъ. Нужна была вся стойкость и отвага принца Евгенія, чтобы удержать войска хоть въ нѣкоторомъ повиновеніи. Эта переправа стоила вице-королю половины его корпуса и чуть ли не всѣхъ пушекъ, осталось ихъ всего лишь 12. А между тѣмъ въ Духовщинѣ французовъ ждали новыя несчастія—здѣсь получено было извѣстіе, что русскіе взяли Витебскъ, а значитъ и двигаться туда не было никакого смысла. Здѣсь же ждалъ французовъ авангардъ генерала Кутузова (не нужно смѣшивать съ фельдмаршаломъ), который шелъ сѣверной дорогой черезъ Звенигородъ на Гжатскъ и дальше прямо на Духовщину. Уставшимъ и истощеннымъ французамъ и итальянцамъ корпуса вице-короля пришлось выдержать новыя атаки. Такъ добрелъ и этотъ корпусъ до Смоленска. Но здѣсь онъ узналъ, что продовольствіе, собранное здѣсь, все уже роздано, что, послѣ непродолжительнаго отдыха, нужно двигаться далѣе. Это былъ ударъ по больнымъ ранамъ, по голоднымъ ртамъ, а далеко не всѣ могли вынести этотъ ударъ.

Французскія войска думали въ Смоленскѣ найти и достаточное продовольствіе и готовыя зимнія квартиры. Правда, запасы, собранные въ Смоленскѣ, были достаточны, но прежде всего было въ высшей степени трудно организовать правильную раздачу порцій, озвѣрѣвшіе отъ холода и голода французы разбивали провіантскіе магазины, вырывали изъ рукъ съѣстное, рѣзали лошадей фуражировъ. «Человѣкъ, который несетъ хлѣбъ или что-нибудь съѣстное, не можетъ быть безопасенъ,—пишетъ Пюибюскъ, провіантмейстеръ французской арміи.—Онъ или долженъ оставить свою ношу или его убьютъ». А кромѣ того, сама раздача была организована на началахъ, далеко несправедливыхъ. Тотъ же Пюибюскъ свидѣтельствуетъ намъ: «Раздача жизненныхъ припасовъ весьма неуравнительна, все наклоняется къ пользѣ гвардіи, какъ будто бы прочее войско, столько разъ сражавшееся, недостойно и жить на свѣтѣ».

О зимнихъ квартирахъ, конечно, и думать не приходилось. Непріятель былъ за плечами. Оставалось одно, какъ можно скорѣе выйти изъ Смоленска и спѣшить далѣе въ Бѣлоруссію, оттуда въ Литву и Польшу, гдѣ населеніе было болѣе расположено къ французамъ, а главное, чтобы

Сраженіе подъ Краснымъ 6 ноября 1812 г. (Гессе).

избѣгнуть нападенія съ боковъ Чичагова и Витгенштейна. Давъ арміи четырехдневный отдыхъ, Наполеонъ началъ выступать изъ Смоленска отдѣльными отрядами. Впереди шли поляки, вышедшіе еще 31 октября, за ними совершенно разстроенные вестфальцы Жюно, еще дальѣ—дивизія Клапареда (1 ноября); затѣмъ уже 2-го выступили Мортье съ молодой гвардіей, а позднѣе старая гвардія съ Наполеономъ. Даву, принцъ Евгеній и Ней оставались еще въ Смоленскѣ. Дивизія Клапареда подошла къ Красному, обогнавъ вестфальцевъ, и вытѣснила отсюда гр. Ожаровскаго, который шелъ впереди арміи Кутузова и, наконецъ, заняла Красный. Это было 3 ноября. Наполеонъ съ своей гвардіей шелъ также къ Красному. У деревни Ржавки, параллельно дорогѣ, размѣстился авангардъ Милорадовича, встрѣтившій войска Наполеона сильной канонадой, но кавалерійскія атаки предприняты имъ были лишь тогда, когда большая часть колоннъ непріятельскаго отряда прошла мимо русской позиціи. Наполеонъ былъ пропущенъ. Правда, онъ потерпѣлъ, но далеко не такъ, какъ можно было ожидать. Однако русскіе генералы считали это большимъ успѣхомъ. Генералъ Ермоловъ, донося фельдмаршалу, что въ Смоленскѣ осталось до 25 тысячъ съ Даву, самоувѣренно добавлялъ: «Это все должно быть истреблено и принадлежать намъ».

Изъ этихъ осужденныхъ, въ глазахъ Ермолова, на уничтоженіе отрядовъ первымъ тронулся уже раньше разстроенный корпусъ принца Евгенія. Когда русская пѣхота пошла въ атаку на эти остатки итальянскаго корпуса, осаждаемаго со всѣхъ сторонъ казаками, прискакалъ Милорадовичъ и отъ лица Кутузова просилъ задержать атаку. Французы сами повели атаку и, хотя имъ пришлось много оставить на полѣ сраженія, много сдалось на милость побѣдителю, однако они пробились до Краснаго. Какъ поляки Зайончика и вестфальцы, такъ и остатки корпуса вице-короля не-

медленно пошли дальше по дорогѣ въ Оршу. Наполеонъ же съ остальными войсками остался въ Красномъ и рѣшился на смѣлое дѣло — атаковать Кутузова, чтобы заставить его приблизить къ себѣ авангардъ и такимъ образомъ дать дорогу Даву, а за нимъ и Нею. Сраженіе слѣдующаго дня шло въ трехъ пунктахъ: подходящему Даву пришлось имѣть дѣло съ авангардомъ Милорадовича, который такъ же, какъ и въ дѣлѣ съ вице-королемъ, дѣйствовалъ крайне пассивно. Армія Кутузова была разбита на двѣ части: одна часть подъ начальствомъ кн. Голицына должна была атаковать Наполеона, а другая обойти непріятеля и встать на пути между Краснымъ и Оршей; ею командовалъ Тормасовъ. Но Наполеонъ, казалось, забылъ свою недавнюю апатію. Французскіе мемуаристы-очевидцы именно къ этому бою пріурочиваютъ его знаменитыя слова: «J'ai assez fait l'empereur, il est temps que je fasse le général». И онъ вновь сталъ геніальнымъ полководцемъ. Онъ держался противъ сильнѣйшаго и бодраго непріятеля, пока дивизіи Даву одна за другою переходили опасный Лосминскій оврагъ подъ картечью Милорадовича. Наполеонъ пропустилъ ихъ всѣхъ впередъ, предписавъ, не останавливаясь, итти къ Красному, куда пошелъ и онъ. Въ арьергардѣ оставалась дивизія Фридрихса, которая одна и оказалась жертвой наступавшей арміи Тормасова. Нерѣшительность фельдмаршала повредила и здѣсь: Тормасовъ по дорогѣ былъ остановленъ, и его авангардный отрядъ генерала Розена успѣлъ захватить лишь эту дивизію Фридрихса.

Оставался Ней, съ самой Вязьмы шедшій въ арьергардѣ арміи. Несмотря на то, что онъ получилъ извѣщеніе отъ Даву, что вице-король сильно потерпѣлъ, что самъ Даву въ опасномъ положеніи, Ней рѣшилъ исполнить предписанія императора и вышелъ изъ города только 5 ноября, взрывая за собою смоленскія стѣны, свидѣтелей многихъ осадъ и приступовъ. Русскія войска совсѣмъ не ожидали Нея и ему безъ выстрѣла удалось перейти черезъ опасный Лосминскій оврагъ, обойти первые ряды русской артиллеріи. Лишь тогда русскіе одумались, открыли огонь, начались атаки. Милорадовичъ предлагалъ Нею сдаться, обѣщая ему почетныя условія. Маршалъ отказался и самъ повелъ атаки. Французы шли подъ разстрѣлъ, но имѣли даже частичный успѣхъ, хотя, конечно, уронъ ихъ былъ громаденъ. Ночь прекратила сраженіе. Фезанзакъ, одинъ изъ полковыхъ командировъ, передаетъ намъ слѣдующій діалогъ: «Плохо наше положеніе», сказалъ Ней тихо одному изъ своихъ офицеровъ. «Что же вы будете дѣлать?» спросилъ, въ свою очередь, офицеръ. «Перейду за Днѣпръ».—«А гдѣ дорога?»—«Найдемъ».—«А если Днѣпръ не замерзъ?»—«Замерзнетъ». И Нею удалось переправиться черезъ Днѣпръ тамъ, гдѣ онъ дѣйствительно уже замерзъ, у Сырокоренья. Есть основаніе предполагать, что русскимъ была извѣстна эта переправа, болѣе того, А. Н. Поповъ прямо утверждаетъ, что Кутузовъ извѣщалъ объ этомъ Платова. Почему же Ней совершилъ эту переправу безпрепятственно? М. Богдановичъ подчеркиваетъ «безпечность» русскихъ, которые, повидимому, даже не докончивъ боя, «расположились по квартирамъ, а кавалерія, высланная для наблюденія за отступавшими французами, совершенно потеряла ихъ изъ вида». Ней съ остатками своего корпуса долго бродилъ, преслѣдуемый казаками, засѣлъ подъ конецъ въ селеніи Якубовѣ, съ

ожесточеніемъ отбиваясь отъ врага, и здѣсь ему удалось войти въ сношеніе съ вице-королемъ, который пришелъ къ нему на помощь. Такъ послѣдній отрядъ великой арміи соединился съ нею.

Заканчивая описаніе этого многодневнаго боя въ окрестностяхъ Краснаго, нельзя не согласиться со словами мемуариста-француза: «Этотъ старецъ (Кутузовъ) исполнилъ наполовину и плохо то, что такъ мудро задумалъ».

Такъ отступала великая армія, потерявъ на пути до 50 тысячъ. Въ научной литературѣ все еще горячо дебатируется вопросъ о причинахъ погибели французской арміи—природныя ли условія или побѣды русскихъ сыграли тутъ главную роль? При ближайшемъ разсмотрѣніи этотъ вопросъ самъ по себѣ отпадаетъ—побѣды русскихъ потому и были такъ

(Современная грав.).

легки, что французы съ трудомъ могли драться, подавленные тѣми условіями, въ которыя они были поставлены.

Первое, что сильно ослабляло боевую способность великой арміи, было «наслѣдіе Москвы», создать которое сознательно стремился Кутузовъ.

Армія еще въ Москвѣ начала терять свою дисциплину. Ванъ-Дедемъ обвиняетъ въ этомъ прежде всего офицеровъ, они распустились, а за ними и нижніе чины. «Свыше 10° мороза я не могу найти ни одного генерала на своемъ посту», говорилъ самъ Наполеонъ.

За боевую негодность значительной части арміи, или, по крайней мѣрѣ, того, что шло съ арміей,—говорилъ одинъ видъ ея при выходѣ изъ Москвы. «Можно было подумать,—восклицаетъ очевидецъ,—что двигался какой-то караванъ кочевниковъ или одна изъ армій древнихъ временъ, возвращавшаяся послѣ великаго нашествія съ рабами и добычей». Женщины и дѣти, слѣдовавшія за арміей, и особенно эта добыча, возбуждавшая личное корыстолюбіе, прежде всего тормозила дѣйствія войскъ.

Наполеонъ и маршалы энергично боролись противъ этого, но малоуспѣшно; правда, эти же богатства иногда и спасали армію, особенно при набѣгѣ казаковъ: алчные до наживы, казаки бросались грабить, давая возможность французамъ оправиться и отбить врага.

Второе, что ослабляло французскую армію, это было отсутствіе продовольствія и возникшій отсюда голодъ.

Уже въ бою у рѣки Чернишни оказались дефекты французской конницы: лошади были истощены, добывать фуражъ въ странѣ, враждебно настроенной, было нелегко. Кромѣ этого, лошади были плохо подкованы. Однимъ словомъ, важная часть всякой арміи—лошади были въ совершенно неудовлетворительномъ состояніи. Къ чему это вело? Кавалерія не могла нести своей прямой службы—вести дѣло наблюденія за непріятелемъ, добывать фуражъ, провіантъ и отражать легкую кавалерію врага—казаковъ. Артиллеріи постепенно совсѣмъ не стало—она стала обузой для войска. Въ бою подъ Краснымъ при подсчетѣ орудій, дѣйствующихъ у русскихъ, историки приводятъ цифры 30, 50, 60, у французовъ—6, 12. Французская армія стала однородной по оружію пѣхотой. Но пѣхотѣ добывать себѣ пропитаніе нелегко, особенно въ истощенной странѣ, при одной возможности—итти большой дорогой, не сворачивать по сторонамъ, гдѣ стерегутъ казаки. И вотъ понемногу, вывезенный изъ Москвы, провіантъ, неправильно распредѣленный, зачастую самъ по себѣ не цѣнный, понемногу истощается и отъ неумѣреннаго употребленія, и отъ захвата врагомъ, и отъ неправильной перевозки. «Не подумали даже,—пишетъ докторъ де-ла-Флизъ,—о перестановкѣ обозовъ на полозья». Начинается голодъ. Нечего говорить, какъ это ослабляетъ силы арміи. Встрѣчаемые на пути провіантскіе магазины, даже въ Смоленскѣ, не оказывались достаточными. Можно открыть любые мемуары этой ужасной войны, письма очевидцевъ ея и примѣры этого страшнаго голода зачастятъ передъ нами. Тотъ же де-ла-Флизъ пишетъ отъ 4 ноября (по нов. ст.): «Мы встрѣтили на дорогѣ большое количество палыхъ лошадей, и тутъ я въ первый разъ увидѣлъ, что солдаты вырѣзывали лошадиное мясо и варили изъ него супъ». Кутузовъ въ письмѣ къ дочери пишетъ: «Нѣкоторые мои генералы увѣряли, что они видѣли двухъ несчастныхъ, жарившихъ на огонькѣ части тѣла третьяго ихъ товарища». И эти примѣры далеко не единичны. О какой же дисциплинѣ или способности къ бою можно говорить послѣ этого?

Затѣмъ свою роль сыграли, конечно, и холода. Правда, первоначально погода какъ будто благопріятствовала французамъ, градусникъ показывалъ 4°—6°, къ 20-мъ числамъ декабря онъ дошелъ до 12°—15°, а позднѣе, при выходѣ французовъ изъ Смоленска, доходилъ до 20° и болѣе. Но къ этому нужно отнести и вліяніе погоды на почву—образованіе гололедицы, напримѣръ. По этому поводу очень интересное сужденіе высказываетъ докторъ великой арміи де-ла-Флизъ; вотъ его слова: «Крайне заблуждаются, полагая, что бывшіе въ арміи французы, итальянцы, испанцы и португальцы погибли отъ холода, какъ непривычные къ нему жители юга. Французы и итальянцы, напротивъ, пріучены къ холоду въ своихъ нетопленныхъ комнатахъ. Главная причина гибели французовъ заключалась въ наступившіе морозы въ отсутствіи теплой одежды, въ недостаткѣ пита-

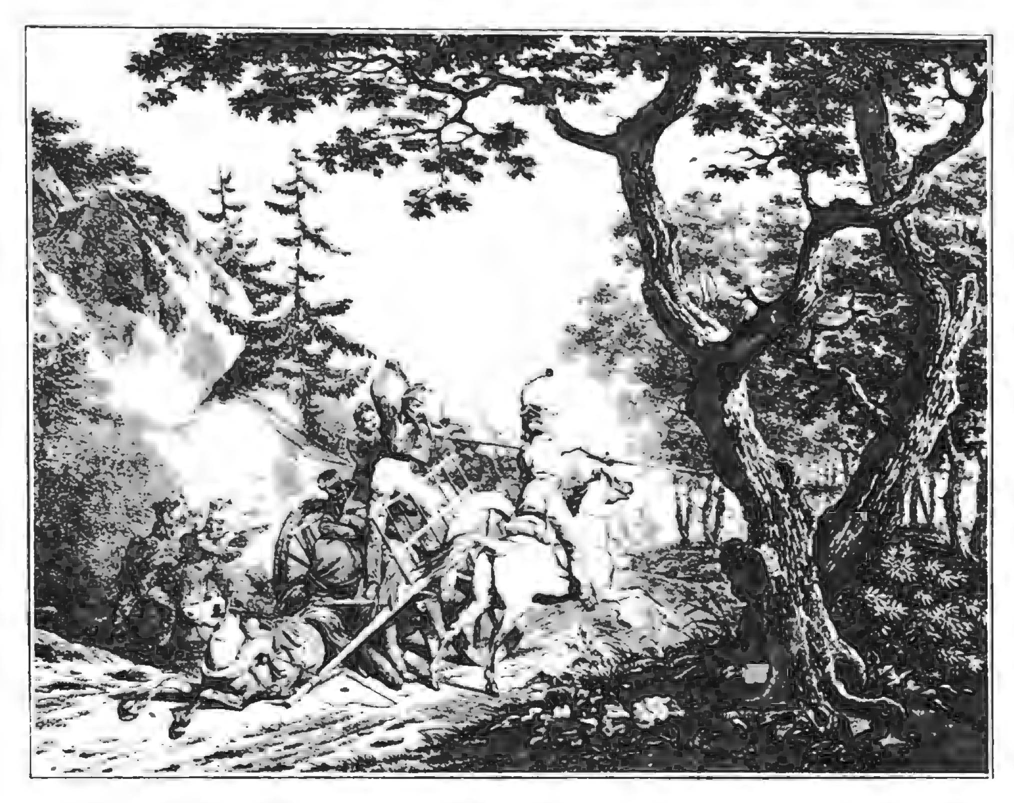
тельнаго кушанья и водки, безъ которой нельзя обойтись, находясь постоянно на морозѣ». Такъ или иначе, конечно, холодъ дѣйствовалъ на французовъ очень сильно. Когда принцъ Евгеній передъ выходомъ изъ Смоленска предписалъ своему корпусу выстроиться, упало 13 гренадеръ. Особенно часты, конечно, были случаи отмораживанія конечностей, а между тѣмъ это выводило человѣка изъ строя.

Эти положенія говорятъ сами за себя—французская армія была деморализована, и къ гибели ее вели въ равной степени природа—суровой зимой и дурными дорогами, и свое начальство—неподготовленностью, растерянностью. Русскимъ войскамъ оставалось только довершать начатое разложеніе арміи.

А. К. Кабановъ.

Маршалъ Ней при отступленіи изъ Россіи (Ивона).

Раненые французы, атакованные казаками (Вернэ).

II. Партизаны и партизанская война въ 1812-мъ году.

С. А. Князькова.

Мысль объ организаціи партизанскихъ отрядовъ, которые, забравшись въ тылъ непріятеля и на пути его сообщенія, неустанно бы безпокоили врага и, внезапно появляясь и исчезая, хватали бы плѣнныхъ, истребляли запасы и обозы, возникла еще до Бородина [1]. Уже тогда отдѣльныя кавалерійскія части, случайно попадая въ положеніе партизановъ, наглядно доказали важность такого рода операцій на растянувшемся столь неоглядно пути слѣдованія французской арміи. Передъ самымъ Бородинскимъ боемъ подполковникъ Ахтырскаго гусарскаго полка Денисъ Давыдовъ послалъ

---

[1]) На основаніи архивныхъ данныхъ полк. Н. П. Поликарповъ («Нов. Жизнь», 1911 г., кн. VIII, стр. 133 и слѣд.) показываетъ, что начало партизанскихъ дѣйствій относится къ періоду гораздо болѣе раннему, чѣмъ принято думать. Набѣгъ Дениса Давыдова приходился на конецъ августа. Между тѣмъ партизаны дѣйствовали уже начиная съ 20-хъ чиселъ іюля. Идея партизанскихъ дѣйствій принадлежала не Давыдову, не Багратіону, и не Кутузову, а Барклаю-де-Толли. Послѣ соединенія съ Багратіономъ подъ Смоленскомъ, 23 іюля Барклай сформировалъ летучій партизанскій отрядъ изъ Казанскаго драгунскаго, трехъ донскихъ казачьихъ и Ставропольскаго калмыцкаго полковъ подъ общимъ начальствомъ ген. Винцингероде для дѣйствія противъ лѣваго фланга французовъ. Уже въ ночь съ 26-го на 27-ое Барклай получилъ отъ Винцингероде важное извѣстіе изъ Велиха о намѣреніи Наполеона двинуться изъ Порѣчья къ Смоленску, чтобы отрѣзать намъ отступленіе. И потомъ отрядъ Винцингероде все время продолжалъ дѣйствовать противъ фланговъ непріятеля, разбившись на болѣе мелкіе отряды. *Ред.*

записку генералу Багратіону, прося разрѣшенія организовать партизанскій отрядъ, который подъ его начальствомъ могъ бы дѣйствовать въ тылу непріятеля на свой страхъ и рискъ. Мысль эта понравилась Багратіону, и онъ доложилъ о проектѣ Давыдова главнокомандующему. Кутузовъ, готовясь къ генеральному сраженію, сначала было просто отмахнулся отъ этого предложенія, но когда Багратіонъ продолжалъ настаивать, Кутузовъ согласился послать «на вѣрную гибель», какъ онъ выразился, пятьдесятъ гусаръ, полтораста казаковъ, если Давыдовъ возьмется итти съ такимъ малымъ отрядомъ. Багратіонъ передалъ условія главнокомандующаго Давыдову, и Давыдовъ согласился: «Вѣрьте, князь,—сказалъ онъ Багратіону,—партія будетъ цѣла, ручаюсь въ томъ честью; для этого

Остатки наполеоновской арміи (Э. Шаперонъ).

нужны только при отважности въ залетахъ, рѣшительность въ крутыхъ случаяхъ и неусыпность на привалахъ и ночлегахъ, за это я берусь... Но только людей мало; дайте мнѣ тысячу казаковъ, и вы увидите, что будетъ»...—«Я бы тебѣ далъ три тысячи,—отвѣтилъ Багратіонъ,—не люблю такія дѣла ощупью дѣлать, но объ этомъ нечего и говорить: фельдмаршалъ самъ назначилъ силу партіи... Надо повиноваться»... Давыдовъ взялъ то, что ему давали: «Иду и съ этимъ числомъ,—сказалъ онъ,—авось, открою путь большимъ отрядамъ». Бородинскій бой помѣшалъ немедленному выступленію нашего перваго партизанскаго отряда, но уже во время отступленія нашихъ главныхъ силъ къ Москвѣ Давыдовъ съ пятьюдесятью гусарами и восемьюдесятью казаками окольнымъ путемъ вышелъ на Смоленскую дорогу. Мало кто ожидалъ успѣха отъ этого отважнаго предпріятія: одни считали, что Давыдовъ идетъ на вѣрную гибель и заживо хоронили его, другіе посмѣивались и просили его кланяться нашимъ плѣннымъ,

въ увѣренности, что французы безъ особаго труда захватятъ нашъ отрядецъ, какъ только Давыдовъ отойдетъ отъ главныхъ нашихъ силъ. Опасность грозила первому партизану не только отъ непріятеля, но и отъ своихъ. «Путь нашъ становился опаснѣе по мѣрѣ удаленія нашего отъ арміи,—разсказываетъ Давыдовъ.—Даже мѣста, въ которыхъ еще не было непріятеля, представляли для насъ не мало препятствій. Общее и добровольное ополченіе поселянъ преграждало намъ путь. Въ каждомъ селеніи ворота были заперты; при нихъ стояли старъ и младъ съ вилами, кольями, топорами, а нѣкоторые изъ нихъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Къ каждому селенію одинъ изъ насъ принужденъ былъ подъѣзжать и говорить жителямъ, что мы русскіе, что мы пришли къ нимъ на помощь, на защиту православныхъ церквей. Часто отвѣтомъ намъ былъ выстрѣлъ, или пущеный съ розмаху топоръ, отъ ударовъ котораго судьба спасала насъ. Мы могли бы обходить селенія, но я хотѣлъ распространить слухъ, что наши войска возвращаются и, утвердивъ поселянъ въ намѣреніи защищаться, склонить ихъ къ немедленному извѣщенію насъ о приближеніи къ нимъ непріятеля; потому съ каждымъ селеніемъ долго продолжались переговоры до вступленія въ улицы. Тамъ сцена внезапно измѣнялась; едва сомнѣніе уступало мѣсто увѣренности, что мы—русскіе, какъ хлѣбъ, пиво, пироги были подносимы солдатамъ. Сколько разъ я спрашивалъ жителей по заключеніи между нами мира: «отчего вы полагали насъ французами?» и каждый разъ отвѣчали они мнѣ: «Да, вишь, родимый (показывая на гусарскій мой ментикъ), это, баютъ, на ихъ одежу схоже».—«Да развѣ я не русскимъ языкомъ говорю?» — «Да вѣдь у нихъ, батюшка, всякаго сброда люди». Такъ я на-опытѣ узналъ, что въ народной войнѣ должно не только говорить языкомъ черни, но приноравливаться къ ней, къ ея обычаямъ и ея одеждѣ. Я надѣлъ мужичій кафтанъ, сталъ отпускать бороду, и вмѣсто ордена св. Анны повѣсилъ образъ св. Николая и заговорилъ языкомъ вполнѣ народнымъ».

Изъ-подъ Бородина Давыдовъ прошелъ черезъ село Сивково, Борисъ-городокъ, въ село Егорьевское, а оттуда пробрался на Медынь, Шанскій заводъ, на Азарово, въ село Скугарево. Это село, расположенное на высотѣ, господствующей надъ всѣми окрестностями, такъ что въ ясный день оттуда можно было видѣть верстъ на семь или на восемь всю округу, Давыдовъ избралъ своей штабъ-квартирой. Удобно для его дѣйствій это село было еще потому, что высота, на которой оно расположено, прилегала къ лѣсу, тянувшемуся до самой Медыни. Въ этомъ лѣсу небольшая партія Давыдова легко могла укрываться и за чащей его слѣдить движенія непріятеля.

Французская армія, ея обозы, парки, отряды развѣдчиковъ, бѣглые и мародеры занимали полосу по обѣимъ сторонамъ Смоленской дороги верстъ въ тридцать, такъ что Давыдовъ очутился буквально среди непріятеля, который скоро узналъ о появленіи русскаго отряда въ своемъ тылу. На поиски Давыдова были отряжены особые отряды съ повелѣніемъ захватить смѣлаго партизана живымъ или мертвымъ. Это обстоятельство очень усложнило положеніе Давыдова и диктовало ему величайшую осторожность. «Обезоруженные и трепетавшіе французовъ жители,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—могли легко быть весьма нескромны, а потому мы постоянно

находились въ большой опасности. Дабы легче избѣжать ея, мы днемъ, скрываясь и зорко слѣдя за непріятелемъ, проводили время на высотахъ близъ Скугарева; передъ вечеромъ же мы, въ маломъ разстояніи отъ села, раскладывали огни, затѣмъ, слѣдуя гораздо далѣе въ сторону, противоположную отъ мѣста, назначеннаго для ночлега, раскладывали другіе огни, и, наконецъ, войдя въ лѣсъ, проводили ночь безъ огней. Если случалось въ семъ послѣднемъ мѣстѣ встрѣтить прохожаго, то брали его и содержали подъ надзоромъ, до выступленія нашего въ походъ. Когда же онъ успѣвалъ скрыться, мы снова перемѣняли мѣсто. Смотря по разстоянію до предмета, на который намѣревались учинить нападеніе, мы за два или за три часа до разсвѣта подымались на поискъ и, сорвавъ въ транспортѣ непріятеля, что было по силѣ, обращались на другой, гдѣ

1812 годъ. Въ Россіи (Э. Шаперонъ).

наносили еще ударъ и возвращались окружными дорогами къ спасательному нашему лѣсу, черезъ который мало-по-малу снова пробирались къ Скугареву. Такъ мы сражались и кочевали отъ 29 августа до 8 сентября. Никогда не забуду этого ужаснаго времени: и прежде и послѣ я бывалъ въ жестокихъ битвахъ, часто проводилъ ночи стоя, часто засыпалъ на сѣдлѣ, прислонясь къ шеѣ лошади и съ поводьями въ рукахъ, но не десять дней и десять ночей сряду, ибо здѣсь дѣло шло о жизни, а не о чести!» 2 сентября Давыдовъ разбилъ двѣ большихъ шайки мародеровъ и захватилъ 160 человѣкъ въ плѣнъ. Въ окрестныхъ деревняхъ онъ подымалъ народъ, раздавалъ отнятые у французовъ ружья, училъ крестьянъ, какъ надо заманивать и истреблять небольшія партіи непріятеля. Каждому старостѣ было указано держать у себя на дворѣ трехъ или четырехъ парней, которые, въ случаѣ, если къ селу будетъ подходить большая

партія французовъ, садились бы на лошадей и скакали бы на розыски самого Давыдова. 3 сентября Давыдовъ подобрался къ Цареву-Займищу на большой Смоленской дорогѣ съ цѣлью прямого нападенія на французскіе обозы и транспорты. «Былъ вечеръ ясный и холодный (2 сентября),—разсказываетъ онъ;—сильный дождь, шедшій наканунѣ, прибилъ пыль, и мы слѣдовали быстро. Въ шести верстахъ отъ села попался намъ непріятельскій разъѣздъ, который, не видя насъ, беззаботно продолжалъ путь свой... Мнѣ нуженъ былъ языкъ, и потому отрядилъ урядника Крючкова съ десятью доброконными казаками наперерѣзъ вдоль лощины, а другихъ десять направилъ прямо на разъѣздъ. Видя себя окруженнымъ, непріятель остановился и сдался въ плѣнъ безъ боя. Мы узнали, что въ Царевѣ-Займищѣ днюетъ транспортъ со снарядами и съ прикрытіемъ въ 250 человѣкъ конницы. Дабы пасть, какъ снѣгъ на голову, мы свернули съ дороги и пошли полями, скрываясь опушками лѣсовъ; но за три версты отъ села, при выходѣ на чистое мѣсто, мы встрѣтились съ сорока непріятельскими фуражирами, которые, увидя насъ, быстро поскакали къ своему отряду... Оставя при плѣнныхъ тридцать гусаръ, которые въ случаѣ нужды могли служить мнѣ резервомъ, я съ остальными двадцатью гусарами и семидесятью казаками помчался въ погоню за французами и почти вмѣстѣ съ ними въѣхалъ въ Царево-Займище, гдѣ засталъ всѣхъ врасплохъ. У страха глаза велики, а страхъ неразлученъ съ безпорядкомъ. При нашемъ появленіи всѣ бросились вразсыпную; иныхъ захватили мы въ плѣнъ, не только невооруженными, но даже неодѣтыми; другихъ вытащили изъ сараевъ; одна только толпа въ 30 человѣкъ вздумала было защищаться, но она была разсѣяна и положена на мѣстѣ—это доставило намъ 119 рядовыхъ, двухъ офицеровъ, 10 провіантскихъ фуръ и одну съ папиросами. Остальное прикрытіе спаслось бѣгствомъ». Все это было доставлено въ Скугарево и оттуда переправлено въ Юхновъ. 10 сентября Давыдовъ присоединилъ къ своему отряду два казачьихъ полка, находившихся, или, по его выраженію, «бродившихъ» по Калужской губерніи, и нѣсколько сотъ отбитыхъ имъ у французовъ нашихъ плѣнныхъ. Съ такимъ большимъ отрядомъ, которымъ Давыдовъ распоряжался очень умѣло, онъ сталъ очень серьезно безпокоить тылъ непріятельской арміи, отбивая обозы, истребляя небольшія партіи, посягая нападеніями даже на сильныя войсковыя единицы непріятеля.

Извѣстіе, что русскіе дѣйствуютъ въ тѣлу его арміи, на путяхъ сообщенія со Смоленскомъ, гдѣ предполагалось устройство сильной базы для главныхъ силъ, было большой неожиданностью для Наполеона, тѣмъ болѣе для него непріятной, что какъ разъ въ эти же дни его передовые отряды потеряли изъ виду наши главныя силы, предпринявшіе знаменитое фланговое движеніе; оба эти обстоятельства заставили Наполеона отрядить большія сравнительно силы на всѣ дороги, ведущія къ югу и западу отъ Москвы. Когда наши главныя силы заняли Рязанскую и Калужскую дороги и началось Тарутинское сидѣніе, сама собой обрисовалась задача для нашей кавалеріи—дѣйствовать на сообщенія непріятельской арміи, и Кутузовъ тогда самъ послалъ большой отрядъ драгунъ, гусаръ и казаковъ подъ начальствомъ генералъ-майора Дорохова на пути возможныхъ движеній и передвиженій французовъ. Дороховъ 10 сентября

вышелъ уже на Смоленскую дорогу, напалъ на большой французскій обозъ, взорвалъ 56 зарядныхъ ящиковъ и взялъ въ плѣнъ болѣе 300 человѣкъ. Польза и выгода для насъ партизанскихъ дѣйствій обрисовалась съ полной очевидностью. У французовъ вообще было мало кавалеріи; послѣ Бородина ихъ конные отряды, составленные изъ солдатъ разныхъ полковъ, на своихъ замореныхъ лошадяхъ оказались не въ состояніи гоняться за нашими отрядами, и нашимъ партизанамъ открылось широкое поле дѣятельности у французовъ особенно послѣ того, какъ Москва сгорѣла, запасы сразу истощились и имъ пришлось добывать хлѣбъ для людей и фуражъ для лошадей въ мѣстностяхъ, все болѣе и болѣе далекихъ отъ главнаго сосредоточенія ихъ силъ, т.-е. отъ Москвы. Одинъ за другимъ стали тогда формироваться Кутузовымъ большіе и малые отряды, которые онъ поручалъ офицерамъ, извѣстнымъ своей храбростью, находчивостью и рѣшительностью. Задача всѣмъ этимъ отрядамъ ставилась одна: забравшись въ тылъ и фланги непріятеля, причинять ему сколько можно вреда и неустанно слѣдить за передвиженіями французскихъ войскъ, донося обо всемъ неукоснительно въ главную квартиру.

Въ то время, какъ Давыдовъ дѣйствовалъ на пространствѣ между Можайскомъ и Вязьмой, отряды другихъ партизановъ подвижной завѣсой охватили все расположеніе главной французской арміи. Полковникъ князь Вадбольскій дѣйствовалъ въ окрестностяхъ Можайска, поручикъ Фонвизинъ—на Боровской дорогѣ, капитанъ Сеславинъ—между Боровскомъ и Москвой, капитанъ Фигнеръ—въ окрестностяхъ самой Москвы, полковникъ князь Кудашевъ на Серпуховской дорогѣ, полковникъ Ефремовъ—на Рязанской. Всѣ эти отряды, высланные отъ главной арміи, заняли все пространство къ югу отъ Москвы, между Вязьмой и Бронницами и находились въ соприкосновеніи съ такими же летучими отрядами, дѣйствовавшими съ сѣвера и опиравшимися на отрядъ генерала Винцингероде, стоявшій подъ Клиномъ; вправо отъ Волоколамска дѣйствовалъ отрядъ полковника Бенкендорфа, у Рузы — майора Пренделя и уже въ окрестностяхъ Можайска, подавая руку Давыдову, рыскали казаки подполковника Чернозубова; влѣво отъ Клина—на Дмитровскую и Ярославскую дороги—были брошены казачьи отряды Побѣднова, а къ Воскресенску былъ посланъ майоръ Фиглевъ.

Такимъ образомъ, во второй половинѣ сентября армія Наполеона, сосредоточившаяся въ Москвѣ и ея ближайшихъ окрестностяхъ, оказалась окруженной почти сплошнымъ подвижнымъ кольцомъ нашихъ партизанскихъ отрядовъ, которые не позволяли отходить сколько-нибудь далеко отъ Москвы непріятельскимъ фуражирамъ и держали въ постоянной тревогѣ аванпосты французской арміи. До самаго выступленія Наполеона изъ Москвы и во все время его отступленія партизанскіе отряды были истиннымъ бичомъ Божіимъ для непріятельской арміи. Это была жестокая и безпощадная война. Не имѣя возможности охранять большія количества плѣнныхъ, партизаны старались брать плѣнныхъ поменьше. Французы не считали партизановъ регулярнымъ войскомъ и безпощадно разстрѣливали тѣхъ, кто имъ попадался въ руки. Особой жестокостью по отношенію къ французамъ прославился капитанъ Фигнеръ—у него плѣнныхъ обыкновенно не было. Своихъ подчиненныхъ онъ «воспитывалъ на жестокость», и однажды не постѣснялся обратиться съ просьбой къ Давыдову, когда

узналъ, что у него есть плѣнные, дать ихъ «разстерзать какимъ-то новымъ казакамъ, еще, по его мнѣнію, ненатравленнымъ». Про Фигнера ходили слухи, передаваемые очевидцами, что «варварство» его доходило до того, что онъ, «ставя рядомъ сотню плѣнныхъ, своей рукой убивалъ ихъ изъ пистолета одного послѣ другого». «Бывъ самъ партизаномъ,—пишетъ Д. В. Давыдовъ,—я знаю, что можно находиться въ обстоятельствахъ, не позволяющихъ забирать въ плѣнъ, но тогда горестный сей подвигъ совершается во время битвы, а не хладнокровно»... И Давыдовъ признаетъ, что, случалось, и онъ долженъ былъ давать приказъ своимъ подчиненнымъ брать плѣнныхъ какъ можно менѣе. Въ такихъ условіяхъ, когда не только успѣхъ, а просто день жизни покупался, такъ сказать, цѣною крови своей или непріятельской, партизаны должны были дѣйствовать съ необычайной ловкостью, рискуя каждую минуту и побѣждая рискъ не только отчаянной храбростью и жестокостью, но и расчетливой, бдительной осторожностью. Предоставленные своимъ собственнымъ силамъ, партизаны выработали особые пріемы и способы веденія своего отчаяннаго дѣла. О покоѣ и отдыхѣ думать имъ не приходилось. Надо было постоянно передвигаться, не застаиваясь на одномъ мѣстѣ, чтобы не навлечь на себя превосходныя силы французовъ, надо было находиться въ движеніи день и ночь, и ночью больше, чѣмъ днемъ. Въ осеннюю распутицу, а потомъ и въ зимній морозъ надо было пробираться по невылазнымъ проселкамъ или по снѣжнымъ полямъ безъ всякаго слѣда дороги, прячась въ лѣсахъ, скрываясь въ оврагахъ. «Лучшая позиція для партій,—говоритъ Давыдовъ,—есть непрерывное движеніе, не дозволяющее противнику знать мѣсто, гдѣ она находится; при чемъ необходима неусыпная бдительность часовыхъ и разъѣздовъ». Строго руководясь этимъ правиломъ, Давыдовъ всегда успѣвалъ увертываться отъ грозившей ему опасности.

Обыкновенно въ партизанскомъ отрядѣ никто, кромѣ начальника, не зналъ, куда идетъ отрядъ и съ какой цѣлью: попадется французамъ кто-нибудь изъ отряда, онъ для нихъ все равно безполезный плѣнникъ, отъ него ничего не узнаешь, потому что онъ самъ ничего не знаетъ. Узнавъ о приближеніи или мѣстѣ стоянки какого-нибудь непріятельскаго отряда, начальникъ партизанскаго отряда одинъ или съ двумя-тремя провожатыми подбирался ближе къ непріятелю, высматривалъ силу отряда, охрану, мѣстоположеніе и потомъ, возвратясь къ своимъ, велъ свой отрядъ на врага и старался устроить нападеніе врасплохъ, выбирая вечернее время, или на разсвѣтѣ, или время обѣда. Если непріятельскій отрядъ былъ не подъ силу, то оповѣщались партизаны-сосѣди, и нападеніе устраивалось сообща, неожиданно для непріятеля, быстро, съ различныхъ сторонъ. Связь между партизанскими отрядами поддерживали добровольцы крестьяне, прятавшіеся въ лѣсахъ отъ французовъ: пробираясь только имъ извѣстными глухими лѣсными тропами, крестьяне переносили извѣстія о французахъ изъ одного отряда въ другой и доставляли донесенія самихъ партизановъ въ главную квартиру. Около каждаго отряда образовалась постепенно цѣлая сѣть добровольныхъ помощниковъ и развѣдчиковъ, которые своимъ невиднымъ, полнымъ опасности, трудомъ очень облегчали дѣло партизановъ и не разъ выручали ихъ изъ трудныхъ положеній. Объ этихъ безвѣстныхъ герояхъ сохранилось, къ сожалѣнію,

мало свѣдѣній. Про одного такого партизана-добровольца, Рюховскаго дьячка Василія Григорьевича Рагозина, разсказываютъ, что онъ особенно ловко выслѣживалъ непріятельскія партіи. Обыкновенно онъ отправлялся одинъ, пробираясь верхомъ на своей лошадкѣ лѣсами, которыхъ тогда было не мало между Рюховымъ, Рузой и Можайскомъ. Узнавъ отъ скрывавшихся въ лѣсу крестьянъ, что въ такой-то деревнѣ расположился непріятель, В. Г. Рагозинъ пряталъ свою лошадку въ лѣсу, наряжался нищимъ, выходилъ на дорогу и спокойно шелъ въ занятую непріятелемъ деревню, ходилъ между французами и выпрашивалъ у нихъ, какъ умѣлъ, подаяніе. Французы всегда добродушно относились къ мнимому нищему. Только разъ, заподозривъ въ немъ шпіона, они едва не убили его... «Выслѣдивъ» французовъ, В. Г. Рагозинъ «гналъ» на своей лошадкѣ въ Волоколамскъ, гдѣ стояли казаки, и велъ ихъ къ лагерю непріятеля. Всего въ разное время Рагозинымъ было взято въ плѣнъ 700 человѣкъ; свѣдѣнія, которыя онъ давалъ, были настолько точны, а подводилъ онъ нашихъ такъ умѣло, что французовъ брали въ плѣнъ всегда безъ потерь съ нашей стороны.

Изъ начальниковъ партизанскихъ отрядовъ особенно прославился своей отчаянной храбростью и смѣлыми развѣдками А. С. Фигнеръ. Еще совсѣмъ молодой, блестяще образованный, смѣлый, ловкій, отлично говорившій по-французски, по-итальянски и по-нѣмецки, А. С. Фигнеръ, какъ многіе тогда, «воспылалъ ненавистью къ поработителю отечества», т.-е. къ Наполеону. Въ то время какъ другіе изливали свою ненависть больше на словахъ, Фигнеръ предпочиталъ дѣйствовать. Разочарованный въ жизни, какъ кажется, по причинѣ какихъ-то личныхъ неудачъ, онъ рѣшилъ погибнуть со славой, принеся пользу отечеству истребленіемъ враговъ, и потому не щадилъ себя. Когда французы заняли Москву, Фигнеръ, съ разрѣшенія Кутузова, взялъ съ собой семь казаковъ и пробрался въ занятый непріятелемъ городъ; здѣсь, одѣтый то во фракъ, то въ крестьянскій кафтанъ, то въ отрепья нищаго, ходилъ онъ по Москвѣ, прислушивался къ толкамъ французовъ, завязывалъ знакомства, вывѣдывалъ, что ему было нужно, высматривалъ расположеніе арміи, а ночью, собравъ около себя своихъ спутниковъ и присоединивъ къ нимъ нѣсколько рѣшительныхъ человѣкъ изъ оставшихся въ Москвѣ, онъ нападалъ на отдѣльныхъ французовъ и безпощадно убивалъ ихъ. Про Фигнера Давыдовъ говоритъ, что это былъ человѣкъ, «который любилъ одинъ подвергаться опасностямъ», и опасности для него были родной стихіей. Когда началась при главной арміи организація партизанскихъ отрядовъ, Фигнеръ, конечно,

Ген.-м. Д. В. Давыдовъ.

сталъ во главѣ одного такого отряда, и райономъ своихъ дѣйствій выбралъ самый опасный и трудный—подмосковье. Уже въ первомъ своемъ донесеніи въ главную квартиру, онъ могъ сообщить, что въ результатѣ его трудовъ было слѣдующее: 1) въ окрестностяхъ Москвы истреблено все продовольствіе; 2) въ селахъ, лежащихъ между Тульскою и Звенигородскою дорогами, побито до 400 человѣкъ непріятеля; 3) на Можайской дорогѣ взорванъ паркъ: шесть батарейныхъ орудій приведены въ совершенную негодность, а восемнадцать ящиковъ, къ симъ орудіямъ принадлежавшіе, взорваны; при орудіяхъ взяты: полковникъ, четыре офицера и 58 рядовыхъ; убито: офицеровъ три и великое число рядовыхъ.

Про Фигнера, его удаль и отвагу ходили разсказы, которые можно было бы счесть за легендарные, если бы про его подвиги не разсказывали очевидцы и участники, какъ, напримѣръ, служившій подъ начальствомъ Фигнера и Сеславина офицеръ полякъ Бискупскій [1]). Быть въ опасности, искать самыхъ рискованныхъ приключеній вошло какъ-то въ обиходъ знаменитаго партизана и выходило у него само собой, даже безъ особой рисовки, хотя и похвалиться своей удалью Фигнеръ былъ охотникъ. Любимой его продѣлкой было забираться переодѣтымъ въ мѣста стоянки французовъ и тамъ выспрашивать и вывѣдывать все нужное ему. Это онъ называлъ предпринять «странствіе». Въ эти одиночные поиски онъ отправлялся, опираясь на толстую палку, въ которой лишь при тщательномъ осмотрѣ можно было узнать духовое ружье. Ставъ у какого-нибудь моста или плотины, тамъ, гдѣ пролегалъ путь слѣдованія непріятеля, переодѣтый крестьяниномъ или нищимъ, Фигнеръ низко кланялся каждому офицеру, угощалъ солдатъ табакомъ, и межъ тѣмъ считалъ и запоминалъ количество прошедшихъ батальоновъ, эскадроновъ и орудій. Особенно онъ любилъ втереться въ довѣріе къ отдѣльнымъ французамъ, завлечь ихъ подъ разными предлогами подальше въ сторону и тамъ пустить въ ходъ свое духовое ружье. Что-то было «сатаническое» въ этомъ артиллерійскомъ капитанѣ, хотя съ виду, по внѣшности, какъ говоритъ Д. В. Давыдовъ, «въ немъ ничего не было примѣчательнаго: онъ былъ средняго роста, пріятной физіономіи, бѣлокуръ, круглолицъ, съ сѣрыми глазами, съ маленькимъ круглымъ носомъ, ни худъ ни толстъ, но оказывалъ склонность къ послѣднему».

Племянникъ Фигнера, разбираясь потомъ въ причинахъ жестокости партизана и способности его «озвѣрѣвать», приписываетъ эту склонность какой-то наслѣдственной болѣзни душевной, «не опредѣленной окончательно наукой, но которая какъ будто преемственно переходила въ нѣсколько поколѣній нашего угасающаго рода». А. П. Ермоловъ тоже считалъ Фигнера душевно ненормальнымъ человѣкомъ. Эта болѣзненная жестокость соединялась у Фигнера съ какимъ-то страннымъ отсутствіемъ моральнаго чутья. Убійство исподтишка человѣка, въ довѣріе котораго онъ вкрался, выходило у него совершенно естественнымъ дѣломъ, разъ этотъ человѣкъ былъ плѣнный, непріятель. Разъ онъ взялъ въ плѣнъ французскаго офицера, ласково обошелся съ нимъ, даже подружился, а

[1]) Несомнѣнно, однако, въ разсказахъ о партизанскихъ подвигахъ были преувеличенія: „партизаны,—говоритъ кн. Волконскій,—морочатъ читателей разсказомъ о многихъ небывалыхъ стычкахъ и опасностяхъ“ („Зап.“, 207, 211). *Ред.*

когда черезъ нѣсколько дней вывѣдалъ у него все, что было надо, подошелъ къ нему сзади, «когда сей несчастный обѣдалъ съ офицерами отряда, и убилъ его своею рукою изъ духового ружья своего». Съ другимъ плѣннымъ офицеромъ онъ также вошелъ въ дружескую связь и, вывѣдавъ у него все, что ему было нужно, призвалъ, въ отрядѣ его находившагося, Ахтырскаго гусарскаго полка поручика Шувалова и спросилъ его: «Знаете ли, что ваша обязанность исполнять волю начальника?»—«Знаю...» отвѣчалъ тотъ. «Такъ пойдите сейчасъ и задавите веревкой сонпаго французскаго офицера или застрѣлите его». Шуваловъ отвѣчалъ, какъ благородный офицеръ, и Фигнеръ нарядилъ на этотъ подвигъ унтеръ-офицера Шіанова, извѣстнаго храбреца, но человѣка тупого ума, не просвѣщеннаго и увѣреннаго, что истребленіе французовъ какимъ бы то ни было способомъ доставляетъ убійцѣ царство небесное. Онъ исполнилъ приказаніе. Такъ вѣнокъ подвиговъ храбрости этого партизана былъ перевитъ грустной памяти поступками «варварства сатаническаго». Этой черты за другими нашими партизанами не значится. Конечно, и они не были образцами кротости и милосердія въ своемъ обращеніи съ французами, но плѣнные, если они ихъ брали, могли оставаться спокойными за свою жизнь и у Сеславина, и у Давыдова, даже у начальниковъ казачьихъ партій. У Давыдова не обходилось иногда безъ нѣкотораго, на нашъ взглядъ, можетъ-быть, немного театральнаго жеста великодушія. У одного плѣннаго непріятельскаго поручика, нѣкоего Тиллинга, казаки отобрали часы, деньги въ бумажникѣ и сняли съ пальца кольцо. Тиллингъ обратился къ Давыдову съ просьбой вернуть ему кольцо, дорогое ему по воспоминаніямъ о любимой женщинѣ. «Увы...—пишетъ Давыдовъ,—будучи самъ склоненъ ко всему романическому, сердце мое поняло его сердце, и я обѣщалъ постараться удовлетворить его желаніе... въ это время я пылалъ страстью къ невѣрной, которую полагалъ вѣрною. Чувства моего узника отозвались въ душѣ моей»... Давыдовъ разспросилъ своихъ казаковъ и, какъ онъ пишетъ, «былъ столько счастливъ, что отыскалъ не только кольцо, но и портретъ, волосы и письма, ему принадлежащіе, немедленно отослалъ ихъ къ плѣнному поручику при сей запискѣ: «Recevez, monsieur, les effets qui vous sont si chers; puissent-ils, en vous rappelant l'objet aimé, vous prouver, que le courage et le malheur sont respectés en Russie, comme partout ailleurs. Denis Davidoff, partisan».

Казакъ (Литогр. Лежёна 1805 г.).

Въ черномъ чекменѣ, красныхъ шароварахъ, съ круглой курчавой бородой и черкесской шапкѣ на головѣ, всегда бодрый, веселый, поэтъ-партизанъ, Д. В. Давыдовъ труды опасной партизанской жизни переносилъ, по его словамъ, какъ праздникъ. Еще въ ранней юности военное ремесло стало для него страстью; по его собственнымъ словамъ: «При первомъ крикѣ о войнѣ онъ торчалъ на аванпостахъ, какъ казачья пика», и до самой кончины (1839 г.) онъ сохранилъ, по словамъ кн. П. Вяземскаго, «изумительную молодость сердца и нрава»; всю жизнь онъ остался полонъ воспоминаній о партизанской дѣятельности: «кочевье на соломѣ, подъ крышей неба!..—восклицаетъ онъ,—вседневная встрѣча со смертью, неугомонная жизнь партизанская! вспоминаю о васъ съ любовью и теперь, когда въ кругу семьи своей пользуюсь полнымъ спокойствіемъ, наслаждаюсь всѣми удовольствіями жизни и весьма счастливъ?.. Но отчего по временамъ я тоскую о той эпохѣ, когда голова кипѣла отважными замыслами, и грудь, полная надежды, трепетала честолюбіемъ, изящнымъ и поэтическимъ».

Въ храбрости Д. В. Давыдовъ могъ поспорить съ Фигнеромъ, но его храбрость была иного сорта: это была храбрость на чистоту; онъ предпочиталъ съ врагомъ встрѣчаться лицомъ къ лицу и побѣждать въ равномъ честномъ бою. Человѣкъ военный не менѣе Фигнера, Д. В. Давыдовъ былъ типичнымъ для того времени рубакой-гусаромъ, поклонникомъ Марса столько же, какъ и Бахуса—немножко бретёръ, немножко повѣса, соображавшій, какъ онъ самъ говоритъ, «эпохи службы съ эпохами любовныхъ ощущеній». На конѣ и въ бою во главѣ своего отряда онъ забывался до отчаянной храбрости, а на безумной смѣлости развѣдки, на охоту за людьми въ одиночку, какъ Фигнеръ, онъ не былъ способенъ: это претило его прямой и открытой натурѣ.

Фигнеръ, наоборотъ, щеголялъ больше своими единоличными подвигами, не задумываясь подвергать опасности, иногда совершенно безъ всякой надобности, своихъ сослуживцевъ и соратниковъ. «Одинъ разъ,—повѣствуетъ очевидецъ и сподвижникъ Фигнера,—переодѣвшись французскимъ кирасиромъ, въ бѣлой шинели, привелъ онъ свой отрядъ въ лѣсъ, приказалъ людямъ слѣзть съ коней и молчать, а самъ выѣхалъ на просѣку, вдоль которой пролегала большая дорога, и остановился въ тѣни у опушки лѣса. Вскорѣ раздался топотъ лошадей, говоръ солдатъ, и показались по дорогѣ французскіе кирасиры въ колоннѣ по шести. Давъ пройти тремъ эскодронамъ и, вѣроятно, уже будучи замѣченъ непріятелями, Фигнеръ самъ сдѣлалъ окликъ: «Qui vive!» Тогда одинъ изъ офицеровъ, ѣхавшій на флангѣ кирасиръ, отдѣлился отъ эскадрона и подъѣхалъ къ нашему партизану, который, обмѣнявшись съ нимъ нѣсколькими словами, повернулъ лошадь и возвратился къ своимъ. Пройдя съ отрядомъ, по указанію крестьянъ, служившихъ проводниками, довольно большое пространство заглохшими тропинками, Фигнеръ опять оставилъ своихъ партизановъ въ лѣсу съ приказаніемъ слѣзть съ лошадей и отдыхать до его возвращенія; самъ же онъ, вызвавъ ѣхать съ собой двухъ офицеровъ польскаго уланскаго полка, мундиръ которыхъ подходилъ къ одеждѣ польскихъ уланъ, служившихъ въ наполеоновской арміи, приказалъ одному изъ нихъ, говорившему кое-какъ по-французски, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелями,

отвѣчать и за себя и за товарища своего, вовсе не знавшаго иностранныхъ языковъ, затѣмъ всѣ трое, выѣхавъ изъ лѣса, увидѣли въ верстахъ въ двухъ отъ себя, на открытомъ пространствѣ, кругомъ села довольно обширный лагерь французовъ. «Поѣдемъ къ нимъ!..» сказалъ Фигнеръ, и вмѣстѣ съ своими товарищами маленькой рысцой подъѣхалъ къ лагерю такъ беззаботно, что часовымъ даже не пришло въ голову остановить его. Приближаясь къ кирасирскому полку, проходившему ночью мимо его отряда, Фигнеръ обратился къ стоявшимъ вмѣстѣ двумъ офицерамъ, пожелалъ имъ добраго утра и вступилъ съ ними въ продолжительную бесѣду, между тѣмъ какъ офицеры его, разговаривая поневолѣ съ обступившими ихъ кирасирами, отчаивались въ своемъ спасеніи. Наконецъ онъ распрощался съ неожиданными знакомыми, повернулъ лошадь назадъ и отъѣхалъ нѣсколько шаговъ, но вдругъ опять возвратился къ французскимъ офицерамъ, сдѣлалъ имъ нѣсколько вопросовъ и хладнокровно отправился въ лѣсъ къ своему отряду». Въ другой разъ Фигнеръ, взялъ съ собой поручика Сумскаго гусарскаго полка Орлова, отправился съ нимъ, одѣвъ французскіе мундиры, въ главную квартиру командовавшаго авангардомъ французской арміи Мюрата. «Пробравшись незамѣтно черезъ цѣпь ведетовъ, Фигнеръ подъѣхалъ къ мосту на рѣчкѣ, прикрывавшей непріятельскіе биваки. Пѣхотный часовой, стоявшій на мосту, встрѣтилъ его окликомъ: «Qui vive?» и потребовалъ отзывъ; но Фигнеръ, вмѣсто отзыва, котораго, разумѣется, не зналъ, разругалъ часового за неправильную будто бы формальность въ отношеніи къ рунду, повѣряющему посты. Часовой, совсѣмъ сбившійся съ толку, пропустилъ обоихъ партизановъ въ лагерь, куда Фигнеръ явился какъ свой: подъѣзжалъ ко многимъ кострамъ, говорилъ весьма хладнокровно съ офицерами и, узнавъ все, что было ему нужно, возвратился къ мосту. Тамъ снова сдѣлалъ наставленіе знакомому часовому, что бы онъ не осмѣливался останавливать рундовъ, переѣхалъ черезъ мостъ и сначала пробирался шагомъ, а потомъ, приблизясь къ цѣпи ведетовъ, промчался черезъ нее вмѣстѣ съ Орловымъ подъ пулями и возвратился къ отряду». Въ 1813 году, когда наши войска дѣйствовали въ сѣверной Германіи и блокировали Данцигъ, занятый французами, Фигнеръ пробрался въ крѣпость и, выдавая тамъ себя за итальянца, прожилъ въ крѣпости около трехъ мѣсяцевъ, при чемъ не только развѣдывалъ о силахъ и средствахъ противника, но и старался поднять обывателей Данцига противъ французовъ. Кто-то донесъ на Фигнера коменданту, генералу Раппу, и онъ приказалъ арестовать подозрительнаго итальянца. Генералъ Раппъ самъ допрашивалъ Фигнера, казалось, что ему уже нѣтъ спасенія, «но необычайная находчивость и изворотливость нашего смѣльчака и тутъ выручили его: мало того, что за недостаткомъ уликъ онъ былъ освобожденъ, но еще успѣлъ такъ вкрасться въ довѣріе Раппа, что тотъ отправилъ его съ депешами къ Наполеону. Понятно, что Фигнеръ, выбравшись изъ Данцига, привезъ депеши эти въ нашу главную квартиру, при которой и былъ временно оставленъ, съ награжденіемъ чиномъ полковника». Такъ, въ этомъ человѣкѣ быстрый, тонкій, проницательный и лукавый умъ соединился съ лицемѣрнымъ и жестокимъ коварствомъ, доходившимъ до «безсовѣстности», до «варварства», какъ говоритъ современникъ, отдающій, впрочемъ, должное Фигнеру, какъ

вождю-партизану, обладавшему «духомъ непоколебимымъ въ опасностяхъ и, что все важнѣе для военнаго человѣка, отважностью и предпріимчивостью безпредѣльными, средствами всегда готовыми, глазомъ точнымъ, смѣтливостью сверхъестественною», личной храбростью замѣчательной... Это былъ авантюристъ и искатель приключеній, не очень разбиравшійся въ средствахъ, и честолюбивый до крайности, живой типъ кондотьера, какимъ-то чудомъ выросшій на русской почвѣ, въ XIX-мъ вѣкѣ, когда ему слѣдовало бы родиться въ Италіи эпохи Сфорца и Джакопо Пиччинино. За границей Фигнеръ организовалъ отрядъ изъ испанцевъ и итальянцевъ, насильно забранныхъ Наполеономъ въ солдаты и дезертировавшихъ отъ французскихъ знаменъ. Этотъ отрядъ онъ назвалъ мстительнымъ батальономъ. «Онъ мнѣ говорилъ,—разсказываетъ Д. В. Давыдовъ,—что намѣреніе его, когда можно будетъ отъ успѣховъ союзныхъ армій пробраться черезъ Швейцарію въ Италію, явиться туда со своимъ итальянскимъ легіономъ, взбунтовать Италію и объявить себя вице-королемъ Италіи на мѣсто Евгенія; я увѣренъ, что точно эта мысль бродила въ его головѣ, какъ подобная бродила въ головѣ Фердинанда Кортеца, Пизарра и Ермака; но однимъ удалось, а другимъ воспрепятствовала смерть,—вотъ разница. Все-таки я той мысли, что Фигнеръ вылитъ былъ въ одной формѣ съ сими знаменитыми искателями приключеній; та же безчувственность къ горю ближняго, та же безсовѣстность, лицемѣріе, коварство, отважность, предпріимчивость, увѣренность въ звѣздѣ своего счастья».

А. С. Фигнеръ погибъ смертью храбрыхъ 1 октября 1813 г. въ неравной схваткѣ съ окружившими его превосходными французскими силами, когда пробирался далеко впереди нашей арміи въ Вестфальское королевство съ цѣлью поднять его населеніе противъ короля Жерома.

Припертый къ Эльбѣ, послѣ отчаянной попытки пробиться сквозь ряды французовъ, Фигнеръ бросился въ рѣку, но, обезсилѣвъ отъ раны, не справился съ теченіемъ и утонулъ. Тѣло его не было найдено.

Въ то время какъ А. С. Фигнеръ, какъ партизанъ, былъ человѣкъ эффекта и аффекта, Д. В. Давыдовъ—просто рубакой и поэтомъ войны, наслаждавшійся военнымъ дѣломъ, какъ родной ему стихіей, третій знаменитый партизанъ Александръ Никитичъ Сеславинъ отличался большой вдумчивостью въ своихъ дѣйствіяхъ и, если такъ можно выразиться, особой содержательностью тѣхъ задачъ, какія ставилъ себѣ въ качествѣ партизана. Такъ же, какъ и другіе партизаны, онъ безпокоилъ чѣмъ только могъ французовъ, но, какъ кажется, главное свое вниманіе сосредоточилъ на томъ, чтобы неусыпно слѣдить за передвиженіями наполеоновской арміи съ цѣлью не упустить момента, когда начнется отступленіе французовъ отъ Москвы. Ему было суждено сыграть выдающуюся роль въ тотъ поворотный моментъ кампаніи, когда Кутузовъ, встревоженный донесеніями Дорохова о выступленіи французовъ, послалъ генерала Дохтурова съ большимъ отрядомъ, чтобы выяснить характеръ движенія непріятельской арміи. Сеславинъ въ это время, скрываясь въ лѣсу, въ 4-хъ верстахъ отъ села Ѳоминскаго, видѣлъ самого Наполеона. «Я стоялъ,—разсказываетъ Сеславинъ,—на деревѣ, когда открылъ движеніе французской арміи, которая тянулась у ногъ моихъ, гдѣ находился и самъ На-

полеонъ въ каретѣ. Нѣсколько человѣкъ отдѣлилось отъ опушки лѣса и дороги, были схвачены...» Съ добытыми отъ нихъ извѣстіями Сеславинъ прискакалъ къ Дохтурову, но осторожный Дохтуровъ не далъ сразу вѣры донесенію Сеславина. Тогда Сеславинъ сгоряча бросился вторично на французскіе биваки около Боровска, схватилъ нѣсколько плѣнныхъ, одного изъ нихъ перекинулъ черезъ сѣдло, и представилъ Дохтурову для допроса и подтвержденія своихъ словъ. Это извѣстіе спасло отрядъ Дохтурова отъ гибели, а Кутузова во-время удостовѣрило и о характерѣ движенія Наполеона и о взятомъ имъ направленіи. Въ результатѣ наши главныя силы успѣли преградить Наполеону подъ Малоярославцемъ путь въ южныя губерніи и заставили его отступать по разореннымъ войной мѣстностямъ. Опоздай донесеніе Сеславина на нѣсколько часовъ, французы обошли бы нашу армію подъ Малоярославцемъ, и исходъ войны могъ бы стать тогда инымъ. Сеславинъ потомъ всю жизнь гордился этимъ своимъ подвигомъ и даже мечталъ самъ себѣ отлить статую, изображающую его сидящимъ на деревѣ и слѣдящимъ за французами. И во время отступленія французовъ Сеславинъ стремился занимать раньше ихъ важные стратегическіе пункты и пути. Такъ, онъ занялъ во-время Вязьму, городъ Борисовъ, гдѣ захватилъ 3000 плѣнныхъ, городъ Забрежъ, и одинъ разъ, около 23 ноября, чуть было не захватилъ въ плѣнъ самого Наполеона. Сеславину принадлежитъ и честь занятія Вильны. Вообще это былъ партизанъ, у котораго его частная задача начальника партизанскаго отряда больше чѣмъ у другихъ согласовалась и гармонировала съ тѣми общими цѣлями, которыя въ каждый данный моментъ должны были осуществляться главными силами арміи. По пріемамъ веденія своего дѣла онъ ближе былъ къ Давыдову, чѣмъ къ Фигнеру, и оба эти сотоварища Сеславина по оружію отзываются о немъ съ большимъ уваженіемъ. «Сеславина,—пишетъ Давыдовъ,—я несравненно выше ставлю Фигнера и какъ воина и какъ человѣка, ибо къ военнымъ качествамъ Фигнера онъ соединялъ строжайшую нравственность и изящное благородство чувствъ и мыслей. Въ личной же храбрости не подлежитъ никакому сомнѣнію: онъ Ахиллъ, а тотъ Улиссъ». «Сеславинъ достойнѣе меня,—говорилъ Фигнеръ;—на немъ не столько крови».

Донской атаманъ А. К. Денисовъ (Донской музей).

Были среди партизановъ и люди иного свойства, нежели Давыдовъ, Сеславинъ или Фигнеръ. Успѣхъ дѣла создалъ тогда своего рода моду — всѣ захотѣли быть партизанами. Имитируя и тѣмъ самымъ утрируя внѣшность партизана, какъ она рисовалась людямъ тогдашней немного романтической эпохи, партизаны этого склада больше шумѣли, чѣмъ проявляли полезной дѣятельности. Про одного такого партизана—Пренделя—товарищи его и современники не безъ ироніи разсказываютъ, какъ онъ, гоняясь за внѣшнимъ эффектомъ, старался внушить страхъ къ себѣ своею наружностью: его взоры метали молнію, его длинные усы, дребезгъ оружія и громкія угрозы могли поразить ужасомъ всякаго, но сердце у него при всемъ томъ «было мягкое, и храбростью онъ не отличался»; за все время, пока «партизанилъ», онъ не совершилъ ничего замѣчательнаго, «нѣтъ ни одного дѣйствительно военнаго подвига, который бы совершилъ онъ подъ выстрѣлами»; вся дѣятельность его, какъ партизана, сводилась къ тому, что обыкновенно, «захвативъ пару отсталыхъ, онъ писалъ о подобныхъ дѣлахъ безконечныя донесенія».

Но, конечно, не надо думать, что человѣческія слабости были чужды Давыдову и Сеславину. Въ запискахъ и сочиненіяхъ своихъ, какъ кажется, оба не прочь преувеличить, кое-что разсказать въ повышенномъ «героическомъ» родѣ, готовы кое въ чемъ пріумолчать о подвигахъ сотоварища и нѣсколько больше, чѣмъ слѣдуетъ, подчеркнуть свои. «Честолюбіе, зависть эгоизмъ, жестокосердіе, всѣ эти имъ подобныя качества, — говоритъ біографъ Сеславина,—не были чужды ни Фигнеру, ни Давыдову, ни Сеславину, ни одному изъ тѣхъ, имя котораго со славою красуется въ лѣтописяхъ Отечественной войны». Это человѣческое и слабое бросаетъ тѣнь на совершонное этими людьми большое дѣло. Если говорить о нихъ, какъ о людяхъ, то осуждать ихъ есть за что, но здѣсь идетъ рѣчь больше о дѣлахъ, чѣмъ о людяхъ. Въ суровомъ подвигѣ войны они были жестоки не менѣе другихъ, можетъ-быть, даже больше многихъ, а само по себѣ кровавое дѣло войны вообще вѣдь не можетъ способствовать проявленію въ людяхъ добрыхъ инстинктовъ.

Перечислять подвиги другихъ партизановъ—Дорохова, кн. Кудашева, кн. Вадбольскаго и прочихъ — значило бы безъ конца повторять одну и ту же повѣсть храбрыхъ налетовъ на непріятеля, плѣненія сотенъ и тысячъ французовъ, истребленіе обозовъ и артиллерійскихъ парковъ.

Когда партизанская война была въ полномъ развитіи, и армія Наполеона была совершенно окружена партизанами, начальники этихъ подвижныхъ отрядовъ отваживались сообща и на дѣйствія болѣе широкія по своимъ масштабамъ и задачамъ. Однимъ изъ такихъ подвиговъ было взятіе укрѣпленной французами Вереи, которую непріятель предполагалъ обратить въ базу для своихъ дѣйствій противъ партизановъ. По приказанію Кутузова генералъ Дороховъ долженъ былъ вытѣснить непріятеля изъ Вереи и разрушить сдѣланныя имъ укрѣпленія. Верея, расположенная на высокомъ пригоркѣ, была обнесена валомъ и палисадами и занята вестфальскими войсками въ количествѣ одного батальона. Пятеро верейскихъ жителей незамѣтно для непріятеля провели отрядъ Дорохова подъ самыя укрѣпленія. Дороховъ, приказавъ своимъ итти тихо, безъ выстрѣловъ сразу повелъ ихъ въ атаку. Вестфальцы, застигнутые врасплохъ,

схватились за оружіе, когда наши уже ворвались въ городъ. Послѣ короткой, но жестокой схватки, когда непріятель отстрѣливался изъ домовъ и изъ церкви, Верея была взята; значительная часть гарнизона была перебита, остальные положили оружіе. Нѣсколько сотъ вооруженныхъ крестьянъ подъ предводительствомъ священника верейскаго собора о. Іоанна Скобѣева дѣятельно помогали отряду Дорохова, особенно при уничтоженіи укрѣпленій. Партизанскіе отряды наносили непріятелю очень чувствительный уронъ, и армія Наполеона за время своей стоянки въ Москвѣ и подъ Москвой потеряла, благодаря партизанамъ, столько людей, сколько могло стоить хорошее генеральное сраженіе. Только за десять дней съ 9 по 19 сентября захвачено было болѣе пяти тысячъ плѣнныхъ, и это при томъ условіи, что партизаны вообще стремились не обременять себя плѣнными, до конца сентября партизанами было взято свыше 15.000 плѣнныхъ, а сколько истреблено, того никто не вѣдаетъ; Наполеонъ въ одномъ

Отступленіе (Фаберъ-дю-Форъ).

своемъ приказѣ пишетъ, что число людей, захватываемыхъ непріятелемъ въ плѣнъ при производствѣ фуражировокъ, простирается до нѣсколькихъ сотенъ ежедневно, и что маршалъ Ней теряетъ каждый день при фуражировкахъ больше, чѣмъ на полѣ сраженія. Трудно также установить, сколько было захвачено и уничтожено партизанами запасовъ фуражу и артиллерійскихъ припасовъ. Перехвативъ всѣ дороги въ тылу непріятеля, неожиданно появляясь то тутъ, то тамъ, отряды партизановъ прервали скоро всякое сообщеніе французской арміи съ ея тыломъ. Почти всѣ транспорты и курьеры, направлявшіеся къ французамъ, выслѣживались нашими партизанами и становились ихъ добычей. Въ результатѣ французская армія голодаетъ. Jamais je ne fus plus dégoûté,—писалъ 25 сентября Мюратъ генералу Белльяру,—je suis fatigué de courir de grange en grange et de mourir de faim,— и нѣсколько дней спустя въ другомъ письмѣ его звучитъ уже прямо отчаяніе; «Ma position est affreuse, — пишетъ онъ, — toute l'armée ennemie est devant moi; les troupes de l'avant-garde sont réduites à rien; elles souffrent de la faim et n'est plus possible d'aller fourager sans courir presque la certitude d'être pris; il n'y a guère de jours

que je ne perde de cette manière au moins deux cents hommes comment cela finira-t-il?.. Envoie nous de la farine, ou nous allons mourir de faim»... но напрасно взывалъ Мюратъ о присылкѣ ему муки—въ Москвѣ сами голодали, и пропитаніе великой арміи давно уже стало зависѣть отъ того, что достанутъ фуражиры. Такъ какъ благодаря дѣятельности нашихъ партизановъ, фуражировки для малыхъ непріятельскихъ отрядовъ сдѣлались невозможными, то для сбора припасовъ и для сопровожденія транспортовъ приходилось отправлять большіе отряды пѣхоты и конницы съ артиллеріей.

На Можайской дорогѣ французамъ пришлось размѣстить цѣлыя массы войскъ, чтобы хоть сколько-нибудь обезопасить сообщеніе главной арміи съ ея этапами къ Смоленску; вѣчное безпокойство, которое партизаны причиняли французамъ, заставляло ихъ держаться подъ ружьемъ днемъ и ночью, такъ что полки, расположившіеся кругомъ Москвы на зимнія квартиры, принуждены были вмѣсто отдыха нести такіе же труды, какимъ подвергались въ походѣ; въ результатѣ все растетъ и растетъ деморализація арміи, начало которой положилъ пожаръ Москвы. Передъ французскими начальниками дѣйствительно вставалъ вопросъ comment cela finira-t-il, и ободряющаго отвѣта не было ни у кого.

Успѣхъ партизанскихъ дѣйствій подъ Москвой вызвалъ организацію партизанскихъ отрядовъ также и при другихъ нашихъ арміяхъ—при корпусѣ Витгенштейна и при арміи Чичагова. Чичаговъ бросилъ своихъ партизановъ глубоко въ тылъ непріятеля, въ герцогство Варшавское, съ порученіемъ уничтожить тамъ запасные магазины наполеоновской арміи. Полковникъ Чернышевъ, начальствовавшій этими партизанами, съ честью выполнилъ возложенную на него задачу и навелъ панику до самой Варшавы.

Когда началось отступленіе французовъ изъ Москвы, кольцо партизановъ, окружавшее французскую армію, развернулось и, вытянувшись вдоль фланговъ отступавшаго непріятеля, стремилось все время сомкнуться впереди него. Давыдовъ, Сеславинъ, Фигнеръ и другіе дѣйствовали, главнымъ образомъ, на флангахъ отступавшихъ французовъ, производя все время набѣги и налеты на колонны французовъ, безпокоя ихъ биваки, охватывая обозы и парки. Полковнику Ефремову приказано было, слѣдуя по правому флангу непріятеля, заходить впередъ и, предупреждая его на маршѣ, безпокоить при остановкахъ. Большой партизанскій отрядъ гр. Ожаровскаго былъ направленъ къ Смоленску спеціально для истребленія непріятельскихъ магазиновъ, обозовъ и отдѣльныхъ отрядовъ. Съ тыла французовъ преслѣдовали казаки Платова.

«Партизанскіе отряды сопровождали длинную колонну Наполеона,—пишетъ Ф. Гершельманъ,—растянувшуюся на нѣсколько десятковъ верстъ, съ фланговъ. Какъ слѣпни липнутъ къ измученному животному, также точно и легкія партизанскія партіи вились около французской арміи, безсильной въ борьбѣ съ ними... Партизаны направляли свои удары, главнымъ образомъ, въ промежутки между двигавшимися эшелонами, срывали слѣдовавшіе здѣсь обозы, отбивали отсталыхъ, орудія, отрывали иногда отъ колоннъ непріятельскихъ цѣлыя части, растянувшіяся на утомительномъ маршѣ. Съ приближеніемъ войскъ партизаны отхлынутъ отъ дороги, а затѣмъ опять появятся въ другомъ мѣстѣ и, постоянно тревожа противника, не даютъ ему покоя ни на маршѣ, ни на бивакѣ... Самому

Наполеону не разъ приходилось близко около себя видѣть отважныя партіи нашихъ наѣздниковъ, подлетавшихъ и къ правильнымъ еще колоннамъ французовъ». Д. В. Давыдовъ приводитъ два случая такого своего, какъ онъ выражается, «свиданія» съ Наполеономъ. 21 октября Д. В. Давыдовъ, разбивъ большую партію отставшихъ французовъ, гналъ ихъ передъ собой — «катилъ головней», не будучи въ состояніи по малочисленности своего отряда захватить всѣхъ въ плѣнъ. «Надо было видѣть,—пишетъ онъ,—какъ вся масса ужаснулась при появленіи моихъ немирныхъ путешественниковъ, надобно быть свидѣтелемъ этого страннаго сочетанія криковъ отчаянія съ возгласами одобрительными, выстрѣловъ защищающихся, съ трескомъ взлетавшихъ на воздухъ зарядныхъ ящиковъ; все это покрывалось громкими «ура»... моихъ казаковъ. Это болѣе или менѣе продолжалось до времени появленія французской кавалеріи и за нею гвардіи; тогда по данному мною сигналу вся партія отхлынула отъ дороги и начала строиться. Между тѣмъ гвардія Наполеона, посрединѣ которой онъ самъ находился, стала надвигаться. Вскорѣ часть кавалеріи бросилась съ дороги впередъ и начала строиться съ намѣреніемъ отогнать насъ далѣе. Я былъ совершенно убѣжденъ, что бой мнѣ далеко не по силамъ, но я горѣлъ желаніемъ погарцовать вокругъ Наполеона и съ честью отдать ему прощальный поклонъ за посѣщеніе его. Свиданіе наше было весьма недолговременно; умноженіе непріятельской кавалеріи, которая тогда была еще въ довольно изрядномъ состояніи, принудило меня вскорѣ оставить большую дорогу и отступить передъ громадами, валившими одна за другой. Однако во время этого перехода я успѣлъ взять съ бою въ плѣнъ 180 человѣкъ при двухъ офицерахъ и до самаго вечера конвоировалъ съ приличнымъ почетомъ Наполеона...»

Но когда французская кавалерія, потерявъ массу лошадей отъ отсутствія корма, сошла почти на-нѣтъ, партизанамъ все же не всегда была подъ силу правильная борьба съ регулярнымъ войскомъ, сохранившимъ еще строй: залпами пѣхоты и артиллеріи французы довольно удачно отбивались въ такихъ случаяхъ отъ насѣдавшаго на нихъ неутомимаго врага. Старая гвардія Наполеона, отступавшая въ полномъ порядкѣ до самой Березины, была прямо недосягаема для партизановъ.

«3 ноября, — пишетъ Д. В. Давыдовъ, — отрядъ гр. Ожаровскаго подошелъ къ Куткову, а партія Сеславина, усиленная партіей Фигнера,—къ Звѣровичамъ. Сего числа, на разсвѣтѣ, разъѣзды наши дали знать, что пѣхотныя непріятельскія колонны тянутся между Никулинымъ и Стеспами. Мы помчались къ большой дорогѣ и покрыли нашей ордой все пространство отъ Аносова до Мерлина. Непріятель остановился, дабы дождаться хвоста колонны, спѣшившаго на соединеніе съ нимъ. Замѣтивъ сіе, гр. Орловъ-Денисовъ приказалъ намъ атаковать ихъ. Разстройство этой части колонны непріятельской было таково, что мы весьма скоро разбили ее, захвативъ въ плѣнъ генераловъ Альмераса и Бюрта, до 200 нижнихъ чиновъ, четыре орудія и множество обоза. Наконецъ подошла старая гвардія, посреди коей находился самъ Наполеонъ. Это было уже за-полдень. Мы вскочили на коней и снова явились у большой дороги. Непріятель, увидя шумныя толпы наши, взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько не покушались мы ото-

рвать хоть одного рядового отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы; я никогда не забуду свободную поступь и грозную осанку сихъ всѣми родами смерти испытанныхъ воиновъ. Осѣненные высокими медвѣжьими шапками, въ синихъ мундирахъ, бѣлыхъ ремняхъ, съ красными султанами и эполетами, они казались маковымъ цвѣтомъ среди снѣжнаго поля... Командуя одними казаками, мы жужжали вокругъ смѣнявшихся колоннъ непріятельскихъ, у коихъ отбивали отставшіе обозы и орудія, иногда отрывали разсыпанные или растянутые по дорогѣ взводы, но колонны оставались невредимыми... Всѣ наши азіатскія атаки не оказывали никакого дѣйствія противу сомкнутаго европейскаго строя... Колонны двигались одна за другой, отгоняя насъ ружейными выстрѣлами и издѣваясь надъ нашимъ вокругъ нихъ безполезнымъ наѣздничествомъ. Въ теченіе этого дня мы еще взяли одного генерала, множество обозовъ и до 700 плѣнныхъ, но гвардія съ Наполеономъ прошла посреди толпы казаковъ нашихъ, какъ стопушечный корабль между рыбачьими лодками».

Партизанскіе отряды и во время преслѣдованія наполеоновской арміи дѣйствовали то въ одиночку, то сообща. Такъ, узнавъ, что въ деревнѣ Ляхово остановился на дневку отрядъ генерала Ожеро [1]), партизаны Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ соединились вмѣстѣ, привлекли къ себѣ гр. Орлова-Денисова, напали на Ляхово и принудили Ожеро положить оружіе и сдаться въ плѣнъ; подмогу, шедшую къ Ожеро, они тоже разбили. Не мало затрудняли партизаны движеніе великой арміи и тѣмъ, что, забѣгая впередъ, портили всячески дорогу, разрушали мосты, гати и плотины на пути ея слѣдованія; благодаря постоянному соприкосновенію съ противникомъ, партизаны всегда были великолѣпно освѣдомлены о планахъ и намѣреніяхъ противника; захватывая непріятельскую почту, перехватывая курьеровъ, посылавшихся въ отдѣльные корпусы или во Францію, а также ѣхавшихъ оттуда, партизаны нарушали связь между отдѣльными частями арміи и тѣмъ затрудняли ихъ совмѣстное дѣйствіе, а, съ другой стороны, доставляя всѣ добытыя свѣдѣнія въ главную квартиру, давали Кутузову возможность знать почти навѣрняка и о состояніи французской арміи и о всемъ ея движеніи. Партизаны поддерживали въ то же время связь между главной арміей и арміями Витгенштейна и Чичагова. Но, можетъ-быть, самымъ важнымъ результатомъ дѣятельности партизановъ былъ тотъ толчокъ, который они дали развитію народной войны. Бѣжавшіе въ мѣстностяхъ, занятыхъ непріятелемъ, крестьяне, вооружаясь топорами, вилами, дубьемъ, у кого были и ружьями, предпринимали настоящія охоты за отсталыми французами, осмѣливались даже нападать на отдѣльные мелкіе отряды фуражировъ, неосторожно забиравшихся далеко отъ своихъ главныхъ силъ. Эта народная партизанская война разрасталась сама по себѣ все сильнѣе и шире по мѣрѣ дальнѣйшаго вторженія французовъ въ глубь страны, а по занятіи ими Москвы приняла и очень серьезный характеръ.

С. Князьковъ.

---

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ маршаломъ Ожеро, который находился въ это время въ Германіи во главѣ своего корпуса. *Ред.*

Орлы (1812 г.).—Ж. Руффе.

III. Народная война.

В. П. Алексѣева.

I.

Крушеніе нашего первоначальнаго плана военныхъ дѣйствій въ 1812 году и отступленіе русскихъ войскъ въ глубь страны ясно показали, что война не можетъ вестись силами однихъ регулярныхъ войскъ и неизбѣжно долженъ быть вовлеченъ въ военныя дѣйствія весь народъ, всѣ взрослые мужчины. Правительство наше такъ и поняло свое положеніе. Александръ, прибывъ вмѣстѣ съ 1-й арміей въ Дриссу, «рѣшилъ, какъ онъ самъ выразился, призвать народъ къ истребленію врага». Въ такомъ привлеченіи народа къ военнымъ дѣйствіямъ русскій императоръ видѣлъ даже залогъ успѣха своего въ борьбѣ съ Наполеономъ. Онъ разсчитывалъ «сплотить общество вокругъ правительства» и нанести ударъ врагу именно силами заинтересованнаго, такимъ образомъ, въ войнѣ народа (Шильдеръ, «Александръ I», т. III, 101) [1]).

Тогда же было положено и начало привлеченію къ войнѣ мирнаго населенія. Отъѣзжая изъ Дриссы, Александръ издалъ манифестъ (6 іюля), въ которомъ призывалъ народъ прійти на помощь правительству образо-

[1]) Однако къ такому рѣшенію приходили съ большимъ колебаніемъ. Чрезвычайно характерно замѣчаніе А. Н. Глинки 19 іюля: „Только и говорятъ о поголовномъ наборѣ, о всеобщемъ возстаніи... Но война народная слишкомъ нова для насъ. Кажется, еще боятся развязать руки" („Письма офицера", 9). *Ред.*

ваніемъ народныхъ ополченій и матеріальными средствами. Одновременно съ этимъ главнокомандующій 1-й арміи Барклай-де-Толли, вступивъ въ предѣлы Смоленской губерніи, призвалъ всѣхъ къ вооруженному возстанію противъ непріятеля. Въ воззваніи Барклая указывалось даже, какъ дѣйствовать противъ непріятеля, какими способами мирному населенію вести эту впервые тогда начавшуюся партизанскую войну.

На призывъ русскаго правительства откликнулись всѣ классы населенія, и весь народъ въ своемъ цѣломъ принялъ довольно широкое участіе въ войнѣ 1812 года. Изъ отдѣльныхъ же классовъ, несомнѣнно, наибольшее участіе приняли низшіе и, въ частности, крестьянство. Не говоря уже объ ополченіяхъ, которыя сплошь состояли изъ крестьянъ, вся тяжесть защиты родной земли въ полосѣ военныхъ дѣйствій вынесена крестьянскими плечами [1]).

Участіе крестьянъ и отчасти другихъ представителей низшихъ классовъ населенія въ военныхъ дѣйствіяхъ 1812 года мы собственно и называемъ народной войной.

Въ первый моментъ, однако, все населеніе, въ томъ числѣ и крестьяне, реагировало на вступленіе непріятеля въ русскіе предѣлы не вооруженнымъ возстаніемъ, а страхомъ и бѣгствомъ въ лѣса и отдаленные уѣзды. Такъ, Смоленская губернія, по свидѣтельству современниковъ, быстро стала пустѣть съ приближеніемъ французской арміи. «Всѣ покидали свои дома, старъ и младъ, чиновникъ, помѣщикъ и крестьянинъ, повсюду тянулись обозы съ наскоро захваченнымъ скарбомъ». «Гжатскій уѣздъ былъ совершенно пустъ», «Порѣчскій уѣздъ также страдалъ отсутствіемъ крестьянъ и чиновниковъ», въ Дорогобужскомъ уѣздѣ организаторъ народныхъ отрядовъ Денисовъ «не нашелъ ни одного человѣка, могущаго заняться вербовкой партизановъ». Однимъ словомъ, какъ доносилъ тверской губернаторъ Кологривовъ, взявшій въ свое завѣдываніе Смоленскую губернію, здѣсь «все попряталось и разбѣжалось, даже смоленскій губернаторъ скрылся неизвѣстно куда» («Русск. Ст.», 1900 г., IX, 651—665). Когда же непріятель послѣ Бородина направился къ Москвѣ, то, по словамъ Ростопчина, «жители здѣшней губерніи отъ страха быть ограбленными отъ непріятеля или отъ своихъ войскъ, болѣе, нежели на 50 верстъ въ окрестностяхъ Москвы, оставивъ свои селенія, разбѣжались» (Щукинъ, «Бумаги», VII, 413). Ту же картину можно было наблюдать и въ другихъ мѣстахъ—даже въ такихъ отдаленныхъ губерніяхъ, какъ Вологодская, по свидѣтельству Завалишина «Древняя и Новая Россія», 1879 г., № 2, 148—149).

Если, тѣмъ не менѣе, народъ поднялся противъ непріятеля и народная война не только возникла, но и приняла очень широкіе и грозные размѣры, то причиной тому были, на нашъ взглядъ, во всякомъ случаѣ, не обращенія къ народу правительства. Правительственные манифесты и воззванія были разсчитаны на пробужденіе въ крестьянахъ патріотическаго чувства. Только ростопчинскія афиши взывали къ шовинизму, точнѣе, просто старались вызвать въ народѣ животное озлобленіе къ иностран-

---

[1]) „Вытѣсненъ злодѣй изъ Москвы,—по выраженію одного изъ современниковъ,—не арміей, но бородами московскими и калужскими". *Ред.*

цамъ. Но какое же можетъ быть отечество у раба? А русскій крестьянинъ очень часто тогда стоялъ ниже раба, былъ вещью. И подвинуть его на защиту именно отечества было вовсе не такъ легко.

Современникъ событій Руничъ объясняетъ широкое участіе крестьянъ въ войнѣ, дѣятельное истребленіе ими непріятелей, совсѣмъ иными мотивами, далекими отъ патріотическихъ. «Патріотизмъ былъ тутъ ни при чемъ», говоритъ онъ. По его мнѣнію, «русскій человѣкъ защищалъ въ 1812 году не свои политическія права. Онъ воевалъ для того, чтобы истребить хищныхъ звѣрей, пришедшихъ пожрать его овецъ и куръ, опустошить его поля и житницы» («Русск. Ст.», 1901 г., III, 612). И нельзя не согласиться съ Руничемъ. По крайней мѣрѣ, факты подтверждаютъ его діагнозъ.

Отступленіе (Фаберъ-дю-Форъ).

Собственно, военныя дѣйствія крестьянъ начались съ того момента, когда непріятель посягнулъ на его собственность и жизнь. До этого же момента можно было наблюдать равнодушное отношеніе народа къ непріятелю и даже въ отдѣльныхъ случаяхъ мирное сожительство, проявленіе симпатій. Той, будто бы исконной ненависти къ иностранцамъ, о которой говорятъ нѣкоторые историки Отечественной войны и которую всячески старался вызвать Ростопчинъ, на самомъ дѣлѣ не было [1]). Между находившимися въ Москвѣ французами и оставшимися здѣсь русскими нерѣдко устанавливались вполнѣ дружественныя отношенія, и нѣкоторые изъ французскихъ маршаловъ, какъ Коленкуръ, Кампанъ, оставили по себѣ свѣтлую память въ народѣ. Въ Москвѣ, какъ и въ Смоленскѣ, налаживались торговыя сношенія окрестныхъ крестьянъ съ непріятелемъ, а въ Витебской губерніи, по наблюденіямъ генерала Дедема («Историч. Вѣстн.», 1900 г., т. 79, стр. 226), мѣстные крестьяне

[1]) См. статью „Ростопчинъ, московскій главнокомандующій“.

были настроены дружественнѣй къ нимъ, чѣмъ къ своимъ помѣщикамъ. При разгромахъ помѣщичьихъ усадьбъ и Москвы русскіе крестьяне часто дѣйствовали рука объ руку съ непріятелемъ, наводили его на слѣдъ. Это факты, такъ сказать, иной категоріи, чѣмъ выше приведенные, но все же и они были возможны только при отсутствіи ненависти къ непріятелю. Еще характерно обращеніе русскаго народа съ плѣнными въ началѣ войны. К. К. Павлова разсказываетъ о слѣдующемъ трогательномъ случаѣ. Въ Орелъ прибылъ транспортъ плѣнныхъ въ самомъ ужасномъ состояніи. Одна бѣдная мѣщанка сжалилась надъ несчастными, взяла нѣкоторыхъ къ себѣ въ домъ и стала ходить за ними и кормить ихъ. «Истративъ на нихъ все, что имѣла, до послѣдняго рубля, она, не рѣшаясь и тогда покинуть ихъ, стала обходить городъ нищею и полученными подаяніями продолжала содержать призрѣнныхъ ею бѣдняковъ» («Русск. Арх.», 1875, IX—XII, 228). Въ Сычевскомъ уѣздѣ, центрѣ партизанскихъ дѣйствій, одинъ мѣстный бурмистръ явилъ примѣръ рѣдкаго великодушія и милосердія. Будучи смертельно раненъ въ схваткѣ съ французами, онъ завѣщалъ крестьянамъ не мстить за его смерть («Русск. Арх.», 1876 г., II, 310). Потомъ, особенно при отступленіи «большой арміи», отношеніе народа къ непріятелю рѣзко измѣнилось. И причиной этой перемѣны были именно грабежи и насилія наполеоновскихъ войскъ. Генералъ Ермоловъ склоненъ даже думать, что при другой тактикѣ непріятеля не было бы никакой народной войны. «Если бы,—говоритъ онъ,—вмѣсто звѣрства, злодѣйствъ и насилій непріятель употребилъ кроткое съ поселянами обращеніе и къ тому еще не пожалѣлъ денегъ, то армія (французская) не только не подверглась бы бѣдствіямъ ужаснѣйшаго голода, но и вооруженіе жителей или совсѣмъ не имѣло бы мѣста, или было бы не столь общее и не столь пагубное» («Записки», 242)[1].

Итакъ, взяться за оружіе заставило крестьянъ чувство самосохраненія. Когда они оправились отъ страха, вернулись въ свои селенія и увидали картину разоренія и рыскающихъ повсюду мародеровъ и фуражировъ наполеоновской арміи, они схватили, что попало подъ руку, и пошли на обидчиковъ. И началась народная война. Смоленская губернія первая подверглась со стороны непріятеля разгрому, и она же стала первымъ и главнымъ поприщемъ партизанскихъ дѣйствій—Сычевскій, Гжатскій, Порѣчскій, Бѣльскій уѣзды въ особенности пріобрѣли знаменитость въ исторіи народной войны. Потомъ, послѣ взятія Наполеономъ Москвы, народная война распространилась на московскіе уѣзды и, наконецъ, съ занятіемъ русскими войсками Тарутина и отступленіемъ «большой арміи», театромъ ея стала Калужская губернія и опять Смоленская. Это уже послѣдній и самый напряженный этапъ борьбы народа съ врагомъ.

Въ военныхъ дѣйствіяхъ крестьянъ можно различать—оборонительныя и наступательныя дѣйствія.

---

[1]) „Злодѣи, — говоритъ въ своихъ запискахъ Золотухина, — къ выступленію изъ Москвы сдѣлались еще злѣе, истребляли огнемъ всѣ попадавшіеся имъ на пути деревни и города“ („Р. Ст.“, 1889, XI, 272). Небезынтересное объясненіе по этому поводу даетъ въ своей книгѣ Сегюръ, говоря о взрывѣ Кремля: „Отнынѣ все, что оставалось позади французовъ, должно предаваться огню. Въ качествѣ завоевателя Наполеонъ сохранялъ все; отступая, онъ будетъ уничтожать все: изъ необходимости ли, пользуясь которой онъ разорялъ непріятеля и замедляя его движеніе, или изъ возмездія“ (Рус. пер., 109).

Ред.

Въ однихъ случаяхъ крестьяне ограничивались охраной данной мѣстности отъ непріятеля. Не выходя за предѣлы своей округи, они отражали всѣ вторженія сюда врага. Напримѣръ, крестьянинъ подмосковнаго села Щелкова Кондрашевъ устроилъ караулъ и не только охранялъ свою фабрику и деревню, но разъѣзжалъ съ казаками для охраны сосѣднихъ деревень. Кромѣ того, устроилъ у себя пріютъ для раненыхъ и бѣжавшихъ изъ Москвы отъ французовъ («Бумаги Щукина», V, 83). Въ Волоколамскомъ уѣздѣ подобнымъ же образомъ устроилъ охрану крестьянинъ помѣщика Алябьева Гаврила («Бумаги Щукина», IV, 352). А въ сельцѣ Володимировѣ, Серпуховского уѣзда, оборона была устроена общими силами всѣхъ сельчанъ («Русск. Арх.», 1876 г., II, 314).

Въ другихъ случаяхъ крестьяне дѣлали самостоятельныя выступленія по собственной инициативѣ. Выслѣживали отряды фуражировъ и истребляли ихъ, устраивали облавы, ловили мародеровъ, нападали на биваки, забирали плѣнныхъ.

„Есть ли французы не скакали такъ, какъ крысы, то не попали бы въ мышеловку къ Василисѣ". (Лубочн. карт.).

Самыя военныя дѣйствія большею частью заключались въ небольшихъ стычкахъ крестьянъ съ непріятелемъ—внезапныхъ, безъ предварительной подготовки. Послѣ занятія французами г. Вязьмы 17 мародеровъ вошли въ деревню Николы-Погорѣлово. «Дворовый человѣкъ господина Б., помѣщика того села, увидѣвъ приближающихся непріятелей, тотчасъ о томъ извѣстилъ находившихся тутъ женщинъ; нѣкоторымъ велѣлъ спрятаться, а другихъ послалъ собирать людей; самъ же, взявъ ружье, засѣлъ во рву въ небольшой рощѣ при самой дорогѣ, гдѣ имъ надлежало проходить; а другого человѣка поставилъ наискось, на противной сторонѣ, за угломъ оранжереи» («Русск Арх.», 1876 г., II, 393). И, когда мародеры приблизились, началась стрѣльба. «Разъ ночью,—разсказывалъ одинъ крестьянинъ,—четыре француза забрались около водяного колеса на мельницу. Мы узнали это и обступили, закричали имъ: «Сдавайтесь», они закричали: «нонъ пардонъ!» и начали стрѣлять». Когда французы разстрѣляли всѣ патроны, крестьяне «ихъ полономъ взяли» («Истор. Вѣстн.», 1903 г., т. 94, 832). Такова обычная картина крестьянскихъ выступленій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло доходило до настоящихъ сраженій и завершалось огромнымъ полономъ и взятіемъ у непріятеля даже городовъ. Дѣйствія крестьянскихъ отрядовъ подъ предводительствомъ крестьянъ Курина и Стулова въ Московской губерніи могутъ служить прекрасной иллюстраціей такихъ большихъ выступленій крестьянъ.

Когда маршалъ Ней занялъ г. Богородскъ, крестьяне Вохтинской волости, с. Павлова, отправивъ стариковъ и дѣтей въ лѣса и другія укромныя мѣста, сами рѣшили сразиться съ непріятелемъ. Составили дружину и выбрали вождемъ поселянина Герасима Курина. 25 сентября у Большого Двора они получили, такъ сказать, боевое крещеніе и затѣмъ вплоть до 1 октября ежедневно выступали и съ успѣхомъ противъ являвшихся въ ихъ округу фуражировъ. А 1 октября у нихъ съ французами произошло уже прямо генеральное сраженіе, окончившееся полной побѣдой павловскихъ крестьянъ.

На этотъ разъ французы выслали очень сильный отрядъ фуражировъ. Но и Куринъ выставилъ большія силы. «Число ополченія въ сей день простиралось до 5.800 человѣкъ, изъ коихъ 500 было на коняхъ, а прочіе—пѣшіе. Всѣ они въ 8 ч. утра собрались въ церкви с. Павлова, гдѣ, по отслуженіи литургіи и молебствія, простились со слезами другъ съ другомъ и поклялись передъ алтаремъ—не выдавать товарищей до послѣдней капли крови». Затѣмъ Куринъ предложилъ, раздѣливъ ополчившихся людей на 3 части, назначить, кромѣ того, 2 начальниковъ и выбралъ въ эту должность вохтинскаго старосту Стулова и еще одного крестьянина: первому была поручена вся конница съ небольшимъ числомъ пѣхоты, а второму—тысяча пѣшихъ. Команду же надъ остальными людьми и размѣщеніе къ бою всѣхъ частей принялъ на себя самъ Куринъ. Расположивъ отряды своихъ товарищей въ засадахъ у с. Меленковъ и Юдинскаго овражка и приказавъ имъ оставаться тамъ и не вступать въ дѣло безъ его распоряженія, Куринъ размѣстилъ прочихъ воиновъ - поселянъ скрытно въ с. Павловѣ. Появились два непріятельскихъ эскадрона. Одинъ остался внѣ села, другой вошелъ въ Павлово, и командиръ его потребовалъ провіанта, обѣщая заплатить. Тогда Куринъ, обѣщавъ дать, приказалъ Стулову атаковать первый эскадронъ, а самъ заманилъ второй эскадронъ во дворъ, завалилъ ворота и истребилъ почти весь. Стуловъ атаковалъ первый эскадронъ, прогналъ его и, только встрѣтившись съ большимъ непріятельскимъ отрядомъ, отступилъ. Французы преслѣдовали Стулова до Павлова и окружили его отрядъ со всѣхъ сторонъ. Но въ это время въ тылъ непріятеля ударили засѣвшіе въ Юдинскомъ овражкѣ поселяне, и французы были обращены въ бѣгство. «Только темнота ночи спасла ихъ отъ совершеннаго истребленія. Самъ Куринъ убилъ въ этотъ день одного офицера и 2 рядовыхъ, а вообще отъ его руки пало 8 человѣкъ. Побѣдителямъ достались въ добычу 20 пароконныхъ повозокъ съ лошадьми, 25 ружей, 120 пистолетовъ и 400 сумъ съ патронами» (Богдановичъ, «Отечеств. война», т. III, 397—409).

Понятно, мелкія и случайныя стычки носили и неорганизованный характеръ. Но нападенія непріятеля на крестьянскія селенія, грабежи и насилія все учащались, обращались какъ бы въ систему. И крестьянскія выступленія въ силу вещей очень скоро приняли организованный характеръ. Тогда уже народная война изъ эпизодической превратилась въ систематическое истребленіе непріятеля и въ правильно и широко поставленную оборону страны. «На пунктахъ возвышенныхъ, господствующихъ надъ окрестною мѣстностью, выставляемы были отъ крестьянъ посты, зорко сторожившіе появленіе непріятеля; ежели подходившая команда

была малочисленна, то воины-поселяне старались окружить и захватить ее скрытно, чтобы не обнаружить своего притона; въ случаѣ же наступленія значительныхъ силъ, сторожевые подавали о томъ вѣсть въ ближайшее село; раздавался набатъ и на условленномъ заблаговременно пунктѣ сходились изъ всѣхъ сосѣдственныхъ селеній люди, вооруженные, кто чѣмъ могъ, подъ командою мѣстныхъ начальниковъ отставныхъ офицеровъ, дворянъ, либо старшинъ, избранныхъ крестьянами изъ среды своей. Иногда эти предводители предъ боемъ возбуждали духъ своихъ подчиненныхъ краткой рѣчью». Когда былъ занятъ Звенигородскій уѣздъ, жители Воскресенска учредили денную и ночную стражу. Въ лѣсахъ наблюдали за непріятелемъ, взлѣзая на верхушки деревьевъ (Богдановичъ, «Отеч. война», т. III, стр. 397—409). Для характеристики военной тактики крестьянъ заслуживаетъ вниманія слѣдующій случай, имѣвшій мѣсто въ с. Каменкѣ, Калужской губерніи. «500 человѣкъ французовъ, привлеченные богатствомъ сего селенія, вступили въ Каменку; жители встрѣтили ихъ съ хлѣбомъ, солью и спрашивали, что имъ надобно? Поляки, служившіе переводчиками, требовали вина, начальникъ селенія отворилъ имъ погреба и приготовленный обѣдъ предложилъ французамъ. Оголодѣлые галлы не остановились пить и кушать, проведя день въ удовольствіи, расположились спать. Среди темноты ночной крестьяне отобрали отъ нихъ ружья, увели лошадей и, закричавъ «ура», напали на сонныхъ и полутрезвыхъ непріятелей, дрались цѣлые сутки и, потерявъ сами 30 человѣкъ, побили ихъ сто и остальныхъ 400 отвели въ Калугу» («Бумаги Щукина», I, 62). Вооруженіе крестьянскихъ отрядовъ состояло изъ домашнихъ орудій—въ родѣ вилъ, ножей, кольевъ, также охотничьихъ ружей, а иногда они обзаводились не только военными ружьями, но даже пушками.

„Володимирцы". (Совр. карик.).

Интересно отмѣтить, что въ вылазкахъ крестьянъ противъ непріятеля и баталіяхъ принимали участіе даже женщины. «Въ Боровскѣ двѣ дѣвушки убили 4-хъ французовъ и нѣсколько дней тому назадъ крестьянки привели въ Калугу взятыхъ ими въ плѣнъ французовъ» (Изъ частнаго письма 2 окт. 1812 г.—«Бумаги Щукина», I, 62). А въ Сычевскомъ уѣздѣ старостиха Василиса получила всероссійскую извѣстность своими энергичными дѣйствіями противъ непріятеля.

Дѣло организаціи народной войны прежде всего взяли на себя сами же крестьяне, иногда въ организаціи участвовали бурмистры, помѣщики.

наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ администрація. «Въ Мосальскомъ уѣздѣ (напримѣръ), по словамъ полк. Поликарпова, первыми иниціаторами и руководителями народной войны явились крестьяне помѣщика Нарышкина—сокольникъ Василій Половцевъ и бурмистръ Ѳедоръ Анофріевъ». Они сформировали цѣлый отрядъ вооруженныхъ крестьянъ («Новая Жизнь», 1911 г., іюль и сентябрь). Въ селѣ Левшинѣ, Сычевскаго уѣзда, самымъ энергичнымъ и страшнымъ для французовъ «смѣлостью и тѣлесною силою своею» организаторомъ народной войны былъ мѣстный бурмистръ («Русск. Арх.», 1876, II, 310). И въ другихъ уѣздахъ Смоленской губерніи дѣйствовали сформированные крестьянами отряды. Въ Московской губерніи крестьяне взяли на себя охрану селеній и помѣщичьихъ усадьбъ.

Иногда крестьянскіе отряды организовались отбившимися отъ своихъ частей рядовыми. Подобнымъ организаторомъ явился, напримѣръ, въ Смоленской губерніи рядовой Четвертаковъ. Свалившись съ смертельно раненой лошади, онъ былъ взятъ въ плѣнъ, но сумѣлъ бѣжать и добрелъ до д. Басманы. Не желая оставаться безъ дѣла, онъ предложилъ крестьянамъ вооружиться и итти съ нимъ на французовъ. Тѣ отнеслись недовѣрчиво къ Четвертакову. Нашелся лишь одинъ охотникъ, съ которымъ онъ и отправился въ путь. Дорогой они убили двухъ французскихъ кавалеристовъ и сѣли на ихъ лошадей. Въ с. Зодновѣ къ нимъ присоединилось четыре десятка крестьянъ. Четвертаковъ посадилъ ихъ всѣхъ на лошадей и, вооруживъ пиками, убивая французовъ, они брали ихъ ружья, и отрядъ Четвертакова началъ очень успѣшно дѣйствовать. Слухи о немъ быстро распространились и, когда онъ прибылъ вторично въ д. Басманы, его встрѣтили уже съ восторгомъ, и ряды его ратниковъ стали пополняться новыми и достигли 300 человѣкъ. Теперь Четвертаковъ уже превратился изъ случайнаго партизана въ оборонителя данной мѣстности. Обосновался въ Басманахъ, устроилъ пикеты, организовалъ развѣдки и повелъ правильныя военныя дѣйствія противъ непріятеля («Русск. Ст.», 1898 г., іюль, 95—102). Точно такъ же поступилъ рядовой Еременко который выбылъ изъ строя послѣ битвы подъ Смоленскомъ 5 августа и, оправившись отъ раны, сформировалъ отрядъ въ 300 крестьянъ (Поликарповъ, тамъ же).

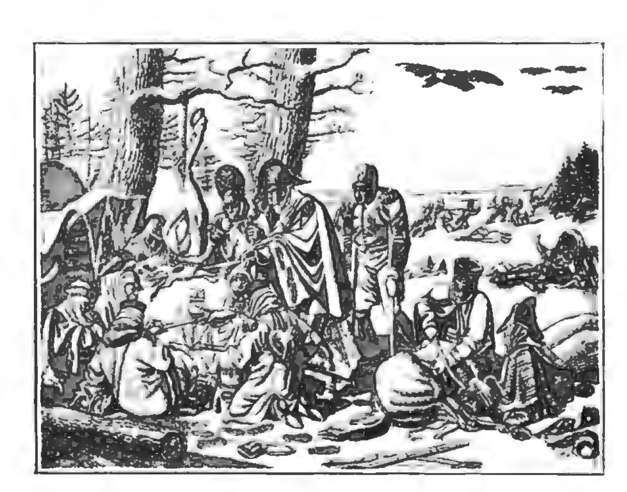
Изъ помѣщиковъ организаторовъ и руководителей крестьянскихъ отрядовъ наибольшую извѣстность пріобрѣли смольняне — Энгельгардтъ, Шубинъ, Лесли, предводитель дворянства Нахимовъ, Зубцовскій, помѣщикъ Цызыревъ и др.

Организація крестьянскихъ отрядовъ администраціей имѣли мѣсто въ Смоленской губерніи. Здѣсь совѣтникъ тверской гражданской палаты Денисовъ объѣзжалъ всѣ уѣзды и вызывалъ охотниковъ.

Такъ возникали крестьянскіе отряды и такъ они дѣйствовали.

Народная война была вызвана необходимостью самообороны, и поскольку она оставалась въ этихъ предѣлахъ, противъ участниковъ ея ничего нельзя было имѣть. Они заслуживали только признательность. Но, къ сожалѣнію, крестьяне не остались на высотѣ своего призванія и перешли предѣлъ необходимаго. Они попрали требованія гуманности, соблюдаемыя обыкновенно даже и во время войны, и допустили жестокости. Они прямо охотились за мародерами и фуражирами и отводили душу ихъ

мученіями. Расправа съ плѣнниками можетъ потрясти душу. «Сначала, когда французы попадались понемногу, съ ними возились долго, убивали нерѣдко изысканнымъ способомъ: обматывали соломою и сжигали живьемъ, отдавали на потѣху бабамъ и ребятишкамъ. Но вотъ отсталые и измученные французы начали чуть не сами итти въ руки, да и не десятками, а цѣлыми сотнями. Тутъ уже понадобилась иная расправа. Сгоняли плѣнныхъ въ сараи и сжигали тамъ сотнями, топили въ прорубяхъ, зарывали живыми въ землю» (Надлеръ, «Александръ I», ч. II, 230—231). И дѣлалось это съ невѣроятнымъ хладнокровіемъ и сознаніемъ даже какъ бы богоугодности истребленія «басурмановъ». Генералъ Левенштернъ видѣлъ, какъ одинъ часовой мастеръ «осѣнилъ себя трижды крестнымъ знаменемъ, схватилъ большой кухонный ножъ, бросился на улицу и убилъ на моихъ глазахъ 5 или 6 французовъ такъ быстро, что я не успѣлъ помѣшать этому». Окончивъ эту операцію, герой снова перекрестился и спокойно вытеръ и убралъ ножъ («Русск. Ст.», 1901 г., 1—3, 363). Впослѣдствіи эти герои хвастались даже своими подвигами. «Наловили это мы ихъ, французовъ, десятка два,—говорилъ одинъ крестьянинъ на постояломъ дворѣ послѣ войны,—и стали думать, что бы съ ними подѣлать, свести, что ли, куда, сдать, что ли, кому, да куда поведешь и кому сдать? Вотъ и приговорили міромъ побить ихъ. Выкопали въ перелѣскѣ глубокую яму, повязали имъ, французамъ, руки и пригнали гуртомъ; стали это они вокругъ ямы, а мы за ними стали и начали они жалостно талалакать, точно Богу молиться; мы наскоро посовали ихъ въ яму да живыхъ и зарыли. Вѣришь ли, такой живущій народъ, подъ землей съ полчаса ворошились» (Надлеръ, II, 231). Ожесточилось даже женское сердце. Бабы вырывали у мужиковъ плѣнныхъ, чтобы приложить свою руку къ истязанію ихъ и утолить жажду мести. «Вотъ, бывало, и наткнемся мы, парни, на одного,—разсказывалъ послѣ уже старикъ, крестьянинъ,—возьмемъ и приведемъ въ деревню; такъ бабы-то и купятъ его у насъ за пятакъ: сами хотятъ убить... Одна пырнетъ ножомъ, другая колотитъ кочергой, опять другая тычетъ веретеномъ»... («Русск. Арх.», 1875 г., IX—XII, 228) [1].

При возвращеніи изъ Россіи. (Нѣмец. гравюра).

---

1) Этимъ жестокостямъ въ темной массѣ врядъ ли приходится удивляться. Среди нея, какъ мы знаемъ, всѣми мѣрами распространяли „разные суевѣрные слухи". Ей внушали эти жестокости и подавали примѣръ... Война полна ужасами, иногда почти неизбѣжными тамъ, гдѣ дѣло идетъ о самосохраненіи. Ужасную картину при отступленіи около Гжатска рисуетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Сегюръ: „Мы были изумлены встрѣтивъ на своемъ пути, видимо, только что убитыхъ русскихъ. Замѣчательно было то, что у каждаго изъ нихъ была совершенно одинаково разбита голова и что окровавленный мозгъ былъ разбрызганъ тутъ же. Намъ было извѣстно, что передъ нами шло около двухъ тысячъ русскихъ плѣнныхъ и что вели ихъ испанцы, португальцы и поляки". Разсказывая о возмущеніи со стороны Коленкура и др. этой „безчеловѣчной жестокостью", Сегюръ добавляетъ, что „на слѣдующій день эти убійства

Изъ какихъ бы побужденій не дѣйствовали крестьяне, но во всякомъ случаѣ своимъ непосредственнымъ участіемъ въ военныхъ дѣйствіяхъ они оказали огромную услугу Россіи въ 1812 году. Нѣкоторыя мѣстности были обязаны своею цѣлостью исключительно крестьянамъ. Свидѣтельства этому идутъ съ разныхъ сторонъ. По поводу дѣйствій Четвертакова было произведено слѣдствіе, и оно обнаружило воочію заслуги этого партизана. Слѣдователи «видѣли своими глазами», что на пространствѣ 35 верстъ отъ Гжатской пристани страна не была разорена, между тѣмъ какъ кругомъ всѣ окрестныя деревни лежали въ развалинахъ. Всѣ жители согласно показали, что крестьянъ вооружилъ и управлялъ ими всецѣло Четвертаковъ и «съ чувствительною благодарностью называли его спасителемъ той стороны» («Русск. Ст.», 1898, III, 101). «Моимъ Никольскимъ спасена вся Волоколамская округа,—читаемъ въ письмѣ помѣщика Алябьева,—по причинѣ той, что моя дача на границѣ Смоленской губерніи, а потому всѣ нападенія отъ французовъ были на мои деревни. Гаврила же (крестьянинъ Алябьева) съ мужиками и съ дворовыми людьми перебилъ ихъ въ разные набѣги 600 человѣкъ, а потому далѣе въ округу и не могли пройтить, слѣдовательно, и остались всѣ прочія селенія не только невредимы, но и въ покоѣ» («Бумаги Щукина», ч. IV, 352). «Сельцо Володимирово на Серпуховской дорогѣ, въ 40 верстахъ отъ Москвы... осталось невредимо отъ общаго разоренія единственно по вѣрности и усердію крестьянъ онаго»... («Русск. Арх.», 1876, II, 314). Вообще очень многіе помѣщики выражали свою признательность крестьянамъ за спасеніе своихъ имѣній. Отчеты приказчиковъ и бурмистровъ своимъ господамъ очень часто констатируютъ, что «крестьяне были отъ своихъ домовъ неотлучны и многіе набѣги непріятельскихъ небольшихъ партій отражали и тѣмъ спасли всѣ деревни отъ огня рукъ непріятельскихъ».

Полонъ непріятеля тоже долженъ быть поставленъ въ активъ народной войнѣ, причтенъ къ заслугамъ нашихъ партизановъ. «До конца сентября они взяли въ плѣнъ около 15.000 человѣкъ, истребили, вѣроятно, столько же и уничтожили массы непріятельскаго фуража и артиллерій-

---

прекратились. Наши ограничивались тѣмъ, что обрекали этихъ несчастныхъ умирать съ голода за оградами, куда ихъ загоняли словно скотъ. Безъ сомнѣнія, это было жестоко; но что было дѣлать? Произвести обмѣнъ плѣнныхъ?—Непріятель не соглашался на это. Выпустить ихъ на свободу?—Они пошли бы всюду разсказывать о нашемъ бѣдственномъ положеніи и, присоединившись къ своимъ, они яростно бросились бы въ погоню за нами. Пощадить ихъ жизнь въ этой безпощадной войнѣ — было бы равносильно тому, что принести въ жертву самихъ себя. Мы были жестоки по необходимости" (русс. пер., 112); по словамъ Росса, жестокость надъ плѣнными производилась по приказанію Наполеона (рус. пер., 202). Врядъ ли, однако, это было такъ). Жестокость порождаетъ жестокость. Но съ тѣмъ большимъ вниманіемъ историкъ долженъ остановиться на фактахъ, свидѣтельствующихъ о гуманности къ врагу. Мы встрѣчаемся на ряду съ разсказами о жестокостяхъ съ фактами незлобивости и жалости къ полуголодному, умирающему врагу, т.-е. къ врагу, который уже не могъ быть „хищнымъ звѣремъ". Мы знаемъ факты, когда крестьяне спасали французовъ отъ звѣрства казаковъ (см., напр., воспоминанія Комба). Народная масса проявляетъ по отношенію къ врагу подчасъ болѣе гуманности, чѣмъ люди культурные, люди общества. Мы слышимъ нерѣдко разсказъ объ издѣвательствахъ надъ плѣнными, съ которыми обращаются, какъ „съ собаками" (см., напр., письма Волковой 18 ноября и 2 декабря о тамбовскомъ губернаторѣ. „Жестокое обращеніе съ обезоруженнымъ врагомъ въ Тамбовѣ побудило даже вмѣшаться Кутузова") Другъ и поклонникъ Ростопчина А. Я. Булгаковъ, когда ему приходится говорить о плѣнныхъ французахъ, выражается не иначе: „пусть околѣваютъ эти негодяи". Раненый французъ, оставшійся въ Москвѣ, начальникъ обоза главной квартиры Газо разсказываетъ, что при вступленіи русскихъ въ Москву было перебито болѣе 2.000 раненыхъ французовъ, расположенныхъ по частнымъ квартирамъ. Но и просвѣщенный гр. Ростопчинъ мало чѣмъ будетъ отличаться отъ закоснѣлаго въ невѣжествѣ донца. Свое свиданіе съ Газо онъ закончилъ „неприличной бранью" и велѣлъ помѣстить французскихъ раненыхъ въ подземелье, гдѣ будетъ ежедневно умирать по тридцать человѣкъ („Р. Ст." 1893 янв., 32). *Ред.*

скихъ снарядовъ» (Надлеръ, II, 81). А послѣ сентября, когда началось отступленіе Наполеона, полонъ возросъ еще больше.

Но самой главной заслугой крестьянъ въ войну 1812 года было нанесеніе послѣдняго удара «большой» арміи». Для отступавшей и уже обезсилѣвшей арміи Наполеона оставалось одно средство спасенія—добраться до границы. И если бы убѣгавшая армія имѣла возможность по пути подкрѣплять свои силы пищей и отогрѣвать закоченѣвшіе члены, они дошли бы до границы. Но крестьяне истребляли французовъ, гнали непріятельскихъ солдатъ отъ деревень, спугивали съ биваковъ или просто приканчивали на мѣстѣ. Этимъ они лишали армію послѣдняго рессурса.

За свои заслуги отдѣльные крестьяне получали награды въ видѣ георгіевскихъ и другихъ крестовъ, но все крестьянство въ своемъ цѣломъ осталась невознагражденнымъ. Наиболѣе соотвѣтствующей въ тотъ моментъ наградой за самопожертвованіе для крестьянъ было бы, конечно, освобожденіе отъ крѣпостной зависимости. Но освобожденія не послѣдовало. Послѣдовало разоруженіе народа. Именно, когда война кончилась, было сдѣлано распоряженіе, которымъ крестьяне приглашались добровольно выдать оружіе, а власти отбирать оное. Этимъ распоряженіемъ крестьянамъ какъ бы предлагалось вернуться въ свое прежнее состояніе и забыть, что они пять мѣсяцевъ считались за гражданъ. Рабамъ не надо и нельзя имѣть оружіе.

В. Алексѣевъ.

Отступленіе французской арміи (Мансфельдъ).

Переходъ черезъ Березину (Falat).

IV. Березина.

1. Березинская операція.

Ген. А. Н. Апухтина.

После Бородинскаго сраженія, миновавъ Москву, перейдя на старую Калужскую дорогу, въ дер. Красная Пахра, Кутузовъ получилъ привезенный флигель-адъютантомъ Чернышевымъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій.

Донесеніе Кутузова съ поля сраженія давало впечатлѣніе побѣды, а потому составленный въ Петербургѣ планъ разсчитывалъ сосредоточить крупныя силы противъ корпусовъ, оставленныхъ Наполеономъ для прикрытія своего тыла съ тѣмъ, чтобы, разбивъ эти корпуса, преградить французской арміи путь отступленія.

Кутузову представлялась полная свобода: принять или отвергнуть выработанный въ Петербургѣ планъ. Хотя вошедшее въ планъ предположеніе объ отступленіи французовъ по Смоленской дорогѣ оказалось ошибочно, напротивъ, французы заняли Москву, — но главныя черты обстановки были вѣрны. Операціонная линія противника была слишкомъ длинна, и сообщенія его являлись крайне чувствительными ко всякой серьезной угрозѣ. Вотъ почему Кутузовъ принялъ привезен-

ный ему изъ Петербурга планъ дѣйствій и отправилъ распоряженіе главнокомандующимъ частными арміями.

Передъ войной съ Россіей Наполеонъ подготовилъ главную базу на Вислѣ. По занятіи Вильны устраивается первая промежуточная база по Нѣману, а вслѣдъ за тѣмъ—вторая промежуточная база въ Вильнѣ, которая обращается въ укрѣпленный лагерь. Слѣдующая промежуточная база, устроенная подъ прикрытіемъ рѣкъ Березины и Улы, была подвинута въ районъ между Двиной и Днѣпромъ, а Смоленскъ со своимъ тетъ-де-пономъ на правомъ берегу Днѣпра послужилъ французамъ пятой и послѣдней промежуточной базой.

Ясно, что охраненіе операціонной линіи отъ главной базы (на Вислѣ) до Смоленска требовало выдѣленія изъ состава арміи значительныхъ силъ. Не считая Макдональда, который не принялъ участія въ событіяхъ, разыгравшихся на р. Березинѣ, въ тылу находились три группы войскъ: С. Сира, Шварценберга и Виктора. Несмотря на принятыя Наполеономъ мѣры, единство дѣйствій не было обезпечено за отсутствіемъ единой объединяющей власти. Наполеонъ не могъ разсчитывать, чтобы всѣ силы, назначенныя для прикрытія сообщеній арміи, были использованы наиболѣе цѣлесообразно.

Скорѣе слѣдовало опасаться, что соперничество между маршалами тутъ проявится въ высшей степени и окажетъ свое вліяніе въ роковую минуту.

Планъ дѣйствій, составленный въ Петербургѣ, какъ сказано, въ общемъ состоялъ въ одновременномъ и рѣшительномъ переходѣ въ наступленіе всѣхъ силъ, дѣйствовавшихъ на флангахъ главной арміи съ тѣмъ, чтобы, разбивъ войска, охранявшія тылъ Наполеона, преградить ему путь отступленія. Главная роль выпадала тутъ на долю Дунайской арміи адмирала Чичагова, которому, по заключенію мира съ Турціей, предстояло двинуться къ Несвижу, на сообщенія Шварценберга съ Минскомъ, овладѣть этимъ городомъ и, притянувъ изъ Мозыря отрядъ Эртеля, занять линію р. Березины, чтобы преградить здѣсь путь отступленія французской арміи.

Для выполненія этой конечной цѣли Чичагову предписывалось устроить у Борисова укрѣпленный лагерь и войти въ связь съ Витгенштейномъ, который долженъ былъ занять теченіе р. Улы. Чичагову вмѣнялось въ обязанность не ограничиваться укрѣпленіемъ Борисова, а усилить всѣ находящіяся позиціи между Березиной и Бобромъ, чтобы оказать сопротивленіе французамъ еще далеко впереди Борисова.

Нелегкая роль выпадала гр. Витгенштейну, которому ближайшей задачей ставилось: овладѣть Полоцкомъ и, отрѣзавъ С.-Сира отъ главной французской арміи, отбросить его къ западу. Выполнивъ это, Витгенштейнъ долженъ былъ занять теченіе р. Улы и преградить французамъ отступленіе въ пространствѣ между Березиной и Двиной.

Дѣйствія Чичагова обезпечивались со стороны Шварценберга 3 резервной арміей Тормасова, который, оттѣснивъ Шварценберга въ герцогство Варшавское, долженъ былъ стать у Несвижа, прикрывать тылъ арміи Чичагова и наблюдать теченіе Березины къ Бобруйску. Содѣйствіе корпусу Витгенштейна возлагалось на финляндскій корпусъ Штейнгеля.

Путь отступленія французской арміи преграждался занятіемъ оборонительной линіи рр. Улы и Березины, гдѣ предполагалось сосредоточить къ 20 октября 160.000 человѣкъ. Весь этотъ планъ дѣйствій является смѣлымъ по идеѣ и вполнѣ отвѣчающимъ обстановкѣ, но таитъ въ себѣ несущественные недостатки. Основываясь на взаимодѣйствіи отрядовъ, разобщенныхъ большими разстояніями, а потому не могущими установить между собой связь, планъ могъ быть разрушенъ частной неудачей, понесенной тѣмъ или другимъ отрядомъ.

Отдѣльнымъ начальникамъ ставились не общія цѣли, а указывались подробности исполненія. Иниціатива начальниковъ отдѣльныхъ группъ войскъ стѣснялась, что неминуемо оказало вліяніе на результаты ихъ

Бивакъ на правомъ берегу Березины (Фаберъ-дю-Форъ. Муз. П. И. Щукина).

дѣйствій, а главное—планъ не принадлежалъ главнокомандующему, фельдмаршалу Кутузову, но былъ уже навязанъ свыше.

Чичаговъ и Тормасовъ, дѣйствуя противъ Шварценберга, отступавшаго передъ ними въ герцогство Варшавское, подошли къ Любомлю. Тутъ былъ полученъ новый планъ дѣйствій и командованіе обѣими арміями объединилось въ рукахъ адмирала Чичагова, потому что Тормасовъ былъ отозванъ для командованія 2 западной арміей.

29 сентября Чичаговъ занялъ Брестъ. Путь на Минскъ былъ открытъ, такъ какъ Шварценбергъ отступилъ въ направленіи къ Дрогочину. Оставивъ у Бреста заслонъ силой 27.000 человѣкъ подъ командой генерала Сакена, Чичаговъ только 15 октября сдвинулся съ мѣста и лишь 25 октября прибылъ въ Слонимъ. Здѣсь онъ узналъ объ оставленіи Наполеономъ Москвы и объ отступленіи французской арміи. Сюда же было доставлено собственноручное письмо императора Александра, извѣщавшее о взятіи Витгенштейномъ Полоцка и о пораженіи Сенъ-Сира. Все указы-

вало на несбходимость возможно скорѣе овладѣть Минскомъ и подойти къ Березинѣ. 4 ноября Минскъ былъ захваченъ начальникомъ авангарда арміи гр. Ламбертомъ, а на слѣдующій день сюда стянулись и главныя силы.

Въ то же время Витгенштейнъ, имѣя главныя силы у Чашникова, занялъ теченіе Улы: вправо до Лепеля и влѣво до впаденія ея въ Двину. Расположеніе это вполнѣ отвѣчало идеѣ общаго плана. 6 ноября, въ день сраженія подъ Краснымъ, французская армія имѣла въ тылу арміи Чичагова и Витгенштейна, собиравшихся преградить ей путь отступленія къ Вильнѣ.

Въ сраженіи подъ Краснымъ французы понесли жестокій ударъ, не говоря о крупныхъ матеріальныхъ потеряхъ, нравственное потрясеніе

Переходъ черезъ Березину (Фаберъ-дю-Форъ).

было настолько велико, что армія уже не могла отъ него оправиться. Боевыя силы арміи не превосходили 23.000 штыковъ, 2.000 сабель и 30—40 орудій. Рядомъ съ этими остатками вооруженныхъ силъ Наполеона шла тридцатитысячная толпа, бросившая ряды и оружіе, утратившая понятіе о дисциплинѣ.

6 ноября головныя части французовъ достигли Орши; гвардія подошла къ Дубровнѣ, и арьергардъ ночевалъ между Дубровной и Лядами. Въ Дубровнѣ Наполеонъ получилъ извѣстіе о занятіи Чичаговымъ Минска и объ отступленіи оборонявшаго городъ генерала Брониковскаго къ Борисову. Событіе это имѣло для Наполеона значеніе чрезвычайной важности. Обнаруживалось присутствіе на пути отступленія значительныхъ силъ противника. Непосредственная опасность грозила Борисовскому тетъ-де-пону, обезпечивавшему переправу французовъ черезъ Березину,—важнѣйшую преграду между Днѣпромъ и Нѣманомъ.

Съ этой минуты всѣ распоряженія Наполеона имѣли прежде всего въ виду сосредоточить къ Борисову силы, достаточныя для обезпеченія переправы черезъ Березину. Ближайшими войсками являлась дивизія Домбровскаго, которой и приказано итти къ Борисову. На поддержку направленъ смѣнившій Сенъ-Сира Удино, отдѣленный отъ Виктора. При этомъ Наполеонъ высказывалъ, что, усиливая армію войсками Домбровскаго и Удино, а по возможности притягивая и Виктора, онъ успѣетъ разбить Чичагова и овладѣть Минскомъ. Подобный успѣхъ настолько измѣнитъ обстановку, что явится возможность пріостановить отступленіе и удерживать за собой районъ къ западу отъ Березины.

Оставляя заслонъ противъ Витгенштейна, Наполеонъ указалъ Виктору занять положеніе, прикрывающее пути на Оршу, Борисовъ и Вильну, и заставить Витгенштейна убѣдиться въ томъ, что Наполеонъ направляется противъ него. Представляя собой боковой арьергардъ, Викторъ имѣлъ въ виду возможность отхода по м. Верхнее Березино, съ тѣмъ, чтобы, переправясь черезъ рѣку, составить лѣвый флангъ французской арміи. Но, съ прибытіемъ главной квартиры въ Оршу, Наполеонъ ограничилъ задачу Виктора прикрытіемъ движенія арміи между Оршей и Борисовымъ, куда ему слѣдовало отступить съ расчетомъ составить арьергардъ.

Въ Оршѣ французская армія получила новую организацію. Корпусъ Даву переформированъ въ 3 батальона, а вице-короля—въ 2 батальона. Корпуса Нея и Жюно сведены въ 3 и 2 батальона.

9 ноября французскія войска покинули Оршу; арміи двигались къ Борисову, уничтоживъ переправы на Днѣпрѣ, т.-е. положивъ преграду между собой и главными силами Кутузова, которыя еще 7 ноября оставались въ окрестностяхъ Краснаго.

Вслѣдъ за отступившей французской арміей былъ направленъ Ермоловъ. Фельдмаршалъ воспретилъ ему переходить Днѣпръ, разрѣшивъ переправить часть пѣхоты только въ случаѣ необходимости поддержать Платова, двигавшагося отъ Смоленска правымъ берегомъ рѣки. Чичагову приказано ускорить движеніе и войти въ связь съ главной арміей. Положеніе Витгенштейна могло стать опаснымъ; это сознавалъ Кутузовъ, на это же указывалъ и рескриптъ императора Александра. Получая постоянныя жалобы на вялость и нерѣшительность Кутузова отъ англичанина Роберта Вильсона, состоявшаго при главной квартирѣ, государь выражалъ опасеніе, что Наполеонъ успѣетъ соединиться съ Викторомъ и разбить Витгенштейна, прежде чѣмъ подойдетъ главная русская армія.

7 ноября, когда главная квартира Наполеона прибыла въ Оршу, главныя силы Кутузова находились въ окрестностяхъ Краснаго; авангардъ Ермолова сосредоточивался въ Лядахъ; Платовъ преслѣдовалъ остатки корпуса Нея по правому берегу Днѣпра къ Дубровнѣ; туда же двигался по большой дорогѣ Бороздинъ; всѣ партизанскіе отряды находились лѣвѣе большой дороги; конный отрядъ ген.-ад. Голенищева-Кутузова прибылъ въ Бабиновичи.

Выбравъ направленіе для преслѣдованія на Копысъ, Кутузовъ получалъ всѣ выгоды параллельнаго преслѣдованія и возможность предупредить Наполеона у Игумна или Бобруйска, если бы онъ повернулъ на это

единственное открытое для него направленіе, имѣя въ виду, что путь на Минскъ прегражденъ Чичаговымъ. Направленіе движенія на Копысъ, уклоняя русскую армію къ югу, было невыгодно при единственномъ условіи, что Наполеонъ двигается противъ Витгенштейна. Поэтому Кутузовъ обращалъ особое вниманіе передовыхъ войскъ на выясненіе истиннаго направленія отступленія Наполеона.

Это свѣдѣніе особой важности было добыто Платовымъ и доставлено Кутузову 10 ноября. Наканунѣ обнаружилось движеніе французской гвардіи отъ Орши по большой дорогѣ на Коханово, а значитъ, далѣе, на Борисовъ, приведя къ неизбѣжной встрѣчѣ съ Чичаговымъ.

Переходъ черезъ Березину (Марина).

Кутузовъ предупреждалъ адмирала о возможности движенія Наполеона на югъ, на Погостъ и Игуменъ и рекомендовалъ высылать туда партизановъ, а самъ, продолжая главными силами параллельное преслѣдованіе, далъ соотвѣтствующія направленія всѣмъ передовымъ и партизанскимъ отрядамъ.

Наступая отъ Бреста къ Минску, Чичаговъ разсчитывалъ на присоединеніе къ нему войскъ Эртеля и Лидерса; при этомъ условіи численность его арміи возрастала до 60.000. Между тѣмъ Эртель уклонился отъ выполненія даннаго ему приказанія, выславъ лишь на Игуменъ незначительный отрядъ. Чичаговъ, считая свои силы недостаточными для выполненія поставленной ему задачи, рѣшилъ ослабить заслонъ противъ Шварценберга и потребовалъ отъ Сакена высылки корпуса Эссена. Ко-

нечно, разсчитывать на современность прибытія этихъ войскъ было очень трудно.

Въ Минскѣ адмиралъ получилъ первыя свѣдѣнія о дивизіи Домбровскаго, которая направлялась съ нижней Березины къ Минску, но, будучи предупреждена авангардомъ Чичагова, повернула къ Игумну; передавались слухи о соединеніи Домбровскаго съ корпусомъ Виктора, при чемъ общая численность французскаго отряда оцѣнивалась въ 50.000.

Этихъ свѣдѣній и слуховъ было совершенно достаточно, чтобы заставить адмирала остановиться въ Минскѣ. Причинами такого рѣшенія являлись и слабость своихъ силъ и неопредѣленность положенія противника, а также движеніе Шварценберга на Волковыскъ, являвшееся угрозой тылу арміи Чичагова.

Однако продолжительное пребываніе въ Минскѣ было невозможно. Уже 6 ноября получились извѣстія о выполненіи плана императора Александра на другихъ пунктахъ театра войны, а высочайшій рескриптъ прямо приглашалъ адмирала къ энергическимъ дѣйствіямъ. Государь писалъ: «Вы понимаете, до какой степени важно ваше соединеніе съ графомъ Витгенштейномъ въ окрестностяхъ Минска или Борисова, чтобы спереди встрѣтить войска Наполеона, тогда какъ большая армія ихъ преслѣдуетъ».

Чичаговъ, успокоенный донесеніемъ о нахожденіи большой части корпуса Виктора противъ Витгенштейна, рѣшаетъ продолжать наступленіе и искать соединенія съ Витгенштейномъ между Березиной и Днѣпромъ. Для этого одинъ казачій полкъ направляется на Игуменъ съ цѣлью преслѣдовать отступавшую дивизію Домбровскаго; авангардъ графа Ламберта въ составѣ $4^1/_2$ т. двигается 7 ноября по Борисовской дорогѣ къ Юхновкѣ, имѣя приказаніе занять Борисовъ и открыть сообщеніе съ Витгенштейномъ. Главныя силы идутъ на Борисовъ двумя колоннами: правая — гр. Ланжерона, слѣдуетъ за авангардомъ, а лѣвая—ген. Воинова, идетъ черезъ Усяжи и Антонополь. При лѣвой колоннѣ находился и адмиралъ-главнокомандующій.

8 ноября гр. Ламбертъ, сдѣлавъ 35 верстъ, располагается у Жодина. а конница останавливается въ 10 верстахъ отъ Борисова и освѣщаетъ мѣстность вплоть до города. Захваченные плѣнные показываютъ, что Борисовскій тетъ-де-понъ занятъ отрядомъ вюртемберцевъ въ $1^1/_2$ т., а также, что въ Борисовѣ со дня на день ожидается корпусъ Виктора. Всѣ свѣдѣнія сводились къ тому, что французы покуда располагали на рѣкѣ Березинѣ небольшими силами, которыя скоро должны были значительно возрасти, гр. Ламбертъ рѣшаетъ немедленно итти къ Борисову, овладѣть тетъ-де-пономъ и, разбивъ непріятельскіе отряды, не допустить ихъ соединенія.

Давъ авангарду привалъ для варки пищи, графъ Ламбертъ продолжаетъ движеніе ночью и на разсвѣтѣ подходитъ къ Борисову. Здѣсь были укрѣпленія, воздвигнутыя въ 1812 г. русскими инженерами въ предвидѣніи войны; работы еще не были закончены, когда Борисовъ былъ занятъ корпусомъ Даву. Построенныя фронтомъ за западъ, Борисовскія укрѣпленія не могли имѣть значенія для французовъ, а потому были уже частью срыты, когда армія Чичагова спѣшно двигалась къ

Минску. Но и въ такомъ видѣ укрѣпленія эти представляли серьезное препятствіе для атакующаго, состоя изъ двухъ редутовъ, соединенныхъ между собой ретраншементомъ. Лѣса праваго берега Березины охватывали укрѣпленія, оставляя впереди ихъ открытою полосу мѣстности, шириной около версты. Большая дорога изъ Минска у самыхъ укрѣпленій поворачивала влѣво и, обогнувъ правый редутъ, спускалась съ крутого берега къ мосту. Южнѣе дороги, тамъ, гдѣ она выходила изъ лѣсу, имѣлась командующая высота, отдѣлявшаяся отъ лѣваго редута глубокимъ оврагомъ.

Гарнизонъ Борисова состоялъ изъ сборныхъ командъ и частей вновь формировавшихся полковъ. Войска эти составляли остатки Минскаго гарнизона и были совершенно деморализованы пораженіемъ и потерею Минска. Начальникъ гарнизона ген. Брониковскій успѣлъ дать знать о своемъ положеніи Домбровскому, который 8 ноября, сдѣлавъ переходъ свыше 50 верстъ, въ 10 час. вечера подошелъ къ тетъ-де-пону. Всего съ Домбровскимъ подошло 2 т. пѣх., 500 кав., 12 ор. Въ полупереходѣ оставался арьергардъ въ составѣ 1 бат. и 2 эск. Такимъ образомъ, общая численность Борисовскаго гарнизона возросла до 4 т. чел. Въ Борисовѣ же Домбровскій нашелъ предписаніе Бертье защищать этотъ пунктъ до послѣдней крайности.

Ген. Чаплицъ.

Незнакомый съ мѣстностью и не будучи въ состояніи осмотрѣть ее засвѣтло, Домбровскій расположилъ свои войска по совѣту и указанію Брониковскаго. Въ 3 ч. утра войска уже встали въ ружье на случай нечаяннаго нападенія. И дѣйствительно, противникъ былъ близко. Еще за часъ до разсвѣта, Ламбертъ занялъ опушку лѣса, окружавшаго укрѣпленіе. По безпечности, гарнизонъ Борисова объ этомъ не подозрѣвалъ и былъ атакованъ внезапно. Произошло замѣшательство и безпорядокъ, но поляки скоро оправились, и полковникъ Малаховскій выбилъ изъ лѣваго редута овладѣвшій имъ 38 егерскій полкъ и преслѣдовалъ его до оврага. Тутъ увлекшіеся преслѣдованіемъ поляки были атакованы 7 егерскимъ полкомъ, и упорный бой за лѣвый редутъ окончился переходомъ его въ руки егерей.

Одновременно шелъ бой и за правый редутъ. Около 10 ч. утра оба укрѣпленія достались гр. Ламберту; противникъ удерживалъ только ретраншементъ. Въ это время, по дорогѣ изъ с. Гура—Ушкевича обнаружилось движеніе пѣхоты и кавалеріи, а отброшенные въ лѣсъ польскіе батальоны вновь перешли въ наступленіе, угрожая лѣвому флангу русскихъ. Ламбертъ вводитъ въ дѣло послѣдній резервъ, обращаясь противъ пока-

завшейся колонны, которая составляла арьергардъ Домбровскаго. Удачное дѣйствіе 12 конноартиллерійской роты заставило этотъ арьергардъ отойти назадъ къ с. Гура Ушкевича и тамъ переправиться по льду на лѣвый берегъ Березины.

Въ 3 часа дня тетъ-де-понъ былъ взятъ; пѣхота устремилась по мосту въ городъ, гдѣ былъ полный безпорядокъ и деморализація. Паника распространилась и далѣе по дорогѣ до Бобра. Большая часть дивизіи Домбровскаго была уничтожена.

Вечеромъ, когда бой закончился, сталъ подходить корпусъ Ланжерона, а 10 ноября у Борисова были главныя силы 3 арміи, имѣя отряды на рѣкѣ выше и ниже города. Во время движенія къ Березинѣ, отъ главныхъ силъ былъ выдѣленъ отрядъ Чаплица, который и прибылъ въ Зембинъ тоже 10 ноября.

Итого въ этотъ день армія адмирала занимала Березину отъ Зембина до Унги, имѣя главную массу у Борисова.

Удалось занять выгоднѣйшую оборонительную линію на пути отступленія французовъ. Чичаговъ вѣрилъ въ неизбѣжность гибели французской арміи настолько, что разослалъ старшимъ начальникамъ примѣты Наполеона, который не могъ избѣжать плѣна.

Наполеонъ приближался къ Толочину, когда получилъ роковое донесеніе о потерѣ Борисовскихъ предмостныхъ укрѣпленій. Положеніе остатковъ французской арміи становилось критическимъ. Рѣки Березина и Ула преграждали ей всѣ пути отступленія. На Березинѣ наиболѣе доступнымъ являлся участокъ между Борисовымъ и д. Веселово, гдѣ долина рѣки значительно суживается.

Ула представляется менѣе серьезной преградой какъ по ширинѣ, такъ и по качествамъ своей долины, но къ западу отъ Улы тянутся рядъ лѣсовъ и озеръ, являющихся второй оборонительной линіей. Промежутокъ между обѣими рѣками заполнялся каналами и озерами, превращая всю мѣстность въ сплошную непрерывную преграду. Но сообщеніе вдоль праваго берега Березины было неудобно; переброску войскъ надо было совершать кружнымъ путемъ черезъ Докшицы. Ближайшія къ Борисову мостовыя переправы находились въ Веселовѣ и м. Нижнее Березино. Для движенія къ Веселову надо было свернуть съ большой дороги на Кострицу или итти отъ Борисова по лѣвому берегу рѣки. По переправѣ черезъ Березину путь этотъ велъ на Зембинъ по длинному дефиле, образуемому мостами и гатями по болотистой р. Гайнѣ, а у Молодечны выходилъ на большую дорогу изъ Минска въ Вильно. Къ Нижнему Березино вела дорога отъ Бобра черезъ Ухвалу; перейдя Березину, путь этотъ шелъ черезъ Игуменъ въ Минскъ.

Къ вечеру 10 ноября положеніе сторонъ было таково. Французы находились на серединѣ между Днѣпромъ и Березиной; голова арміи достигла Бобра; Наполеонъ съ гвардіей и главныя силы прибыли въ Толочинъ. Впереди у Лошницы былъ Удино, который съ остатками дивизіи Домбровскаго имѣлъ до 10 тыс. и представлялъ собою авангардъ арміи: къ сѣверу, у Череи, располагался Викторъ съ 12 тыс.

Чичаговъ съ 30 тыс. овладѣлъ переправой у Борисова и частью силъ перешелъ на лѣвый берегъ рѣки. Витгенштейнъ съ 30 т. стоялъ про-

тивъ Виктора. Армія Кутузова приближалась къ Днѣпру, имѣя отряды Платова и Ермолова въ разстояніи перехода отъ хвоста французской арміи. Наполеону грозило окруженіе вдвое превосходными силами; надежда на спасеніе заключалась въ трудности установить связь и согласовать дѣйствія отдѣльныхъ русскихъ армій.

Предоставивъ Удино свободу дѣйствій, поставивъ ему лишь цѣль—овладѣть гдѣ-либо переправой черезъ Березину, Наполеонъ согласился съ мнѣніемъ Жомини—переправить армію вблизи Борисова и продолжать отступленіе на Вильну кратчайшимъ путемъ. Удино послано приказаніе овладѣть бродомъ у Веселова, навести тамъ мосты и обезпечить ихъ укрѣпленіями. Для прикрытія же переправы со стороны Витгенштейна, Виктору приказано занять дорогу изъ Лепеля въ Борисовъ, для чего передвинуться изъ Холопеничей къ Баранамъ.

Успѣхъ, одержанный русскими у Борисова, стоилъ недешево; начальникъ авангарда арміи гр. Ламбертъ былъ раненъ и выбылъ изъ строя. Съ этой минуты несеніе всѣхъ обязанностей авангарда какъ будто прекращается. Вечеромъ 9 ноября гр. Ланжеронъ переводитъ корпусъ на лѣвый берегъ Березины, посылаетъ Витгенштейну извѣстіе о занятіи Борисова, но не принимаетъ мѣръ для развѣдки къ сторонѣ Бобра.

На слѣдующій день въ Борисовъ прибываетъ Чичаговъ и назначаетъ начальникомъ авангарда гр. Палена 2 съ приказаніемъ—на разсвѣтѣ 11 ноября выступить на Лошницу.

Это движеніе привело къ пораженію гр. Палена, отступившаго къ Борисову въ полномъ разстройствѣ. Войска Удино преслѣдовали его по пятамъ. Чичаговъ приказалъ очистить городъ. Можно себѣ представить картину этого отступленія. «Все устремилось въ безпорядкѣ къ мосту, который вскорѣ оказался загроможденнымъ артиллеріей, обозами, маркитантскими повозками и вьюками. Главнокомандующій поспѣшилъ перебраться на правый берегъ рѣки, и, чтобы очистить ему дорогу, съ моста сталкивали повозки и лошадей въ воду».

Потеря Борисова, отходъ на правый берегъ Березины свели задачу Чичагова на пассивную оборону рѣки. Кромѣ того, неудача 11 ноября лишила адмирала самоувѣренности и, конечно, отразилась на его послѣдующихъ дѣйствіяхъ.

Предполагая, что французы постараются проложить себѣ дорогу на Минскъ переправой около Борисова, Чичаговъ оставался съ главными силами у тетъ-де-пона; отрядъ Чаплица перешелъ къ Брили и занялъ Зембинъ. Въ Ушкевичи отправленъ отрядъ гр. Орурка съ цѣлью противодѣйствовать переправѣ противника у мѣст. Нижнее Березино. Оба отряда приняли указанное имъ распоряженіе 12 ноября.

Удино опредѣлялъ численность противника въ 20 тыс., къ которымъ еще долженъ былъ присоединиться Витгенштейнъ. Успѣхъ переправы становился сомнительнымъ. Оцѣнивая броды у Ухолодъ, Стахова, Студенки и Веселова,—Удино, конечно, остановился на переправѣ у Студенки [1]). Противъ Ухолодъ и Стахова рѣшено было производить демонстра-

[1]) У Студенки былъ бродъ, случайно открытый кавалерійской бригадой Корбино. Ее обманомъ увелъ отъ корпуса Удино баварскій генералъ Вреде. По пути Корбино обнаружилъ обманъ и рѣшилъ вернуться къ своему корпусу. Бродъ у Студенки показали ему крестьяне (Marbot, Mém., III, гл. 18). *Ред.*

ціи. Однако развѣдка заставила Удино колебаться относительно переправы у Студенки, но Наполеонъ категорически приказалъ продолжать работы, пославъ въ распоряженіе Удино всѣхъ уцѣлѣвшихъ понтонеръ, саперъ, генераловъ Эбле и Шаслу.

Съ 11 на 12 ноября Викторъ ночевалъ у Холопеничей; поэтому на другой день, слыша кононаду между Холопеничами и Батурами, Наполеонъ считалъ свою операцію обезпеченной. Донесеніе же Виктора объ отступленіи на Лошницу было полной неожиданностью и грозило крупной опасностью, открывая переправу у Студенки ударамъ Витгенштейна. Въ 5 ч. утра 13 ноября Наполеонъ посылаетъ Виктору приказаніе—немедленно съ 2 дивизіями перейти на Лепельскую дорогу къ Кострицѣ, оставивъ арьергардъ на дорогѣ изъ Холопеничей въ Лошницу для прикрытія движенія французскихъ войскъ по большой дорогѣ.

Наполеонъ предполагалъ, что Викторъ къ полудню займетъ Кострицу. Намѣреваясь переправиться въ ночь съ 13 на 14 ноября, онъ хотѣлъ сосредоточить для этой операціи Удино, Виктора и гвардію. Арьергарду Даву приказано удерживаться между Крупками и Начею, покуда переправа не закончится. Остальныя войска должны эшелонировать между Начею и Нелѣницею. Наполеонъ все еще надѣялся завершить кампанію удачной операціей.

14 ноября въ 10 ч. утра на подходѣ къ Борисову получилось донесеніе Виктора, разрушившее послѣднія надежды великаго полководца. Оказалось, что приказаніе занять Кострицу Викторъ получилъ уже на маршѣ къ Лошницѣ и, найдя новое направленіе непріемлемымъ, продолжалъ отходить къ Лошницѣ.

Гибель французской арміи была неминуема. Простой взглядъ на карту указываетъ, что Витгенштейнъ могъ подойти къ Студенкѣ въ самомъ началѣ перехода французами Березины. Въ сумеркахъ вступилъ Наполеонъ въ Борисовъ, а 2 французскій корпусъ въ это время стягивался къ Студенкѣ. Чтобы ввести въ заблужденіе Чичагова, одновременно съ занятіемъ Студенки, направили внизъ по рѣкѣ къ Ухолодамъ батальонъ пѣхоты, которому сопутствовали толпы безоружныхъ, принятые съ противоположнаго берега за сильныя колонны.

Въ ночь на 13 ноября Витгенштейнъ увѣдомилъ Чичагова объ отходѣ Виктора отъ Череи и предполагалъ, что французская армія повороτитъ къ Бобруйску, потому что иначе Викторъ продолжалъ бы держаться у Череи. Прибавивъ рядъ другихъ болѣе мелкихъ соображеній, Чичаговъ рѣшилъ, что Наполеонъ намѣренъ форсировать Березину въ нижней части ея теченія. Вопреки мнѣнію старшихъ генераловъ и начальника штаба, адмиралъ рѣшилъ немедленно передвинуть свои силы къ югу. Гр. Орурκъ, сдѣлавъ 50-верстный зимній переходъ, къ утру 14 ноября занялъ м. Нижнее Березино. У предмостныхъ укрѣпленій оставленъ Ланжеронъ съ 4—5 тыс. Адмиралъ съ резервомъ въ 14—16 тыс. къ вечеру прибылъ въ с. Забашевичи; Чаплицу приказано наблюдать верхнее теченіе рѣки постами, а самому прибыть къ Борисову. Такова была группировка силъ адмирала Чичагова къ утру 14 ноября, т.-е. къ тому времени, когда рѣшалась судьба Наполеона и остатковъ великой арміи къ сѣверу отъ Борисова у д. Студенки. Уже вечеромъ 13 ноября въ Забашевичахъ Чича-

говъ получилъ увѣдомленіе Витгенштейна, измѣнявшее смыслъ прежнихъ его соображеній. Извѣстіе же о движеніи Витгенштейна на Холопеничи, безъ объясненія причинъ, Чичаговъ принялъ какъ указаніе на возможность переправы французовъ выше Борисова. Адмиралъ предписываетъ Чаплицу остаться въ прежнемъ положеніи, а Ланжерону подкрѣпить его. Увы, эти распоряженія дошли по назначенію, когда форсированіе Березины французами закончилось.

Ночью отрядъ Чаплица добылъ свѣдѣнія, что вся французская армія сосредоточилась между Старымъ и Новымъ Борисовымъ, что строятъ мосты, которые могутъ быть наведены у Брили или Веселова. Одновременно гр. Ланжеронъ приказываетъ очистить Зембинъ, Веселово и Брили и итти къ тетъ-де-пону. Чаплицъ, сознавая важность сохраненія своего положенія, посылаетъ адъютанта къ Чичагову, доноситъ Ланжерону о происходящемъ у Студенки и приказываетъ своему отряду сосредоточиться напротивъ—у Брили. Очищая Зембинъ и Веселово, Чаплицъ не сдѣлалъ распоряженія уничтожить мосты и гати, образующія рядъ трудныхъ дефиле. Это упущеніе стало въ рядъ главнѣйшихъ причинъ, позволившихъ остаткамъ французовъ ускользнуть отъ конечной гибели. Ночью же Чаплицъ получаетъ настойчивое приказаніе Ланжерона слѣдовать къ Борисову, что и исполняетъ передъ разсвѣтомъ, оставивъ у Брили отрядъ ген. Корнилова въ составѣ: 1 егерскаго, 2 казачьихъ полковъ и 4 орудій.

Переходъ черезъ Березину. (Совр. гр.).

На разсвѣтѣ Наполеонъ прибылъ въ Студенку. Въ это время Чичаговъ находился отъ переправы въ двухъ переходахъ. Въ такомъ же положеніи былъ и Витгенштейнъ, который, занявъ Бараны, выдвинулъ передовыя войска къ Янчинѣ и Кострицѣ. Кутузовъ значительно отсталъ. Только Платовъ и Ермоловъ ночевали въ небольшомъ разстояніи отъ французскаго арьергарда. Французы могли окончательно сосредоточиться къ переправѣ не ранѣе вечера 15 ноября.

Приступая къ форсированію переправы, Наполеонъ имѣлъ 14 тыс., противъ которыхъ стоялъ отрядъ Корнилова. Въ первый день къ нему могли подойти: Чаплицъ и частью Ланжеронъ. И при этомъ условіи за Наполеономъ было обезпечено двойное превосходство силъ, т.-е. на 14 ноября обстановка сложилась для французской арміи благопріятно. Положеніе могло измѣниться лишь 15 ноября, съ подходомъ силъ Чичагова и Витгенштейна.

На разсвѣтѣ 14 ноября началась постройка двухъ мостовъ въ разстояніи 100 саженъ одинъ отъ другого.

Работы эти были обнаружены отрядомъ Корнилова, который пытался мѣшать имъ, покуда огонь его 4 орудій не былъ подавленъ артиллеріей гвардіи и 2 корпуса. Послѣ полудня перешелъ по мосту корпусъ Удино и, перемѣнивъ фронтъ на югъ, сталъ наступать противъ Корнилова.

Одновременно былъ высланъ отрядъ къ Зембину для захвата важныхъ французамъ дефиле.

Корниловъ постепенно отходилъ къ Стахову, гдѣ былъ поддержанъ Чаплицемъ, вернувшимся по собственной инициативѣ. Чаплицу удалось остановить наступленіе французовъ, но онъ не могъ ихъ оттѣснить, а потому переправа продолжалась безпрепятственно.

Только получивъ 14 ноября донесеніе Ланжерона о происходящемъ у Стахова, Чичаговъ понялъ положеніе дѣлъ и приступилъ къ распоряженіямъ по сосредоточенію своей арміи къ мѣсту переправы французовъ. Исполненіе встрѣтило огромное затрудненіе, потому что войска лишь наканунѣ совершили переходъ въ Забашевичи, откуда теперь и выступили слишкомъ поздно.

14 ноября Чаплицъ былъ поддержанъ лишь двумя полками пѣхоты, а къ вечеру, когда все было кончено, стали еще приходить подкрѣпленія и прибылъ Ланжеронъ. Витгенштейнъ въ этотъ день перешелъ съ главными силами изъ Баранъ въ Кострицу; передовой отрядъ Альбрехта слѣдовалъ на Немоницу и установилъ связь съ Платовымъ, а авангардъ Властова перешелъ Жидоновъ.

Въ этотъ же день къ вечеру французы имѣли на правомъ берегу Березины, между Брили и Стаховымъ, около 7 тыс. (Удино и Домбровскій); всѣ остальные были еще на лѣвомъ берегу, занимая сильно растянутое расположеніе. Утромъ 15 ноября къ переправѣ подошли 2 дивизіи Виктора, а за ними войска вице-короля и Даву. Наполеонъ перешелъ на правый берегъ, перенеся главную квартиру въ д. Занивки (въ настоящее время не существуетъ) [1]). Въ теченіе 15 ноября на правомъ берегу противники ограничились перестрѣлкой. Осмотрѣвъ позиціи Чаплица, адмиралъ рѣшилъ дѣйствовать оборонительно и перейти въ наступленіе только въ случаѣ отхода французовъ на Зембинъ.

Между тѣмъ Витгенштейнъ 15 ноября продолжалъ наступленіе на Борисовъ, будучи увѣренъ, что Наполеонъ намѣренъ переправиться къ югу отъ большой дороги, но обстановка выяснилась уже по подходѣ къ Кострицѣ. Оказывалось, что движеніе французовъ и переправа ихъ были совершенно обнажены со стороны Витгенштейна, который и могъ остановить всѣми силами въ любой точкѣ между Борисовымъ и Студенкой. Только при движеніи на Студенку можно было разсчитывать достигнуть существенныхъ результатовъ, но Витгенштейнъ выбралъ направленіе на м. Ст. Борисовъ. Возможность стать лицомъ къ лицу съ Наполеономъ оказала на Витгенштейна роковое вліяніе.

Согласно съ принятымъ рѣшеніемъ, авангардъ Властова (5 тыс.) двинутъ на Ст. Борисовъ; за нимъ слѣдовали главныя силы подъ начальствомъ Витгенштейна, почему-то оставившаго еще резервъ Фока у Кострицы. Платову, Ермолову и Милорадовичу послана просьба атаковать французскую армію съ тылу.

---

[1]) Многіе изъ участниковъ переправы указываютъ на то, что она производилась недостаточно энергично. Марбо (тамъ же) утверждаетъ, что мосты были пусты въ ночь съ 15 на 16. Фаберъ-дю-Форъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ (Stuttg., 1843), что даже въ слѣдующую ночь они не все время были заняты. Дѣло въ томъ, что отсталыхъ никакими силами нельзя было принудить перейти на другой берегъ, пока не показался непріятель. Тогда только они массами стали бросаться на мостъ, затрудняя дѣйствія Виктора. Въ концѣ-концовъ, отсталые и обезоруженные и привели къ катастрофѣ. *Ред.*

Властовъ, выйдя на опушку лѣса, которымъ пролегала дорога на Ст. Борисовъ, обнаружилъ движеніе французовъ на Студенку. Неожиданно открылъ огонь. Артиллерія произвела у французовъ панику; часть бросилась бѣжать къ Студенкѣ, часть—къ Борисову. На позицію, занятую противъ Борисова, прибылъ Витгенштейнъ съ главными силами и послалъ въ городъ предложеніе оставшимся тамъ французамъ сдаться. Это была дивизія Партуно. Послѣ отчаяннаго сопротивленія остатки дивизіи положили оружіе[1]). За 15 ноября корпусъ Витгенштейна взялъ 7 тыс. плѣнныхъ.

У Студенки, на лѣвомъ берегу Березины, къ вечеру 15 ноября осталась одна дивизія пѣхоты, 2 кавалерійскія бригады, огромныя толпы отсталыхъ и многочисленные обозы. Наполеонъ хотѣлъ удерживать переправу 16 ноября, чтобы сохранить путь отступленія для дивизіи Партуно и отсталыхъ. Съ этой цѣлью еще одна дивизія передъ разсвѣтомъ перешла обратно на лѣвый берегъ.

Тѣмъ временемъ Чичаговъ установилъ связь съ передовыми частями Витгенштейна и Платова. Какъ только было замѣчено оставленіе Борисова дивизіей Партуно, городъ былъ занятъ пѣхотнымъ полкомъ, перебравшимся черезъ рѣку по остаткамъ моста. Съ другой стороны въ городъ проникъ Сеславинъ и казаки Платова. Чичаговъ сосредоточился къ Борисову, за исключеніемъ отряда гр. Орурка, остававшагося еще у д. Ушкеличи.

Рѣшивъ атаковать противника, стоявшаго противъ Чаплица, Чичаговъ назначилъ начало дѣйствій въ 9 ч. утра и просилъ содѣйствія Витгенштейна. У французовъ между Брили и Стаховымъ было 10 тыс., а у Студенки около 7 тыс. Общій резервъ — гвардія (6.500) стояла у д. Занивки; наконецъ у Зембина были остатки 3 корпусовъ, силою до 2.500 человѣкъ.

Мѣстность на правомъ берегу Березины слегка волниста, покрыта лѣсомъ, черезъ который идетъ дорога изъ Борисова на Зембинъ. Лѣсъ значительно стѣснялъ дѣйствія конницы, а артиллерія могла расположить лишь на дорогѣ нѣсколько орудій. У стоявшихъ противъ Чаплица французовъ въ первой линіи былъ Удино и во второй—Ней. Молодая гвардія подъ начальствомъ Мортье составила резервъ. Чаплицъ, построивъ свои войска въ 3 линіи, началъ наступленіе съ разсвѣтомъ. Отбросивъ передовую французскую цѣпь, Чаплицъ быстро подавался впередъ, увѣренный въ поддержкѣ главныхъ силъ, которыя, по увѣренію адъютанта адмирала, слѣдовали невдалекѣ. Встрѣтивъ сопротивленіе на главной позиціи, Чаплицъ вынужденъ былъ нѣсколько часовъ вести артиллерійскій и ружейный огонь въ ожиданіи подхода обѣщанной поддержки. Оказалось, что Чичаговъ выслалъ съ этой цѣлью 2 дивизіи подъ командой своего начальника штаба Сабанѣева. Дивизіи шли по лѣсу въ нѣсколькихъ линіяхъ густыхъ стрѣлковыхъ цѣпей, а сблизившись съ Чаплицемъ онѣ съ барабаннымъ боемъ и громкимъ «ура» бросились впередъ. Это наступленіе было остановлено стремительной атакой французскихъ кирасиръ Думека. Замѣшательство достигло высокой степени, когда подходившія съ тылу стрѣлковыя цѣпи открыли огонь. Чаплицу удалось привести свои войска въ порядокъ, но начатое наступленіе въ этотъ день больше не продолжалось.

---

[1]) По другой версіи Партуно уже выступилъ изъ Борисова и, заблудившись въ дорогахъ, угодилъ въ самый центръ арміи Витгенштейна. Результатъ, впрочемъ, былъ одинъ. *Ред.*

На лѣвомъ берегу Березины, гдѣ французы имѣли всего 7 тыс. Виктора, разыгрался бой у Студенки съ авангардомъ Витгенштейна. Съ разсвѣтомъ Властовъ выступилъ, имѣя впереди генерала Родіонова, и направился къ Студенкѣ. Изъ д. Бытчи Родіоновъ выбилъ французскія передовыя части и развѣдалъ расположеніе Виктора. Наступая вдоль Березины, стрѣлки заняли перелѣсокъ, отстоявшій на пушечный выстрѣлъ отъ нижняго мѣста. Это дало возможность направить сюда огонь артиллеріи, сосредоточивъ его противъ массъ повозокъ и толпы людей. Тогда всѣ въ паническомъ ужасѣ бросились къ мостамъ, гдѣ массы людей погибли задавленными или сброшенными въ воду.

Однако вскорѣ части баденской бригады, направленныя изъ Студенки, выбили русскихъ изъ перелѣска и съ обѣихъ сторонъ завязался горячій огневой бой. Замѣчая постепенное развертываніе русскаго авангарда, Викторъ направляетъ въ атаку Бергскую бригаду и баденскій гусарскій полкъ. Атака встрѣчена убійственнымъ огнемъ и заканчивается неудачей, а подошедшіе изъ главныхъ силъ егеря идутъ въ штыки и преслѣдуютъ французовъ. Положеніе Виктора становится критическимъ. Отступленія нѣтъ, потому что мосты загромождены, а противникъ усиливается и переходитъ въ наступленіе. Пущенной въ дѣло конницѣ тоже не удается достигнуть успѣха. Наступившая темнота пріостановила атаку, но канонада продолжалась. Обѣ стороны понесли значительныя потери.

Сидя въ Борисовѣ, Витгенштейнъ вечеромъ 16 ноября узналъ о результатахъ боя у Студенки. Предполагая, что французы продолжаютъ удерживать лѣвый берегъ значительными силами, онъ рѣшилъ на слѣдующій день не атаковать французовъ, оставаясь на своихъ позиціяхъ. Этимъ, по мнѣнію Витгенштейна, обезпечивалось содѣйствіе приближавшихся войскъ Кутузова, а Платовъ могъ выйти на путь отступленія непріятеля и отразить его. Такое рѣшеніе встрѣтило полное сочувствіе адмирала, и вотъ французы продолжаютъ свое отступленіе совершенно безпрепятственно.

Около 4 ч. утра 17 октября Викторъ закончилъ переправу и послѣдовалъ за Наполеономъ, выступившимъ изъ Брили въ 6 ч. утра. Обязанности арьергарда несъ Ней, занявшій позицію на поворотѣ дороги на Зембинъ. Тутъ Ней оставался, пока артиллерія и обозы миновали дефиле на р. Гайнѣ. 8 ч. 30 м. утра Эбле зажегъ мосты, а на берегу появились казаки и передовыя части Властова. Въ это время у Студенки пространство не менѣе квадратной полуверсты было заполнено всевозможными повозками съ добычей, награбленной въ Москвѣ. Безоружная толпа, окружавшая обозъ, пыталась спастись черезъ пылающіе мосты или по льду, ломавшемуся подъ людской тяжестью. Иные пробовали перебраться вплавь. Немногимъ удалось спастись; большинство погибло или взято въ плѣнъ.

Невозможно дать точную цифру потерь французовъ при переправѣ, потому что неизвѣстна численность арміи къ началу переправы. Достаточно сказать, что въ результатѣ этой операціи въ боевомъ смыслѣ отъ великой арміи ничего не осталось; переправившіеся 9 тыс. спаслись бѣгствомъ.

Однако, какъ ни ничтожна горсть французовъ, ушедшихъ изъ Россіи, но она имѣла огромное значеніе въ послѣдующей борьбѣ Наполеона съ коалиціей, давъ кадръ для сформированія новой арміи. Поэтому планъ

императора Александра удался лишь отчасти. Въ этомъ повинны недостатки самаго плана, указанные въ началѣ изслѣдованія, а также и исполнители. Впрочемъ, трудно винить Чичагова и Витгенштейна, завѣдомо ничтожныхъ полководцевъ, въ томъ, что у нихъ не хватило мужества вступить къ единоборство съ Наполеономъ. И ни въ какомъ случаѣ нельзя присоединиться къ общественному мнѣнію великой годины Отечественной войны, возложившему всю отвѣтственность на Чичагова. Вспомнимъ, что такіе люди, какъ Ермоловъ, смѣли итти противъ общественнаго мнѣнія. Поэтому немудрено, что въ своихъ запискахъ Ермоловъ говоритъ про Чичагова: «Чувствую съ негодованіемъ, насколько безсильно оправданіе мое возлагаемыхъ на него обвиненій».

А. Н. Апухтинъ.

„Варварское и безчеловѣчное поведеніе Бонапарта, пожертвовавшаго своими больными и ранеными при сожженіи моста черезъ Березину у Студенки. (Англійское изданіе).

2. Переправа черезъ Березину.

В. П. Алексѣева.

Былъ часъ пополудни, когда окончили постройку перваго моста и началась переправа.

Въ участникахъ похода этотъ моментъ оставилъ сильное впечатлѣніе. Моментъ, дѣйствительно, былъ полонъ торжественности и исторической важности. «Передъ нами,—разсказываетъ одинъ изъ очевидцевъ,—лежала деревня Студенка и виднѣлся только что наведенный мостъ. Нѣсколько батальоновъ пѣхоты стояли у деревни, построившись колоннами. Вдругъ изъ одной избы вышелъ императоръ, окруженный толпой маршаловъ и генераловъ. Онъ былъ въ сѣрой шубѣ, но онъ отбросилъ одну ея полу лѣвой рукой, такъ что можно было разсмотрѣть хорошо его бле-

стящіе сапоги и бѣлые панталоны. Обычная маленькая шляпа была на его головѣ. На лицѣ его не было замѣтно никакого движенія; оно было холодно и безстрастно, какъ всегда. Множество адъютантовъ, всѣ въ легкихъ шинеляхъ, стояли и сновали кругомъ, ожидая и разнося приказанія. Жандармы въ полномъ парадѣ, но на исхудалыхъ, тощихъ коняхъ расположились полукругомъ у моста, не допуская къ нему никого изъ безоруженныхъ. Погода была пріятная. Небо разъяснялось понемногу; легкіе клочья снѣга носились въ воздухѣ, но температура поднялась значительно и около полудня ощущалась солнечная теплота».

Корпусъ Удино первый ступилъ на мостъ. Сооруженный наскоро, онъ оказался недостаточно прочнымъ, скрѣпы рвались, бревна разсыпались, но все-таки Удино перевезъ съ собой даже два орудія и зарядные ящики.

Къ четыремъ часамъ пополудни окончили постройку второго моста, и по немъ, въ первую очередь, переправилась гвардейская артиллерія и артиллерія корпуса Удино, а въ ночь войска Нея и молодая гвардія. Этотъ мостъ два раза ломался, и починка его задержала переправу. Тѣмъ не менѣе, на другой день уже переправилась старая гвардія и самъ императоръ, вслѣдъ за ними остатки корпусовъ вице-короля, Даву и Жюно и одна дивизія Виктора, такъ что къ 16 числу почти всѣ войска находились на правомъ берегу. На лѣвомъ остался со своимъ корпусомъ Викторъ для прикрытія со стороны угрожавшаго здѣсь Витгенштейна. И только тогда русскія войска стянулись къ мѣсту переправы.

Заключительныя сцены переправы разыгрались на лѣвомъ берегу. Здѣсь 15 ноября сдался Партуно, а на другой день завязался бой съ Викторомъ—упорный и кровопролитный бой, длившійся съ утра до вечера, до полнаго истощенія силъ противника. Викторъ, чтобы отстоять переправу и дать возможность перейти нестроевымъ, переходилъ нѣсколько разъ въ наступленіе и не далъ Витгенштейну отбросить себя. Ночь разняла дерущихся, и Викторъ, убѣдившись въ тщетности своихъ усилій, рѣшилъ отступить на правый берегъ. На мостахъ образовалось скопленіе безоружныхъ, переправа была загромождена повозками и тѣлами замерзшихъ и затонувшихъ людей. И Виктору пришлось силой пробираться черезъ эти загражденія изъ живыхъ и мертвыхъ людей, пуская въ ходъ даже оружіе противъ своихъ сотоварищей. Послѣ этого на лѣвомъ берегу остался лишь арьергардъ Виктора для спасенія безоружныхъ. Но послѣднее оказалось трудно выполнимымъ дѣломъ.

Безоружнымъ и отсталымъ представлялась нѣсколько разъ полная возможность перейти рѣку, но они не воспользовались ею и оказались сами виновниками своей гибели. Они могли переправиться ночью съ 14 на 15 до боя съ Витгенштейномъ. Но никакія силы не могли ихъ поднять и вызвать изъ лѣса, гдѣ они расположились бивакомъ. Когда же разсвѣло и стала переправляться гвардія, они явились къ мосту и пожелали переправиться всѣ разомъ. Получилось, конечно, страшное скопленіе и давка и многочисленныя жертвы. «Первые ряды, тѣснимые тѣми, которые слѣдовали за ними, или остановленные рѣкою, были раздавлены, смяты или сброшены на льдины, которыя неслись по Березинѣ. Изъ середины этой громадной и ужасной груды раздавалось то глухое ворчанье, то громкіе крики, перемѣшанные со стонами и страшными проклятіями».

Только вооруженная сила водворила порядокъ. Несчастные были оттѣснены, чтобы дать дорогу гвардіи и императору, и вернулись въ лѣсъ. Громъ орудій Витгенштейна вновь вывелъ безоружныхъ изъ оцѣпенѣнія. Въ паническомъ страхѣ они ринулись къ мостамъ, у которыхъ произошла опять давка, смятеніе и наполняющія ужасомъ душу сцены. Уже всѣ перемѣшались одни съ другими, и эта громадная толпа, собравшаяся на берегу вперемежку съ лошадьми и повозками, образовывала невѣроятное загроможденіе. Только къ серединѣ дня первыя ядра непріятеля стали падать въ самую середину этого хаоса; они послужили сигналомъ ко всеобщему отчаянію. Въ это время одинъ мостъ рухнулъ, увлекая вмѣстѣ со своими обломками людей и лошадей въ воду, и толпа безоружныхъ отхлынула къ другому мосту, у котораго вслѣдствіе давки и безумія людей, отчаявшихся въ своемъ спасеніи, разыгрались еще болѣе потрясающія сцены. Инстинктъ самосохраненія и животный страхъ не только заглушили въ людяхъ всѣ человѣческія чувства, но и лишили ихъ разсудка. Сами того не сознавая, они толкали, топили другъ друга и вмѣсто спасенія общими усиліями способствовали собственной гибели. «Женщины и матери тщетно призывали душераздирающимъ голосомъ своихъ мужей и своихъ дѣтей, которыхъ одно мгновеніе безвозвратно отдѣлило отъ нихъ; онѣ протягивали къ нимъ руки, онѣ умоляли пропустить ихъ пройти къ нимъ, но увлеченныя толпой, раздавленныя этой живой волной, онѣ падали, и этого даже не замѣчали. Среди этого ужасающаго грохота, среди этого дикаго стремленія, пушечныхъ выстрѣловъ, рева бури, разрывающихся гранатъ, воплей, стоновъ, дикихъ проклятій, эта безпорядочная толпа не слышала жалобныхъ криковъ жертвъ, которыхъ она поглощала». А въ конечномъ итогѣ—безполезныя жертвы, упущеніе момента для переправы и возвращеніе вспять. На противоположномъ берегу—лишь немногіе счастливцы, перешедшіе по трупамъ своихъ товарищей и обломкамъ орудій и телѣгъ. Вся же остальная масса, за вычетомъ уже утонувшихъ въ Березинѣ,—на этомъ берегу.

Между тѣмъ арьергардъ Виктора находился тоже на томъ берегу, и мосты, согласно распоряженію Наполеона, послѣ этого надо было сжигать. Такимъ образомъ всѣ неуспѣвшіе переправиться, теперь обрекались на гибель, такъ какъ медлить было нельзя. Волю Наполеона выполнили въ точности—мосты загорѣлись тотчасъ же, какъ арьергардъ Виктора ступилъ на правый берегъ Березины. «Тогда началось такое замѣшательство, которое трудно описать: пѣхота, конница, отсталые и все, что слѣдовало за арміей, женщины, дѣти,—все это бросилось толпою на мостъ, который уничтожили». Послѣдствія были ужасны. Вмѣсто спасенія люди нашли себѣ здѣсь мучительную смерть.

«Ужасное зрѣлище представилось намъ,—разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» Чичаговъ,—когда мы 17 ноября пришли на то мѣсто, которое наканунѣ занималъ непріятель и которое онъ только что оставилъ: земля была покрыта трупами убитыхъ и замерзшихъ людей; они лежали въ разныхъ положеніяхъ. Крестьянскія избы вездѣ были ими переполнены, рѣка была запружена множествомъ утонувшихъ пѣхотинцевъ, женщинъ и дѣтей; около мостовъ валялись цѣлые эскадроны, которые бросились въ рѣку. Среди этихъ труповъ, возвышавшихся надъ поверхностью воды,

видны были стоявшіе, какъ статуи, окоченѣлые кавалеристы на лошадяхъ въ томъ положеніи, въ какомъ застала ихъ смерть». Среди этого поля мертвыхъ попадались еще дышавшіе, и наши казаки сумѣли отравить имъ послѣднія минуты жизни. Не довольствуясь добычей съ мертвыхъ, они стаскивали платье съ умирающихъ. «Эти несчастные громко кричали, имъ было очень холодно, и ночью, отдыхая въ крестьянской избѣ, я слышалъ вопли ихъ. Многіе въ борьбѣ со смертью силились перелѣзть ко мнѣ черезъ заборъ, но это послѣднее усиліе окончательно убивало ихъ, такъ что при выходѣ моемъ я нашелъ ихъ замерзшими: однихъ съ поднятыми руками, другихъ съ поднятыми ногами»... Впослѣдствіи по распоряженію минскаго губернатора здѣсь было сожжено до 24.000 труповъ.

В. Алексѣевъ.

Наполеонъ въ Вильнѣ (Музей П. И. Щукина).

V. Бѣгство Наполеона.

В. П. Алексѣева.

Итакъ, непріятель, хотя и съ большими потерями, но ускользнулъ, и цѣль, не достигнутая при переправѣ черезъ Березину, оставалась опять впереди. Поэтому Кутузовъ, получивъ извѣстіе о дѣлѣ 16 ноября, двинулся къ Копысу, 19 перешелъ Березину [1]) и, остановившись въ д. Уши, распорядился о дальнѣйшемъ преслѣдованіи французовъ. Чичагову было предписано итти за непріятелемъ по пятамъ, Витгенштейну преслѣдовать его съ праваго фланга, идя на Плещеницу къ Нѣманчицу, а командиру

[1]) Точно счастье хотѣло доказать, что оно можетъ рѣшительно отвернуться отъ Наполеона. Если бы морозы ударили тремя днями раньше, не было бы никакой катастрофы. Не успѣли французы переправиться, какъ Березина замерзла. То же было и на зембинскихъ бологахъ. Чичаговъ не сжегъ моста. Французы прошли, сожгли ихъ, а морозъ превратилъ болото въ гладкую, крѣпкую поверхность.
Ред.

авангарда Милорадовичу итти черезъ Логопскъ, на Яшуны и преслѣдовать непріятеля съ лѣваго фланга. Задача же главной арміи состояла въ томъ, чтобы стать между отступавшимъ къ Вильнѣ непріятелемъ и его вспомогательнымъ австро-саксонскимъ корпусомъ Шварценберга и Рене, находившимся у Слонима, и предупредить соединеніе ихъ съ Наполеономъ. Наконецъ Фигнеръ, Давыдовъ и Сеславинъ должны были, «не занимаясь болѣе непріятелемъ», итти къ Гродно и Ковно и овладѣть ими до прихода сюда императора. На дѣлѣ, впрочемъ, пришлось отступить отъ этого плана. Партизанамъ вмѣстѣ съ казаками Платова, какъ болѣе подвиж-

Отступленіе французской арміи черезъ Вильну (Дамель).

нымъ частямъ, пришлось и болѣе «заняться» непріятелемъ—выбивать его отовсюду по пути отступленія и тревожить.

Перегонъ отъ Березины до Ковно былъ послѣднимъ испытаніемъ для французской арміи и вмѣстѣ съ тѣмъ концомъ ея уже не въ военномъ только отношеніи, но и въ физическомъ.

О порядкѣ, о дисциплинѣ въ эту минуту, конечно, не могло быть никакой серьезной рѣчи. «Всѣ шли, какъ попало, кавалерія, пѣхота, артиллерія, французы и нѣмцы; не было больше ни крыла ни центра. Артиллерія и обозъ двигались сквозь эту нестройную толпу, не повинуясь никакимъ приказамъ, кромѣ одного: двигаться, какъ можно быстрѣе». И дѣйствительно, двигались быстро, точнѣе бѣжали, сколько хватало

силъ, не чуя подъ собой земли. «Мы спѣшили впередъ, — говоритъ Фезензакъ,—не обращая вниманія ни на нашу усталость, ни на скользкую почву подъ нашими ногами». Сто верстъ пути отъ Вильны до Ковно они прошли въ три дня. По словамъ Сегюра, у солдатъ теперь даже «не было желанія бороться съ непріятелемъ—они стремились только побѣдить голодъ и холодъ» (203).

Между тѣмъ врагъ слѣдовалъ за ними по пятамъ, неотступно, безостановочно и притомъ двойной врагъ — въ видѣ стихіи и въ видѣ русскихъ войскъ. Особенно неумолимъ, неотступенъ и безпощаденъ былъ первый врагъ. Какъ разъ послѣ переправы погода перемѣнилась, стало быстро холодѣть, и морозы достигли 27°. «Холодъ, по словамъ очевидца, проникалъ черезъ кожу, мускулы, до мозга костей. Поверхность кожи становилась бѣла, какъ снѣгъ, а члены хрупки, какъ алебастръ. Ударοподобный припадокъ поражалъ нерѣдко внезапно все тѣло, и трупъ, еще дышащій, дѣлался неподвижнымъ. Тогда можно было отламывать отъ него руки и ноги безъ малѣйшаго усилія, и живой мертвецъ не чувствовалъ при этомъ никакой боли». Непривычные къ холоду, и не зная, какъ отъ него спасаться, французы дѣлались жертвой своей неопытности. Замерзали на ходу, засыпали навѣки у костровъ и устилали своими трупами дорогу.

Другой врагъ—русскія войска, тоже не давалъ пощады французамъ. Они слѣдовали за бѣгущими съ неменьшей быстротой и возрастающей стремительностью. «Въ первые дни,—по словамъ Чичагова,—мы были остановлены немного мостами, которые онъ (врагъ) сжегъ и истребилъ; но нѣсколько часовъ достаточны намъ были для исправленія ихъ» (изъ рапорта Чичагова главнокомандующему отъ 29 ноября—«Сѣверная Почта», 1812 г.). Затѣмъ Чичаговъ «пошелъ форсированными маршами; авангардъ ни на минуту не терялъ его (непріятеля) изъ виду и выбивалъ его нѣсколько разъ, принуждая итти ночью и забирая у него пушки и плѣнныхъ». Уничтожались послѣдніе остатки когда-то «великой», а теперь «умирающей и дезорганизованной арміи». Преслѣдованіе, по признанію самихъ французовъ, шло такъ энергично и быстро, что являлось опасеніе за цѣлость императора.

Въ погоню за французами русскіе бросились тотчасъ же послѣ переправы ихъ.

Не успѣлъ французскій арьергардъ оставить Зембинъ, какъ налетѣли казаки съ тыла и фланговъ и выхватили изъ строя нѣсколько человѣкъ, а слѣдомъ за ними появился Чаплицъ и взялъ 7 пушекъ и 400 плѣнныхъ. Тотъ же Чаплицъ, который, по свидѣтельству Чичагова, «особенно отличался и по стремительности и по неутомимости» преслѣдованія, на другой день вмѣстѣ съ Платовымъ оттѣснили Виктора изъ Плещеницы и гнали его до Хотовичъ, отбивъ при этомъ еще 6 орудій и 400 плѣнныхъ. Въ слѣдующіе дни—новыя нападенія и новыя потери французовъ— 2.000 плѣнныхъ, 10 орудій и 2 штандарта. Въ Молодечнѣ Чаплицъ и Платовъ опять настигли Виктора и заставили его отступить за р. Ушу, потерявъ 500 плѣнныхъ и 8 орудій. Въ это время подоспѣлъ отрядъ Ермолова и вся дунайская армія, и въ трехъ верстахъ за Молодечной Викторъ былъ разбитъ окончательно. Его солдаты сами бросали ружья и

сдавались. Онъ потерялъ всю артиллерію въ числѣ 20 орудій и 2.500 плѣнными, т.-е. арьергардъ пересталъ существовать. Въ Бенницахъ и Ошмянахъ повторилось то же съ возобновленнымъ арьергардомъ, отъ котораго при Мѣдникахъ уже ничего не осталось. «Со времени переправы черезъ Березину до Вильны намъ досталось 150 орудій, болѣе 700 зарядныхъ ящиковъ, фургоновъ и такое большое количество обозовъ, что дорога во многихъ мѣстахъ ими завалена, два штандарта, нѣсколько генераловъ и нѣсколько тысячъ плѣнныхъ» (изъ того же рапорта Чичагова). Потерю въ людяхъ французами за то же время Чичаговъ исчислялъ въ 30.000 человѣкъ, «не менѣе».

Самъ Наполеонъ быстро шелъ впереди своей арміи. Но мысли его были заняты не арміей, а другимъ. Онъ видѣлъ ясно неминуемую гибель

Въ окрестностяхъ Ошмянъ 23 ноября 1812 г. (Фаберъ-дю-Форъ).

арміи и, не желая рисковать, ради обреченныхъ насмерть этихъ жалкихъ остатковъ, собой и своимъ престоломъ, рѣшилъ бросить войска и ѣхать въ Парижъ, чтобы тамъ напомнить о себѣ, о своей власти и набрать новыя войска для новой кампаніи. Отнынѣ онъ уже не генералъ «умирающей арміи», а императоръ, спѣшащій въ свою столицу; 23 ноября въ Сморгони Наполеонъ, пригласивъ къ себѣ Мюрата, вице-короля, Бертье и всѣхъ маршаловъ, объявилъ имъ о своемъ рѣшеніи. «Оставляю васъ,— сказалъ онъ имъ,—чтобы привести триста тысячъ солдатъ. Необходимо стать въ такое положеніе, чтобы мы могли вести вторую кампанію, потому что первая война не кончилась одною кампаніей». Причину своихъ пораженій императоръ видѣлъ въ стихійныхъ бѣдствіяхъ и ошибкахъ своихъ полководцевъ. Въ томъ же смыслѣ былъ составленъ и послѣдній 29 бюллетень, отосланный 21 ноября въ Парижъ, только въ болѣе приподнятомъ тонѣ и со смягченіемъ красокъ. Командованіе арміей перешло къ

Мюрату, который въ ожиданіи возвращенія императора съ новыми войсками долженъ былъ, въ свою очередь, собирать войска въ Вильнѣ, а Шварценбергу было предписано прикрывать въ случаѣ отступленія Мюрата за Нѣманъ Варшаву и Гродно. Дипломатическій корпусъ и казна перемѣстились въ польскую столицу.

Изъ Сморгони Наполеонъ ѣхалъ въ каретѣ на полозьяхъ въ сопровожденіи Коленкура и небольшого конвоя. Быстро миновалъ онъ Ошмяны, повидался съ военнымъ министромъ въ Мѣдникахъ и утромъ 24 ноября былъ уже въ Вильнѣ. Неотступное преслѣдованіе русскихъ не дало ему возможности остаться нѣкоторое время здѣсь. И онъ, не въѣзжая въ городъ, перемѣнилъ только лошадей и отбылъ въ Ковно. 26 прибылъ въ Варшаву, откуда, ободривъ поляковъ новой кампаніей, черезъ Дрезденъ и Майнцъ добрался, наконецъ, въ ночь съ 6 по 7 декабря до Парижа — «въ самомъ мрачномъ и печальномъ настроеніи».

Между тѣмъ оставленная своимъ вождемъ армія продолжала двигаться и гибнуть. Отъѣздъ императора произвелъ здѣсь взрывъ негодованія. Когда узнали, что онъ передалъ начальство надъ арміей Мюрату и уѣхалъ въ Парижъ, то поднялся общій крикъ негодованія. «Самые спокойные и умѣренные люди выходили изъ себя; если бы кто-нибудь нашелъ въ себѣ достаточно мужества, чтобы провозгласить низложеніе императора, то всѣ признали бы этотъ фактъ».

Ближайшимъ же послѣдствіемъ оставленія Наполеономъ своей арміи было еще большее разложеніе ея и быстрая гибель. Присутствіе императора при всей дезорганизаціи и деморализаціи войскъ все же поддерживало хотя бы тѣнь организаціи, спаивало ихъ въ «армію Наполеона». Одни испытывали страхъ передъ императоромъ, у другихъ осталось обаяніе личности его, въ другихъ теплилась надежда на геній великаго полководца и такимъ образомъ они тѣснились около него и шли за нимъ. Когда же Наполеонъ бросилъ армію, объединяющій центръ исчезъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезъ и послѣдній нравственный рессурсъ. Никто изъ маршаловъ не могъ замѣнить императора и не могущая теперь быть остановленной нравственнымъ авторитетомъ деморализація и дезорганизація достигли быстро такихъ чудовищныхъ размѣровъ, до которыхъ, кажется, не доходила ни одна армія.

«Съ тѣхъ поръ, — разсказываетъ Сегюръ, — не стало братства по оружію, не стало товарищества, всѣ связи были порваны! Невыносимыя страданія лишили всѣхъ разума. Голодъ, мучительный голодъ довелъ этихъ несчастныхъ до такого состоянія, что они знали только животный инстинктъ самосохраненія, единственное чувство самыхъ свирѣпыхъ животныхъ; этому инстинкту они все готовы были принести въ жертву. Казалось, что во всѣхъ проявилась яростная, дикая и варварская природа какого-то невѣдомаго существа. Подобно дикарямъ болѣе сильные грабили болѣе слабыхъ; они сбѣгались толпою къ умирающему и часто не ждали даже его послѣдняго вздоха. Когда падала лошадь, то казалось, что около нея собралась голодная стая волковъ; они окружали ее, разрывали ее на части и дрались изъ-за нея, какъ хищные звѣри».

Ѣли другъ друга. Сегюръ былъ свидѣтелемъ сцены людоѣдства у костра. Онъ видѣлъ, какъ солдаты «подтащили къ себѣ обезображенные,

обугленные пламенемъ трупы (своихъ погибшихъ въ огнѣ товарищей) и... осмѣлились поднести къ своему рту эту отвратительную пищу».

Сараи и лачуги брались съ боя закоченѣвшими людьми, и изъ-за ночлега въ нихъ разыгрывались ужасныя по своей дикости сцены. «Тамъ, какъ звѣри, они лѣзли одинъ на другого, стараясь пробиться къ огню: живые, не имѣя возможности удалить мертвыхъ отъ очага, садились на нихъ и погибали въ свою очередь, чтобы послужить смертнымъ одромъ для новыхъ жертвъ! Скоро появлялись новыя толпы отставшихъ, и, не имѣя возможности проникнуть въ это убѣжище скорби, они начинали его осаждать».

Суровѣй стала съ отъѣздомъ Наполеона и погода. Усилились морозы. «Самъ воздухъ, казалось, замерзалъ: птицы падали на лету замерзшими.

Наполеонъ покидаетъ армію (Розенъ).

Атмосфера была неподвижной и нѣмой; казалось, все, что двигалось и жило въ природѣ, даже вѣтеръ, было подавлено и скомкано, какъ льдомъ, среди этой міровой смерти. Не слышалось больше словъ, не слышалось ропота, всюду царило угрюмое молчаніе».

«Всѣ двигались въ этомъ царствѣ смерти подобно жалкимъ призракамъ. Глухой и монотонный гулъ нашихъ шаговъ, трескъ снѣга и слабые стоны умирающихъ,—одни прерывали это глубокое, гробовое безмолвіе».

Люди шли и тутъ же на ходу умирали, смерть ихъ была ужасна. «Отъ сильнаго мороза,—по словамъ Сегюра,—кровь замерзала, какъ вода, дѣятельность сердца слабѣла, люди начинали шататься, какъ пьяные, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы удержаться на ногахъ».

«Изъ ихъ глазъ, красныхъ и воспаленныхъ, благодаря отсутствію солнечнаго свѣта и вліянію бивачнаго дыма, вытекали настоящія кро-

вавыя слезы; глубокіе вздохи вырывались изъ ихъ груди; они смотрѣли на небо, на насъ и на землю взоромъ ужаснымъ, неподвижнымъ и свирѣпымъ; это было ихъ послѣднимъ прощаніемъ съ этой варварской природой, которая ихъ подвергала такимъ пыткамъ и, быть-можетъ, — ихъ упрекомъ! Скоро они начинали ползти на колѣнахъ, потомъ становились на четвереньки; ихъ голова покачивалась еще нѣсколько минутъ направо и налѣво, и изъ ихъ раскрытаго рта вырывались еще какіе-то предсмертные звуки; потомъ, въ свою очередь, они падали на снѣгъ, который тотчасъ же окрашивался ихъ жидкой кровью, и ихъ страданія кончались».

До такого состоянія дошла армія Наполеона въ послѣдніе дни своего существованія.

Конецъ похода, прекращеніе преслѣдованія и отдыхъ составлялъ ихъ самое главное желаніе. Ноги отказывались двигаться, бѣгство дѣлалось невозможнымъ, переставало быть спасеніемъ, и, когда показалась Вильна, у всѣхъ изъ груди вырвался вздохъ облегченія. Французы думали, что здѣсь русскіе остановятъ свое преслѣдованіе и мученія ихъ прекратятся. Въ Вильнѣ много запасовъ — они отдохнутъ и подкрѣпятся передъ тѣмъ, какъ вернуться домой.

Дѣйствительность, однако, жестоко разбила мечты этихъ несчастныхъ, обезсилѣвшихъ людей. Конецъ преслѣдованія и ихъ испытаній былъ дальше, чѣмъ они предполагали, и въ Вильнѣ имъ не удалось ни подкрѣпиться, ни отдохнуть.

«Десять часовъ были мы въ пути,—разсказываетъ одинъ изъ участниковъ похода,—и ощущали невѣроятную усталость. Холодъ былъ невыносимъ. Я узналъ послѣ, что морозъ доходилъ до 20 градусовъ. Мы спѣшили войти въ городъ, но каково же было наше удивленіе, когда вооруженные люди останавливаютъ насъ у воротъ и объявляютъ намъ, что входъ разрѣшается только стройнымъ отрядамъ. Толпа останавливалась и росла съ минуты на минуту. Тотъ, кто попадалъ въ нее, не въ состояніи былъ уже выбраться. Солнце начинало садиться; становилось все холоднѣе и холоднѣе. То и дѣло прибывали новыя массы. Умирающіе и мертвецы мѣшались съ живыми. Мы рѣшились, наконецъ, пробраться въ городъ окольными путями».

Но и проникновеніе въ городъ не принесло ничего утѣшительнаго. Пріемъ, оказанный жителями Вильны воинамъ «великой арміи», далеко не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ. Здѣсь не знали объ участи наполеоновской арміи, и, когда увидали оборванцевъ съ отмороженными руками и ногами и изступленнымъ взоромъ, запрудившихъ улицы, то съ ужасомъ отвернулись отъ нихъ. Изъ опасенія грабежа и насилія виленцы спѣшно запирали магазины и укрывались въ домахъ. «Было грустно видѣть тогда, какъ эти несчастные солдаты бродили по улицамъ, одни полные ярости, другіе отчаянія, угрожая, умоляя, стараясь войти въ двери домовъ, или магазиновъ, или медленно направляясь въ больницы, и отовсюду ихъ гнали!»

При своихъ огромныхъ запасахъ, Вильна могла бы всѣхъ одѣть и накормить. Но вмѣсто этого пришедшіе сюда нашли себѣ здѣсь смерть отъ холода и голода. А тѣ, которыхъ еще пощадила смерть, должны были, собравъ послѣднія силы, продолжать бѣгство.

Непріятель былъ близко. Французы едва только вступили въ Вильну (26 ноября), какъ раздались пушечные выстрѣлы. Оставаться въ городѣ было немыслимо, сопротивляться тѣмъ болѣе. И Мюратъ отступилъ со штабомъ изъ Вильны въ ковенское предмѣстье. Нею же приказалъ все-таки держаться. Ней, дѣйствительно, продержался нѣсколько часовъ, но потомъ такъ быстро отступилъ, что не успѣлъ уничтожить припасовъ и бросилъ на произволъ судьбы всѣхъ больныхъ и раненыхъ. По подсчету, сдѣланному Кутузовымъ послѣ вступленія въ Вильну, здѣсь въ разныхъ магазинахъ оказалось ржи 14.000 четвертей, сухарей и муки 50.000 четвертей и «весьма значущіе запасы мундировъ, ружей, сумъ, сѣделъ, шинелей, киверовъ и прочихъ комиссаріатскихъ вещей» [1]). Плѣнниками же до-

Отъѣздъ Наполеона (Шельминскій).

стались по подсчету Кутузова же—7 генераловъ, 18 штабъ-офицеровъ, 224 оберъ-офицера, 9.517 нижнихъ чиновъ и 5.139 больныхъ въ госпиталяхъ. По подсчету другихъ, полонъ простирался до 20.000 однихъ больныхъ и раненыхъ.

Крики «казаки» моментально подняли на ноги всѣхъ, и слѣдомъ за быстро отступившими французами появился Платовъ со своимъ отрядомъ. Французы устремились на ковенскую дорогу, чтобы укрыться отъ преслѣдованія въ этомъ городѣ. Но въ 6 верстахъ отъ Вильны ихъ задержала Понарская гора, и здѣсь былъ уничтоженъ совершенно арьергардъ Нея—четвертый уже послѣ Вязьмы.

---

[1]) И еще многое было... продано, вѣроятно, не безъ вѣдома самого Маре, герц. Бассано. Такъ, изъ 600.000 барашковыхъ полушубковъ, хранящихся въ цейхгаузѣ Вильны, не осталось ни одного. Всѣ были проданы. Операціи по заготовленію убойныхъ быковъ производились лишь на бумагѣ („Рус. Арх.", 1872, 2.231). *Ред.*

Гора сама по себѣ была невелика, но она обледянѣла, а обойти ее въ первый моментъ обезумѣвшіе отъ страха французы не догадались. И, прежде чѣмъ гору, наконецъ, обошли, здѣсь образовалось страшное скопленіе и давка, напоминавшія очевидцамъ Березинскую переправу. Гора была вся «покрыта разбитыми и опрокинутыми повозками и пушками, упавшими лошадьми и людьми, умиравшими одни на другихъ». Пятнадцать часовъ бились около этой горы, чтобы перейти ее, и, только убѣдившись на опытѣ въ тщетности усилій, рѣшили обойти ее. Но итти со всѣмъ обозомъ, со всѣмъ имуществомъ, когда непріятель шелъ по пятамъ, было немыслимо. Ради спасенія пришлось пожертвовать всѣмъ, что еще уцѣлѣло изъ вывезеннаго изъ Москвы.

И здѣсь была брошена послѣдняя артиллерія, почти всѣ обозы, императорскіе экипажи, армейская казна, знамена и всѣ драгоцѣнности, захваченныя въ Москвѣ.

Бросили съ тѣмъ, чтобы поскорѣй уйти отъ непріятеля. Но вмѣсто этого произошла задержка, и непріятель настигъ французовъ у Понарской горы. Видъ брошенныхъ на произволъ судьбы драгоцѣнностей пробудилъ въ самихъ же французахъ-солдатахъ и безоружныхъ корыстныя чувства, они бросились на вещи, и, передъ лицомъ смерти, начался грабежъ. «Раскрывшійся денежный ящикъ послужилъ сигналомъ; всѣ бросились къ повозкамъ; ихъ разбили, вытащили оттуда самые дорогіе предметы. Солдаты арьергарда, проходившіе около этой сутолоки, бросили свое оружіе, чтобы завладѣть добычей; они дрались изъ-за нея съ такимъ ожесточеніемъ, что не слыхали свиста пуль и криковъ казаковъ, которые ихъ преслѣдовали».

Преслѣдователи при этомъ присоединились къ преслѣдуемымъ и приняли участіе въ грабежѣ. «Видѣли русскихъ и французовъ, забывшихъ о войнѣ и грабившихъ вмѣстѣ одинъ и тотъ же ящикъ. Пропало на 10.000.000 золота и серебра!»

Платовъ, чтобы отрѣзать французамъ отступленіе, занялъ ковенскую дорогу и открылъ убійственный артиллерійскій огонь. Совершенно этимъ онъ не преградилъ пути отступавшимъ,—французы все-таки добрались до Ковно. Но казаки, согласно донесенію Кутузова, захватили 1 генерала, до 30 офицеровъ и болѣе тысячи нижнихъ чиновъ, 28 пушекъ и очень много обозовъ. Командиръ же арьергарда Ней явился въ Ковно только съ небольшой горстью солдатъ.

Малоотрадная картина ждала здѣсь Нея.

«Нѣсколько тысячъ солдатъ было на площади и на прилегавшихъ улицахъ, но они лежали замерзшими передъ винными магазинами, которые они разгромили; они нашли смерть тамъ, гдѣ они искали жизни! Это было единственное подкрѣпленіе, которое было ему оставлено Мюратомъ».

Самъ Мюратъ оставилъ Ковно 1 декабря и того же числа подошелъ сюда Платовъ.

Новая паника, бѣгство и скопленіе на нѣманскомъ мосту солдатъ было слѣдствіемъ вступленія казаковъ въ Ковно. Нею, которому Мюратъ опять поручилъ, какъ и въ Вильнѣ, держаться, предстояла неразрѣшимая задача—отстоять городъ въ виду превосходнаго непріятеля съ обезсилѣвшими и опьянѣвшими солдатами. Онъ, однако, не остановился пе-

Отрядъ партизановъ. (Столѣтіе Военнаго Министерства).

редъ этой задачей и обнаружилъ необыкновенное мужество и твердость.

Поставивъ на Алексотенскихъ высотахъ орудія, онъ съ остаткомъ арьергарда сталъ отстаивать свою позицію. Солдаты плохо слушали своего командира, не проникались его героизмомъ и одушевленіемъ. Часть солдатъ даже бросилась бѣжать при первыхъ пушечныхъ выстрѣлахъ непріятеля.

Тогда Ней, выхвативъ ружье у одного изъ бѣжавшихъ солдатъ, повелъ самъ ихъ въ наступленіе, и казаки даже отступили.

Но Платовъ послалъ два отряда казаковъ въ обходъ французской позиціи. И когда Ней, оставивъ Алексотенъ, сталъ по льду переходить Нѣманъ на другую сторону, то солдаты передовой колонны, уже взобравшіеся на подъемъ, вдругъ повернули и съ крикомъ бросились бѣжать назадъ. Они наткнулись тамъ на казаковъ. Такимъ образомъ путь отступленія оказался неожиданно отрѣзаннымъ, и паническій страхъ охватилъ солдатъ, считавшихъ себя уже въ безопасности.

Только самъ Ней не потерялся, сохранилъ твердость и бился, пока была возможность, до ночи. Съ наступленіемъ же ночи онъ, пользуясь темнотой, съ оставшимися солдатами пробрался вдоль берега Нѣмана и укрылся въ лѣсу. Бѣгство для нихъ было единственнымъ спасеніемъ. И они бѣжали «такъ поспѣшно въ теченіе цѣлаго дня и ночи, что многіе солдаты, выбившись изъ силъ, падали въ пути».

Въ Вильковишки, гдѣ находился Мюратъ, Ней явился почти въ единственномъ числѣ.

3 декабря Ковно было въ рукахъ русскихъ, и Платовъ отслужилъ благодарственный молебенъ на городской площади.

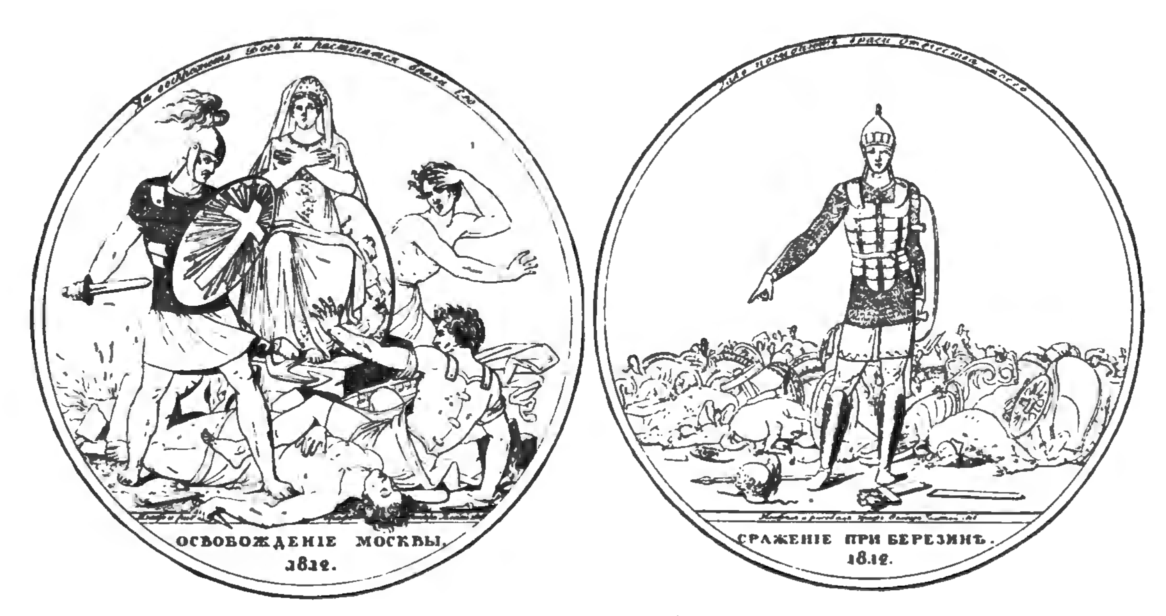
Теперь французы, бѣжавшіе изъ Ковно частью къ Тильзиту, частью къ Вильковишкамъ, были за предѣлами русскаго государства, и цѣль кампаніи—изгнаніе врага изъ Россіи, была достигнута.

Черезъ границу перешло изъ 600.000 человѣкъ «великой арміи» отъ 400 до 450 старой гвардіи, 600 гвардейской кавалеріи и 9 орудій артиллеріи, т.-е. ничтожная горсть.

Русская армія тоже понесла значительныя потери. Изъ ста тысячъ человѣкъ и 622 орудій главной арміи въ моментъ выступленія изъ Тарутина, черезъ два мѣсяца къ приходу въ Вильну, осталось 27.464 человѣка и 200 орудія (не считая войскъ непоказанныхъ въ вѣдомостяхъ), всего же около 42.000. Изъ дунайской арміи, прибывшей къ Березинѣ въ числѣ 32.000, къ Вильнѣ подошло 17.454 чел. съ 156 орудіями. Изъ корпуса Витгенштейна къ тому же времени вмѣсто 40—42 тысячъ было 34.483 чел. и 177 орудій.

30 ноября прибылъ въ Вильну главнокомандующій. Чичаговъ встрѣтилъ его рапортомъ и поднесъ городскіе ключи. А 11 декабря сюда же пріѣхалъ Александръ I и въ тотъ же день наградилъ Кутузова Георгіемъ 1-й степени. 12 декабря побѣда надъ французами была отпразднована обѣдомъ, за которымъ палили изъ французскихъ пушекъ, и баломъ, на которомъ Кутузовъ повергъ къ ногамъ императора два отбитыхъ Платовымъ французскихъ знамени.

В. Алексѣевъ.

Медальоны гр. Ѳ. П. Толстого.

Рисунки, помѣщенные на отдѣльныхъ листахъ.

ОПЕЧАТКА.

Рисунокъ „Г.-л. Дороховъ“ ошибочно помѣщенъ къ стр. 233
надо „ „ 238.

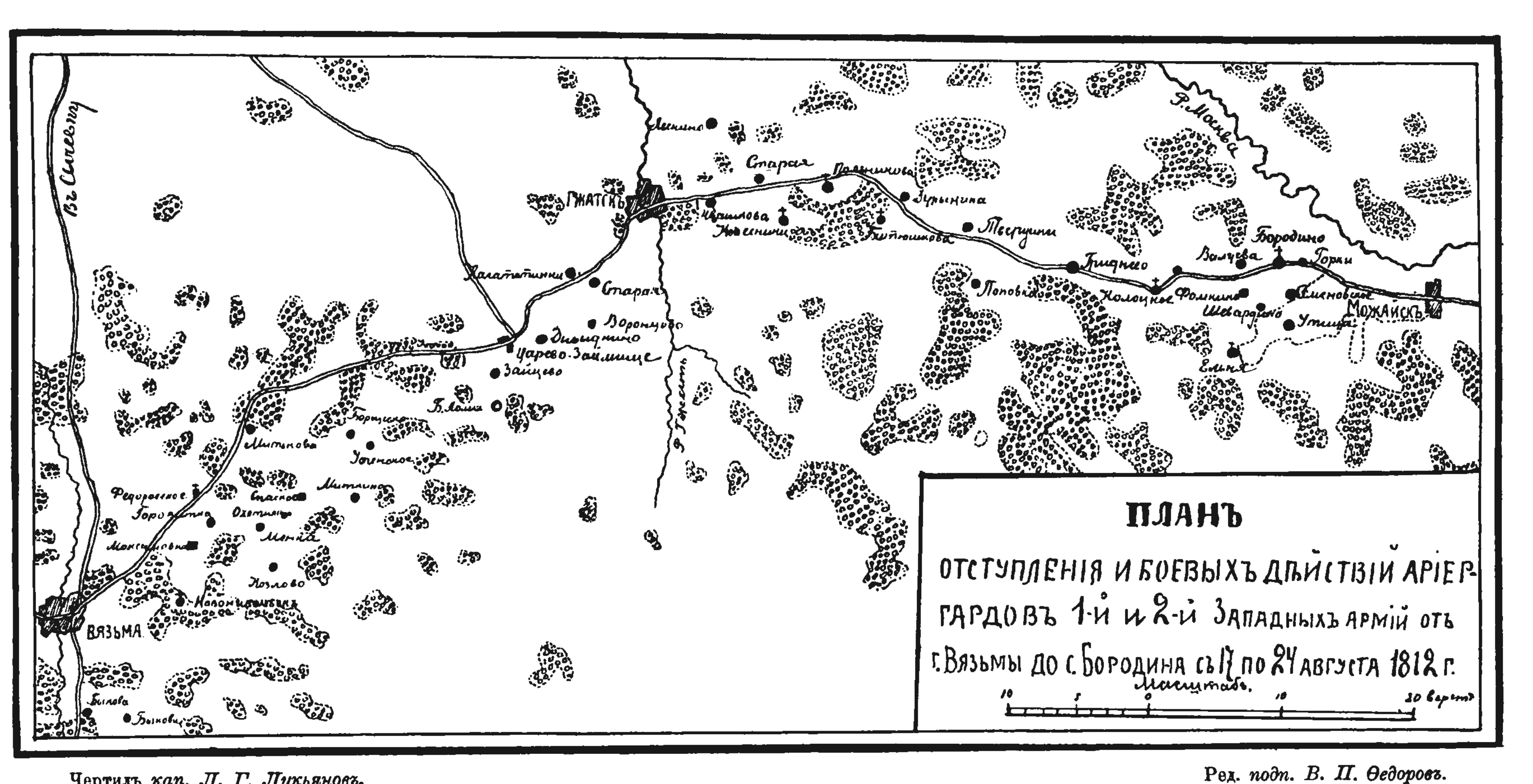
Кутузовъ.

(Борель).

Взятіе Шевардинскаго редута.

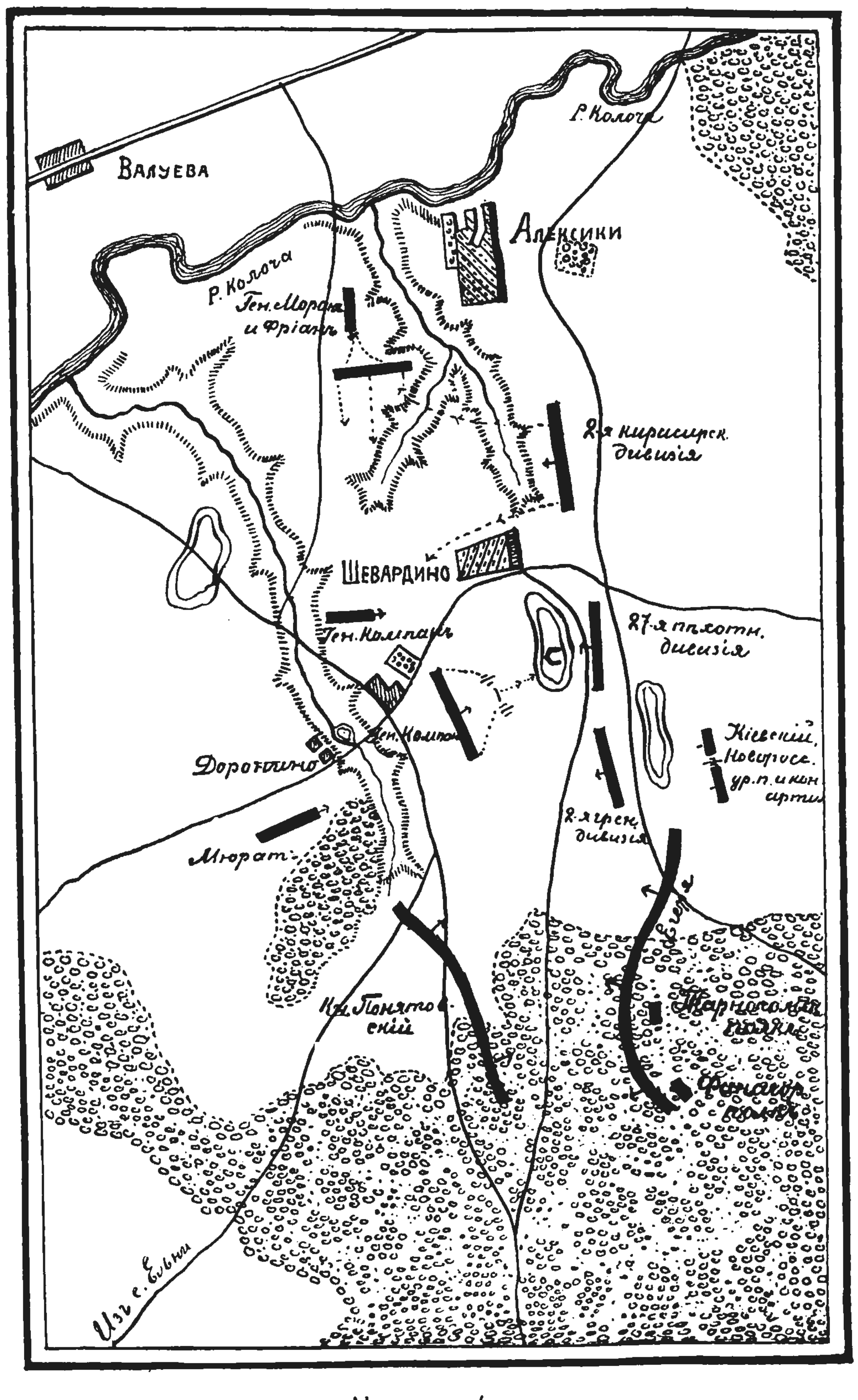
(*Адама*).

Чертилъ кап. Л. Г. Лукьяновъ.

Ред. подп. В. П. Федоровъ.

Сраженіе 24 авг. 1812 г. при дер. Доронинѣ и дер. Шевардинѣ.

Масштабъ

250 0 250 500 саж.

Чертилъ кап. Л. Г. Лукьяновъ. Ред. подп. В. П. Өедоровъ.

Князь П. И. Багратіонъ.

(Типъ *Тончи.*)

ПЛАНЪ

РАСПОЛОЖЕНІЯ РУССКИХЪ И ФРАНЦУЗСКИХЪ ВОЙСКЪ ПРИ С. БОРОДИНѢ

Условные знаки

Чертилъ кап. Л. Г. Лукьяновъ. Рис. подп. В. П. Федоровъ.

Конецъ Бородинскаго боя.

(Верещагина).

Военный совѣтъ въ Филяхъ.

(*Кившенко*).

Окрестности Москвы.

(Лит. *Энгельмана* нач. XIX в.).

Зимнiе бѣга близъ Каменнаго моста.

(Лит. *Энгельмана* нач. XIX в.).

Ѳ. В. Растопчинъ.

(Кипренскаго, 1809).

Бѣгство жителей изъ Москвы.

(Картина *Клав. Лебедева*, написанная спецiально для изданiя).

Бородинская битва.

(Совр. гравюра).

Смерть Верещагина.

(Картина *акад. Лебедева*, написанная спеціально для изданія).

Генеральный Планъ Сожженнаго Города Москвы

(Ориг. въ Истор. Музеѣ).

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-отъ-инф. А. Я. Рудзевичъ.

Г.-отъ-инф. И. В. Сабанѣевъ.

Г.-отъ-инф. Е. Я. Савоини.

Г.-л. И. Т. Сазоновъ.

Г.-м. Ф. В. Сазоновъ.

Г.-л. Ѳ. И. Сандерсъ.

Г.-л. Н. М. Свѣчинъ.

Г.-л. Н. И. Селявинъ.

Г.-л. Н. М. Сипягинъ.

Г.-м. А. А. Скалонъ.

Г.-м. М. Ф. Ставицкій.

Г.-м. С. Х. Ставраковъ.

Г.-л. Н. С. Сулима.

Г.-л. гр. П. П. Сухтеленъ 2-й.

Г. - отъ - кав. князь В. С. Трубецкой.

Г.-л. П. П. Турчаниновъ 1-й.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-отъ-кав. Ѳ. П. Уваровъ. Г.-м. И. Ф. Удомъ 1-й. Г.-л. Е. Е. Удомъ 2-й. Г.-л. А. С. Уманецъ.

Г.-отъ-инф. П. Н. Ушаковъ. Г.-м. П. А. Филисовъ. Г.-л. А. Б. Фокъ. Г.-л. князь С. А. Хилковъ.

Г.-отъ-инф. кн. Н. И. Хованскій. Г.-отъ-инф. М. Е. Храповицкій. Г.-л. А. И. Цвиленевъ. Г.-л. П. Н. Чоглоковъ.

Г.-м. Г. К. Шеле. Г.-м. П. П. Шрейдеръ. Г.-м. Д. М. Юзефовичъ. Г.-отъ-инф. Ѳ. Ѳ. Эртель.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-отъ-кав. А. П. Никитинъ.

Г.-л. З. Д. Олсуфьевъ 1-й.

Г.-м. Н. Д. Олсуфьевъ 2-й.

Г.-м. К. Ф. Ольдекопъ.

Г.-л. А. Е. Пейкеръ.

Г.-м. И. Л. Полль.

Г.-отъ-инф. Б. В. Полуэктовъ.

Г.-л. М. И. Понсетъ.

Г.-л. Я. А. Потемкинъ.

Г.-м. А. А. Протасовъ.

Г.-м. Р. Е. Репинъ.

Г.-л. баронъ Ѳ. Ѳ. Розенъ.

Г.-м. И. П. де-Росси.

Г.-м. В. Д. Рыковъ.

Г.-л. М. Н. Рылѣевъ 1-й.

Г.-м. А. Н. Рылѣевъ.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-м. Д. Л. Игнатьевъ.

Г.-л. В. Д. Иловайскій 12-й.

Г.-отъ-инф. И. Н. Инзовъ.

Г.-л. П. И. Каблуковъ 1-й.

Г.-л. К. Ѳ. Казачковскій.

Г.-л. Е. Ѳ. Кернъ.

Г.-м. бар. К. Ф. Клодтъ фонъ-Юргенсбургъ.

Г.-л. П. Я. Корниловъ.

Г.-л. Ѳ. К. Корфъ.

Г.-л. В. Г. Костенецкій.

Г.-л. А. Я. Княжнинъ.

Г.-отъ-инф. Б. Я. Княжнинъ.

Г.-л. И. В. Кретовъ.

Г.-л. М. К. Крыжановскій.

Г.-м. А. П. Кутузовъ.

Г.-отъ-кав. гр. К. О. де-Ламбертъ.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-м. Н. В. Дехтеревъ.

Г.-л. Ф. Ф. Довре.

Г.-м. гр. О. Ф. Долонъ.

Г.-отъ-кав. бар. И. М. Дука.

Г.-м. И. Н. Дурново.

Г.-л. И. З. Ершовъ.

Г.-м. А. А. Ефимовичъ.

Г.-м. В. В. Ешинъ.

Г. - отъ - инф. графъ А. А. Закревскій.

Г.-л. А. П. Зассъ 1-й.

Г.-л. А. П. Зассъ.

Г.-м. Т. И. Збіевскій.

Г.-м. Ф. В. Зварыкинъ.

Г.-л. С. Ф. Желтухинъ 1-й.

Г.-л. П. Ф. Желтухинъ 2-й.

Г.-л. А. С. Жемчужниковъ.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты въ Зимнемъ дворцѣ).

Г.-отъ-кав. Н. М. Бороздинъ.

Г.-л. баронъ К. В. Будбергъ.

Г.-м. А. П. Великопольскій.

Г.-л. Г. П. Веселитскій.

Г.-отъ инф. И. А. Вельминовъ.

Г.-л. Е. И. Властовъ.

Г.-м. А. В. Воейковъ.

Г.-м. М. М. Волковъ.

Г.-л. Н. В. Вуичъ.

Г.-л. Ф. Г. Гоголь.

Г.-л. А. Ю. Гаменъ.

Г.-м. С. Г. Гангебловъ.

Г.-м. В. И. Гарпе.

Г.-л. Б. Б. Гельфрейхъ.

Г.-отъ-кав. П. В. Голенищевъ-Кутузовъ.

Г.-отъ-кав. Д. В. Голицынъ.

ВОЖДИ РУССКОЙ АРМІИ.

(Портреты, рисованные Клюквинымъ по ориг. Дау. Изъ изданія „Военная галлерея Зимняго дворца", 1849 г.).

Г.-л. М. А. Арсеньевъ.

Г.-л. А. И. Альбрехтъ.

Галлерея портретовъ дѣятелей 1812 г. въ Зимнемъ дворцѣ.

Г.-л. И. И. Алексѣевъ.

Г.-л. П. И. Балабинъ.

Г.-м. И. А. Аргамаковъ.

Г.-л. М. Д. Бѣлкъ.

Г.-отъ-инф. А. Н. Бахметевъ.

Г.-отъ-инф. Г. М. Бергъ.

Г.-отъ-инф. К. И. Бистромъ.

Г.-л. А. И. Бистромъ.

Вступленіе французовъ въ Москву. (Нѣмец. луб. карт.)

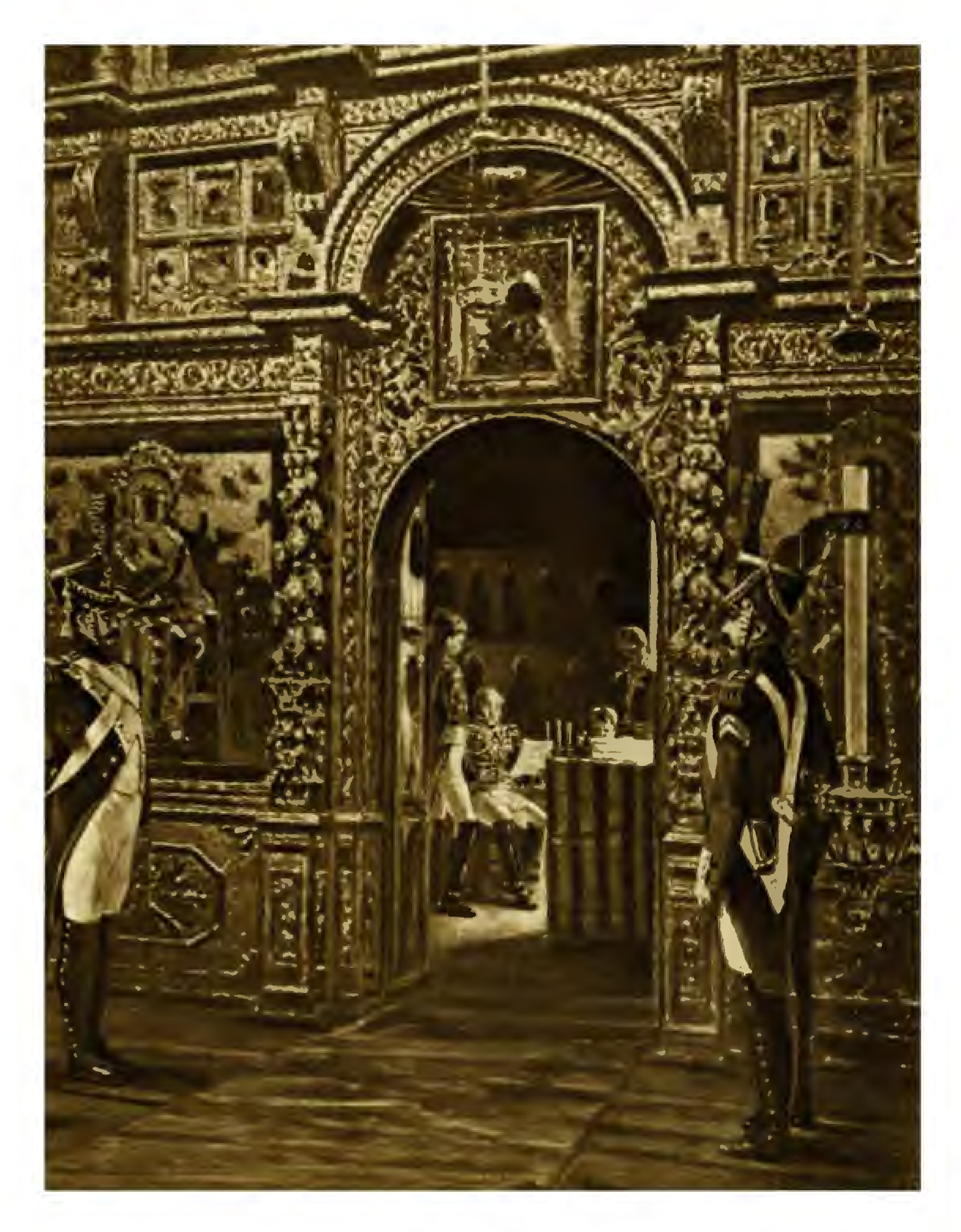
Наполеонъ въ Кремлѣ.

(*Шмелькова*).

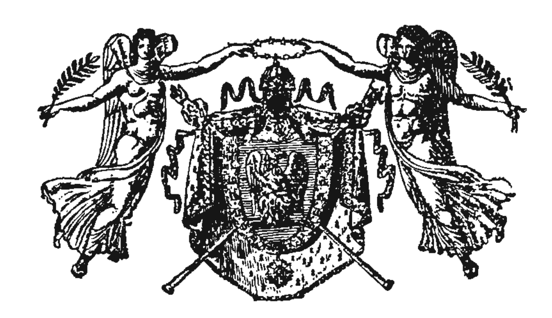
Пожаръ Москвы.

(Вендрамини).

Маршалъ Даву въ Чудовомъ монастырѣ.

(*Верещагина*).

PROCLAMATION.

HABITANS DE MOSCOU!

Vos malheurs sont grands, mais Sa Majesté l'Empereur et Roi veut en arrêter le cours.

Des exemples terribles vous ont appris comment il punit la désobéissance et le crime

Des mesures sévères sont prises pour empêcher le désordre, et ramener la sécurité publique.

Une administration paternelle, choisie parmi vous, formera votre Municipalité. Elle veillera sur vous, sur vos besoins, sur vos intérêts.

Ses membres sont distingués par un ruban rouge qu'ils porteront en forme de baudrier. Le maire, seulement, y ajoutera une ceinture blanche. Ils n'auront qu'un ruban rouge, au bras gauche, lorsqu'ils ne seront point en fonction.

La police de la ville est rétablie d'apres son ancienne organisation et déjà l'on doit à son activité un meilleur ordre de choses. Deux commissaires généraux et 20 Commissaires, placés dans chacun des anciens quartiers de la ville, sont choisis et installés par le Gouvernement: Vous les reconnoîtrez au ruban blanc qu'ils porteront au bras gauche.

Plusieurs églises de différens cultes, sont ouvertes et l'on y célèbre librement l'office divin.

Vos concitoyens rentrent, chaque jour, dans leurs foyers, et des ordres sont donnés pour qu'ils y trouvent la protection et l'appui dû au malheur.

Tels sont les moyens que le gouvernement a pris pour rétablir l'ordre et adoucir votre situation. Mais, pour y parvenir, il faut, dès ce moment, joindre vos efforts aux siens; oublier, s'il se peut, les maux que vous avez soufferts, livrer vos ames à l'espoir d'un sort moins rigoureux, songer qu'une mort certaine et ignominieuse attend celui qui porteroit atteinte à vos personnes et aux proprietés qui vous restent, et croire enfin qu'elles seront respectées, parce que telle est la volonté du plus grand et du plus juste des monarques.

Habitans, de quelque nation que vous soyez! Rétablissez la confiance publique, source du bonheur des Empires, vivez en frères avec nos Soldats, prêtez-vous mutuellement secours et protection; réunissez-vous pour déjouer les projets des malveillans, obéissez aux Autorités civiles et militaires, et bientôt vos larmes cesseront de couler.

Moscou, le 1er Octobre 1812.

L'Intendant de la ville et de la province de Moscou,

LESSEPS.

ПРОВОЗГЛАШЕНІЕ.

ЖИТЕЛИ МОСКВЫ!

Нещастія ваши жестоки, но Его Величество Императоръ и Король хочетъ прекратить теченіе оныхъ.

Страшные примѣры васъ научили и какимъ образомъ онъ наказываетъ непослушаніе и преступленія.

Строгіе мѣры взяты чтобъ прекратить безпорядокъ и возвратить общую безопасность.

Отеческая Администрація избранная изъ самихъ васъ. составлять будетъ вашъ Муниципалитетъ или Градское Правленіе. Оное будетъ пещись объ васѣ, объ вашихъ нуждахъ, объ вашей пользѣ.

Члены онаго отличаются красною лентою, которую будутъ носить чрезъ плечо, а градской голова будетъ имѣть сверьхъ онаго бѣлой поясь. Но исключая время должности ихъ они будутъ имѣть только красную ленту вокругъ лѣвой руки.

Городовая Полиція учреждена по прежнему положенію, а чрезъ ея дѣятельность уже лучшей существуетъ порядокъ. Правительство назначило двухъ генеральныхъ Коммиссаровъ или Полицеймейстеровъ и 20 коммиссаровъ или частныхъ Приставовъ, постановленныхъ во всѣхъ прежнихъ частяхъ города. Вы ихъ узнаете по бѣлой лентѣ, которую будутъ они носить вокругъ лѣвой руки.

Нѣкоторыя церкви разнаго исповѣданія открыты, и въ нихъ безпрепятственно отправляется Божественная служба.

Ваши сограждане возвращаются ежедневно въ свои жилища, и даны приказы, чтобъ они въ нихъ находили помощь и покровительство слѣдуемые нещастію.

Сіи суть средства, которые Правительство употребило, чтобъ возвратить порядокъ и облегчить ваше положеніе; но чтобъ достигнуть до того, нужно чтобъ вы съ нимъ соединили ваши старанія, чтобъ забыли естьли можно ваши нещастія, которыя претѣрпели, предались надеждѣ не столь жестокой судьбы, были увѣрены, что неизбѣжимая и постыдная смерть ожидаетъ тѣхъ, кои дерзнутся на ваши особы, и оставшееся ваши имущества, а напослѣдокъ и не сумнѣвались, что оные будутъ сохранены, ибо такая есть воля величайшаго и справедливѣйшаго изъ всѣхъ Монарховъ.

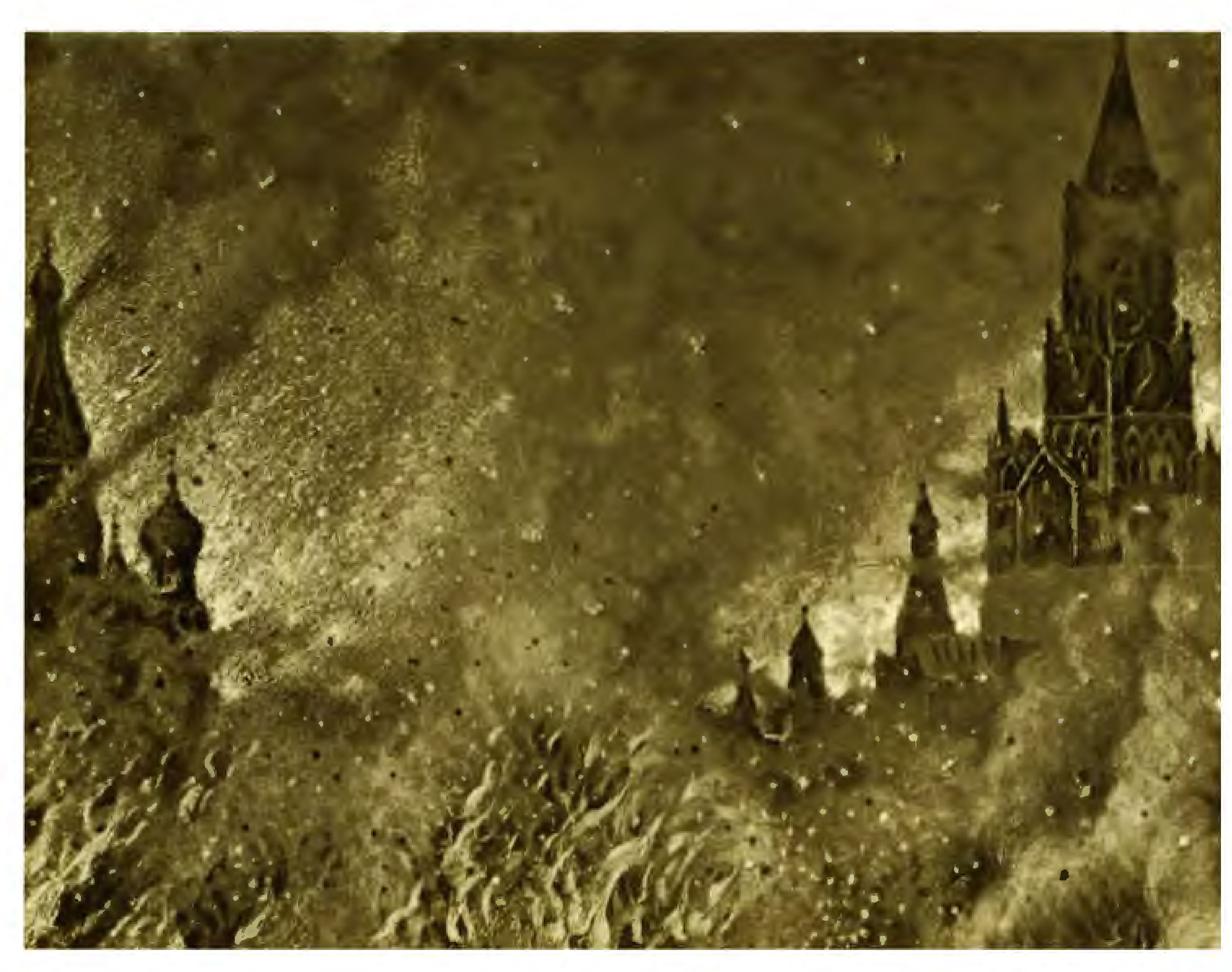
Жители! какой бы вы нація ни были, возстановите публичное довѣріе, источникъ щастія Государствъ, живите какъ братья съ нашими солдатами, дайте взаимно другъ другу помощь и покровительство, соединитесь, чтобъ опровергнуть намѣренія зломыслящихъ, повинуйтесь военскимъ и гражданскимъ начальствамъ, и скоро ваши слезы течь перестанутъ.

Москва 19 Сентября / 1 Октября 1812 года.

Интендантъ или управляющій городомъ и Провинціею Московскою.

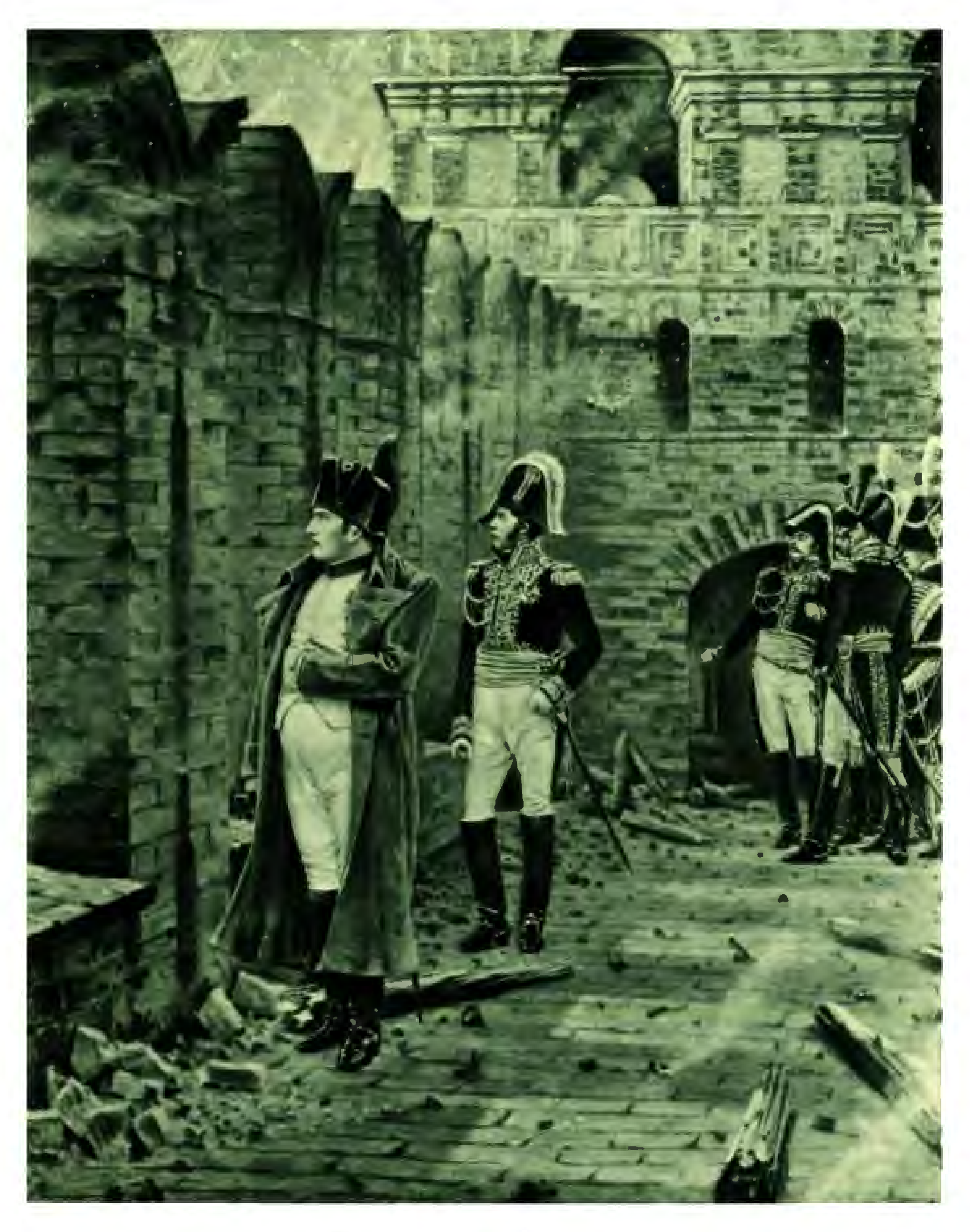
ЛЕССЕПСЪ

(Музей П. И. Щукина)

Зарево Замоскворѣчья.

(Верещагина).

Пожаръ въ Кремлѣ.

(Верещагина).

Возвращеніе изъ Петровскаго дворца.

(Верещагина).

Разстрѣлъ поджигателей.

(Верещагина).

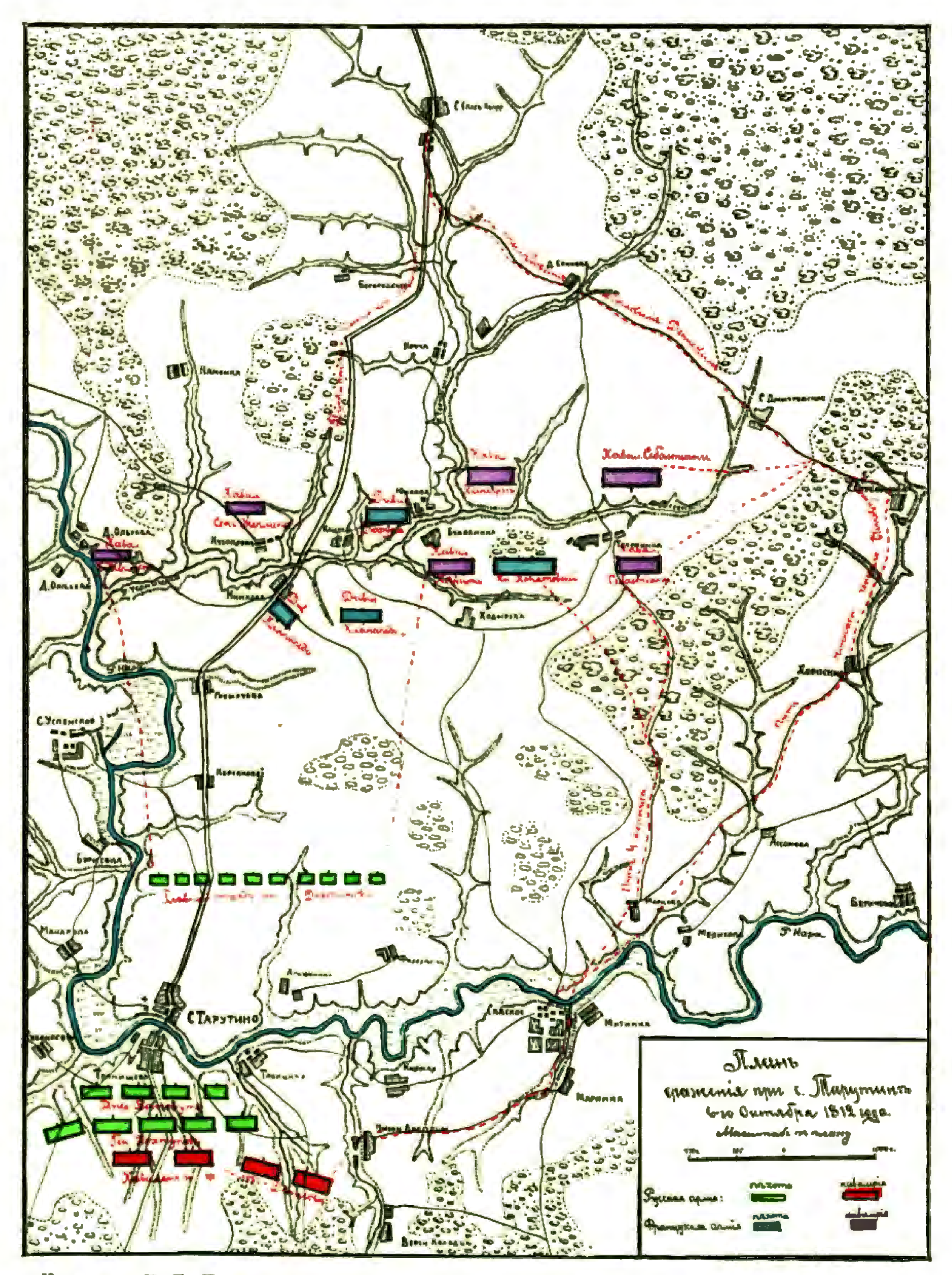
Наполеонъ и маршалъ Лористонъ. „Миръ во что бы то ни стало“.

(Верещагина).

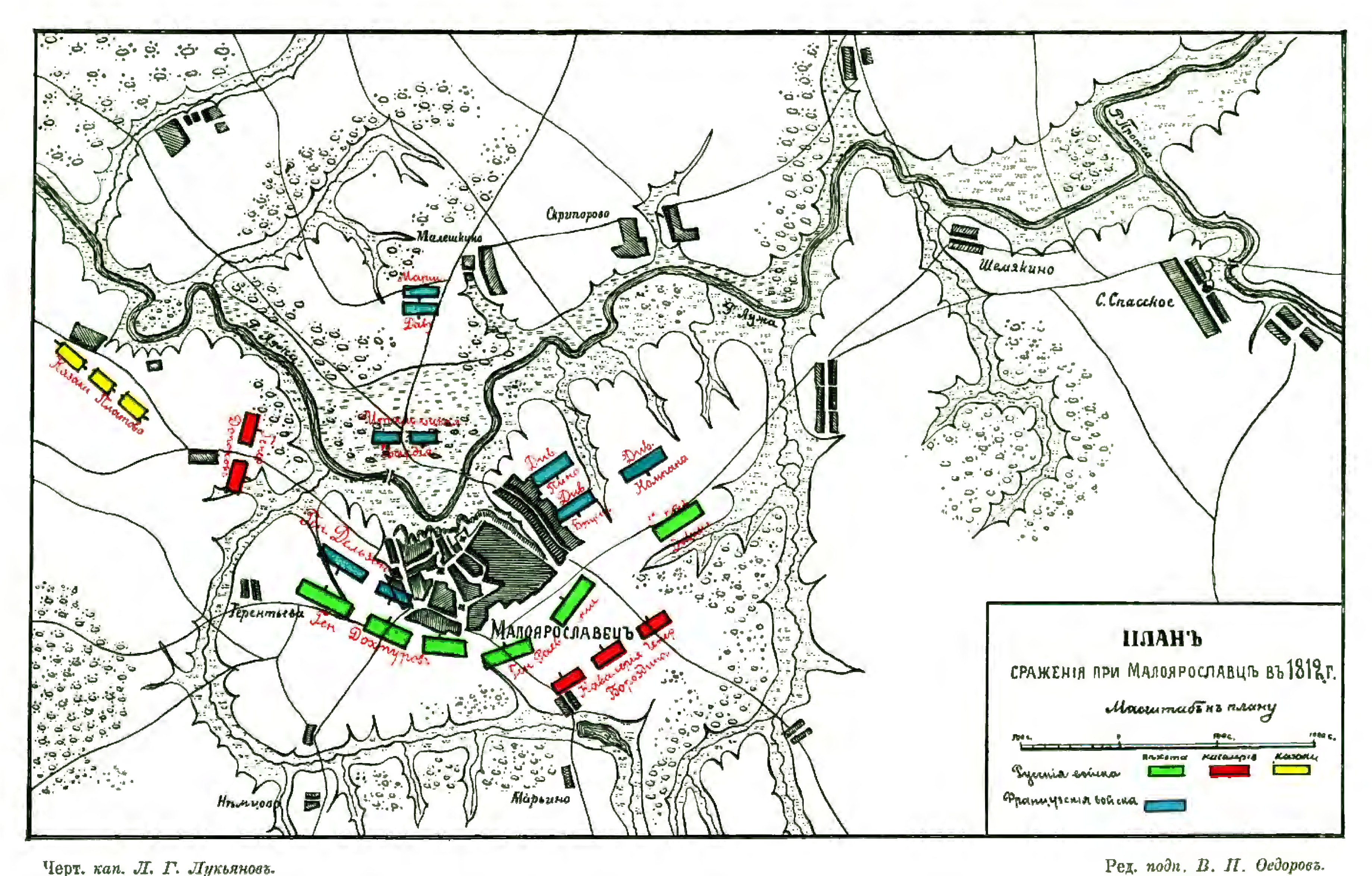
Тарутино. 6 октября 1812 г.

(Гессе).

Черт. кап. Л. Г. Лукьяновъ.

Ред. подп. В. П. Өедоровъ.

Черт. кап. Л. Г. Лукьяновъ.

Ред. подп. В. П. Федоровъ.

У Калужскихъ воротъ 19 октября 1812 г.

(Фаберъ дю-Форъ).

Сраженіе подъ Малоярославцемъ 12 октября 1812 г.

(Гессе).

Марш. Ней, князь московскій.

(Ланглуа).

Д. В. Давыдовъ.

(Порт. *Кипренскаго*).

А. Н. Сеславинъ.

(С.-Обенъ).

Партизанъ А. С. Фигнеръ.

(Тропинина).

А. С. Фигнеръ.

Г.-л. Н. С. Дороховъ.

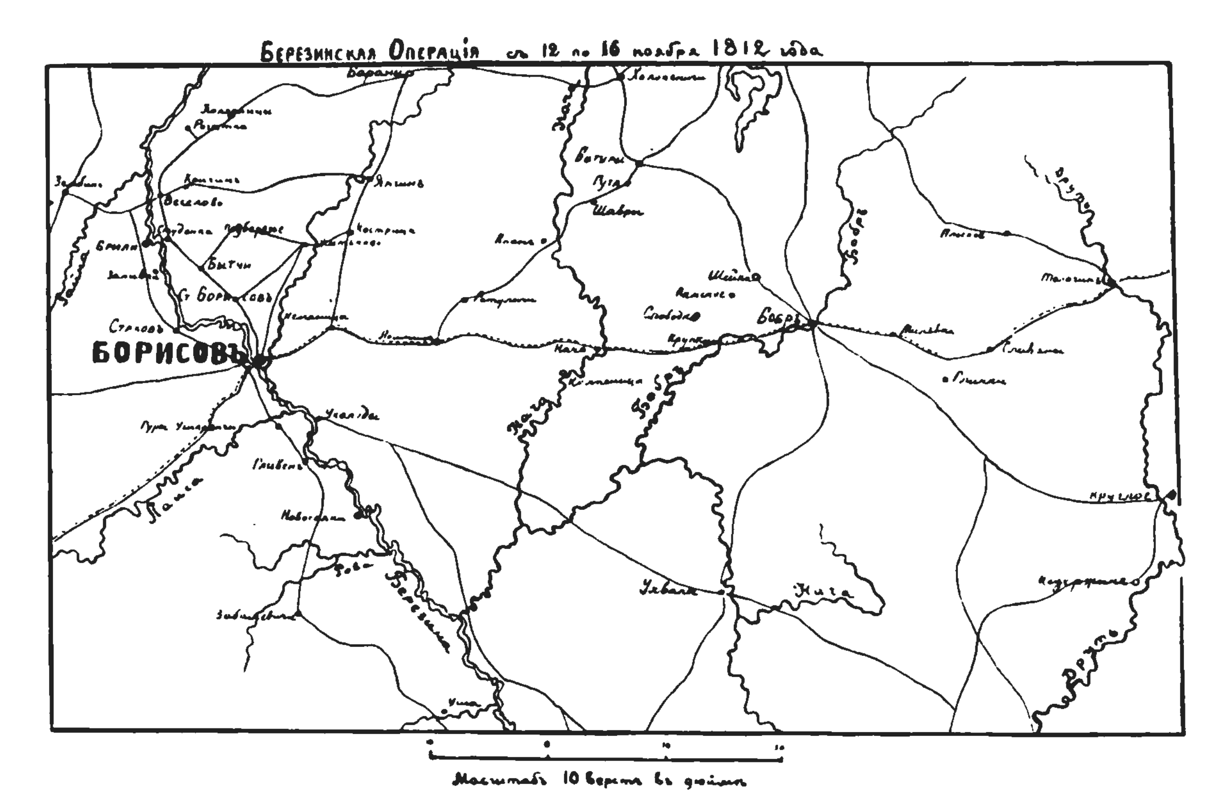
(Клюкєина, по ориг. *Дау)*.

РАIОНЪ ДѢЙСТВIЙ
между г. Краснымъ и рѣкой Березиной
въ 1812 г.

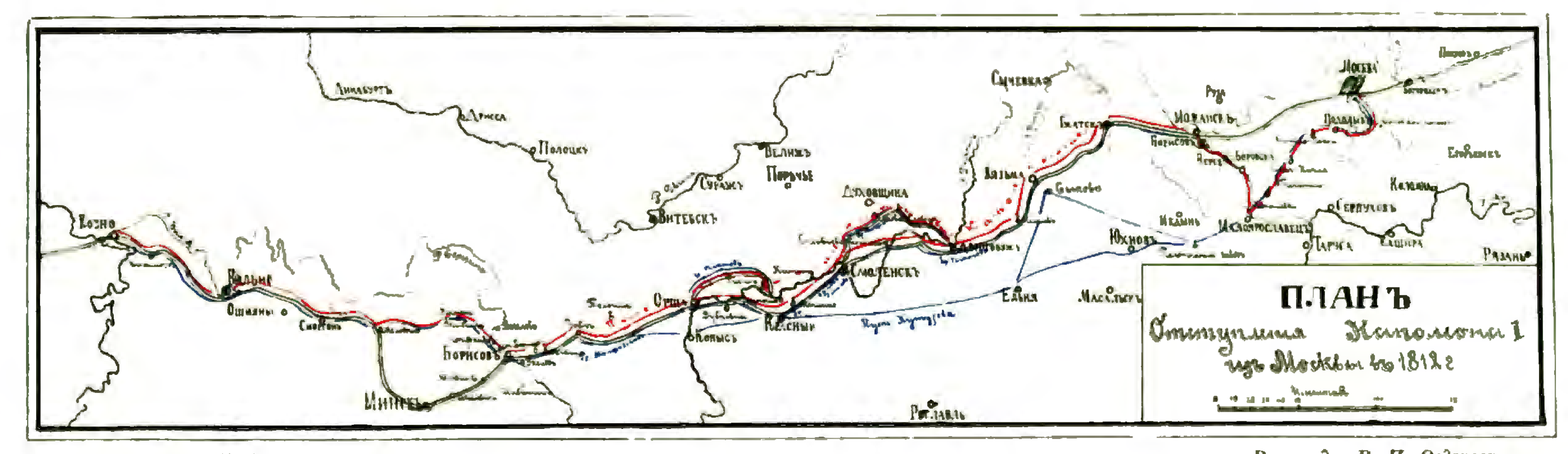
ВИТЕБСКЪ
СУРАЖЪ
р. Зап. Двина
ДОКШИЦЫ
ЛЕПЕЛЬ
СЕНЮ
БАБИНОВИЧИ
БОРИСОВЪ
ОРША
КРАСНЫЙ
ТОРКИ
ИГУМЕНЪ
МОГИЛЕВЪ
МСТИСЛАВЛЬ
Березина
Днѣпръ
Проня

Масштабъ 25 верстъ въ дюймѣ

Березинская Операція съ 12 по 16 ноября 1812 года

Карта къ статьѣ ген. Апухтина.

Чертилъ кап. Л. Г. Лукьяновъ.

Ред. подп. В. П. Федоровъ

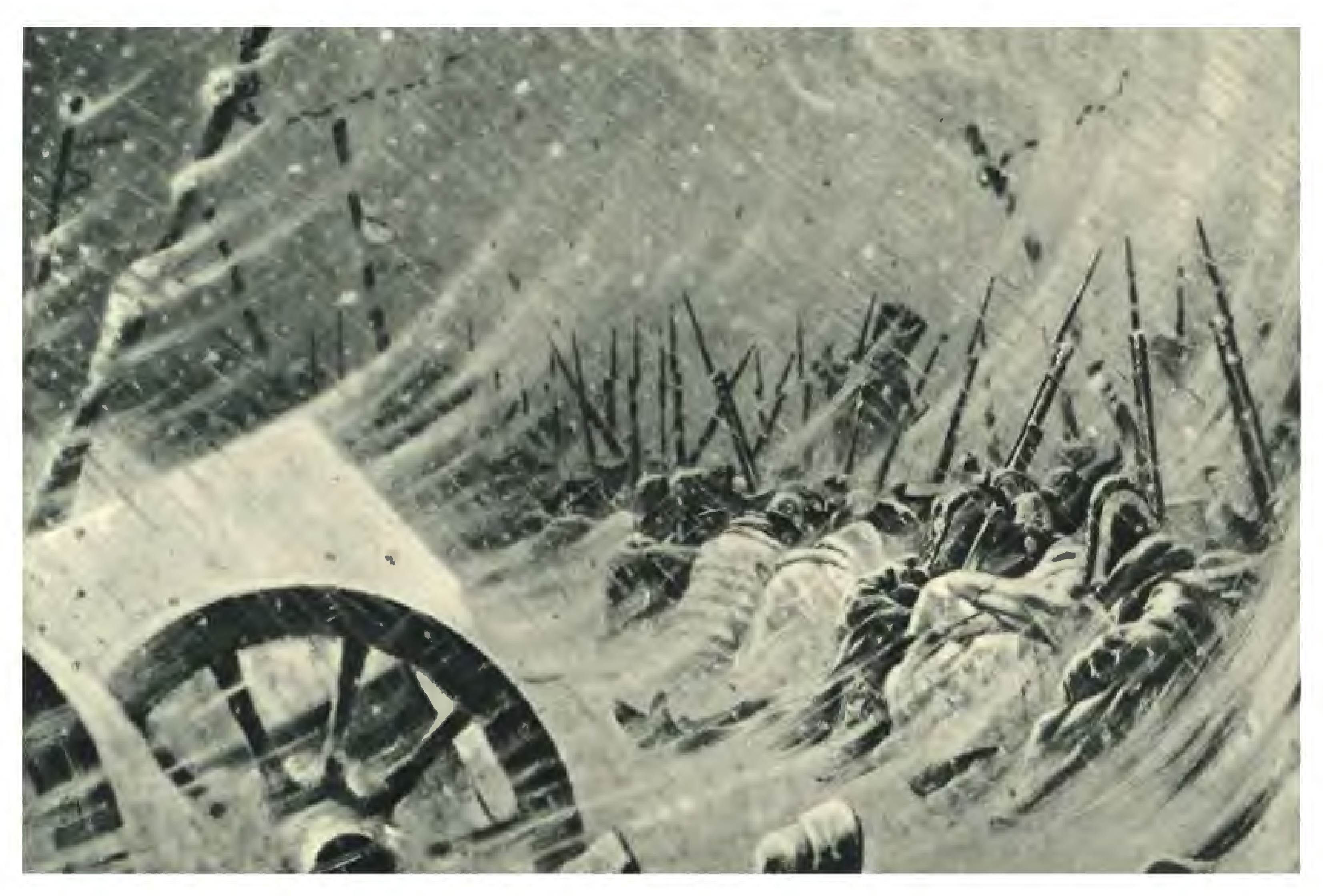
Въ 1812 г.

(Прянишникова).

Отступленіе великой арміи.

(Верещагина).

Ночной привалъ.

(Верещагина).

Отъѣздъ Наполеона изъ Россіи.

(Гайонъ).

